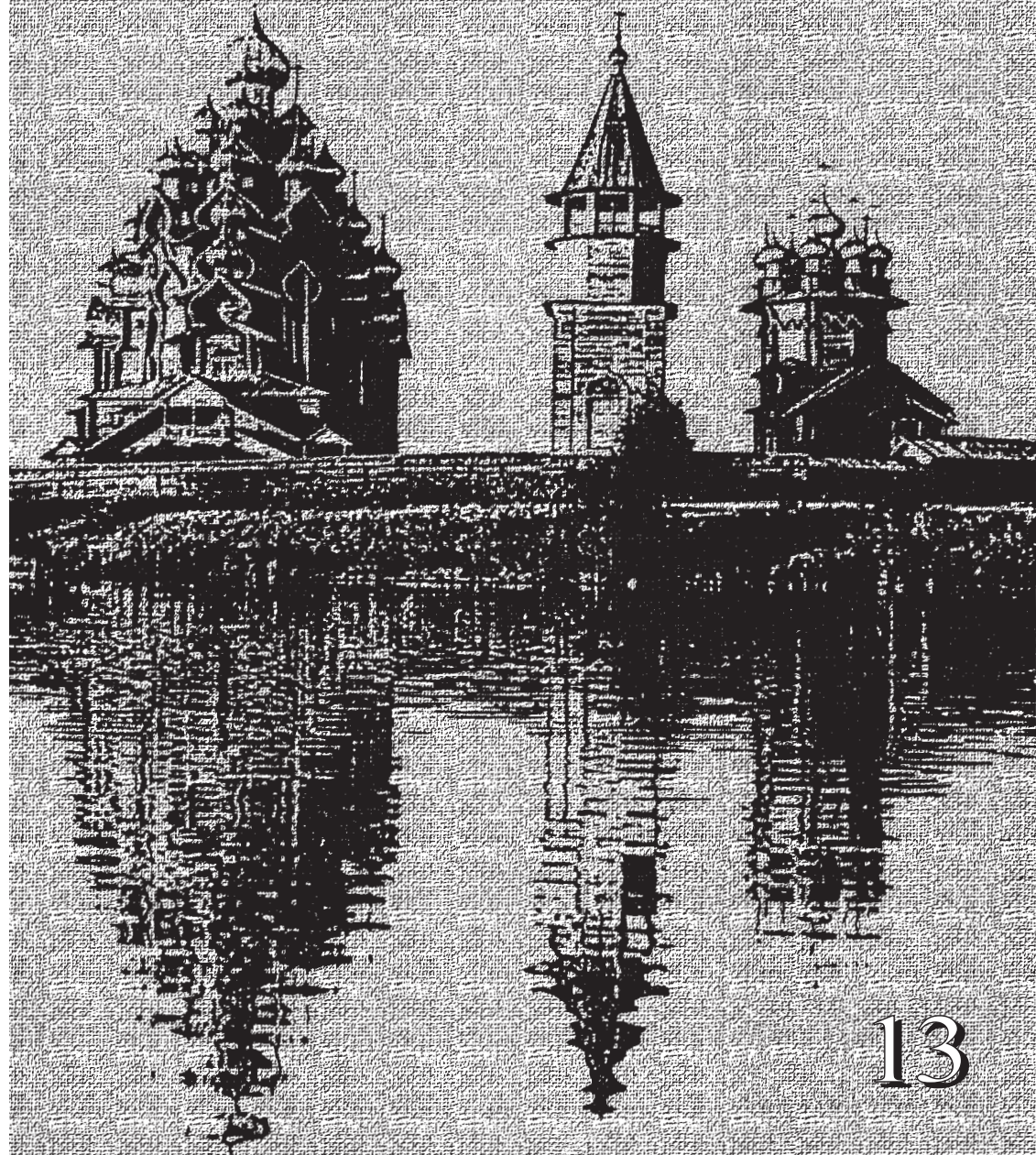

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК. Выпуск 13

13

Федеральное государственное учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижский“»

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

В ы п у с к 13

Петрозаводск
2011

УДК 502.8(470.22)
ББК 63.5(2)
К38

*Печатается по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Кижы»*

Научные редакторы:

кандидат исторических наук ***И. В. Мельников***,
кандидат филологических наук ***В. П. Кузнецова***

Рецензенты:

кандидат филологических наук ***С. В. Воробьева***
кандидат педагогических наук ***В. П. Ершов***

ISBN 978-5-9274-0481-0

© Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижы», 2011

А. Е. Мусин

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ И ОСВЯЩЕНИЯ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ КИЖСКОГО ПОГОСТА¹

В 1886–1887 гг. в России впервые была предпринята попытка создания «единого государственного реестра» памятников христианской старины. История с описанием древних храмов была затеяна Императорской Академией художеств². 17 февраля 1886 г. Т. В. Кибальчич, известный собиратель древностей и искатель приключений, обратился к президенту Академии Великому князю Владимиру Александровичу, указав на отсутствие в России цельной программы для учета и изучения русского церковного зодчества. С печалью писал он об «искажении и разрушении старины под видом усугубления благолепия храмов Божьих». Его предложение заключалось в проведении своеобразной переписи памятников как основы для будущего свода русского искусства. Для этой переписи он предложил свой образец опросного листа – «Метрики для получения верных сведений о древне-православных храмах Божьих, зданиях и художественных предметах».

Запросы в епархии за подписью августейшего президента были разосланы уже 14 октября 1886 г. В письме содержалась просьба содействовать Академии в получении сведений о храмах и священных предметах до начала XVIII в. и предоставить их в Петербург не позднее марта

¹ Благодаря главного архитектора музея-заповедника «Кижь» С. В. Куликова, обратившего мое внимание на этот сюжет и попросившего поделиться комментариями к нему.

² Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры РАН (далее – РО НА ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1. 1886 г. Д. 180; *Мусин А. Е.* Вопиющие камни. Русская Церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006. С. 63; *Медведева М. В., Мусин А. Е.* Императорская Археологическая Комиссия: реставрация и охрана памятников культуры // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред.-сост. А. Е. Мусин; отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2009. С. 980–982.

1887 г. Самое интересное в письме – критерий предполагаемого отбора. Описанию подлежали те предметы, которые епископ «соизволит признать заслуживающими внимания как по оригинальности, так и по художественному качеству и историческим воспоминаниям». Вплоть до начала января 1887 г. архиереи, которые не могли отказать члену императорского дома в его «прихоти», присылали в Академию запросы с указанием необходимого для епархии количества метрик в соответствии с количеством памятников, которые они считали заслуживающими внимания. Тверская епархия заказала 1000 метрик, Рязанская – 250, Москва – 1300, Курская епархия – 1070, Архангельская – 300, а «бедный» историческими памятниками смоленский архиерей запросил лишь 20 экз. Последней метрики запросила Олонецкая епархия – 40 штук. Всего было разослано 9832 экземпляра, а получено в два раза меньше – 4563.

11 марта 1889 г. император Александр III издал Высочайшее повеление об исключительном праве Императорской Археологической комиссии, основанной в 1859 г., на производство и разрешение с археологической целью раскопок в Российской империи на землях казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям и об обязательности произведения реставрации монументальных памятников древности по предварительному соглашению с Археологической комиссией и по сношению ее с Императорской Академией художеств.

16 марта 1890 г. Археологическая комиссия, в связи с состоявшимся поручением и в видах сосредоточения в одном месте сведений о древностях, обратилась к президенту Академии с просьбой передать в ее архив существующие метрики, а также сведения губернских комитетов о памятниках древнерусского искусства и местные издания по древностям и храмам. Так в архиве Комиссии оказались сведения по 52 епархиям. Среди отсутствующих епархий значились Бессарабская и Виленская. 21 июня 1891 г. дополнительные сведения были присланы в Комиссию из Калужской епархии³.

Метрики оказались востребованы исследователями, краеведами и местным духовенством. В частности, ими интересовались Московское археологическое общество, Киевское общество истории Нестора летописца, они использовались в связи с подготовкой Археологических съездов в Вильно (1893 г.), Харькове (1902 г.) и Чернигове (1908 г.). Метрики до сих пор используются научным сообществом.

После преобразования в 1919 г. Российской Государственной Археологической комиссии, как она стала называться после Февральской революции и октябрьского переворота 1917 г., в Российскую Академию исто-

³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1890 г. Д. 25.

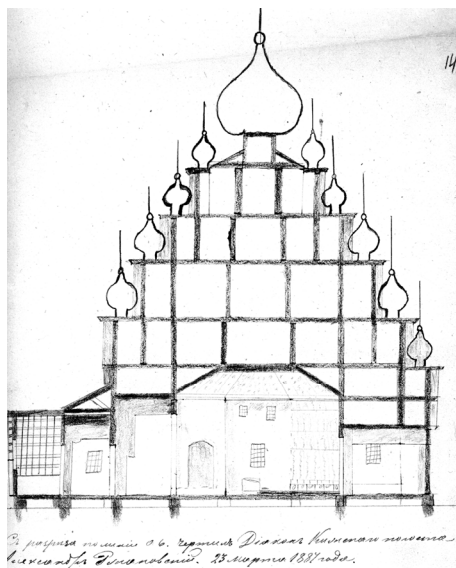

Рис. 2. Эскиз Преображенской церкви, сделанный диаконом Александром Ржановским

первому вопросу в метрике содержатся исчерпывающие сведения. На л. 1об. четко записано, что церковь «основана в 1714 г.» В подтверждение этого здесь сообщается, что в алтаре хранится восьмиконечный крест размером 1 аршин 26 вершков, на котором написано: «Обложися сей олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Боголепного Преображения Господня по плоти от Рождества Христова АЩД года июня 6 дня на память преподобного отца нашего Виссариона при державе Благоверного Государя нашего Царя Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержце и при Благоверном Государе нашем Царевиче Алексее Петровиче А614 и при Преосвященном митрополите Иове Великого Новгорода и Великих Лук»⁷ (рис. 3). Сведения о времени освящения церкви в метрике отсутствуют. Очевидно, они просто не сохранились в приходской памяти.

сана священником Михаилом Стефановичем Заводовским, 56-ти лет, служившим в этой церкви с 8 мая 1852 г., и священником Иоанном Павинским, 34-х лет, служившим в церкви с октября 1874 г., а также диаконами на вакансии псаломщиков Александром Ржановским и Михаилом Дуровским. Священники окончили Олонецкую духовную семинарию, диаконы – духовное училище⁵. Помимо интересных письменных сведений о внутреннем убранстве и богослужебном имуществе храма, в метрике сохранился эскизный разрез церкви, сделанный диаконом Александром Ржановским⁶ (рис. 2).

Однако нас прежде всего интересует вопрос о времени основания и завершения строительства церкви, ее освящения. По

⁵ РО НА ИИМК РАН. Р-III. Д. 4217. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 1об.

обратить внимание и на то, что вопреки устоявшемуся мнению закладная надпись начинается словами «Обложися сей олтарь», а не «Обложися облокися». Очевидно, что это прочтение возникло, когда надпись переписывалась из метрики в исследовательских целях. Возможно, «облокися» предлагалось переписчиком как альтернативное прочтение «обложися», поскольку это слово было написано действительно не очень разборчиво.

Совершенно очевидно, что термин «обложися» относится именно к закладке, основанию храма, как эти действия реконструируются исследователями на основе изучения исторических свидетельств, миниатюр и этнографических данных⁸. Отсутствующий в средневековой практике чертеж заменяло «окладывание» на земле первого венца, представлявшего будущий храм в натуральную величину. Этот момент изображался и на миниатюрах. Известно, что в рукописном житии прп. Александра Свирского, созданном в XVIII в., на рисунке представлен процесс такого оклада. В центре пятигранного алтаря, на месте будущего престола, изображен крест, который должен быть подобен тому, что некогда хранился в кижской церкви. Стоит предположить, что такие закладные кресты не устанавливались после завершения строительства на куполах храма, а хранились в алтаре.

Возможно, что термин «обложися» на Русском Севере перешел из деревянного зодчества в каменное. Так, Соловецкий летописец сообщает, что в 1552 г. «обложена строить каменная церковь» Успения Богородицы, в 1558 г. «обложена строить соборная церковь Преображение Господне с пределы, каменная», а в 1596 г. «обложена строить церковь» Благовещения над Святыми воротами. Собственно, фраза «обложися алтарь сей» и есть указание на начало строительства храма, которое начиналось с алтаря.

Необходимо затронуть еще один устоявшийся стереотип. У исследователей сложилось устойчивое мнение, что раз в надписи речь идет об алтаре, то обязательно в его современном значении, тогда как некогда этот термин мог прилагаться и к храму вообще. Представляется, что свою роль в неверной интерпретации надписи, как связанной именно с освящением храма, мог сыграть ее формуляр, заимствованный с антиминсов того времени, непосредственно связанных именно с алтарем. История антиминсов на Руси еще не написана⁹, однако стоит отметить, что окончательный фор-

⁸ Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура русского севера. Л., 1981. С. 43.

⁹ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863; Никольский К., прот. Об антиминсах Православной Русской Церкви. СПб., 1872; Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1997. Т. 1–2; Дрвлекхранилище Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры (1712–1910). Краткая опись. СПб., б/г.; Островский Д., свящ. Краткое описание церковных древностей Епархиального церковного дрвлекхранилища. Петрозаводск, 1913; Мусин А. Е. Антиминсы // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 72.

муляр надписи на антиминсе, весьма схожий с той, что был приведен выше, на несохранившемся кижском кресте, приобретает окончательный и стандартный вид достаточно поздно. Однако, как показывает история этого формуляра, под алтарем мог иметься в виду и храм как таковой.

Известно, что в настоящее время антиминс представляет собой четырехугольный плат шелковой материи, несущий на себе типографским способом отпечатанные изображения положения Христа во гроб и образы четырех Евангелистов, необходимый для совершения Божественной Литургии. С тыльной стороны антиминса в особом кармашке зашиты святые мощи, залитые воскомастиком. Антиминс освящается епархиальным архиереем определенным чином для соответствующего храма, о чем свидетельствует надпись, упоминающая храм, день освящения и титул архиерея. Антиминс находится на престоле храма в алтаре, сложенный определенным образом и завернутый в илитон – плат красной материи большего размера. Он разворачивается после чтения Евангелия за Литургией для поставления на нем потира и дискоса и последующего совершения Евхаристии после Великого Входа. Внутри сложенного антиминса находится губка, служащая для практических целей. В этом смысле антиминс не только является местом совершения Евхаристии, но и символом евхаристических полномочий, делегированных епископом клиру данного приходского храма.

Само слово «антиминс» происходит от сочетания двух других: греческого «anti» – «вместо» и латинского «mensa» – «стол» или греческого «minision» – стол с яствами, скатерть, где под яствами могла иметься в виду евхаристическая трапеза. Литургическое значение термина – «вместопрестолie». Протоиерей Константин Никольский относил появление антиминсов к IV в., однако первые упоминания о них относятся к началу IX в. и встречаются в трудах прп. Феодора Студита (до 814 г.) и свт. Никифора Исповедника († 815). По толкованию патриарха Феодора Вальсамона (XII в.), антиминсы полагались в церквях, престол которых не был освящен должным образом от епископа. Таким образом, на начальном этапе своего развития антиминс не являлся обязательной принадлежностью каждой церкви, о чем свидетельствовала практика греческого православия еще в XIV в. К IX в. восходит чин омовения антиминсов, а Хронограф Феодана под 775 г. и Константин Багрянородный в 1 главе (9, 10, 38) своей книги «De ceremoniis» говорят о переносных царских антиминсах, сравнимых с altare portatile или tabula itineraria латинской церкви. Таким образом, антиминс первоначально не представлял собой плат материи. Тактикон прп. Никона Черногорца (XI в.) впервые говорит о надписи на антиминсе, в которой должна быть упомянута церковь, для которой он освящен. В XV в. свт. Симеон Солунский впервые сообщает о вложении мощей в антиминс,

хотя практика положения мощей под престол при ее освящении существует с раннего времени (не позднее VI в.), о чем свидетельствуют данные археологии; по крайней мере с VIII в. об этом имеются и письменные свидетельства (7 Вселенский собор, 787 г., 7 правило).

Впервые на Руси антиминсы упоминаются в правилах митрополита Георгия (XI в.), где говорится, что для служения в не освященной должным образом церкви необходим антиминс. По мнению Е. Е. Голубинского, на Руси антиминсы были не столько овеществленным правом служения литургии, сколько свидетельством об освящении престола, в который уже вложены мощи. Митрополит Киприан в своем послании к псковскому духовенству (после 1395 г.) указывает на недопустимость им же введенного обыкновения разделения антиминса на четыре части для раздачи по церквям.

На Руси существовало два типа антиминсов – с надписями и без таких. Антиминс XIV–XV вв., не имеющий надписи об освящении, по описанию Е. Е. Голубинского, представлял собой квадратный некрашенный холст размером 25 на 25 см, на котором черной краской были написаны три креста. Этот плат впоследствии, с XVI в., мог иметь кармашек для мощей. По углам антиминса находились уплотненные наугольники, поскольку до эпохи Большого Московского собора 1667 г. (или же до собора 1654 г.) антиминс пришивался к нижнему одеянию престола – срачице или же прибывался к самому престолу деревянными гвоздями, т. е. до определенного момента антиминс и престол составляли единую литургическую структуру. В 1655 г. патриарх Никон отдает распоряжение об обязательном вложении мощей в антиминсы. С 1675 г. антиминсы назначалось освящать во все храмы, и именно с этого времени в Русской церкви существует особый чин архиерейского освящения антиминсов. С 1652 г. известны атласные антиминсы, а в период 1664–1682 гг. на антиминсах появляется образ «Положение во гроб», заимствованный из украинского православия. С 1659 г. появляются антиминсы, изготовленные типографским способом, что в Киеве практиковалось еще с 1627 г.

Характерно, что в эпоху позднего Средневековья и Нового времени практически одновременно сосуществуют надписи на различных антиминсах, где упоминается освящение «антиминса», «алтаря», «жертвенника» или «церкви». Очевидно, что в контексте освящения последние три термина употреблялись как синонимы, что доподлинно известно для алтаря и жертвенника. Так, антиминс 1415 г., происходящий из ризницы Киево-Софийского собора, но освященный, скорее всего, для церкви Благовещения Пресвятой Богородицы Новгородского Деревяницкого монастыря, имеет в центре голгофский крест с орудиями страстей и надписью уставом по периметру: «Обновлен антиминс Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в церковь Благо... архиепископом Иваном Великого

Новгорода при благоверном великом князе Василии Дмитриевиче всея Руси в лето 6923 (1415. – А. М.) месяца сентября 8 на Рождество Пресвятой Богородицы индикта 9». Обновление, а не освящение могло быть связано с тем, что архиепископ Иоанн уходит на покой 20 января 1415 г., 11 августа на его место был наречен чернец Самсон, хиротонисанный лишь 22 марта 1416 г. Очевидно, что до хиротонии нового архиерея ушедший на покой архиепископ продолжал совершать священнодействия, связанные с иерархическим служением.

Однако наиболее распространенной формулой была именно «освятися олтарь» или «жертвенник», о чем свидетельствовало и собрание 20 антиминсов Олонецкого епархиального древлехранилища, которое охватывало период с 1542 (антиминс освящен в храм Святой Троицы, предположительно Клименецкого монастыря) по 1784 г. С 1733 г. формула, упоминающая «антиминс», становится господствующей. Упоминание Великого князя, при котором было совершено освящение, до середины XVI в. соблюдалось не всегда. Однако всегда присутствует дата освящения и часто упоминается святой или праздник, память которых совпадает с этой датой. Возможно, формула «священа бысть церковь» относилась к случаям, когда храм освящался архиереем. Если антиминс освящался епископом в своем кафедральном городе, то впоследствии он отправлялся на приход или в монастырь, где освящение церкви происходило иерейским чином. Однако это лишь предположение, основывающееся на современной практике.

Полагаю, что именно апелляцией к современной практике и было продиктовано мнение покойного писателя Д. Балашова о том, что упомянутая выше надпись имеет непосредственное отношение к освящению алтаря и престола. В архиве музея-заповедника «Кижь» сохранилось его письмо от 11 июня 1984 г. к В. А. Гушиной, которое подтверждает такое предположение. Здесь он пишет, что «основание церкви – это канонически не есть закладка или свершение здания, а всегда и только сооружение и освящение алтаря», хотя для духовенства Кижского погоста в 1887 г. это были два разных события. Далее он предполагает, что, «по-видимому, сперва был построен храм, потом сооружен и освящен алтарь», что в целом противоречит известной из истории практике, свидетельствующей, что храмы строились начиная с алтаря. Очевидно, подобные закладные кресты многим оставались неизвестны. При этом Д. Балашов в целом верно описывает современный процесс освящения престола в алтаре, ссылаясь при этом на уже известного нам протоиерея Константина Никольского и его книгу «Пособие к изучению богослужебного устава Православной Церкви» (СПб., 1–7 изд., 1862–1907, репринт 7-го изд.: М., 2008): «Алтарь обвязывался веревкою особым образом и одевался покро-

вом»¹⁰. Считая, что в надписи действительно присутствует глагол «облыкися», он, с присущей писательскому сознанию образностью, отождествляет «облыкися/облекися – облечь/одеть» и далее пишет: «Вот это-то действие – одевание алтаря и есть устройство храма (превращение постройки в церковь)». В данном случае он отождествляет престол и алтарь, что в определенных случаях допустимо. Как мы знаем, слова «облыкися» в надписи нет, а сама надпись связана не с напрестольным антиминсом, а с закладным крестом.

Таким образом, 6/19 июня 1714 г. есть день закладки Спасо-Преображенской церкви Кижского погоста, начала ее строительства, а не его завершения и освящения храма, дата которого остается неизвестной. Это подтверждается и дендрохронологическим анализом бревен церкви, выполненным Пентти Цеттербергом из университета Йоеенсу (Финляндия)¹¹. Основной древесный материал датируется 1713 г. Древесина была заготовлена не ранее зимы 1713–1714 гг. и затем по воде доставлена на погост, о чем свидетельствуют сохранившиеся следы крепления бревен для сплава. Известно, что строительство храма, особенно такого значительно, могло занимать 2–3 года. Если 2014 г. и будет юбилейным в Кижях, то это будет юбилей основания одного из самых знаменитых храмов России.

¹⁰ В действительности в современной практике у престола два облачения: нижнее, из простой материи (катасарка или срачица), которое и обвивается веревкой, и верхнее, более парадное (индития), на которое уже и полагается антиминс.

¹¹ Более подробно по этому вопросу см.: *Zetterberg P. Applications of tree-ring in architectural history and archaeology in Karelia // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. Debrecen 27.VIII–2.IX.1990. Sessiones sectionum. Dissertationes. Historica, archaeologica et anthropologica. Debrecen, 1990.*

В. А. Гущина

ОГРАДА КИЖСКОГО ПОГОСТА

Впервые деревянная ограда Кижского погоста была зафиксирована на гравюре Р. Зотова «Вид Кижинского погоста с западной стороны от пролива Онега озера...», датируемой 1785 г., когда состоялось путешествие академика Н. Озерецковского, в ходе которого он посетил остров Кийжи (рис. 1)¹.

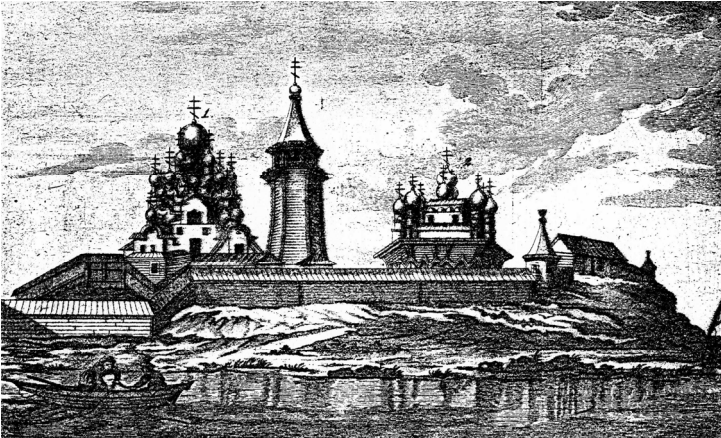

Рис. 1. Гравюра Р. Зотова, 1785 г. Из кн. Н. Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому» (СПб., 1792)

Следующие сведения об ограде относятся к 1799 г. – ко времени заключения Договора мещан Новгородской губернии города Валдая с «головой Захарьевым... и всеми крестьянами Петрозаводского уезда Толвуйского погоста»: «Мы Терсковы с товарищи Толвуйского погоста около двух церквей (взялись) сделать из дикого булыжного камня ограду... фун-

¹ *Озерецковский Н. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С. 324. (Гравюра № 9.)*

дамент на голой земле. Дыры каменные защебнить. Брать для кладки камня, где подсобно будет в будущем 1800 году». Предусматривалось «в 1800 лето с приуготовленного нами сделанного кирпича и обожжением нашим же при церкви Преображения Спаса при ограде выклясть четвери ворота шириной от столба и до столба по 4 аршина, вышиной просвета 4 с половиною, а верх выклясть сводом круглым в 4 кирпичича...»². Булыжная ограда вокруг Кижского погоста приводится на рис. 2.

Рис. 2. Вид на Кижский архитектурный ансамбль с оградой из «булыжного камня». Фото второй половины XIX в.

Таким образом, документы конца XVIII в. зафиксировали два типа ограды: деревянную и каменную (из дикого булыжного камня) с кирпичными воротами.

Неизвестно, что явилось причиной для замены деревянной ограды на булыжную.

Интерес представляет следующее упоминание из первого Договора: «фундамент (сделать. – В. Г.) на голой земле». Из этого следует, что деревянная ограда не имела высокой каменной кладки, а ограда из дикого камня не имела деревянной надстройки, обеспечивая более полный обзор Кижских церквей от самой «пошвы».

Более детальные данные об оградe выявлены из более поздних архивных документов.

² НАРК. Ф. 63. Оп. 3. Д. 110/755. Л. 79.

Наличие «свечной лавочки» отмечено в документах 1816 г.: «выдано на устроение свечной лавочки 15 рублей»³. К сожалению, не указано место ее расположения (в ограде или в церковном помещении).

В документе, ориентировочно датировемом «после 1832 г.», об ограде сказано следующее: «Ограда около сих церквей каменная, складена из дикого камня искусным образом, вышиною 2 1/8 аршина в длину, ... для входа в оную с 4-х сторон находятся 4 ворота»⁴.

Об ограде имеются значительно более поздние сведения, относящиеся к 1892 г.: «Ограда церковная есть, в которой имеется кладбище для предания умерших тел земле, особо отведенных вне селений кладбищ нет, при ограде находится сторожка для караула»⁵.

Из документов за 1900 г. узнаем, что «Макар (Александров) Григорьев из деревни Медные горы Толвуйского уезда обязуется построить около Кижской церкви дом, в котором была бы караульная комната для церковного караула, комната для школьного учителя длиной 7 сажень и шириной 3 1/2 сажени, сделать шесть дверей, из которых 1 щитовая дверь, 10 окон, 20 рам, покрыть всё слегами, построить помост с навесом. Все за 260 рублей»⁶.

В 1901 г. крестьянин деревни Середка Михаил Афанасьев «пожертвовал для прихода в церковную ограду железные двери стоимостью 180 рублей»⁷ (рис. 3).

В 1906 г. подтверждается наличие сторожки для караула («при ограде находится сторожка для караула») ⁸ (рис. 4).

Значительный интерес представляют следующие сведения: «В приходе находятся три церковные школы: первая в Кижском погосте при церкви открыта в 1899 году, в ней учащихся мальчиков 11 и девочек 4. Законоучитель один местный протоиерей и учительница одна, окончившая курс в Никольском детском приюте, получает жалование 240 рублей в год». Школа помещается в выстроенном в 1890 г. доме совместно с «церковной сторожкой, отделенных большим коридором»⁹.

³ Научный архив Карельского государственного краеведческого музея. № 3093. Л. 27. (Книга о расходе денег и вещей Кижской церкви. 18...–1817.)

⁴ ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 450. Ед. хр. 696. Л. 87. (Священник Стефан Ржановский. Исторические сведения о приходе Кижском Петрозаводского уезда. Дата отсутствует, примерно после 1832 г.)

⁵ Фонды музея «Кижь». Инв. № 112. Л. 13. (Формулярные ведомости церковных приходов Заонежья за 1892 год.)

⁶ Фонды музея «Кижь». Инв. № 3118. Л. 19. (Ксерокопии с выписок из Материалов Фонда Ларса Петтерссона.)

⁷ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 82/11. Л. 255–257. (Сведения о состоянии 4-го Благочиннического округа Петрозаводского уезда за 1901 год.)

⁸ НАРК, б/н. Л. 217. (Ведомость о церкви Преображения Господня и Покрова Пресвятыя Богородицы Петрозаводского уезда Кижского прихода за 1906 г.)

⁹ НАРК, б/н. Л. 217. (Ведомость о церкви Преображения Господня и Покрова Пресвятыя Богородицы Петрозаводского уезда Кижского прихода за 1906 г.)

Рис. 3. Фрагмент железных дверей в ограде Кижского погоста. Фото середины XX в.

В 1936 г. сообщалось, что одна из комнат церковной сторожки была занята с 1932 г. кижским сельпо под склад для хранения разных товаров, в том числе картофеля и овощей. До использования помещения сельпо комнату занимала около трех лет семья колхозника. В первой половине церковной сторожки, «находящейся в ограде церкви», обращенной на восток, проживал сторож¹⁰.

В Акте обследования памятника архитектуры от 7 сентября 1945 г., составленном архитекторами А. Н. Буйновым, И. К. Рыбченко (Москва) и председателем Кижского сельсовета А. Т. Власовым, зафиксировано, что «часть ограды в виде ворот металлических и калитки сохранилась».

¹⁰ НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 14/83. Л. 23, 23об., 24, 24об. (Письмо Кижского церковного совета в Заонежский Республиканский Комитет от 7.XI 1936.)

Рис. 4. Вход на территорию Кижского погоста и фрагмент сторожки для сторожа. Фото начала XX в.

2 октября 1945 г. СМ К-ФССР Постановлением № 604 «О состоянии охраны памятников архитектуры в К-ФССР» территория Кижского погоста была объявлена заповедником, границы которого определялись имеющейся в натуре каменной оградой. Предусматривалось установить особый режим охраны¹¹.

В целях сохранения Кижского архитектурного ансамбля, представляющего исключительную ценность, Постановлением СМ К-ФССР № 604-р от 2 октября 1945 г. на территории Кижского погоста в связи с организацией заповедника было решено «обнести весь погост по контуру существующей каменной ограды колючей проволокой, дабы прекратить свободный доступ на кладбище и в церкви». Председателю Кижского

¹¹ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 1/16. Л. 58. (Отчет старшего архитектора Корнева Р.)

сельсовета тов. Максимова было указано «сторожку при входе на кладбище ни для каких нужд сельсовета не занимать»¹².

Приказом № 843-а Комитета по делам Архитектуры при СМ СССР от 25 ноября 1947 г. ансамбль Кижского погоста был включен в особый список памятников архитектуры общесоюзного значения и подлежал особому надзору Главного Управления по охране памятников Комитета, и все мероприятия по охране, исследованию и реставрации могли осуществляться при согласовании и разрешении Главного Управления¹³.

Постановлением № 461 СМ К-ФССР от 11.06.1948 г. все памятники были переданы по Списку, приложенному к Постановлению, под охрану исполкомов райсоветов депутатов трудящихся. Тогда же была утверждена инструкция об учете и охране памятников зодчества¹⁴. Но и в 1949 г. продолжают разговоры об установке соответствующей охранной зоны¹⁵.

По описанию архитектора А. В. Ополовникова 1949 г., ограда Кижского погоста расположена примерно в 50 м от старой пристани, представляет многоугольник неправильной формы, сложена из дикого камня, имеет общую протяженность по периметру около 300 м. С запада ограда имеет кирпичные ворота. Весь участок, заключенный в ограду, представляет собой старое запущенное кладбище с неровным рельефом¹⁶.

С 1 июля 1950 г. Управление по делам архитектуры при СМ К-ФССР для посещения Кижского архитектурного ансамбля посторонними лицами ввело пропуска, выдаваемые Управлением.

В обязанности сторожа Маньшина Никиты Григорьевича входила проверка пропусков и контроль за пребыванием на территории памятника только в указанное в пропуске время. Сторож обязан был вести регистрацию пропусков, записывая номер пропуска, фамилию посетителя и время его пребывания на территории памятника¹⁷.

¹² НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 1/16. Л. 55. (Письмо председателю Заонежского Райисполкома тов. Рыбакову от зам. нач. Управления по делам архитектуры при СМ К-ФССР Сырцова П. от 26.09.1946 г.)

¹³ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 7/60. Л. 47. (Письмо начальника Управления по делам архитектуры при СМ К-ФССР Масленникова Д. секретарю ЦК КП(б) К-ФССР тов. Цвеккову П. И. от 25.XI 1947 г.)

¹⁴ Там же. № 14/122. (Постановление СМ К-ФССР № 461 от 11.06.1948 г.)

¹⁵ Там же. Ед. хр. 5/47. Л. 57. (Письмо начальника Управления по делам архитектуры при СМ К-ФССР Масленникова Д. начальнику БОПа тов. Новоселову А. Н. от 30.06.49 г.)

¹⁶ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1429. Л. 7. (Ополовников А. В. Объяснительная записка к проекту реставрации Преображенской, Покровской церквей и колокольни на Кижском погосте Карело-Финской ССР. М., 1949.)

¹⁷ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 7/60. Л. 62. (Письмо зам. нач. Управления по делам архитектуры при СМ К-ФССР (Сырцова П.) сторожу памятника архитектуры в Кижях тов. Маньшину Н. Г.)

Согласно Положению о Государственном Архитектурном заповеднике на погосте Кижы в состав заповедника ограда не включена. Положение разработано и утверждено в 1950 г.¹⁸

В июле 1950 г. Управление по делам архитектуры издало указ «о прекращении посещений посторонними лицами соборов в Кижях до открытия заповедника». Сторожу Кижей – Маньшину – сделано последнее, строгое указание «о несовместимости его религиозных настроений с работой по охране памятников архитектуры»¹⁹.

Через десять лет, в 1955 г., Актом обследования было отмечено, что «...вход, а также ограда из проволоки портят впечатление от церквей» (Акт обследования Покровской церкви от 2 июля 1945 г. Составители: Мечев М. М. (г. Москва), Маньшин Н. Г., сторож).

Вскоре был подготовлен «Проект реставрации ограды Кижского погоста» московским архитектором А. В. Ополовниковым²⁰. Отчет о переустройстве ограды был подготовлен им в 1957 г.²¹

В то же время была произведена «планировка грунта на месте разобранной сторожки, удаление культурного слоя земли, разборка кирпичной арки старого входа» и т. п. (Ведомость переходящего объема ремонтно-реставрационных работ по восстановлению и реставрации входа и ограды Кижского погоста. Петрозаводск, 27 января 1957 г.).

В 1956 г. Управление по делам архитектуры при СМ К-ФССР обратилось к академику И. Э. Грабарю, директору Института истории и теории искусств при АН СССР, за оказанием научно-методической помощи – дать заключение научно-методического совета по реконструкции входа в ограду погоста.

Расположенная рядом с существующим позднейшим входом деревянная сторожка была признана пожарной инспекцией опасной для сохранности памятников Кижского погоста, и, кроме того, она «стала уже совершенно непригодной для жилья, т. к. углы и стены в ней сгнили, что грозит падением сруба и кровли». Принимая во внимание, что восстановление дома сторожа на старом месте недопустимо, а поздний вход в ограду (кирпичная арка с железной решеткой фабричного изготовления) не представляет собой архитектурно-художественной ценности, Управление предложило «...на месте дома сторожа и нового входа поставить деревян-

¹⁸ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 7/60. Л. 50. (Положение о Государственном Архитектурном заповеднике в погосте Кижях Заонежского района К-ФССР.)

¹⁹ Там же. Л. 48. (Письмо нач. Управления по делам архитектуры при СМ К-ФССР Масленникова Д. секретарю ЦК КП(б) К-ФССР тов. Цветкову П. И.)

²⁰ НБ МЗК. Кижы-278. (Ополовников А. В. Ограда Кижского погоста. Проект реставрации. М., 1955–1958.)

²¹ НБ МЗК. Кижы-14. (Ополовников А. В. Отчет о переустройстве ограды Кижского погоста. М.; Петрозаводск, 1957.)

ные ворота и часть ограды, вывезенные с Ильинского погоста или точно скопированные с них». Автором проекта реставрации являлся московский архитектор А. В. Ополовников²². До согласования проекта реставрации ограды и входа на научно-методическом совете вопрос об их восстановлении оставался открытым²³.

Выбор аналогов для реконструкции ограды представлял затруднение, так как были известны только два подобных сооружения, сохранившиеся к этому времени: в Водлозерско-Ильинском погосте Пудожского района и в Почезерском погосте Архангельской области. Обе эти ограды стали аналогами ограды для Кижского архитектурного ансамбля.

Кроме того, гравюра XVIII в. в книге Н. Озерецковского (рис. 1) подтвердила правильность выбора²⁴.

В июне 1958 г. была создана Комиссия, в состав которой вошли видные специалисты и ученые страны. Комиссия решила признать обоснованным и интересным воспроизведение утраченной рубленой ограды, являющейся копией недоступной для туристов и единственной уцелевшей ограды Водлозерско-Ильинского погоста в КАССР (и второй в СССР)²⁵. В конце 1958 г. было принято решение о восстановлении деревянной, рубленой ограды с устройством резной калитки восточного входа в ограду²⁶. К 1959 г. «восстановление ограды вокруг погоста, исключая башню, на которую нет проекта, окончено»²⁷.

Во время возведения ограды разразилась основательная полемика в ее необходимости. Оппоненты не желали видеть Кижский архитектурный ансамбль лишь частично: они предпочитали воспринимать его в полном виде, с первых венцов церковных срубов.

²² НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 17/163. Л. 54. (Письмо нач. Управления по делам архитектуры при СМ К-ФССР академику Грабарю И. Э., директору Института Истории и Теории Искусств при АН СССР. 1956.)

²³ Там же. Л. 1. (Письмо Председателя Государственного Комитета СМ К-ФССР по делам строительства и архитектуры Соломонова А. Председателю Научно-методического Совета по охране памятников архитектуры при Президиуме АН академику Грабарю И. Э. от 14.01.1956.)

²⁴ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2732. (Ополовников А. В. Отчет о реставрации памятников деревянного зодчества – Преображенской и Покровской церквей и колокольни на Кижском погосте. М.; Петрозаводск, 1957.)

²⁵ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 22/209. Л. 32. (Заключение о состоянии охраны и реставрации памятника архитектуры Кижского погоста, данное Комиссией специалистов от 21–23.06.1958.)

²⁶ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 122/209. Л. 89. (Наряд-казак на выполнение ремонтно-реставрационных работ по памятникам архитектуры Кижского заповедника на 4 квартал 1958 г.)

²⁷ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 25/225. Л. 5. (Письмо временно исполняющего обязанности нач. Управления по делам строительства и архитектуры МКХ КАССР Гутина к архитектору Ополовникову А. В. Янв. 1959.)

В 1962 г. специалисты Центральной научно-реставрационной мастерской Госстроя РСФСР предприняли археологическую разведку с целью поиска первоначальной ограды самого погоста. «Никаких следов деревянной ограды не было найдено. Предположительно... ограда могла проходить несколько западнее, видимо, как под нынешней каменной оградой»²⁸.

В 1980 г. в результате археологической разведки на территории Кижского погоста с южной части Покровской церкви были «обнаружены остатки фундамента, совпадающего с канонической планировкой церкви: ясно выделены алтарная часть – помещение собственно церкви и трапезная»²⁹ (рис. 5). Контуры фундамента хорошо просматриваются по очертаниям юго-восточной части ограды Кижского погоста (рис. 6). Интерес представляет то, что существующая ограда погоста «частью своей легла по фундаменту, не имеющему никакого отношения к древней оградой. На это же указывает выступ на южной оконечности восточной стены погоста; он совершенно не объясним с точки зрения „архитектуры стены“, но, будучи включен в план фундамента, явственно выступает как апсида в алтарной части прилагаемого храма»³⁰.

Казалось бы, ничем не объяснимые резко угловатые уступы ограды с юго-восточного угла и прямая линия с южной стороны ограды, непосредственно примыкающая к этому угловому изгибу, начинают «проясняться». Сложная конфигурация погостской ограды на данном участке обусловлена формой фундамента церковного сооружения довольно крупного размера. На рис. 2 хорошо видно, что юго-восточная часть бульжной ограды (фундамент церкви) скреплена известковым раствором, тогда как остальная часть ограды сложена всухую.

Эти сведения подтвердили данные из экспедиционного отчета сотрудников музея «Кижы» В. А. и Б. А. Гуциных, зафиксированные в 1967 г.³¹ Во время беседы со старейшим жителем деревни Боярщина, расположенной напротив острова Кижы, Егором Григорьевичем Тестенниковым была получена информация о Троицком соборе, фундамент которого хорошо просматривается на территории кижского кладбища с южной стороны Покровской церкви: «Троицкий собор был до окошек сделан, да благодетель помер»³². Постройка этого собора нами тогда была ошибочно датирована концом XIX – началом XX в.

²⁸ НБ МЗК. НРФ-742. (Алешиковский М. Отчет об археологических разведках на территории Кижского музея народного деревянного зодчества в июле 1962 года. М., 18 октября 1963 г.)

²⁹ Там же. НРФ-743. (Спиридонов А., Ушинская В. Археологическая разведка на территории музея-заповедника острова Кижы 24–25 июня 1980 г.)

³⁰ Там же. С. 1–2.

³¹ Гуцин Б., Гуцина В. Первая экспедиция музея «Кижы» в Заонежье // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 24–29.

³² Там же. С. 29.

о.Кижь. Схематический план
видимых на поверхности остатков
фундамента / к югу от Покровской церкви /

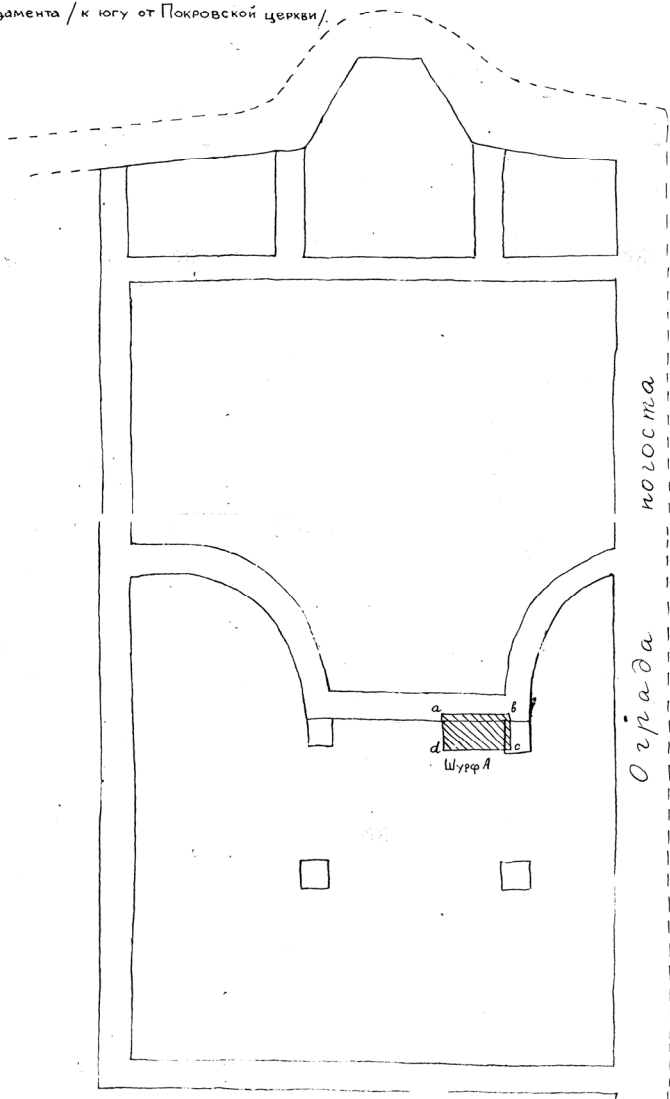

Рис. 5. План остатков фундамента церкви на территории
Кижского погоста (южнее Покровской церкви)
(из отчета А. Спиридонова и В. Ушинскаса 1980 г.)

Рис. 6. Юго-восточная часть ограды Кижского погоста (современное фото)

В августе 1996 г. археологами Карельского научного центра РАН С. И. Кочуркиной, Т. П. Дмитриевой и И. В. Мельниковым (музей-заповедник «Киж») был произведен осмотр фундамента. В результате осмотра было зафиксировано, что фундамент церкви, расположенной в юго-восточной части территории погоста, может быть предметом историко-архитектурного исследования. Но, учитывая поздний возраст сооружения (конец XIX – начало XX в.) и то, что в 1980 г. объект уже подвергался археологическому исследованию, дальнейшее его изучение желательно сосредоточить на архивно-библиографических изысканиях.

Вскрытие фундамента с целью его музеефикации для показа туристам признано нецелесообразным вследствие нарушения существующего архитектурно-ландшафтного комплекса Кижского ансамбля, что, естественно, приведет к возрастанию антропогенного воздействия на его территорию. При необходимости для уточнения плана фундамента могут быть применены «щадящие» для памятников методы (магниторазведка), которые не предусматривают раскопочных работ.

Более точные сведения о времени создания данного фундамента на территории Кижского погоста удалось получить лишь недавно, в 1997 г. В результате архивных изысканий научного сотрудника Карельского Государственного краеведческого музея Л. И. Капусты стало известно, что

фундамент этой церкви был заложен местным жителем В. Е. Ольхиным до 1786 г. («...на постройку в Петрозаводском уезде в Кижском погосте каменной церкви, под которою капиталом моим фундамент сделан и до окон выкладен и немалое число кирпича было приготовлено, если тамошние крестьяне и обыватели по обещанию ее достраивать будут, тогда от Василия Васильевича (сына Ольхина. – Л. К.) дать на достройку сто рублей или что по усердию можете»). Эта выписка была сделана Л. И. Капустой из Духовного завещания В. Е. Ольхина о строительстве церкви 1786–1788 гг. (известно, что Духовное завещание составлялось дважды – в 1786 и 1788 гг.)³³. Выходные данные Л. И. Капуста решила дать в своей предстоящей публикации.

При наличии новых сведений удалось установить значительно более ранний период начала его возведения (вторая половина XVIII в.), а также узнать инициатора его сооружения. В дальнейшем желательно определить причины строительства каменного собора рядом с недавно построенными деревянными церквями Кижского погоста – Преображенской (1714 г.) и Покровской (1694, 1764), которым к этому времени было всего лишь немногим более 70 лет.

Возможно, что строительство богатого, каменного собора было начато по аналогии с усовершенствованием погоста в селе Анхимово, в котором по соседству с многоглавой деревянной Покровской церковью именно в это время (вторая половина XVIII в.) на месте древней деревянной зимней церкви были возведены пятиглавая каменная церковь и высокая (57 м) каменная колокольня со шпилем.

Остается лишь порадоваться, что осуществление этой постройки не состоялось и Кижский архитектурный ансамбль сохранился без задуманного «благослепного поновления» – усовершенствования, соответствовавшего духу того богатого, но лишенного художественного вкуса и такта времени.

Мода на строительство каменных церквей на месте деревянных, не воспринимавшихся всерьез («...деревянные церковные сооружения были и есть временные...») привела к тому, что многие первые деревянные храмы на Руси были уничтожены³⁴.

Таким образом, контуры ограды Кижского погоста отразили и сохранили следы событий далекого прошлого.

Назначение современной ограды во времени насыщается новыми потребностями в связи с образованием Кижского церковного прихода.

³³ Подробно о В. Е. Ольхине см. ст. Б. А. Гушина в наст. сб.

³⁴ Российская Академия Художеств. Научная библиотека. Н-74. (Гольшев Н. Памятники деревянных церковных сооружений. Старинные деревянные храмы во Владимирской губернии. 1879.)

В 1987 г. в главном входе ограды было предусмотрено устройство свечных лавок³⁵.

В 1995 г. был заключен Договор научно-производственного центра охраны памятников МК РК с музеем-заповедником «Кижичи» на использование недвижимого имущества (ограды Кижского погоста) и принятие ее в оперативное управление на десять лет для использования в целях экспозиции. К договору прилагалось свидетельство № 604 от 4.11.95 г. Данный договор был заключен на основании Постановления Совета Министров Республики Карелия от 21.07.93 г. № 254 и распоряжения Государственного комитета Республики Карелия по укреплению государственной собственности от 31.08.95 г. № 371³⁶.

В связи с тем что ограда не входила в состав памятников, подлежащих охране даже на местном уровне, как объект, воссозданный по фрагментам существующих оград из нового строительного материала (новодел), в 1995 г. В. А. Гущиной была подготовлена Справка об ограде Кижского архитектурного ансамбля для поставки ограды под охрану местного значения, а также заявка и письмо на имя директора музея-заповедника «Кижичи» М. В. Лопаткина с целью рассмотрения вопроса по включению ограды Кижского архитектурного ансамбля под охрану местного значения.

Письмо было направлено директору Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры В. А. Дыбину для дальнейшего рассмотрения.

Постановлением Председателя правительства Республики Карелия от 8 июля 1996 г. № 626 ограда Кижского погоста была включена в список объектов, рекомендуемых для внесения в число памятников местного значения³⁷.

Постановлением от 8 июля 1996 г. № 626 ограда ансамбля Кижского погоста была внесена в государственный список недвижимых памятников истории и культуры Республики Карелия местного значения. Таким образом, через 37 лет после создания ограда получила официальный статус памятника местного значения.

³⁵ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1419. (Кижский погост. Свечные лавки. Смета № 13-87 на ремонтно-реставрационные работы. Петрозаводск, 1987 г. / КСНРПМ. НПО «Реставрация» МК РСФСР.)

³⁶ Там же. Ед. хр. 1118.

³⁷ Там же. Ед. хр. 1426. Л. 7–8.

Б. А. Гуцин

О ПЕТЕРБУРГСКИХ КУПЦАХ И ПРОМЫШЛЕННИКАХ, ВЫХОДЦАХ ИЗ ЗАОНЕЖЬЯ

От каждого порога к Питеру дорога.
Заонежская поговорка

Заонежские крестьяне XVIII–XIX вв. – это в основном приписные крестьяне. И если Заонежья коснулся общероссийский процесс общественного разделения труда с его миграционными путями из деревни в город, то процесс этот имел свои специфические черты, связанные именно с заводскими приписными повинностями. Эти черты убедительно и подробно раскрыл в своей монографии А. Я. Балагуров¹.

К середине XVIII в. значительная часть крестьян Олонецкого края, записавшихся в купечество и мещанство, оставались жить в своих селениях или уезжали жить за пределы края.

Во второй трети XVIII в. в городские сословия из приписных деревень были причислены 46 крестьян (душ мужского пола), но из них переселились в Петербург только 14 человек. Остальные же: в Олонец – 4, в Петровскую слободу – 7, в другие города – 8, остались жить в деревне – 19.

Среди перешедших в купечество был и Ермил Козьмин из Кижского погоста.

В отношении некоторых купцов администрация отмечала, что хотя «они и обращаются за купечеством в Петербурге, но при отчине своей имеют дома и наследников».

Феодальные повинности разоряли крестьянские хозяйства, мешали торговле и отходничеству. Поэтому в последней трети XVIII в. достаточно большое количество зажиточных приписных крестьян стремится перейти в купечество и мещанство Петербурга, Петрозаводска и других городов. Вместе с богатыми в эти сословия старались записаться и неиму-

¹ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962. С. 210–218.

щие, что было характерно не только для Олонецкого края. В сенатских указах 70-х гг. XVIII в. отмечалось, что многие крестьяне записываются в мещанство и купечество, «не имея к тому капитала».

Переход крестьянина в городское сословие был достаточно сложен. Возбуждая ходатайство о переходе, крестьянин должен был представить начальству увольнительное свидетельство от сельского общества и «ручательную» подписку от родственников или земляков о том, что земельный участок этого крестьянина не останется «впусте» и у него не будет недоимки по податям, а также по заводским и рекрутской повинностям. Кроме того, для перехода в купеческое сословие требовалось наличие известного капитала, а для перехода в мещанское сословие – свидетельство о том, что данный крестьянин занимается городским ремеслом или торговлей.

В купечество 3 гильдии имели право записаться лица, обладавшие капиталом не менее 500 рублей. В 1785 г. этот минимальный размер был повышен до 1 тысячи рублей, в 1794 г. – до 2 тысяч, в 1807 г. – до 8 тысяч.

Решение сельского схода богатый крестьянин получал довольно легко: часть земляков находилось у него в кабале, а остальным он ставил несколько ведер водки, давал разные подачки и т. д. Получение поручительной записки от городских купцов также не было проблемой, так как обычно богатые крестьяне имели деловые связи с купцами того города, куда они переходили. Наиболее трудным был лишь завершающий этап в оформлении перехода из крестьянского в городское сословие. Необходимо было получить согласие Берг-коллегии, а затем Сената об увольнении приписного крестьянина из горнозаводского ведомства.

В связи с открытием в Петрозаводске магистрата в конце 70-х гг. XVIII в. резко увеличилось число желающих записаться в купечество и мещанство. Только в 1778 – начале 1779 г. количество пытавшихся записаться в купцы и мещане Петрозаводска достигло 6,5 тысячи человек, а принято было всего 895, в том числе из заонежской Великогубской трети – 236 человек.

В это же время 38 приписных крестьян Кижской, Салменижской, Шуйской и Петропавловской вотчин просили разрешения на оформление перевода их из крестьянства в городские сословия Гатчины, но Берг-коллегия отклонила их просьбу, сославшись на недостаток рук для Олонецких горных заводов.

Но всеми правдами и неправдами заонежане продолжали выписываться в мещан и купцов. Пожалуй, самым первым петербургским предпринимателем и купцом из заонежан был крестьянин из д. Ольхино (Харчевская – Ольхино – Ямка), расположенной на острове Кижы, Елизар Федосеевич Ольхин, родоначальник династии Санкт-Петербургских купцов и

предпринимателей XVIII–XIX вв. Крестьянский род Ольхиных был древним и упоминается с XVI в.²

В переписной книге 1720–1726 гг. посадских людей и бобылей Кижской трети в деревне «на острове Глебова» занесен Елизар Федосеев Ольхин со своим восьмилетним сыном Василием. В документе 1723 г. указано, что у Елизара Федосеева есть еще один сын – Лазарь, трех лет³.

Е. Ф. Ольхин, судя по документам, был Санкт-петербургским купцом и подобно большинству уехавших кижан постоянно жертвовал средства на «благоукрашение» Преображенской церкви Спасо-Кижского Погоста⁴.

Наибольшую известность получил Василий Елизарович Ольхин (1712 (?)–1786), важно именовавшийся «бумажной и перловых круп, картонной фабрикой и ластовых мореходных судов содержанием»⁵.

У себя дома на о. Кизи Василий Ольхин слыл человеком, которому не писаны законы, и он свободно мог нарушать порядок. Накопив капитал, волевой и предприимчивый кижанин отправился покорять российскую столицу. В 1751 г. он начал с того, что открыл фабрику игральных карт. В 1753 г. на Белоострове он построил бумажную фабрику, и к 1800 г. 55 % бумажных мануфактур принадлежало Ольхиным⁶.

С 1759 г. В. Е. Ольхин становится содержанием нескольких петербургских мостов. Один из них – от Адмиралтейской стороны на Васильевский остров – В. Е. Ольхин получил готовым, а два других, соединявших Васильевский остров с Санкт-Петербургской и Выборской сторонами, он должен был построить на свои деньги.

В 1760 г. Василий и Лазарь Ольхины заявили в канцелярии Петровских заводов, что они желают построить железодельный вододействующий завод на р. Тубе в Пудожском уезде⁷.

В 1763 г. братья построили «молотовую сыродутную фабрику», плотину и приступили к строительству домны, но в 1764 г. «от великого наводнения под оную землю размыло, зачем она и не достроена».

После этого Ольхины решили построить домну на р. Вичке, впадающей в Пергубский залив Онежского озера. Большую часть квалифицированной рабочей силы – доменных и молотовых мастеров и подмастерьев – Ольхины получали на время с казенного Кончезерского завода⁸.

² Воробьева С. В. Крестьянские родословные: из истории деревни Ямка на острове Кизи // Кижский вестник. Вып. 11. Петрозаводск, 2007. С. 5.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 12–13.

⁵ Там же.

⁶ Мошин А. И. Очарование Заонежьем. Исторические заметки о Заонежье. Петрозаводск, 2007. С. 174.

⁷ Воробьева С. В. Крестьянские родословные... С. 14.

⁸ Там же.

К концу своей жизни В. Е. Ольхин имел значительную недвижимость в Петербурге (дома, лавки, производственные сооружения, мосты).

В. Е. Ольхин великолепно ладил с властью и во время Кижского восстания (1769–1771 гг.) он активно уговаривал своих бунтовавших земляков подчиниться властям⁹.

Незадолго до смерти В. Е. Ольхин решил выстроить еще одну церковь на родном Кижском погосте. В своем духовном завещании он писал: «...на постройку в Петрозаводском уезде в Кижском погосте каменной церкви, под которую капиталом моим фундамент сделан и до окон выкладен, и немалое число кирпича было приготовлено, если тамошние крестьяне и обыватели по обещанию ее достраивать будут, тогда от Василия Васильевича (сын В. Е. Ольхина. – Б. Г.) дать на постройку сто рублей или что по усердию может»¹⁰.

Память об этой ольхинской стройке была жива у местных жителей д. Боярщина, что напротив острова Кижы. Е. Г. Тестеников (г. р. 1883) рассказывал о Троицком соборе, фундамент которого хорошо просматривается и в настоящее время в южной части кладбища на территории Кижского погоста: «Троицкий собор был до окошек сделан, да благодетель помер».

В 1967 г. постройка этого собора нами была ошибочно определена концом XIX – началом XX в.¹¹

В. Е. Ольхин похоронен в Петербурге в Александро-Невской лавре¹².

Ольхины в XIX – начале XX в. были богатой петербургской династией. До 1861 г. они владели крепостными. В Гостином дворе они имели две лавки. У Ольхиных были два каменных дома, конные выезды на собственных каретах. У них были собственные водяные знаки «БО» и фамильный санкт-петербургский герб¹³.

В своем стремлении перебраться в Петербург в XVIII в. Ольхины были не одиноки.

Во второй трети XVIII в. среди крестьян, перешедших в петербургское купечество, был кижанин Ермил Козьмин¹⁴.

Примерно тогда же, в 1757 г., еще один кижанин, житель д. Конденская Стефан Алексеев был записан в петербургское купечество¹⁵.

⁹ Мошин А. И. Очарование Заонежьем... С. 174.

¹⁰ Неопубликованная выписка из духовного завещания В. Е. Ольхина было любезно предоставлена автору Л. И. Капустой, научным сотрудником Карельского Государственного краеведческого музея.

¹¹ Гуцин Б. А., Гуцина В. А. Первая экспедиция музея «Кижы» в Заонежье // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 24–29.

¹² Мошин А. И. Очарование Заонежьем... С. 174.

¹³ Там же.

¹⁴ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне... С. 210.

¹⁵ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Ед. хр. 2/7. Л. 284.

В ревизской сказке Сенногубской волости за 1795 г. отмечено, что Данила и Егор Андреевы (?) «записаны оба в петербургское купечество»¹⁶.

В том же году крестьяне деревни Грузиловская Кижской волости Василий Тимофеев были записаны в петербургские купцы¹⁷.

На основании встречающихся нам в ревизских сказках записей о том, что такие-то крестьяне переведены в петербургское гражданство без указания сословия, мы с известной долей условности можем предположительно внести их в число торговых или промышленных жителей столицы. Вырваться из деревни могли только крестьяне с уже накопленным капиталом.

В 1813–1814 гг. в Санкт-Петербургское гражданство были «перечислены» крестьяне Кижской трети: жители д. Усть-Река Назар Васильев 62 лет и его сыновья: Василий 26 лет и Кондратий 15 лет¹⁸; житель д. Мижостров Никулы Григорьева третий сын Алексей¹⁹; житель д. Пегрема Егора Матвеева третий сын Петр²⁰.

В 1818 г. крестьянин д. Окуловской Петрозаводского уезда Кижской вотчины Корныл Семенов Кругов был приписан в петербургское гражданство²¹.

В 1819 г. в петербургское гражданство был переведен крестьянин Кижской вотчины д. Гивес-Наволоок Михей Медведев²².

В 1820 г. житель деревни Петровской Сенногубской волости Андрей Васильевич Савостьянов был переведен в петербургское мещанство²³.

В 1823 г. «деревни Вика Острова, Нефедя Антонова Клинова сын Козма, Козмин сын Василий переписаны в Санкт-Петербургское мещанство»²⁴.

В 1826 г. были переписаны в петербургское мещанство крестьянин Петрозаводского уезда Кижской вотчины Яндомозерского уезда д. Матвеевской Павел Феопектов и его сыновья Василий, Иван и Никита²⁵.

«В 1826 г. деревни Гивес наволока Нефедя Антонова Медведева двоюродный брат Михей Сидоров переписан в Санкт-Петербургское гражданство»²⁶.

Далеко не всегда процесс перехода из крестьянства в петербургское купечество проходил гладко. Иногда по каким-то, возможно мелким, причинам мешали деревенские родственники.

¹⁶ НАРК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 3/21. Л. 86.

¹⁷ НАРК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 495.

¹⁸ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 34/343. Л. 15.

¹⁹ Там же. Л. 158.

²⁰ Там же. Д. 33/343. Л. 160.

²¹ Там же. Д. 59/554. Л. 3.

²² НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 109/853. Л. 11.

²³ НАРК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 17/150. Л. 11.

²⁴ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59/554. Л. 48.

²⁵ НАРК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2/12. Л. 48.

²⁶ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59/554. Л. 48.

Так, в 1827 г. родственники переводящегося в петербургское гражданство крестьянина Кижской вотчины Яндомозерской волости деревни Кошкиной Авраама Иванова нажаловались Начальнику Олонецких заводов, что А. Иванов делает это самовольно, без согласия трех других братьев: А. Иванов работал уже не первый год в Петербурге мастером в Вечном (?) столярном цехе²⁷.

Ни начальник Олонецких заводов, ни чиновники Департамента горных соляных дел не сочли жалобу братьев причиной, заслуживающей уважения, и Авраам Иванов был успешно переведен в петербургское гражданство. Братьев, оставшихся в деревне, через Кижское волостное управление даже заставили заплатить долг Авраама в сумме 50 рублей Ивану Антоновичу Ольхину²⁸.

В том же году крестьянин Толвуйского погоста Петрозаводского уезда Василий Александров с семьей без особых трудностей перешел в петербургское мещанство²⁹.

В 1828 г. в петербургское мещанство был приписан и крестьянин д. Потаневской Кижской вотчины Илья Никулин³⁰.

«Степана Павлова Морозова сын Марк переписан в Санкт-Петербургское гражданство в 1882 г.»³¹ (д. Бздюровская (Сергачевская) на Волкострове).

В 1829 г. заонежские крестьяне продолжают переводиться в петербургское мещанство.

К сожалению, нам не удалось проследить дальнейшую судьбу этих людей, но предприимчивость новых петербуржцев не вызывает сомнений, и поэтому можно предположить, что эти люди вставали на ноги в столице, а не прозябали в бедности.

7 февраля 1829 г. в петербургское мещанство был причислен крестьянин Петрозаводского уезда Кижской волости Леонтий Петров с сыновьями Иваном и Сергеем (д. Кузнецовская)³².

В том же году в петербургское мещанство были причислены крестьяне Толвуйского погоста д. Кривоноговской Тимофей Петров Романов³³.

На протяжении всей истории перехода заонежских приписных крестьян в петербургское гражданство встречались и отказы в переводе, причины которых сейчас не вполне ясны, можно лишь предположить какие-то личные отношения крестьянина с однодеревенцами или с заводским начальством.

²⁷ НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 175/1622. Л. 143–158.

²⁸ Там же. Л. 161–164.

²⁹ Там же. Л. 110.

³⁰ Там же. Л. 203; Ф. 37. Оп. 5. Д. 179/1672. Л. 24.

³¹ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59/554. Л. 38.

³² НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 175/1162. Л. 187.

³³ Там же. Л. 322.

Так, в 1829 г. крестьянин Толвуйского погоста д. Басинской Яков Акимов, уже 15 лет работающий в Петербурге, последние 6 лет – масте-ром-столяром, уже не в первый раз просит о переводе его в петербургское гражданство. Он пишет, что за ним в деревне нет никаких податей и других обязанностей. Нет у него и рекрутской очереди. На службу поступили двое его братьев Ананий и Матвей, землю, ему принадлежащую, и заводские работы исполняют отец и братья. В гражданстве Я. Акимову было отказано, так как якобы им от крестьянского общества не получено увольнение и нет надлежащего исполнения за него заводских работ³⁴.

В 1831–1832 гг. у крестьян Великогубской трети д. Ольховщина (Селецкое) Филиппа Романова с сыном Иваном³⁵ и Кижской вотчины д. Пегрема Федора Петрова Кузнецова причисление в петербургское мещанство прошло более-менее гладко³⁶.

В 1830 г. в Санкт-Петербургское гражданство переписан Великогубской волости деревни Ольховщина (Селецкое) Роман Савельев Морозов³⁷. Чуть позже был переписан в Санкт-Петербургское гражданство его сын Филипп³⁸.

Богатые крестьяне часто жили в Петербурге, занимаясь торговлей и ремеслом, без всякого перехода в городские сословия. Очевидно, они исправно платили налоги и подати, и до поры до времени всех это вполне устраивало. Если же они переходили в городские сословия, особенно в купечество, то переход этот был достаточно безболезненным. Так, 12 июля 1834 г. крестьянин д. Потаневской Кижской вотчины Трофим Иванов Никулин пишет начальнику Олонецких заводов Р. А. Армстронгу о том, что он с малолетства работал в Петербурге у своего дяди купца Василия Никулина, а после его смерти он жил у себя на родине в д. Потаневщина, в Петербург же он наезжал временно для торговых дел. По духовному завещанию дяди ему достались в собственность вся недвижимость в столице и торговля. Поэтому он просит перевести его из крестьянского сословия в купечество³⁹.

Ровно через месяц из Министерства финансов, Департамента Горных и Соляных дел пришел ответ о приписке Т. И. Никулина в Санкт-Петербургское купечество⁴⁰.

Через 10 лет в 1844 г. и зять Т. И. Никулина крестьянин д. Потаневской Симион Акинфов с сыновьями Федором и Николаем были переписаны в Санкт-Петербургское гражданство⁴¹.

³⁴ НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 179/1672. Л. 1–42.

³⁵ Там же. Д. 175/622. Л. 406.

³⁶ Там же. Л. 420.

³⁷ НАРК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 16/145. Л. 63.

³⁸ НАРК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2/12. Л. 148.

³⁹ НАРК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 45/463. Л. 42; Балагуров Я. А. Приписные крестьяне... С. 218.

⁴⁰ НАРК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 45/463. Л. 62.

⁴¹ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 61/574. Л. 82.

Крестьяне Толвуйской волости также становились петербуржцами. В 1837 г. крестьянин д. Кривоноговской Фома Богданов был перечислен в петербургское гражданство⁴².

Манойловы из д. Киселевской – Степан и его сыновья Осип и Иван – перешли в петербургское гражданство в 1838 г.⁴³

Крестьянин Кижской вотчины д. Кургеницы (Сявнега) Дмитрий Яковлев Дектерев к 1844 г. уже 40 лет жил в Петербурге и занимался столярным делом, но только в этом году решил переписаться в петербургское гражданство вместе со своими сыновьями Василием, Николаем, Александром и Гариилом. Я. А. Балагуров полагает, что Д. Я. Дектерев имел свою столярную мастерскую, так как он внес в петербургское казначейство 1 тыс. рублей в обеспечение своевременной уплаты податей⁴⁴.

Интересные данные по двум кижским жителям обнаружили в ревизских сказках Кижской волости Великогубского мирского общества за 1849–1850 гг. В сведениях по деревне Посад сказано, что «Марья Меркулова Калехова исключена из Санкт-Петербургского купечества и приписана обратно в крестьянское семейство отца ее Меркула Константинова Калехова, значащегося в общей ревизской сказке под № 116»⁴⁵. Можно лишь предположить: вероятно, 25-летняя купеческая жена Марья Калехова развелась с мужем-купцом и вернулась в родную деревню к отцу-крестьянину.

В той же деревне Посад четырехлетний Аким Тихонович Амелин был переписан в петербургское гражданство⁴⁶. Отец Акима Тихон Андреевич Амелин 35 лет, умер в 1849 г. Дед Акима Андрей Логинов Амелин был жителем деревни Посад⁴⁷. В документе не указывается, но, видимо, покойный Андрей имел Санкт-Петербургское гражданство. Его сын Аким, возможно, жил в деревенской семье деда и до 1849 г. не был переписан в столичное гражданство.

В том же 1849 г. сенногубы Лукины переписались в Петербург и в Выборг. Александр Иванович Лукин переписался в Санкт-Петербургское мещанство, а его двоюродный брат Григорий Иванович Лукин переписался в Выборгское гражданство⁴⁸.

В 1856 г. царкосельскими купцами стали крестьяне Кижской волости Кижского мирского общества деревни Гивеснаволок Нестер Максимович Ошевнев и его сын Петр⁴⁹.

⁴² НАРК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 29/232. Л. 64.

⁴³ Там же. Л. 117.

⁴⁴ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне... С. 218.

⁴⁵ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 61/575. Л. 106.

⁴⁶ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 63/602. Л. 52.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ НАРК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 21/181^а. Л. 1; Д. 20/164. Л. 1.

⁴⁹ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 77/761. Л. 70; Оп. 19. Д. 34/268. Л. 71.

На рубеже XIX и XX вв. богатых заонежан с петербургской пропиской значительно прибавилось.

Старообрядец поморского согласия Баженов Филипп Захарович, 42 лет, уроженец д. Ершовской Кондопожской волости Петрозаводского уезда торговал в нескольких лавках кожевенным товаром по промысловому свидетельству⁵⁰ 1882 г.⁵¹

На Сытном рынке, по промысловому свидетельству 2 разряда, торговала железом Гурова Пелагея Матвеевна 38 лет, вдова, крестьянка Петрозаводского уезда Толвуйской волости д. Житницы⁵².

Владельцем мебельной фабрики был крестьянин Повенецкого уезда д. Шунгской Иванов Егор Иванович, 57 лет (по свидетельству с 1871 г.)⁵³.

Крестьянин Петрозаводского уезда Толвуйской волости д. Великой Нивы Котов Андрей Петрович содержал столярную мастерскую (по промысловому свидетельству 5 разряда с 1896 г.)⁵⁴.

Содержателем паркетной мастерской являлся крестьянин Петрозаводского уезда Толвуйской волости Мелехов Василий Григорьевич 35 лет (с 1897 г. имел промысловое свидетельство 5 разряда)⁵⁵. Крестьянин Морозов Андрей Иванович 36 лет, уроженец д. Селецкой Великогубской волости Петрозаводского уезда с 1896 г. (официально) торговал москательным товаром по промысловому свидетельству 2 разряда⁵⁶. Его однофамилец Морозов Филипп Федорович, крестьянин Повенецкого уезда Шунгской волости д. Одинцово, с 1899 г. (официально) вел сливочную торговлю согласно промысловому свидетельству 2 разряда⁵⁷.

Содержателем обувного магазина (с 1897 г. официально) был Обрядин Николай Герасимович 27 лет, крестьянин Петрозаводского уезда Великогубской волости д. Клементьевской. Имел промысловое свидетельство 2 разряда⁵⁸.

На Тучковской набережной содержал живорыбный садок и торговал живой рыбой Парамонов Григорий Андреевич, крестьянин 38 лет, уроже-

⁵⁰ Промысловое свидетельство – фискальный документ, разрешавший крестьянам заниматься торговлей.

⁵¹ Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших с 1 декабря 1898 г. по 1 февраля 1899 г. сословные свидетельства по 1 и 2 гильдии и промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые заведения и 1–5 разрядов на промышленные предприятия. СПб., 1899. С. 39.

⁵² Там же. С. 219.

⁵³ Там же. С. 305.

⁵⁴ Там же. С. 402.

⁵⁵ Там же. С. 528.

⁵⁶ Там же. С. 548.

⁵⁷ Там же. С. 549.

⁵⁸ Там же. С. 580.

нец д. Харловой (?) Толвуйской волости. Официально торговал с 1899 г. Имел промысловое свидетельство 2 разряда⁵⁹.

Лесоторговцем являлся Василий Яковлевич Петров, крестьянин Петрозаводского уезда Великогубской волости. Официально торговал с 1899 г. Имел промысловое свидетельство 2 разряда⁶⁰.

Официально с 1899 г. владельцем столярной мастерской являлся Сотников Назар Филиппович 64 лет, крестьянин Петрозаводского уезда Великогубской волости. Имел промышленное свидетельство 3 разряда⁶¹.

Крестьянин Повенецкого уезда Шуньгской волости Фомин Иван Васильевич официально с 1899 г. на Сытном рынке в особом помещении торговал обоями и бумагой. Имел промысловое свидетельство 2 разряда⁶².

Крестьянин Повенецкого уезда Шуньгской волости д. Нефедово Белков Алексей Васильевич с 1900 г. официально торговал кожевенными товарами. Имел промысловое свидетельство 2 разряда⁶³.

Крестьянка старообрядка Петрозаводского уезда Ведехина Татьяна Захаровна с 1899 г. официально торговала шорным товаром на Андреевском рынке. Имела промышленное свидетельство 2 разряда⁶⁴.

Уроженец д. Медведево Повенецкого уезда Шуньгской волости Коженского общества, крестьянин 44 лет Распутин Иван Васильевич торговал плитным (?) материалом⁶⁵. Имел промысловое свидетельство 2 разряда.

Крестьянская жена Степанова Евдокия Михайловна, уроженка д. Емельяновской Шуньгской волости, с 1900 г. официально содержала магазин мануфактурного товара. Имела промысловое свидетельство 2 разряда⁶⁶.

Содержателем бань по Малой Подъяческой был крестьянин Петрозаводского уезда Пашков Федор Максимович 50 лет (с 1901 г.). Имел промысловое свидетельство 2 разряда⁶⁷.

⁵⁹ Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших с 1 декабря 1898 г. по 1 февраля 1899 г. сословные свидетельства по 1 и 2 гильдии и промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые заведения и 1–5 разрядов на промышленные предприятия. СПб., 1899. С. 631.

⁶⁰ Там же. С. 644.

⁶¹ Там же. С. 781.

⁶² Там же. С. 946.

⁶³ Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших с 1 ноября 1899 г. по 1 января 1900 г. сословные свидетельства по 1 и 2 гильдии и промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые заведения, 1–5 разрядов на промышленные предприятия и 2–3 разрядов на личные промысловые занятия. СПб., 1900. С. 93.

⁶⁴ Там же. С. 111–112.

⁶⁵ Там же. С. 584.

⁶⁶ Там же. С. 665–666.

⁶⁷ Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, случивших с 1 ноября 1900 г. по 1 января 1901 г. СПб., 1901. С. 493.

Уже в 10-е гг. XX в. богатым петербургским купцом стал Павел Евстратьевич Качалов, уроженец д. Хашезеро Шунгской волости. В конце XIX в. он был отправлен отцом в мальчики в Петербург. Он стал приказчиком, а потом и торговцем. Накопил приличный капитал, приобрел жилой доходный дом и 4 лавки. Занимался торговлей кондитерскими изделиями и молочными продуктами. Сливки привозил из Финляндии. Он же стал привозить из Заонежья в Петербург для обучения ремеслу мальчиков. После революции П. Е. Качалов передал советской власти доходный дом, лавки и все имущество, что посоветовал ему сделать старший сын, большевик. Сам же уехал к себе на родину в Хашезеро, где у него был построен добротный дом, обставленный питерской мебелью. Он занялся сельским хозяйством и позже вступил в колхоз⁶⁸.

Следует также назвать ряд фамилий петербургских купцов и предпринимателей, выходцев из Заонежья, которые упоминаются в статье Л. В. Трифоновой, посвященной теме отходничества заонежан в Петербург в конце XIX – начале XX в.⁶⁹ В частности, крестьянин д. Леликово Великогубской волости Андрей Данилов Черепов имел в Петербурге свою парикмахерскую, крестьянин деревни Боярщина той же волости Александр Михайлов Стафеев – свою столярную мастерскую. Сенногубский крестьянин Трепалин владел на выборгской стороне своими домами и мастерскими. Крестьяне деревни Мунозеро Корасозерского прихода Сергей Лазаревич и Дмитрий Лазаревич Сергины владели в Петербурге магазинами по продаже посуды и кожаных изделий⁷⁰.

Особое внимание следует уделить петербургским купцам-меценатам, выходцам из Заонежья. Я имею в виду Карпа Матвеевича Изотова и Ивана Ивановича Крылова.

Карп Матвеевич Изотов происходил из крестьян д. Микково Великогубской волости Петрозаводского уезда. В 12-летнем возрасте, как и многие его сверстники, был отправлен родителям в Петербург, где поступил в столярную мастерскую для изучения ремесла. После 5 лет ученичества стал мастером и выполнял подряды по отделке домов. Дело его расширялось, и к середине 1890-х гг. он владел крупной столярно-паркетной мастерской и имел звание поставщика Императорского двора. У него работало около 100 рабочих. Состояние его оценивалось в сотни тысяч рублей⁷¹.

⁶⁸ Мошин А. И. Очарование Заонежьем... С. 55–56.

⁶⁹ Трифонова Л. В. Отходничество заонежан в Петербург в конце XIX – начале XX века // Кижский вестник. Вып. 5. Петрозаводск, 2000. С. 47–48.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Кораблев Н. А., Пашков А. М. «Олончане-молодцы»: Санкт-Петербургские купцы – выходцы из Олонецкой губернии (XVIII – начало XX вв.) // История предпринимательства в России XIX – начала XX века. Вып. 2. СПб., 2006. С. 406.

В 1899 г. он был купцом II гильдии и потомственным почетным гражданином⁷². Бывая летом в родной деревне, он помогал бедным соседям, чиня за свой счет мосты и дороги. В течение многих лет он был почетным блюстителем Космозерского земского училища, будучи полностью неграмотным человеком. Он регулярно приобретал для училища книги для внеклассного чтения, выписывал газеты и журналы, купил «волшебный фонарь» и диалогитивы к нему. С помощью своих друзей он разработал проект нового здания Космозерского училища, торжественная закладка которого состоялась 8 июня 1907 г. К. М. Изотов умер в Петербурге 29 сентября 1907 г. Училище было открыто в 1909 г. – двухэтажный корпус с 25 учебными комнатами. Из земского оно было преобразовано в министерское и получило официальное название «Изотовское»⁷³.

Семья деревенских меценатов Крыловых родом из д. Деригузово Шуньгской волости Повенецкого уезда. Старший брат Василий Иванович торговал в Петербурге, имел в Стрельне бумажную фабрику, которую завещал среднему брату Ивану Ивановичу Крылову (1859–1915). Тот не получил даже начального образования, но благодаря уму и предприимчивости стал купцом II гильдии. В родной деревне Деригузово он держал лавку, в которой торговал мануфактурой и хлебом. На Шуньгских ярмарках он торговал мануфактурой и колониальными товарами⁷⁴.

И. И. Крылов на протяжении всей своей жизни активно занимался благотворительной деятельностью. В 1879 г. он на свои средства построил часовню во имя Святителя кн. Владимира в родной деревне Деригузово. В течение 30 лет он служил старостой церкви Св. Богородицы в Шуньге. В 1900 г. И. И. Крылов восстановил церковь после страшного пожара, уничтожившего большую часть Шуньги. Он регулярно вносил пожертвования на нужды храмов Повенца. В Петербурге И. И. Крылов обращался за духовными наставлениями к Иоанну Кронштадтскому. Совершив паломничество к мощам св. Николая в итальянский город Барии, он прислал землякам икону, освященную на святых мощах.

В 1909 г. И. И. Крылов построил и оборудовал в Шуньге богадельню для престарелых на 10 человек с правом увеличения числа призываемых, смотря по обстоятельствам, на долгие годы обеспечив ее неприкосновенным капиталом в 24 тыс. рублей. Богадельня носила официальное наименование Шуньгской Никольской богадельни имени супругов И. И. и Т. Я. Крыловых. В 1912 г. купец Крылов основал в Повенце уездный дом призрения для детей-инвалидов, пожертвовав на это 15 тыс. рублей.

⁷² Справочная книга... 1899. С. 315–316.

⁷³ *Кораблев Н. А., Пашков А. М.* «Олончане-молодцы»... С. 406–407; *Лосев С.* Памяти К. М. Изотова // Вестник Олонцкого губернского земства. 1915. № 17. С. 16.

⁷⁴ *Мошин А. И.* Очарование Заонежьем... С. 56.

Кроме того, И. И. Крылов состоял попечителем Возмосалмской церковно-приходской школы, земской библиотеки и участковой больницы в Шуньге⁷⁵.

Необходимо вспомнить и крестьянина д. Леликово Кижской волости И. Ф. Клеерова (1857–1904), имевшего в Петербурге доходный дом, торговые лавки, столярную мастерскую и пристань. В 1882 г. он на свои средства построил в д. Леликово Предтеченскую церковь. Постоянно выделял деньги на учебные пособия и учебники для церковно-приходской школы⁷⁶.

Благотворительные цели, прежде всего направленные в адрес земляков, стали основными задачами, сформулированными в уставе Общества олончан в Санкт-Петербурге, открытие которого состоялось 18 апреля 1908 г. На первом общем собрании присутствовало около 300 человек, выходцев из Олонецкой губернии. Прежде всего это были состоятельные люди, среди которых несомненно были и заонежане. Основателями общества стали: приват-доцент Санкт-Петербургской духовной академии Е. М. Прилежаев, обер-контролер Святейшего Синода М. М. Темномеров и чиновник горного департамента И. И. Лозинский. Ими же был разработан Устав Общества из 38 параграфов. После ряда замечаний его подписали 16 человек. Одним из пунктов Устава был следующий: «Лица, занимающиеся личным трудом, считаются действительными членами и освобождаются от ежегодного взноса. Каждый подобный случай обсуждается правлением отдельно»⁷⁷.

Врачи М. Д. Соболев и В. П. Ивенский предложили принимать бедных олончан бесплатно по предъявлении ими удостоверения правления Общества. Предлагалось освободить от платы бедных студентов и давать им рекомендации в качестве репетиторов. К. Н. Плотников пожертвовал ряд книг для создания библиотеки при Обществе⁷⁸.

Действительными членами Общества были заонежане: П. А. Белоглазов (1879–1937), крестьянин, купец; уже упоминавшийся нами шунжанин И. И. Крылов и крестьянин-купец Д. В. Белоусов (1863 – после 1920), владелец пароходства, депутат Государственной думы от волостей Олонецкой губернии. Общество располагало средствами до 11 тыс. рублей. Ежегодно процент от капитала составлял около 300 рублей⁷⁹.

⁷⁵ *Кораблев Н. А., Пашков А. М.* «Олончане-молодцы»... С. 406–408; Олонцкое утро. 1915. 4 августа. С. 3.

⁷⁶ Заонежье в биографиях. Краткий справочник / Сост. А. И. Мошин, Т. А. Мошина. Петрозаводск, 2010. С. 41.

⁷⁷ *Мегорский В.* Открытие общества олончан в Санкт-Петербурге // ОГВ. 1908. № 55.

⁷⁸ ОГВ. 1908. № 127. С. 6.

⁷⁹ *Мошин А. И.* Олончане в Петербурге // Карелия. 1998. № 25. С. 9.

Через год 11 января 1909 г. в зале Павловой состоялся первый вечер в пользу нового Общества. Один из его участников вспоминал: «Первый бал имел успех и затмил богатством и изяществом туалетов... все другие вечера подобного рода»⁸⁰. Несмотря на показную роскошь бала нуворшей из крестьян, он все-таки был благотворительным, и вырученные средства пошли, очевидно, на добрые дела.

Общество оказывало помощь нуждающимся землякам. В церкви подворья Александро-Свирского монастыря служились бесплатные панихиды, отдельные студенты учились на деньги Общества (первый карельский художник из заонежских крестьян А. Я. Андрианов (1888–1933)). В 1909 г. оно устроило три музыкально-вокальных вечера⁸¹. После 1917 г. деятельность Общества прекратилась.

На протяжении всей своей деятельности богатые петербуржцы, выходцы из Заонежья, постоянно помогали церковным приходам на своей родине и делали массу пожертвований в деревенские храмы. Особым уважением пользовался Спасо-Кижский приход.

Одним из первых жертвователей был уже упоминавшийся Елизар Федосеев Ольхин, пожертвовавший «священные сосуды... с надписями его... (Елизара и Епистинии), а в 1820 г. вызолочены наследниками того Ольхина»⁸².

Уже упоминавшийся Корныл Семенов Круглов тоже стал жертвователем на храм Преображения. «Перед сею иконою (Преображение) подсвечник большой медный посеребренный, пожертвованный Санкт-Петербургским мещанином Корнлыом Семеновым Кругловым, стоящий 100 рублей, и лампада малая серебряная, также пожертвованная Санкт-Петербургским купцом Родионом Васильевым Никулиным»⁸³. Он же в 1813 г. пожертвовал колокол весом в 1 пуд 4 фунта⁸⁴.

В 1865 г. в церковной книге Кижского прихода записано: «Прислано из Санкт-Петербурга крестьянином Матфеем Яковлевым Вавилиным в церковь 3 подсвечника, один из них выносящий, а два больших из них по фарфоровой свечи большой. Подсвечники медные посеребренные. Весу в них около пуда»⁸⁵.

Запись того же 1865 г.: «Получено из Санкт-Петербурга от крестьян Кижского прихода деревни Телятниково Матвея Яковлева Вавилина и деревни Кижского острова Северного конца Ивана Васильева Морозова,

⁸⁰ Мошин А. И. Олончане в Петербурге. С. 9.

⁸¹ Там же.

⁸² Российский исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 450. Д. 696. Л. 88об.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Фонды музея «Кижь». № 3168. Л. 1.

⁸⁵ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 49.

присланные ими в Спасо-Преображенскую церковь иконостас с иконою Успения Божьей Матери, поставленный за левым клиросом, стоящий ценою около 150 рублей серебром»⁸⁶.

Возможно, на рубеже XIX–XX вв. иконы верхних трех ярусов были «поновлены» в Петербурге через Александра Ильина, возможно богатого купца из заонежан, и присланы обратно на о. Кижы (предположение художника-реставратора И. М. Гурвич)⁸⁷.

На основании изученного материала, в основном ревизских сказок, касающихся Заонежья с 1782 по 1858 г., хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия, в настоящей статье упомянуты 86 петербуржцев, выходцев из Заонежья. Эти данные далеко не полны, и тем не менее можно сделать вывод о том, что многие заонежские крестьяне чуть ли не с основания Петербурга (Ольхины) вплоть до революции 1917 г. активно переселялись в столицу, становясь там купцами и промышленниками.

Приложение

Список петербургских купцов и промышленников, выходцев из Заонежья, упоминаемых в данной статье

1. Акинфов Николай Симионович (Потаневская Кижской вотчины)
2. Акинфов Симион (Потаневская Кижской вотчины)
3. Акинфов Федор Симионович (Потаневская Кижской вотчины)
4. Александров Василий (Толвуйский погост)
5. Алексеев Стефан (д. Конденская)
6. Амелин Аким Тихонович (д. Посад Кижской волости Великогубского общества)
7. Амелин Тихон Андреевич (?) (д. Посад Кижской волости Великогубского общества)
8. Андреев Даниил (Сенногубская волость)
9. Андреев Егор (Сенногубская волость)
10. Баженов Филипп Захарович (д. Ершовская Кондопожской волости)
11. Белков Алексей Васильевич (д. Нефедово Шуньгской волости Повенецкого уезда)
12. Белоглазов П. А. (д. Тимохово Шуньгской волости)
13. Белоусов Д. В. (д. Падмозеро Толвуйской волости)
14. Богданов Фома (д. Кривоноговская Толвуйской волости)
15. Вавилин Матвей Яковлевич
16. Васильев Василий Назарович (д. Усть-Река Кижской трети)
17. Васильев Кондратий Назарович (д. Усть-Река Кижской трети)
18. Васильев Назар (д. Усть-Река Кижской трети)

⁸⁶ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 50.

⁸⁷ Древняя живопись Карелии. Каталог. Фонды музея «Кижы» / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. С. 8.

19. Ведехина Татьяна Захаровна (Петрозаводского уезда)
20. Гурова Пелагея Матвеевна (д. Житницы Толвуйской волости Петрозаводского уезда)
21. Григорьев Алексей Никулович (д. Мижостров Кижской трети)
22. Дегтярев Александр Дмитриевич (д. Кургеницы (Сявнега) Кижской вотчины)
23. Дегтярев Василий Дмитриевич (д. Кургеницы (Сявнега) Кижской вотчины)
24. Дегтярев Гаврила Дмитриевич (д. Кургеницы (Сявнега) Кижской вотчины)
25. Дегтярев Дмитрий Яковлевич (д. Кургеницы (Сявнега) Кижской вотчины)
26. Дегтярев Николай Дмитриевич (д. Кургеницы (Сявнега) Кижской вотчины)
27. Иванов Авраам (д. Кашкино Яндомозерской волости Кижской вотчины)
28. Иванов Егор Иванович (д. Шуйское (очевидно Шунгская) Повенецкого уезда)
29. Изотов Карп Матвеевич (д. Микково Великогубской волости Петрозаводского уезда)
30. Ильин Александр
31. Калехова Мария Меркуловна (д. Посад Кижской волости Петрозаводского уезда)
32. Качалов Павел Евстратович (д. Хашезеро Шуньгской волости Повенецкого уезда)
33. Клоров Иван Федорович (д. Леликово Кижской волости)
34. Клинов Василий Козьмич (д. Вика Острова)
35. Клинов Козьма Нефедович (д. Вика Острова)
36. Клинов Нефед Антонович (д. Вика Острова)
37. Козьмин Ермил (о. Кижы)
38. Котов Андрей Петрович (д. Великая Нива Толвуйской волости)
39. Круглов Корнэл Семенович (д. Окуловская Кижской вотчины Петрозаводского уезда)
40. Крылов Василий Иванович (д. Деригузово Шуньгской волости Повенецкого уезда)
41. Крылов Иван Иванович (д. Деригузово Шуньгской волости Повенецкого уезда)
42. Кузнецов Федор Петрович (д. Пегрема Кижской вотчины)
43. Лукин Александр Иванович (д. Сенная Губа)
44. Манойлов Иван Степанович (д. Киселевская Толвуйской волости)
45. Манойлов Осип Степанович (д. Киселевская Толвуйской волости)
46. Манойлов Степан (д. Киселевская Толвуйской волости)
47. Матвеев Петр Егорович (д. Пегрема Кижской трети)
48. Медведев Михай Сидорович (д. Гивес-Наволоок Кижской вотчины)
49. Мелехов Василий Григорьевич (Толвуйская волость Петрозаводского уезда)
50. Морозов Андрей Иванович (д. Селецкое Великогубской волости Петрозаводского уезда)
51. Морозов Иван Васильевич
52. Морозов Марк Степанович (д. Бздюровская (Сергачевская) Кижской вотчины)
53. Морозов Роман Савельевич (д. Ольховщина (Селецкое) Великогубской волости)
54. Морозов Филипп Романович
55. Морозов Филипп Федорович (д. Одинцово Шуньгской волости Повенецкого уезда)
56. Никулин Илья (д. Потаневская Кижской волости)

57. Никулин Родион Васильевич
58. Никулин Трофим Иванович (д. Потаневская Кижской волости)
59. Обрядин Николай Герасимович (д. Клементьевская Великогубской волости Петрозаводского уезда)
60. Ольхин Василий Васильевич (д. Харчевская (Ольхино, Ямка) о. Киж)
61. Ольхин Василий Елизарович (д. Харчевская (Ольхино, Ямка) о. Киж)
62. Ольхин Елизар Федосеевич (д. Харчевская (Ольхино, Ямка) о. Киж)
63. Ольхин Лазарь Елизарович (д. Харчевская (Ольхино, Ямка) о. Киж)
64. Ошевнев Нестер Максимович (д. Харчевская (Ольхино, Ямка) о. Киж)
65. Ошевнев Петр Нестерович (д. Гивес-Наволок Кижской волости Кижского общества)
66. Парамонов Григорий Андреевич (д. Харлово Толвуйской волости)
67. Пашков Федор Максимович (Петрозаводский уезд)
68. Петров Василий Яковлевич (Великогубская волость Петрозаводского уезда)
69. Петров Иван Леонтьевич (д. Кузнецовская Петрозаводского уезда Кижской волости)
70. Петров Леонтий (д. Кузнецовская Петрозаводского уезда Кижской волости)
71. Петров Сергей Леонтьевич (д. Кузнецовская Петрозаводского уезда Кижской волости)
72. Распутин Иван Васильевич (д. Медведево Шуньгской волости Повенецкого уезда)
73. Романов Иван Филиппович (д. Ольховщина (Селецкое) Великогубской трети)
74. Романов Тимофей Петрович (д. Кривоноговская Толвуйского погоста)
75. Романов Филипп (д. Ольховщина (Селецкое) Великогубской трети)
76. Савостьянов Андрей Васильевич (д. Петровское Сенногубской волости)
77. Сергин Сергей Лазаревич (Мунозеро Корасозерского прихода)
78. Сергин Дмитрий Лазаревич (Мунозеро Корасозерского прихода)
79. Сидоров Михай (д. Гивес-Наволок Кижской волости Кижского общества)
80. Сотников Назар Филиппович (Великогубская волость Петрозаводского уезда)
81. Стафеев Александр Михайлович (д. Боярщина Великогубской волости)
82. Степанова Евдокия Михайловна (д. Емельяновская Шуньгской волости)
83. Тимофей Василий (Кижская волость)
84. Тимофеев Иван (Кижская волость)
85. Тимофеев Родион Васильевич (Кижская волость)
86. Тrepалин (Сенная Губа)
87. Феопектов Василий Павлович (д. Матвеевская Яндомозерского уезда Кижской вотчины)
88. Феопектов Иван Павлович (д. Матвеевская Яндомозерского уезда Кижской вотчины)
89. Феопектов Павел (д. Матвеевская Яндомозерского уезда Кижской вотчины)
90. Фомин Иван Васильевич (Шуньгская волость Повенецкого уезда)
91. Черепов Андрей Данилович (д. Леликово Великогубской волости)

Ю. Н. Кожевникова

ПАЛЕОСТРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ И «АНТИМОНАШЕСКАЯ» ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В XVIII ВЕКЕ

Расположенный на острове Палей в северной части Онежского озера мужской Палеостровский монастырь, один из древнейших в Олонецкой епархии, не раз привлекал внимание историков: одни решали запутанный вопрос о времени его основания, другие изучали, как складывались обширные монастырские земельные владения, третьих интересовали трагические события, происходившие на Палеострове в последней четверти XVII в., когда обитель дважды пострадала от рук ревностных защитников «древлего благочестия»¹.

Наиболее полным исследованием по истории Палеостровского монастыря остается книга Е. В. Барсова², изданная в 1868 г.³ Она не утратила своего научного значения во многом благодаря приложенной к ней описи монастырского архива, который впоследствии рассеялся по разным хра-

¹ *Амелина Т. П.* Монастыри Южной Карелии и границы их земельных владений // Православие в Карелии: Материалы III региональной науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2008. С. 66–77; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XV вв. М., 1966; *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 437–450; *Спиридонов А. М.* Археологические исследования на усадьбе Палеостровского монастыря // Вестник Карельского государственного краеведческого музея. Вып. 2. Петрозаводск, 1994. С. 55–60; *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 223–226; *Шашков А.* Гари: Соловецкая мистерия черного дьякона Игнатия // Родина. 2000. № 10. С. 104–107. Житие преподобного Корнилия Палеостровского опубликовано в кн.: *Пигин А. В.* Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010. С. 209–213.

² Елпидифор Васильевич Барсов (1836–1917) – историк, исследователь фольклора, до 1870 г. преподаватель в Олонецкой духовной семинарии, член Олонецкого статистического комитета. О нем см.: *Григорьев С. В.* Биографический словарь: Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск, 1973. С. 52.

³ *Барсов Е. В.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае (с грамотами). М., 1868.

нилищам⁴, и публикации большей части его бумаг. Из-за недостатка письменных источников Е. В. Барсов мало касался событий XVIII в. Документы этого периода, хранившиеся в обители (важнейшие из них – данные новгородских посадников, жалованные грамоты царей и митрополитов – лежали в казенном амбаре, устроенном под колокольной, стоявшей отдельно от церквей⁵), сгорели во время страшного пожара 1793 г. Историк обнаружил и поместил в монографии только «несколько поступных записей о продаже монастырю мельниц по частям, на реке Ригнуксе, о уступке нескольких десятков сажень земли и небольших поженок окрестными доброхотодателями и неважные споры о владениях с разными лицами и местами»⁶. Не располагая фактическим материалом конца XVII и первой половины XVIII в., Е. В. Барсов заявлял, что они были «ничем особенным для монастыря не замечательны»⁷. Между тем именно в первой половине XVIII в. происходили важные перемены в судьбе не только этой северной обители, но и всего русского монашества в целом.

Вскоре после смерти патриарха Адриана (1700 г.) по приказанию Петра I был воссоздан Монастырский приказ⁸. Отныне земельными и финансовыми делами монастырей распоряжалось государство, используя накопленные ими богатства в своих целях. Царь-реформатор считал, что «чин монашеский» к началу XVIII в. «во многая безчиния развратился», а потому его следовало основательно исправлять с помощью жестких ограничений и запретов⁹. Новое законодательство о монашестве включало десятки указов. Вся жизнь чернецов до мелочей была поставлена под государственный контроль¹⁰.

Обратим внимание на те законы, которые напрямую касались монашеских общин. Один из них – именной петровский указ от 28 января 1723 г.

⁴ Небольшой самостоятельный фонд Палеостровского монастыря в Национальном архиве Республики Карелия (ф. 65) содержит 184 единицы хранения за 1801–1915 гг. Документы более раннего времени попали в собрание дел Новгородского приказа в Российский государственный архив древних актов (ф. 159), коллекция Е. В. Барсова – в Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ф. 450) и др.

⁵ ГАНУ. Ф. 450 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 1052. Л. 11.

⁶ Барсов Е. В. Палеостров... С. 37.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ В 1724 г. Монастырский приказ был переименован в «Камор-контору синодального правительства», в 1726 г. – в «Коллегию экономии синодального управления». С 1738 г. до своего упразднения в 1744 г. Коллегия экономии находилась в ведении Сената. В 1763 г. по указу императрицы Екатерины II она была восстановлена и просуществовала до 1786 г. См.: Барсов Т. В. Синодальные учреждения прежнего времени. СПб., 1897. С. 242–249.

⁹ Анисимов Е. В. Петр Великий: Личность и реформы. СПб., 2009. С. 316–320.

¹⁰ Например, см. разделы «О монахах», «Кого и как принимать в монахи», «О житии монахов», «О монахинях», «О монастырях», «О настоятелях монастырских» в «Прибавлении к Духовному регламенту» (1722 г.). Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. 6. № 4022.

«о переписке в монастырях монахов, о непострижении их вновь и об определении на убылые места отставных солдат»¹¹. Он требовал снова переписать всех, кто уже принял монашеские обеты (первая перепись состоялась в 1701 г.), и «впредь отнюдь никого не постригать». Возникавшие вакансии следовало заполнять «престарелыми и увечными солдатами». Тем самым монастыри по замыслу Петра I превращались в нужные для воевавшей страны богадельни и госпитали. Синодальный указ от 3 марта того же года подтверждал предыдущий и еще раз напоминал, чтобы «во всех епархиях нигде в монастырях как монахов, так и монахинь отнюдь никого без указа из Синода не постригали». Исключение было сделано только для «священников и диаконов вдовых, желающих монашества»¹².

Следует упомянуть другой, не менее важный, указ Петра I от 31 января 1724 г., где государь подробно и наиболее последовательно изложил свои мысли о «происхождении и цели установления монашеского звания»¹³. Кроме общих рассуждений о том, каков был «образ жития монахов древних», закон содержал конкретные меры, «како нынешних (монахов. – Ю. К.) исправить». Существование монастырей оправдывалось только их пользой, приносимой для общества: в них отправлялись «отставные солдаты, которые трудиться не могут, и прочие прямые нищие». Число братьев в общине определялось в пропорции: один монах на двух-четырёх больных или нищих. Монахи должны были жить в особых чуланах при больницах, настоятелям указывалось дважды в день обходить лазареты и следить за порядком в них. Необходимые для повседневной жизни вещи монастырские насельники получали у келаря – «потребные по уставу кому что». Законом предусматривались две «поварни», в которых еда готовилась отдельно для мирян и монашествующих. Если в монастыре находились монахи сверх «числа служения», они должны были «сами хлеб себе промышлять». Свободно выезжать из монастыря могли только настоятель, келарь и казначей «для нужд монастырских», остальным монахам требовалось «весьма выезд отсечь, ибо когда оставили мир, уже возвращаться в оной не надлежит»¹⁴.

По-видимому, воплотить в жизнь все перечисленные правила о монашестве не удавалось. Во многом этому помешала смерть Петра I. Его преемницы – Екатерина I и Анна Иоанновна – также издавали законы, продолжавшие «антимонашескую» политику государства. Так, в 1732 г. вышли

¹¹ ПСЗРИ. Т. 7. № 4151.

¹² Там же. № 4672.

¹³ Там же. № 4450.

¹⁴ Запрет монашествующим «бродить из монастыря в монастырь», скитаться и бродяжничать повторялся в законах не один раз. См.: ПСЗРИ. Т. 5. № 2985; Т. 6. № 3718; Т. 8. № 6177; Т. 11. № 8303.

дополнительные правила к «Духовному регламенту», в целом повторявшие предыдущие указы¹⁵. Результатом жестких мероприятий, направленных на «исправление монашеского чина», стало его «совершенно крайнее умаление». Члены Синода докладывали: «ныне в монастырях и пустынях... иеромонахов, иеродиаконов и монахов весьма недостаточно, а в некоторых никого нет, в числе же наличных многие престарелые и убогие... а из оставших солдат и вдовых священников и диаконов к пострижению желателей почти никого не является»¹⁶. В 1740 г. было позволено постригать в монашество с разрешения епархиального архиерея священно- и церковнослужителей, семинаристов, разночинцев «с вольными паспортами», крепостных крестьян с «отпускными за помещичьей рукой»¹⁷. При Екатерине II постриги снова стали возможны только по указу Синода¹⁸.

Преобразования в церковной сфере не миновали Палеостровский монастырь, который вместе с другими обителями Олонецкого края в XVIII в. переживал нелегкие времена¹⁹. К счастью для исследователей, сведения по его истории в первое столетие так называемого синодального периода сохранились в составе коллекций разных государственных архивов. Чтобы выяснить, каково было состояние монашеской общины на Палеострове, в данной статье использованы документы из обширных фондов Новгородской духовной консистории (Государственный архив Новгородской области), Александро-Свирского монастыря (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН), Олонецкой духовной консистории и Олонецкого губернского правления (Национальный архив Республики Карелия).

В нашем распоряжении есть самая ранняя ведомость о монашествующих Палеостровского монастыря за 1722 г.²⁰ В этот год по приказанию Петра I проводилась очередная перепись всех живших в России монахов и монахинь – составлялись реестры, где «за настоятельскими руками» указывались имя, возраст, светский чин (для монахинь – «звание» отца или мужа), число лет с момента пострига, послушание. Палеостровское братство возглавлял 56-летний строитель иеромонах Кирилл (Чудинов). Монашеский постриг он принял в 1700 г., когда вышел знаменитый петровский указ, запрещающий чернецам «держат в келиях чернилы и бумагу»²¹. В управлении монастырем строителю помогали келарь монах Ни-

¹⁵ ПСЗРИ. Т. 8. № 6177.

¹⁶ ПСЗРИ. Т. 11. № 8303.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ПСЗРИ. Т. 18. № 12960; Т. 19. № 13721.

¹⁹ См.: *Кожевникова Ю. Н.* Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 63–73.

²⁰ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 80.

²¹ ПСЗРИ. Т. 4. № 1834.

кандр (70 лет) и казначей монах Иона (59 лет). В монастырских церквах, кроме строителя, служил иеромонах Иаков (65 лет). Кроме них община включала еще 37 монахов в возрасте от 30 до 93 лет, из них два – схимника. В 1725 г. до Палеострова дошло очередное требование Новгородского архиерейского разряда о «непострижении на убывающие места в монашество без указа». В его получении расписались строитель иеромонах Иоасаф, келарь монах Варсонофий и казначей монах Феодосий²². Как видим, по прошествии трех лет монастырское руководство полностью сменилось, но монашеская обитель была по-прежнему населена (в ее братство входили 32 человека, хотя многим из них было уже далеко за 60 лет²³).

В конце 20-х гг. XVIII в. на полном монастырском довольствии в палеостровской братии находились двое отставных солдат. Один из них, Афанасий Борисов, вел себя вызывающе, постоянно буянил, причинял монастырю «немало обид и убытки и коварство»²⁴. Строитель игумен Авраамий в 1728 г. был вынужден просить новгородского епископа Феофана (Прокоповича)²⁵ о переводе солдата, «имеющего беспокойное житие», в соседний Клименецкий монастырь.

Строгие правила в отношении монашества повсеместно нарушались, несмотря на неоднократные предупреждения светских и духовных властей. Монастырское начальство, доведенное до крайнего отчаяния бессмысленными на его взгляд запретами, решалось на противоправные поступки, чтобы хоть как-то пополнить исчезающую на глазах братию: дряхлые старцы умирали один за другим, а вместе с ними угасала сама монашеская жизнь. В 1736 г. в Палеостровском монастыре при проверке, «твердо ли хранится» закон, выяснилось, что сразу семь человек стали монахами «без указа»²⁶. Все они приняли монашество в разные дни 1727 г. Один из них, монах Измаил (Поляков), «природою города Смоленска», был пострижен 11 февраля²⁷ строителем игуменом Авраамием, остальные – сменившим его иеромонахом Иаковом. Помимо названного Измаила, до монашества служившего в пехотном полку, «безуказные» монахи являлись местными уроженцами и крестьянами: Протасий – Толвуйской волости, Дорофей и Евфимий – дворцовой Кижской волости, Виктор – дворцовой вотчины Пудожской волости, Иоасаф – Алмозерской волости Вытегорского погоста, Аарон –

²² Архив СПбИИ РАН. Ф. 3 (Александро-Свирский монастырь). Оп. 1. Д. 13/10. Л. 451.

²³ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 110.

²⁴ Там же. Д. 186.

²⁵ Феофан Прокопович (1681–1736) – церковный и общественный деятель, сподвижник Петра I, новгородский архиепископ в 1725–1736 гг. См.: Великий Новгород. История и культура IX – XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 470–471.

²⁶ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 358. Л. 16об. – 17об.

²⁷ Все даты в статье указаны по старому стилю.

Заозерской вотчины Шуньгского погоста. Какова дальнейшая их судьба? Из ведомости, представленной в Новгородскую духовную консисторию, узнаем, что монахи Евфимий и Аарон умерли (соответственно 5 мая и 19 сентября 1734 г.), остальные монахи были расстрижены и отправлены в Смоленскую губернскую и Олонецкую воеводскую канцелярии «для определения на прежнее жилище». Игумен Авраамий, с которого по закону следовало взять штраф 10 руб. за один незаконный постриг, в то время был уже архимандритом в Иверском Богородицком монастыре²⁸. Другой провинившийся строитель иеромонах Иаков не дожид до проверки (скончался 2 февраля 1728 г.), «скарбу и денег от него не осталось»²⁹.

За следующие два десятилетия большая часть монахов Палеостровского монастыря умерла. Ведомость 1741 г. сообщает уже о семи насельниках: строителе-иеромонахе, келаре, казначее и четырех простых монахах³⁰. К середине XVIII в. их стало еще меньше. Е. В. Барсов, скорее всего, не работал с описью Палеостровского монастыря, составленной в 1755 г. после смерти строителя монаха Виталия³¹. Из нее мы узнаем, что в тот год «при монастыре братии схимонах Савватий, монах Феларит, монах Мелхиседек, да служителей бельцов Потап Максимов, Артемей Ияковлев, Клим Григорьев, Июда Ияковлев, Михей Иванов»³². Другими словами, в монастыре находились только трое простых монахов, без священного сана. Очевидно, в его деревянных церквях Рождества Богородицы и пророка Илии временно служили священники из ближайших приходов³³. Добавим, что в 1757 г. «на монастырском хлебном и денежном довольствиях» на Палеострове жил отставной солдат Алексей Соколов³⁴.

²⁸ Иверский Богородицкий Святоозерский мужской монастырь основал патриарх Никон в 1653 г. на одном из островов озера Валдайского. В 1712–1730 гг. он был приписан к Александро-Невской лавре, затем снова получил самостоятельность. В 1764 г. вошел в штаты. См.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. С. 143–145. Игумен Авраамий был переведен в Иверский монастырь в 1733 г. и скончался здесь 20 января 1747 г. См.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 54.

²⁹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 358. Л. 25.

³⁰ Там же. Д. 481. Л. 137.

³¹ Там же. Д. 1052.

³² *Мусеев С. В.* Монастыри Карелии в документах фонда Новгородской духовной консистории Государственного архива Новгородской области. Начало XVIII – первая четверть XIX в. // Новгородский архивный вестник. 2003. № 3. С. 181.

³³ Палеостровский монастырь окружали два больших многолюдных прихода, раскинувшихся по берегам Онежского озера – Толвуйский (в 1742 г. 150 дворов, 893 души, церковь Живоначалной Троицы) и Шунгский (130 дворов, 350 душ, церковь Рождества Иоанна Предтечи). ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 546.

³⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1052. Л. 33.

В ходе секуляризации монастырской собственности при Екатерине II Палеостровский монастырь был выведен за штат «безо всякого пособия от правительства»³⁵. В 1768 г. указом викарного епископа Олонецкого и Каргопольского Антония³⁶ трое монахов из него – Арсений, Виссарион и Феофилакт – переводились «в штатное число» в трехклассный Александро-Ошевенский монастырь (Каргопольский уезд)³⁷, к тому времени практически обезлюдевший (когда в 1763 г. потребовалось отправить кого-либо из иеромонахов в приписанную Хергозерскую пустынь, выяснилось, что «посылать для службы некого», так как в самом Александро-Ошевенском монастыре «службу исправляет вдовой священник Иоанн Меркурьев»³⁸). Таким образом, спасая штатную обитель, епархиальное руководство было вынуждено жертвовать благополучием другой, заштатной.

В 1783 г. бывший палеостровский игумен Антоний просил викарного епископа Виктора перевести его в Александро-Свирский монастырь «в число братства». Архиерейское разрешение было получено, но свирский архимандрит Варлаам отвечал, что в его монастыре «имеется полное штатное число иеромонахов», поэтому принять игумена он не сможет³⁹.

В 1788 г. проводилась очередная перепись священников и церковных служителей Олонецкого наместничества⁴⁰. Ее главная цель заключалась в том, чтобы выявить клириков, живших «за штатом» при приходских церквях в каждом из уездов. На имя правителя наместничества статского советника Афанасия Ивановича Чирикова⁴¹ в течение года поступили рапорты от всех уездных земских исправников с приложенными к ним поименными списками, при создании которых учитывались даже грудные младенцы мужского пола. Особо следовало указать, «не имеется ли какой неизлечимой болезни или повреждения членов» у тех, кто находился «за штатом». В поле зрения составителей ведомости по Петрозаводскому уезду по непонятной причине попал и Палеостровский монастырь, «со-

³⁵ См.: Кожевникова Ю. Н. Заштатные монастыри Карелии. Результаты и последствия секуляризационной реформы 1764 года (на примере Палеостровского Рождества Богородицы монастыря) // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 31–45.

³⁶ В 1764 г. в составе Новгородской митрополии была выделена викарная Олонецкая и Каргопольская епархия. См.: Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество... С. 18–30.

³⁷ ГААО. Ф. 1514 (Александро-Ошевенский монастырь). Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

³⁸ Там же. Д. 1. Л. 117–117об.

³⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 28/29. Л. 27–28.

⁴⁰ Созданное в 1784 г. Олонецкое наместничество включало восемь уездов: Петрозаводский, Олонецкий, Вытегорский, Каргопольский, Повенецкий, Лодейнопольский, Пудожский и Кемский (последние три уезда с 1785 г.). См.: Бутвило А. И., Ефимова В. В. История государственного управления в Карелии: Учебное пособие. Петрозаводск, 2005. С. 11.

⁴¹ А. И. Чириков был правителем (губернатором) Олонецкого наместничества в 1788–1792 гг. См.: Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: Биографический справочник. Петрозаводск, 2006. С. 26–27.

стоящий на своем пропитании»⁴². Благодаря этому известно, что на Палеострове оставалось всего три старца: строитель иеромонах Корнилий (67 лет), монахи Феофилакт (83 года) и Арсений (67 лет). Также при монастыре находились «под искусом присланный при указе» пономарь Иван Малафеев, «за штатом» определенный «для пропитания» пономарь Федот Михайлов (с уточнением, что у него «не имеется нескольких зубов») и его «во всем здоровых» шестеро малолетних сыновей⁴³.

При следующем строителе иеромонахе Симоне, в 1793 г., Палеостровский монастырь полностью сгорел. В течение пяти лет после пожара построили только самое необходимое: церковь Рождества Богородицы, совсем небольшая по сравнению с прежней (ее поставили на месте сгоревшей часовни, над мощами преподобного Корнилия Палеостровского), настоятельские и братские кельи, вокруг них деревянную ограду⁴⁴. Для четверых человек, живших на Палеострове (иеромонах Симон, монахи Феофилакт и Иосиф, послушник Иван Петров⁴⁵), этого было вполне достаточно.

В самом конце XVIII в. Палеостровский монастырь по-прежнему являлся «малобратственным». Как свидетельствует ведомость за 1800 г., под руководством строителя иеромонаха Игнатия «в надежде пострижения» в нем «подвизались» вдовы священник Дмитрий Матфеев (при нем находился его сын Петр) и диакон Петр Гаврилов, а также монах Иосиф, послушники Иван Иванов и Иоаким Дмитриев, «определенные по указу для обучения из церковников» Петр и Алексей Федотовы⁴⁶. Любопытно, что братья Федотовы – сыновья дьячка соседнего Толвуйского прихода – до поступления в Палеостровский монастырь безуспешно пытались учиться в Новгородской духовной семинарии («оказались великовозрастны и слабых способностей»)⁴⁷.

Итак, на примере Палеостровского монастыря очевидны губительные для российского монашества последствия «антимонастырской» политики, начатой Петром I. Принимавшиеся законы значительно сократили число монастырей и их насельников, но не способствовали «оздоровлению» монашеской жизни. Мы видим, как на протяжении XVIII в. община на Палеострове уменьшалась из года в год: от нескольких десятков монахов в начале столетия до считанных единиц в его конце. На место уни-

⁴² Сведений о других действующих монастырях края (Александровском, Александровском-Ошевенском, Успенском Девичьем, Спасо-Каргопольском) в материалах переписи нет.

⁴³ НАРК. Ф. 2 (Олонецкое губернское правление). Оп. 61. Д. 16/216. Л. 173об.

⁴⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35/30. Л. 6–6об.

⁴⁵ НАРК. Ф. 25 (Олонецкая духовная консистория). Оп. 15. Д. 2/20. Л. 1об.

⁴⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35/30. Л. 5.

⁴⁷ НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 9/58. Л. 1.

равших иноков переводились вдовы или заштатные священники, диаконы, церковные служители; для присмотра за хозяйством селились «бельцы», т. е. миряне; отставные солдаты, жившие в монастыре, причиняли немалое беспокойство прочим насельникам. Характерным признаком кризисной ситуации была частая смена монастырского руководства – строителя, келаря и казначея. Обезлюдевший и разоренный сильным пожаром в середине 90-х гг. XVIII в. Палеостровский монастырь пришел в упадок и, вполне вероятно, находился на грани своего исчезновения. Перемены в государственной политике спасли его от закрытия и дальнейшего преобразования в приход. В царствование Павла I в истории русского православного монашества началась новая эпоха, когда многие обители стали возрождаться с помощью частного капитала. Заштатные монастыри, включая Палеостровский, стали получать «милостинное подаяние» от государства и постепенно вернули себе большую часть своих прежних земельных владений.

Л. С. Харебова

БИБЛИОТЕКА КИЖСКОГО ПРИХОДА В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ

Автор предлагает вниманию очередную публикацию, посвященную истории формирования библиотеки Кижского прихода. Ранее для воссоздания ее состава уже использовались как архивные источники, так и фондовые музейные собрания. В процессе изучения коллекции Карельского государственного краеведческого музея было установлено, что большая часть книг из кижских церквей находится в фондах этого музея¹. Документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия, позволили расширить информацию по теме, в частности, проследить формирование библиотеки прихода во второй половине XIX в. Основными источниками для воссоздания состава и репертуара библиотеки послужили описи церковного имущества, составленные причтом в 1826, 1830 и 1867 гг.²

Список книг, имевшихся в наличии в 1826 г., включает 108 экземпляров (56 изданий). Среди них – пять Евангелий разного формата, а именно: «1-е Евангеліе на Александрійской бумагѣ съ золотомъ обрѣзь въ поллистъ, обложено краснымъ бархатомъ, в срединѣ образъ Господа Саваофа съ четырма евангелистами на углахъ сребренными чеканными позлащенные – 1 аршин 10 вершков.

2-е въ целой простой золотообрезной листъ, въ срединѣ образъ Господа Вседержителя съ евангелистами по угламъ сребренными чеканной работы, обложено новымъ московскимъ бархатомъ – 1 аршин 10 вершков.

3-е въ простой же золотообрезной листъ, в срединѣ коего образъ Воскресенія Господня по угламъ, евангелисты и вся дска чеканная серебряная, побложено новымъ бархатомъ – 1 аршин.

4-е малое въ осмюю часть листа золотообрезное, обложено зеленымъ бархатомъ, евангелисты и верхняя дска – мѣдная, посеребрена.

¹ Харебова Л. С. О библиотеке Кижского прихода // Рябининские чтения-2007 (Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера). Петрозаводск, 2007. С. 450–453.

² НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 129/2449; Ф. 25. Оп. 12. Д. 32/2; Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5.

5-е малое же листы по краямъ вызолочены, въ черномъ бархатѣ, евангелисты на камняхъ и дска серебрянная вызолочена – 14 вершков³.

В описи 1867 г. среди церковного имущества, хранящего в ризнице церкви Преображения Господня, перечислены шесть экземпляров Евангелия. Два издания (1834 и 1847 гг.) для библиотеки приобрели между ревизиями. Еще одно – в серебряном окладе, ценою в 120 рублей серебром – пожертвовал приходу крестьянин Иван Гаврилов Чиворов⁴. В 1865 г. одну книгу передали «на время» во вновь освященную Введенскую церковь в деревне Сибово⁵. Экземпляр «малого» Евангелия отдали в Великогубскую церковь Алексея человека Божьего «за цену». В марте 1860 г. был заново переплетен обветшавший экземпляр московского издания 1681 года: «бывшие по углам простого привесного серебра евангелисты и в середине с лица образ Вседержителя позлащены, обложено новым красного цвета бархатом»⁶. До наших дней сохранилось только одно напестольное Евангелие из церкви Кижского погоста – оно находится в фондах Карельского краеведческого музея⁷.

Среди архивных документов имеются отчеты об использовании денежных средств на приобретение книг. В ноябре 1859 г. на эти цели было выделено 9 рублей 80 копеек, в 1864 г. приобрели книг на 10 рублей 17 копеек. С 1855 по 1866 г. в библиотеку Кижского прихода поступило 64 издания, семь из них передал архиепископ Игнатий, возглавлявший Олонецкую кафедру с 1828 по 1842 г. Наличие в церковных библиотеках книг, автором которых являлся глава епархии, особо оговаривали в отчетах в Олонецкую духовную консисторию приходские священнослужители⁸. Также в обязательном порядке рассылалась по приходам книга «Новая скрижаль, или объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных» Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского (в миру В. Ф. Румовский-Краснопевков). 160 экземпляров этого издания было выделено Олонецкой епархии, из них десять просил выписать священник Космозерского погоста Михаил Чернянский, объясняя потребность в книге: «...из десяти церквей ввереннаго мне благочиния имеется таковая книга при одной только Кижской – и то древняго издания»⁹. Издание «Новой скрижали» 1858 г. находим мы и среди сохранившихся в фондах КГКМ книг из кижской библиотеки¹⁰.

³ НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 129/2449. Л. 2–2об.

⁴ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 16об.

⁵ В 1865 г. часовня в д. Сибово была перестроена в церковь по указу Олонецкой духовной консистории.

⁶ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 46.

⁷ См. Приложение, № 328.

⁸ Например, в рапорте исправляющего должность Благочинного Повенецкого уезда священника Феодора Русанова от 15 января 1872 г. (НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 52/4. Л. 32).

⁹ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 38–46.

¹⁰ См. Приложение, № 554.

Выписывались для Кижского прихода и периодические издания. Их приобретали как на «кошельковые» суммы, так и на собственные средства священников. С 1858 по 1861 г. в приходскую библиотеку поступили: «Православный собеседник», «Православное обозрение», «Духовная беседа», «Воскресное чтение»¹¹.

В приложении к данной статье публикуется фрагмент описи имущества церкви Преображения Господня и Покрова Пресвятой Богородицы Олонецкой епархии Петрозаводского уезда Кижского погоста, составленной в 1867 г., которая хранится в Национальном архиве Республики Карелия¹². В документе учтены 164 экземпляра книг (126 изданий) и шесть комплектов периодических изданий (51 экз.). «Опись книгохранилища и письменности» состоит из шести разделов («отделений»): «Книги Священного Писания», «Богослужебные книги», «Писания Святых Отцов», «Прочие книги духовного содержания», «Книги исторические», «Периодические издания». В каждом разделе книги распределены по форматам («в поллист», «в 4-ю долю листа», «в 8-ю долю листа»). В опись включены и три рукописные книги. Структура приходской библиотеки в 1867 г. представлена в таблице:

Раздел в описи	Количество изданий	Количество экземпляров
Книги Священного Писания	10	12
Богослужебные книги	52	64
Писания Святых Отцов	20	28
Прочие книги духовного содержания	39	55
Книги исторические	5	5
Периодические издания	6	51

Во время ревизии церковного имущества, проходившей в 1867 г., на экземплярах книг были поставлены порядковые номера, соответствующие номерам книг в описи. Эти пометы позволили идентифицировать некоторые экземпляры, дошедшие до нас в дефектном виде. Так, например, в описи под № 481 зафиксирована «Служба на первую неделю святой Четырдесятницы» в трех частях и книгах, в кожаном переплете, изданная в Москве в 1811 г. В фондах КГКМ хранятся два экземпляра из этого комплекта. На форзаце одной из книг – «Службы на каждый день первья Седмицы поста» (М., 1811) – читается запись: «№ 481. Кижской церкви». Второй экземпляр, без титульного листа, содержит тексты служб на среду и четверг первой седмицы Великого поста и, скорее всего, является второй книгой указанного издания¹³.

¹¹ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 9–10.

¹² Там же. Ф. 25. Оп. 12. Д. 32/2. Л. 17, 17об., 41, 50.

¹³ Правильность датировки подтверждает бумага экземпляров (с белой датой «1810»), кроме того, в тексте книг упоминаются члены царской семьи, что также позволяет отнести издание к указанному времени.

Следующее издание – «Службы в страстную седмицу», зафиксированное в описи под № 482, вышло из печати также в 1811 г. в Москве и также состояло из трех частей. Из этого комплекта сохранился только один экземпляр, тоже дефектный, содержащий тексты служб в пятницу и субботу. Помогла его идентифицировать помета на форзаце «№ 482-й Кижской церкви».

Сопоставление помет на книгах с архивной описью помогло идентифицировать без осмотра *de visu* два экземпляра книг из Кижского прихода, находящихся в фондах историко-краеведческого музея в городе Лодейное Поле Ленинградской области¹⁴. Это оказались издания Московской Синодальной типографии: Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского (1748 г.) и экземпляр Псалтири с воследованием 1788 г. (см. № 462, 515 в Приложении). Всего в результате исследования установлено современное местонахождение 64 книг приходской библиотеки в Кижках, не считая периодических изданий (в приложении эти экземпляры отмечены).

В последние годы в нашей республике проводится интенсивная работа по выявлению и описанию старопечатных книг. В 2008 г. между учреждениями, имеющими в своих фондах коллекции редких книг, был заключен договор о совместной работе по изданию каталога книг кириллической печати, имеющихся на территории республики. В 2009–2010 гг. авторский коллектив, состоящий из специалистов Национальной библиотеки РК, научной библиотеки Петрозаводского университета и музея-заповедника «Кижки», подготовил описания более 400 экземпляров кириллических книг, изданных с 1569 по 1830 г. Несомненно, издание этого каталога будет способствовать расширению историко-культурных знаний о духовной жизни народов Карелии.

Приложение

Опись церковей Преображения Господня и Покрова Пресвятой Богородицы Олонецкой епархии Петрозаводского уезда Кижского погоста, составленная того ж погоста священно- и церковнослужителями и церковным старостой в 1867-м году¹⁵

ЧАСТЬ 2-Я. ОПИСЬ РИЗНИЦЫ. ОТДЕЛЕНИЕ 1-Е. ЕВАНГЕЛИЯ

326. Евангелие в лист, обложенное красным бархатом, на верхней доске риза серебряная позлащенная 84-й пробы с изображением на середине Воскресения Христова, а по углам 4-х евангелистов, на нижней доске на середине крест и наугольники с ножками серебряные позлащенные 84-й пробы. Москва, 1847.

¹⁴ Благодарю А. В. Пигина за указание на местонахождение книг, а также сотрудников Лодейнопольского музея за предоставление необходимой информации.

¹⁵ Документ публикуется с использованием современной орфографии.

327. Евангелие в лист, обложено красным бархатом, в середине изображение Спасителя на кресте, по углам 4-х евангелистов, непробоного серебра, под золотом. Москва, 1681.

328. Евангелие в лист, обложенное красным бархатом, на середине образ Спасителя на троне, по углам 4-х евангелистов, посеребрённые. Москва, 1754.

Современное местонахождение: КГМ-15851. Запись: «*Сие Священное Евангелие Принадлежит Кижского погоста церквам Преображения Господня и Покрова Богородицы. А подписал оное тех церквей священник Андрей Иоаннов Русанов*»¹⁶.

329. Евангелие в лист, обложенное красным бархатом, в середине образ Воскресения Христова, по углам 4-х евангелистов, медные. Москва, 1754.

330. Евангелие в 8-ю долю листа, обложенное красным плисом, верхняя доска медная посеребрена, на коей изображение Спасителя и евангелистов. Москва, 1750.

331. Евангелие в 8-ю долю листа, обложенное красным бархатом, верхняя доска обложена посеребрённую медью, на коей изображение Спасителя и евангелистов финевтовыя. Москва, 1834.

ЧАСТЬ 3-Я. ОПИСЬ КНИГОХРАНИЛИЩА И ПИСЬМЕННОСТИ

Отделение 3-е. Печатные книги Священного Писания в 4-ю долю листа

451. Три последние тома Священной Библии начиная с книги Паралипомена без означения года и места издания в кожаном переплете.

Современное местонахождение: КГМ-17103. Библия. Т. 3. [1810-е гг.]. Запись: «*№ 451-й Кижской Преображенской церкви*»; КГМ-17099. Т. 4. Запись: «*Книга Кижской Преображения Господня церкви*».

452. Новый Завет в кожаном переплете. Москва, 1725.

Современное местонахождение: КГМ-15833. Новый Завет. М., 10.1715. Запись: «*№ 452 Кижской церкви*».

453. Той же книги подобный экземпляр без начального листа.

Отделение 4-е. Печатные книги Священного Писания в 8-ю долю листа

454. Новый Завет на славянском языке в бумажном переплете. СПб., 1861.

455. Новый Завет в русском переводе в бумажке. СПб., 1860.

¹⁶ Описание экземпляров изданий см.: Коллекция рукописных и печатных книг кирилловского шрифта: Каталог / Карельский государственный краеведческий музей; Сост. Панова Н. М. Петрозаводск, 1997.

Отделение 4-е. Богослужебные книги в поллист

456. Большой Требник в новом кожаном переплете. Москва, 1860.
457. Той же книги подобный экземпляр в ветхом кожаном переплете. Москва, 1747.
Современное местонахождение: КГМ-15891. Требник. М., 1747. Запись: «№ 457-й Требник Кижской Преображенской церкви».
458. Октоих в двух книгах в ветхом кожаном переплете. Москва, 1818.
Современное местонахождение: КГМ-16421. Октоих. М., 1818. Запись: «№ 458-й Кижской Преображенской церкви».
459. Общая Минейя в ветхом кожаном переплете без означения года и места издания.
460. Двенадцать книг месячных Миней, из коих: за сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, февраль – Москва, 1692; за январь, март, апрель, май, июнь, июль, август – Москва, 1693.
Современное местонахождение: КГМ-12426, 13739, 15855, 15825. Минейя служебная (сентябрь, октябрь, декабрь, февраль). М., 1692. КГМ-15837, 16413, 1324/2, 15842. Минейя служебная (апрель, май, июнь, июль). М., 1693. Записи на всех экземплярах, кроме мартовского тома: «№ 460 Кижской церкви».
461. Псалтирь со воследованием в ветхом кожаном переплете. Москва, 1788.
Современное местонахождение: КГМ-17082. Псалтирь с воследованием. М., 1788. Запись: «№ 461 Кижской церкви».
462. Другой экземпляр той же книги и в таком же переплете. Москва, 1788.
Современное местонахождение: Историко-краеведческий музей г. Лодейное Поле. КП-3273/IV № 2030. Псалтирь с воследованием. М., 1788. Запись: «№ 462 Кижской церкви».
463. Минейя общая на праздники Господские, Богородичные и Святых в кожаном переплете. Москва, 1759.
464. Той же книги подобный экземпляр в кожаном переплете. Москва, 1780.
465. Постная Триодь в кожаном переплете. Москва, 1757.
Современное местонахождение: КГМ-15892. Триодь постная (Триодион). М., 04.1757. Запись: «№ 465-й Кижской церкви».
466. Той же книги подобный экземпляр. Москва, 1841.
Современное местонахождение: КГМ-15887. Триодион. М., 1841. Запись: «Сия книга Триодион Кижскаго погоста церквей Преображения Господня и Покрова Богородицы казенная».
467. Цветная триодь в кожаном переплете. Москва, 1755.
468. Той же книги подобный экземпляр без начального листа.

Современное местонахождение: КГМ-16420. Триодь цветная. М., 03.1670. Запись: «№ 468-й Кижской церкви».

469. Апостол в кожаном переплете. Москва, 1771.

Современное местонахождение: возможно, КГМ-17085. Апостол. М., 1771.

470. Молитвы, читаемые в навечерии Пятидесятницы в бумаге. Москва, 1821.

471. Служебник в кожаном переплете. Москва, 1753.

472. Той же книги подобный экземпляр. Москва, 1785.

Современное местонахождение: КГМ-15874. Служебник. М., 1785. Запись: «№ 472 Кижской церкви».

473. Малая Псалтирь в новом кожаном переплете. Москва, 1860.

474. Той же книги подобный экземпляр. Москва, 1790.

475. Ирмологий в новом кожаном переплете. Москва, 1857.

Современное местонахождение: КГМ-20835. Ирмологий. М., 1857. Записи: «№ 475-й», «В Кижскую Преображенскую церковь куплен в 1864 году».

476. Той же книги подобный экземпляр в ветхом кожаном переплете. Москва, 1810.

477. Ирмолог нотный в кожаном переплете. Москва, 1772.

Современное местонахождение: КГМ-15839. Ирмологий нотного пения. Т. 1 (гласы 1-4). М., 06.1772. Запись: «Сия книга Кижскаго погоста церкви Преображения и Покрова Богородицы и Николая чудотворца казенная первый том четыре гласа».

478. Обиход церковный нотный в кожаном переплете. Москва, 1772.

479. Обиход нотный на двенадцатые праздники. Москва, 1772.

480. Октоих нотный в кожаном переплете. Москва, 1795

Современное местонахождение: КГМ-15873. Октоих нотный. М., 1795. Запись: «№ 480 Кижской церкви».

481. Служба на первую неделю Святыя Четырдесятницы в 3-х частях и книгах в кожаном переплете. Москва, 1811.

Современное местонахождение: КГМ-15871. Службы на каждый день первыя Седмицы поста. М., 1811. Записи: «№ 481», «Кижской церкви». КГМ-15882. Служба первыи седмицы. Середа. Четверг. [1811 г.]. Запись: «И.Д. Псаломщик Ал. Ржановский 1882 года марта 16 дня».

482. Служба на страстную неделю Святыя Четырдесятницы в 3-х частях и книгах в кожаном переплете. Москва, 1811.

Современное местонахождение: КГМ-15875. Служба в страстную седмицу. Пятница. Суббота. [1811 г.]. Запись: «№ 482-й Кижской церкви».

483. Книга молебных пений в новом кожаном переплете. Москва, 1862.

484. Книга благодарного пения в кожаном переплете. Москва, 1743.
485. Тетрадь благодарного пения на возшествие и коронацию Его Императорского Величества. Москва, 1762.
486. Служба Марии Магдалине в рукописи.
487. Служба Св. Димитрию митрополиту Ростовскому в рукописи, писана в 1789 г.

Богослужебные книги в 4-ю долю листа

488. Последование благодарного пения за ниспровержение крамолы при Императоре Николае Павловиче в бумажке.
489. Акафист Покрову Божьей Матери в бумажном переплете. СПб., 1858.
490. Чиновник рукописный в кожаном переплете.
491. Последование молебного пения к Господу Богу, певаемое в время брани против супостатов в бумажном переплете.

Богослужебные книги в 8-ю долю листа

492. Служебник в кожаном переплете. Москва, 1857.
493. Часослов в кожаном переплете. Москва, 1780.
494. Канонник без означения года и места издания в кожаном переплете.
495. Требник малый в кожаном переплете.
496. Последование на день св. Пасхи и на всю светлую седмицу в кожаном переплете. Москва, 1861.
497. Чин поминовения воинов в бумажном переплете. Москва, 1862.
498. Служба Александру Невскому без означения года и места издания.
499. Служба Иоанна воина 30 июля. Москва, 1862.
500. Служба св. Николаю Чудотворцу 6 декабря без означения года и места издания.
501. Служба св. Иоанну Богослову 26 сентября без означения года и места издания. Современное местонахождение: КГМ-15886. Служба на день Иоанна Богослова. М., [1765]. Запись: «№ 501-й. Сия книга Кижского погоста».
502. Служба Нерукотворному Спасу 16 августа без означения года и места издания.
503. Служба на день нового года без означения года и места издания. Современное местонахождение: КГМ-15885. Служба на день Нового года. М., [1765]. Запись: «№ 503 Кижской церкви».
504. Служба святых и праведных Захарии и Елизаветы в бумажном переплете без означения года и места издания.

505. Служба на Богоявление 6 января в бумаге без начальных и конечных листов.

506. Служба Покрову Божьей Матери в кожаном переплете без начальных листов.

Современное местонахождение: КГМ-15880. Служба празднику Покрова Богородицы. М., [1765]. Запись: «№ 506 Кижской церкви».

507. Молебное пение от наводнения в бумажном переплете. СПб., 1824.

508. Молебное пение на заразительные и губительные немощи. Москва, 1771.

509. Молебное пение на избавление от галлов в бумажном переплете. 1826.

Отделение 5-е. Писания Св. Отцов в поллист

510. Толкование св. Иоанна Златоустого на послание к римлянам и филиппинянам в кожаном переплете. Москва, 1806.

511. Толкование его же на послание к коринфянам в кожаном переплете. Москва, 1806.

Современное местонахождение: КГМ-15860. Иоанн Златоуст. Беседы. М., 1806. Запись: «№ 511-й Беседы Кижской церкви».

512. Маргарит Златоустого в кожаном переплете. Москва, 1803.

Современное местонахождение: КГМ-12431. Иоанн Златоуст. Маргарит. М., 08.1803 г. Запись: «№ 512 Кижской церкви».

513. Толкование на евангелиста Матфея его же в кожаном переплете. Москва, 1781.

Современное местонахождение: КГМ-15820. Иоанн Златоуст. Беседы на евангелиста Матфея. М., 11.1781. Запись: «№ 513 Кижской церкви».

514. Толковое Евангелие на недели в кожаном переплете без означения года и места издания.

Современное местонахождение: КГМ-15820. Иоанн Златоуст. Беседы на евангелиста Матфея. М., 11.1781. Запись: «№ 514 Кижской церкви».

515. Толковое Евангелие Феоктиста (!) Архиепископа Болгарского в кожаном переплете. Москва, 1748.

Современное местонахождение: Историко-краеведческий музей в г. Лодейное Поле, КП-285/III № 943. Феофилакт Болгарский. Евангелие толковое (Блавестное). М., 1748. Запись: «Кижской № 515».

516. Сборник в кожаном переплете. Москва, 1804.

Современное местонахождение: КГМ-16418. Соборник. М., 1804. Запись: «Сия книга глаголемая Соборник Кижскаго погоста церкви Преображения Господня казенная куплена в 1810 году».

517. Книга Иоанна Лествичника в кожаном переплете. Москва, 1785.

Современное местонахождение: КГМ-16410. Иоанн Лествичник. Лествица. М., 1785. Запись: «Сия книга глаголемая Лествица Кижскаго прихода церкви Преображения Господня и Покрова Богородицы в пределе Николая чудотворца казенная».

518. Розыск св. Димитрия Митрополита Ростовскаго в кожаном переплете. Москва, 1755.

Современное местонахождение: КГМ-15833. Димитрий Ростовский. Розыск о брынской вере. М., 1755. Запись: «Сия книга глаголемая Розыск Петрозаводскаго уезда Кижскаго прихода церкви Преображения Господня казенная куплена у Санкт-Петербургскаго купца Константина Антонова 1802 года декабря 22 дня а цены плочено три рубли».

519. Краткие поучения из разных Святых Отец и Учителей, собранные в кожаном переплете. Москва, 1784.

Современное местонахождение: КГМ-15862. Краткие поучения главнейших спасительных догматов веры. М., 1787. Запись: «№ 519-й Кижской Преображения Господня церкви казенная».

520. Кормчая в двух частях и двух книгах в кожаном переплете. Москва, 1784.

Современное местонахождение: КГМ-15821. Кормчая. Ч. 1. М., 1787. Запись: «№ 520 Кижской Преображенской церкви».

521–524. Четыре книги Прологов в кожаном переплете, из коих: за сентябрь, октябрь и ноябрь – Москва, 1696; за декабрь, январь и февраль без означения года издания; за март, апрель и май без означения года и места издания; за июнь, июль и август – Москва, 1662.

Современное местонахождение трех экземпляров: КГМ-15843. Пролог (сентябрь – ноябрь). М., 11.1696. Записи: «№ 521», «Сия глаголемая Пролог Кижскаго погоста церкви Преображения Господня и Покрова пресвятыя Богородицы в пределе Николая чудотворца казенная». КГМ-15857. Пролог, март – май. М., 03.1662. «Сия книга глаголемая Пролог... Кижскаго погоста церкви Преображения Господня казенная». КГМ-15826. Пролог, июнь – август. М., 03.1662. Помета: «№ 524».

525–528. Четыре книги Четих Миней, из коих: за сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль – Москва, 1796; за март, апрель, май, июнь, июль, август – Москва, 1696. Каждая из сих книг в ветхом изорванном переплете.

Современное местонахождение трех экземпляров: КГМ-15866, 15835, 17088. Димитрий Ростовский. Книга житий святых. Ч. 2–4. М., 1796. Записи на экз.: 1) «№ 526-й Кижской церкви». 2) «№ 527-й Кижской церкви». 3) «№ 528», «Сия книга есть минея июньская четверть Петрозаводскаго уезда Кижскаго прихода церкви Преображения Господня казенная подписал священник Симеонъ Стефановъ своеручно 1805-го года сентября 12 дня».

Писания Св. Отцов в 4-ю долю листа

529. Три книги Поучений Димитрия Ростовскаго в кожаном переплете. Москва, 1818.

Современное местонахождение: КГМ-12428, 12429, 12430. Димитрий Ростовский. Сочинения. Ч. 1–3. М., 1818. Записи: «*Сия книга принадлежит Кижской Преображенской церкви и Покрова Пресвятыя Богородицы, а подписал той же церкви священник Андрей Иоаннов Русанов, 1857 года мая 5 дня*», «*Сия книга Кижской церкви Преображения Господня. 1824 года марта 10 дня*».

530. Толкование на пророка Осию Иринея епископа в кожаном переплете. СПб., 1804.

Современное местонахождение: КГМ-15893. Толкование на 12 пророков. Ч. 1. Толкование на пророка Осию. СПб., 1804. Запись: «*Сия книга Кижскаго № 530-й*».

531. Слова Иоанна Златоустаго о священствах в бумажном переплете. СПб., 1818.

532. Творения св. Ефрема Сирина 4-я часть в русском переводе в бумажном переплете. Москва, 1860.

533. Творения Св. Отцов в русском переводе в 4-х книгах в бумажном переплете. Москва, 1863.

534. Сокровище Духовное от мира собираемое св. Тихона епископа Воронежского на русском языке в двух книгах в бумажном переплете в 4-х частях, из коих одна книга 1861, а другая –1862.

Отделение 6-е. Прочие книги духовного содержания в поллист

535. Книга повседневных поучений в кожаном переплете. Москва, 1757.

536. Книга Синодальных поучений в 3-х частях в кожаном переплете. Москва, 1776.

Современное местонахождение: КГМ-15864. Гавриил (Петров) и Платон (Левшин) – собиратели и редакторы. Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни. М., 1776. Запись: «*№ 536 Кижской Преображенской церкви*».

537. Пастырское увещание о прививании предохранительной оспы Епископа Евгения в бумажном переплете. СПб., 1811.

Прочие книги духовного содержания в 4-ю долю листа

538. Собрание поучений на дни воскресные, праздничные и высокаторжественные Св. Четыредесятницы, изданное в редакции Киевской Духовной академии в двух томах и книгах в кожаном переплете. Киев, 1855.

539. Дни богослужений Православной церкви протоиерея Ребольского в двух книгах в бумажном переплете. СПб., 1858.

540. Беседы Евсевия Епископа Самарского на воскресные и праздничные Евангелия в двух книгах в бумажном переплете. М., 1855.

Современное местонахождение: КГМ-17013, 17023. Евсевий, епископ Самарский. Беседы на воскресные и праздничные евангелия. В 2-х ч. Москва, 1855. Помета: «№ 540-й».

541. Поучения о православной вере, предложенные по порядку пространного Катехизиса, Евсевия Архиепископа Могилевского в 3-х книгах в бумажном переплете. СПб., 1863.

Современное местонахождение одного экземпляра: КГМ-17017. Евсевий, архиепископ Могилевский. О православной вере. Поучения, предложенные по порядку пространного Катехизиса православной церкви. Кн. 2. СПб., 1863. Запись: «№ 541 Кижской церкви».

542. Катехизические беседы с прихожанами. Издание 2-е Стратилатова в бумажном переплете.

543. Слова и речи Высокопреосвященства Митрополита Никанора в 3-х томах в бумажном переплете. СПб., 1857.

Современное местонахождение двух экземпляров: КГМ-17022, 17015. Избранные слова и речи Никанора, митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского. Т. 2, 3. СПб., 1857. Запись: «№ 543 Кижской церкви».

544. Слова приходского священника к своей пастве на великие праздники. Издание 2-е в бумажном переплете. М., 1856.

545. Учение православно-католической вере, изложенное приходским священником в беседах к своим прихожанам, в 4-х томах в бумажном переплете. СПб., 1860.

546. Полное собрание сочинений протоиерея Родиона Путятин в бумажном переплете. М., 1865.

Современное местонахождение: КГМ-17019. Родион Путятин, протоиерей Рыбинского собора. Полное собрание поучений. Изд. 14-е. М., 1865. Запись: «№ 546 Кижской Преображенской церкви».

547. Книга о православном богослужении архиепископа Игнатия в бумаге. СПб., 1848.

548. Слова о вере и благочестии по жизни общественной, его же в бумаге. СПб., 1847.

Современное местонахождение: КГМ-17016. Слова о вере и благочестии Игнатия архиепископа Воронежского и Задонского. СПб., 1847.

549. Поучения при святых мощах святителя и чудотворца Митрофана, его же в бумажном переплете. СПб., 1849.

Современное местонахождение: КГМ-17020. Игнатий, архиепископ Воронежский и Задонский. Поучения при святых мощах святителя и чудотворца Митрофана Воронежского. СПб., 1849. Запись: «№ 549 Кижской Преображенской церкви».

550. Слова о таинствах святой церкви, его же в бумажном переплете. СПб., 1849.

Современное местонахождение: КГМ-17009. Игнатий, архиепископ Воронежский и Задонский. О таинствах единой, святой, соборной и апостольской церкви. Опыт археологический. СПб., 1849.

551. Чтения о св. апостоле Петре, его же в бумажном переплете. СПб., 1849.

552. Беседы о том, по старым ли книгам называющиеся старообрядцами исполняют обряды веры, его же, в бумаге. СПб., 1843.

553. Православное догматическое богословие Филарета архиепископа Черниговского в 4-х томах, в бумаге. Чернигов, 1864.

554. Новая скрижаль Вениамина архиепископа Нижегородского и Арзамасского в 4-х частях с 77 рисунками в тексте в бумажном переплете. СПб., 1858.

Современное местонахождение: КГМ-17011. Вениамин, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Новая скрижаль, или объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных. Ч. 1–4. СПб., 1855. Запись: «№ 554 Кижской церкви».

555. Истинно древняя и истинно православная Христова церковь Григория митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского. Издание 4-е в бумаге. СПб., 1859.

556. Вертоград духовный игумена Парфения в бумажном переплете. М., 1866.

557. Виноград церковный, его же, в бумаге. М., 1865.

558. История русского раскола Макария епископа Винницкого в бумажном переплете. СПб., 1855.

Современное местонахождение: КГМ-17014. Макарий, архиепископ Винницкий. История раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855. Запись: «№ 558 Кижской церкви».

559. Наставление правильно состязаться с раскольниками Симона епископа Рязанского в кожаном переплете. СПб., 1826.

560. Пространный Катехизис православной Восточной церкви в кожаном переплете. М., 1854.

561. Краткий Катехизис архиепископа Платона без начальных листов и конечного.

562. Латинская книга «De conscientia» в кожаном переплете. СПб., 1780.

Прочие книги духовного содержания в 8-ю долю листа

563. Книга о церкви и таинствах церковных, служащая в увещание старообрядцев, в бумажном переплете. СПб., 1795.

564. Знамения о пришествии антихриста, без начального листа, в кожаном переплете.

565. Книга «Иисус на кресте» без начальных листов в бумажном переплете.
566. Духовный регламент в кожаном переплете. СПб., 1818.
567. Царские и патриаршие грамоты, в бумажке. М., 1839.
568. Избранные жития святых в 12 книгах в бумажном переплете. М., 1884.
569. Беседы об отношении церкви к христианам Амфитеатрова, профессора Киевской Духовной академии, в бумаге. СПб., 1855.
570. Беседы сельского священника к прихожанам архимандрита Антония, в бумажном переплете. СПб., 1852.
571. Приготовление к исповеди и причастию святых тайн, издание протоиерея Михаила Богословского, в бумаге. СПб., 1861.
572. Беседы на Божественную Литургию и блаженства евангельские протоиерея Нардова, в бумажном переплете. СПб., 1855.
573. Книжка о вере и жизни христианской. Издание 3-е В.В. в бумаге. СПб., 1861.

Периодические издания

574. Православный собеседник в 12 книгах в бумаге. Казань, 1858.
575. Православное обозрение, 12 книг в бумаге. М., 1860.
576. Воскресное чтение в 2-х книгах, сшитых по листам. Киев, 1861–1862.
577. Труды Киевской Духовной академии, 12 книг в бумажном переплете. Киев, 1862.
578. Духовная беседа, без переплета. СПб., 1864.
579. Странник, 12 книг в бумажном переплете. СПб., 1867.
Современное местонахождение: КГМ-17059-17077.

Отделение 7. Книги исторические в 4-ю долю листа

580. Летопись Димитрия митрополита Ростовского в кожаном переплете. М., 1807.
Современное местонахождение: КГМ-16412. Димитрий Ростовский. Летописи. Ч. 1, 2. Синописис. М., 1807. Запись: «*Принадлежит Кижской Преображенской церкви казенная*».
581. История Георгия Кедрина в кожаном переплете. М., 1820.
Современное местонахождение: КГМ-16423. Георгий Кедрин. История Нового Завета. Ч. 1–3. М., 1820. Запись: «*Церкви Преображения Господня Кижскаго прихода. Подписана 1826 года августа дня казенная*».
582. Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии в кожаном переплете. Киев, 1825.
583. Последние часы жизни императора Николая Первого, в бумажке. СПб., 1855.
584. Воспоминание о пришествиях Великого Государя Императора Петра Первого в Олонец архиепископа Игнатия, в бумажке. СПб., 1849.

Ю. М. Наумов

ЛОДКА-КИЖАНКА

Традиционная лодка-кижанка имела совершенную теорию корпуса для движения по водной стихии Онежского озера¹. Острые нос и корма и правильные обводы корпуса позволяли хорошо ходить по волнам. Носовая кокоря врезалась в волну, разводя ее «развалистыми», широкими в центре бортами, которые повышали остойчивость судна, а кормовая кокоря улучшала обтекаемость, и лодка «не тянула» за собой воду. Длина корпуса позволяет лодке не проваливаться между волн, резать первую и третью волны носовым и кормовым штевнями. На промежуточной волне работает максимальный развал бортов на средних шпангоутах – он придает лодке остойчивость: чем больше грузишь, тем она меньше раскачивается.

Наборный корпус с лекальными шпангоутами имел необходимые размеры и надежность для выполнения всех работ кижского крестьянина – от переездов между деревнями, буксировки леса и рыбалки в Онежском или Ладожском озере до перевозки скота или грузов в шхерах и в Петрозаводск. Лодки, необходимые в крестьянском хозяйстве, берегли – построенные из хорошего леса, при правильном уходе они служили 20–30 и более лет.

Для различных районов плавания строились кижанки разных размеров. Для внутреннего, между деревнями, «каботажного» плавания строились лодки длиной до 6 м, с выходом в открытое озеро – до 8 м. Для дальних плаваний по Онежскому озеру с выходом в Ладогу, а также для рыболовного промысла и перевозки грузов строились лодки длиной 9 м с двумя мачтами. Кроме лодок-кижанок, в Кижских шхерах еще в первой половине XX в. строили онежские «соймы» (карел. «сайма» – большая лодка) – двухмачтовые лодки длиной больше 9 м. Соймы на Онеге применялись, как правило, для перевозки грузов, поэтому для их укладки

¹ Подробно о лодке-кижанке, истории и современном состоянии традиционного судостроения и судоходства в Кижских шхерах см.: *Наумов Ю. М. «Кижанка» – лодка Онежского озера. Исторический очерк о судоходстве и судостроении Кижских шхер. Петрозаводск, 2011.*

борта обшивались внутри «подтоварником» (тонкой доской), делались ящики для груза или рыбы, а вместо палубы для укрытия груза от воды устраивались настилы с тентами.

Кижанки и соймы (онежская и ладожская) были хорошо приспособлены для судоходства по большим озерам на веслах и под парусом. По внешнему виду и конструктивным особенностям они очень близки. Сохранились чертежи и фотографии сойм и кижанок, на которых можно видеть их общие линии силуэтов со схожими штевнями и парусным вооружением. Эти народные лодки, имеющие неповторимые обводы, не встречаются в других российских губерниях.

Многие путешественники и исследователи Русского Севера отмечали хорошие мореходные качества, а также конструктивное сходство сойм и кижанок и предполагали, что они принадлежат к отдаленной древности. Можно добавить, что хорошие мореходные качества являются свидетельством многовековых традиций, опыта, навыка и мастерства народных судостроителей.

Терминология конструктивных элементов

В конце XVIII в. академик Н. Я. Озерецковский, описывая Ладожское и Онежское озера, отметил, что «плавающие... россияне обykle называть главные ветры русскими наименованиями, кои почти те же самые... у наших поморцев, около Белого моря и по берегам Северного океана живущих... фактически названия румбов изначально сложилась у ладожан, выходцев из Новгорода»².

То же можно сказать и об основных судостроительных терминах, которые упоминаются в письменных источниках XIX в. и более раннего времени, сохранившихся до нашего времени в центрах русского судостроения на больших озерах и на Белом море.

П. Е. Сорокин в своей книге³ проводит анализ названий конструкций судов различных типов из различных текстов периода освоения и развития территории северо-запада России. Терминология судостроения в древних летописях подтверждает связь судостроения Заонежья и Поморья с Новгородом, где и сейчас бытуют идентичные термины.

В табл. 1, в сравнении с общеупотребительными названиями конструкций и оснастки судов, приводятся некоторые идентичные древнеславянские и современные судостроительные термины русскоязычных районов северо-запада России, записанные автором в экспедициях на крупных озерах Ильмень, Чудском, Онежском, Водлозеро и на Карельском берегу Белого моря⁴.

² Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 51.

³ Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб., 1997.

⁴ НА МЗК. № 3229–3233. (Наумов Ю. М. Экспедиционные записи бесед с жителями Заонежья, Водлозера, Поморья, Новгородской и Псковской областей. 1999–2008 гг.)

Таблица 1. Некоторые термины традиционного судостроения русскоязычных районов северо-запада России

Современные названия конструкций	Из средневековых источников, по П. Е. Сорокину	Озера Ильмень// Чудское// Псковское	Кижские шхеры Онежского озера	Карельский берег Белого моря	Водлозеро
	Ладья набойная Сойма Насад Шняка	Сойма Лодка	Лодка Сойма (Носад – встречалось раньше)	Карбас Ёла Шняка Лодка	Лодка
	Строить, шить	Строить, делать «встык», «вгладь»	Шить «внакрой»	Шить «внакрой»	Шить «внакрой»
Киль	Не зафиксировано	« Центр », « матка », матичная доска // Пск « Матица » // Чудск « Днище » – « плот » Киль	« Матица , матика » Киль	« Матица с корой на корму » Киль	« Днище », раньше – « колода »
Штевни	Корги – кокоры	Соймы – « Копани » Лодки – « Пыжи » // Пскв « Копани »	« Корник, кокора носовая » « Корник, кокора кормовая »	« Кокора » – матица из ели с корнем и форштевень	« Кокоры »
Обшивка бортовая	Борт	Не записано	« Обшива » – борта лодки	« Обшива »	« Обшива »
Доски борта	Набой – доски	Доски	« Нашва » – « Набой » « Полунабой » – доски обшивы	« Нашва » – « Набой » – доски обшивы	« Набой »
Заделка паза между досками при шитье встык и внакрой	Скобы, ласт	Шитьё «вгладь» // Ильм « Ласты, скобки » // Пскв Паз – «лад», закрывается « ластом » // Чдск Паз – « ластач, лоц »	Шитьё «внакрой» « Конопать, мох, мшить » – при конопатке	Шитьё «внакрой» « Конопатка » – при конопатке	Шитьё «внакрой» « Конопатка » – при конопатке
Шпангоуты	Упруг – опруг	« Упруги, шпанготы » // Ильм « Упруг – заводник » у штевней; в середине « лежень » « сапог » // Пскв « Упруги » – в корме и носу целые, средние лежень с «наставком» // Чдск	« Опруги » – шпангоуты « Закоренки » – первые от корников усиленные шпангоуты из кокор	« Опруги » – кривые суки сосны « Коренники » – цельные шпангоуты, первые с носа и кормы	« Упруги » или « кокоры »

Окончание табл. 1

Современные названия конструкций	Из средневековых источников, по П. Е. Сорокину	Озера Ильмень// Чудское// Псковское	Кижские шхеры Онежского озера	Карельский берег Белого моря	Водлозеро
Верхний усиленный пояс	Бархот	« Бархотины » на борт внутри лодки // Ильм « Гребной брус » для уключин // Чдск « Бархотина » наружная // Ильм	« Порубень » – верхний внутренний брус с утолщениями для уключин « Огибень » – верхний привальный брус	Брус	« Порубень » бортовой для уключин Не было
Банки – скамейки для гребцов	Скамейки, скамьи	« Скамейки, лавки » или банки	« Скамейки, нашествия » – сиденья для гребцов и пассажиров	Гребля – лавочка « Скамейки, беседки, банки »	Сиденья, банки
Слани – настил по днищу лодки		« Мостки »	« Мостки », « слани » для людей и снастей	« Паёлы » – стлани	« Мостки »
Грузовой настил	Подтоварье	Шайма под сети Слани по опругам в корме	« Подтоварка » – грузовой настил по днищу и бортам	Не зафиксировано	Не было
Уключины	Оключина – кочет	«2 пальца в доске»	« Оключинья » – «палец» – упор с «петлей»	« Кочатка » – плоские упоры « Уключинья » с «кочетом» – упором с «петлей»	«2 пальца» и « оключина » – кольцо
Вёсла	Вёсла, гребя	1–2 пары вёсел и 1 рулевое с кормы, иногда с кормы 2 вёсла	3 « гребя » – пары вёсел: « верхние » – носовые, « средние » и « нижние » – кормовые	2–3 пары вёсел	2 пары вёсел – носовые и нижние и 1 кормовое
Парус	Пре, парус	Паруса трапеция	Парус косой с рейкой	Парус шпринтовый	Парус угол косой
Мачта	Мачта, щегла	На сойме 2 « мачты », наверху « щёгол » с кольцом	« Мачта » 3–4 м в носу	« Мачта » в носу	« Мачта » 2 м в носу
Шпринт	Райна	« Отпорец » – « распорка »	« Райно »	Косая рея, рейка	Упор-рейка
Шкоты	Шкоты	« Тоньки, тетивки » – верхняя и нижняя	« Верёвки », шкоты	« Вожжи », шкоты	Шкоты
Якорь	Котька, кош-ка	Якорь	Кошка-якорь	Кошка-якорь	Якорь

Сравнительный анализ технологии, конструкций и терминологии разных центров традиционного народного судостроения, безусловно, является темой специального исследования. К сожалению, за время коротких экспедиций музея «Кижь» в указанные центры традиционного судостроения автору не удалось собрать такое количество терминов, как в одном из самых хорошо исследованных районов – в Кижских шхерах Онежского озера и на прилегающих побережьях Заонежского полуострова.

Сохранившаяся до наших дней терминология конструктивных элементов и технологии строительства лодки-кижанки свидетельствует о древности этого типа лодки и подтверждает общие исторические, в том числе новгородские, корни традиционной культуры судостроения и судохозяйства русских на северо-западе России (табл. 2).

Таблица 2. Традиционные судостроительные термины в Кижских шхерах, их расшифровка и современные синонимы

	Конструктивный элемент, терминология	Материал, технология, назначение, размеры
1	«Матица, матика, матка» Киль	Килевая доска (18–20×6 см) с пазами – штробами, материал – сосна, длина зависит от размера лодки. Матица отесывалась по форме, строгалась, а с боков выбирались пазы для установки набоев
1.1	«Пуповик» – сливное отверстие с чопиком	Круглое отверстие в матике для слива воды (диаметром 30–35 мм) ближе к кормовому штевню. Закрывается пробкой – чопиком
2	«Корник, кокора носовая» – форштевень «Корник, кокора кормовая» – ахтерштевень	Для «кокоры» использовалась только ель (диаметром 18–20 см в комле) с саморослым ровным корнем (длина не менее 35–40 см), растущим перпендикулярно и ровно по оси ствола – «корга». Кокоры отесывались по форме, строгались, с боков выбирались пазы для установки и крепления набоев
1+2	«Обложейно»	Выставленная по пропорциям матица с корниками, прижатая кобылками к стелюжкам и закрепленная вертикальными стойками на стапеле
3	«Обшива» – борта лодки из скрепленных (сшитых или сколоченных) досок	Для обшивки применялась сосновая остроганная доска шириной до 30–40 см (зависит от длины лодки), лучше из прямо-слоистого дерева. Заготовка сосны для строительства лодок, как и для другого строительства, обычно производилась зимой
3.1	«Нашва» – доска обшивы при «шитье вице» «Набой» – доска обшивы при креплении гвоздями	Толщина досок для обшивы (нестроганных) зависела от размера лодки и была 16–22 мм. Для досок обшивы старались выбирать стволы с «горбом», по форме набоев, для экономного раскроя. Все набои, пазы кокоры и матицы тщательно обрабатывались и выстрагивались, чтобы избежать водотечности корпуса
3.2	«Полунабой» – верхний ряд обшивы	При большой длине лодки последний ряд обшивки был из полунабоев – двух широких досок, скрепленных («сшитых») на среднем шпангоуте

Продолжение табл. 2

	Конструктивный элемент, терминология	Материал, технология, назначение, размеры
3.3	« Конопать, мох » – конопатка	Подогнанная и причерченная для крепления доска устанавливалась на место на смолу и паклю (или мох)
4	« Опруги » – шпангоуты « Кривуля » – кривой сук для опруги	Изнутри в корпус причерчивали и вставляли «опруги» (шпангоуты) – обработанные приблизительно в одно сечение, кривые, толстые сосновые сучья или распиленные стволы (иногда из комлевой части ели с корнем)
4.1	« Закоренки » – первые от кокор усиленные шпангоуты-флоры из еловой корги	В носовой и кормовой части таким же образом ставилось по одному усиленному цельному «закоренку» – шпангоуту-флоре, выпиленных из еловых комлей с корнем или развилок стволов
4.2	« Галбница » – кижск. « Голбница, голубица » – заонежск.	Пазы для лучшего стока воды в корму, в опругах и закоренках (шпангоутах) у матики, для откачки воды или слива через пуповик на покатыях
5	« Порубень » – верхний внутренний брус с утолщениями для уключин	Внутри приколачивается брус тесаный, из распиленной пополам тонкой (до 15–16 см) сосны – «баланины», с оставленными и специально обработанными выступами для уключин. Накрывает верхние концы опруг
6	« Огибень » – верхний наружный привальный брус	Снаружи приколачивается узкая доска, вровень с верхней кромкой, как наружный тонкий брус для защиты верхней кромки набоев
7	Нос лодки	Борта у кокоры сверху скреплялись небольшими поперечными «полупалубками» и кницами – клюхами
7.1	« Полупалубка » – настил	Небольшой поперечный или диагональный настил из досок у кокоры сверху для скрепления бортов
7.2	« Клюхи » – кницы	Две «Г»-образные кницы, выгесанные из кривых сучков или выпиленные из елового корня, скрепляли носовую полупалубку с бортами для жесткости
7.3	« Палец »	Круглый нагель – стержень диаметром 3–4 см, вставляется в гнездо в носовом корнике. Служит для вытаскивания лодки на слани-покати или в берег
7.4	« Носовик », « чердак »	Носовая полупалубка – настил с отверстием для мачты, которая крепилась веревкой или на хомутик, который прижимал мачту к носовику и закрывался в петле на клин
8	Корма	Борта у кокор сверху скреплялись небольшими поперечными «полупалубками» и кницами – клюхами
8.1	« Каютка »	Небольшое пространство под «полупалубкой» только в корме с дыркой и настилом для рыбацких принадлежностей, под каюткой хранился «черпак» для откачки воды
9	« Скамейки. Нашести » – сиденья для гребцов и пассажиров	Скамейки из досок в носу, у уключин и в корме
10	« Мостки » – настил по днищу лодки для людей и снастей	Съемный настил из досок под ноги и для хождения гребцов и пассажиров с «подножниками» – брусками для упора ног при гребле (для изготовления использовались обрезки досок-набоев)
10.1	« Подтоварка » – грузовой настил по днищу и бортам	Съемный настил по опругам из тонкой (1,5–2 см) доски для перевозки груза и скота

Окончание табл. 2

	Конструктивный элемент, терминология	Материал, технология, назначение, размеры
11	Вёсла, гребни	Для весел использовалась только ель. На лодке две, а на больших было три «гребни» – пары весел, «верхние» – носовые, «средние» и кормовые – «нижние» – подгребать и править (двумя при гребле, одним – с парусом)
11.1	« Оключинья » – уключины для весел	Устройства для удержания весел при гребле. Раньше цельные, из одной еловой ветви, или заплетались петли с упорами, закрепленными в порубне
11.2	« Пальцы-упоры »	Нагели в гнездах, упоры для весел при гребле
11.3	« Петли, кольца, коло »	Кольца вокруг пальца, скрученные из ветвей черемухи или березы, для удержания весел при гребле
12	Руль с румпелем	Цельный, тесанный из еловой корги. Ставился в металлических петлях на больших лодках и соймах при пользовании парусами в дальних поездках
13	« Подбоина » – фальш-киль	Из стволов молодых сосен диаметром 4–5 см. Для защиты кила и штевной от повреждений о камни. Раньше прибивали к матике в носу и корме и загибали на штевнях. Сейчас по всей длине прибивается брусок, на него сверху приколачивается металлическая полоса-шина, которая загибается на штевни
14	Мачта	Мачта в носу длиной до 3 м из молодой ели диаметром 8–10 см внизу, крепилась к носовой полупалубке (иногда в нее вставлялась) на матике в гнездо – специальный брус с отверстием. На больших кижанках было две мачты – одна в носу, вторая вставлялась в отверстие средней скамейки
14.1	« Мачтовое гнездо », « гайно »	Делали из коры с отверстием под мачту. Крепили внизу к килу и бортам, чтобы скрепляла оба борта для прочности носа, так как лодку качает и мачту расшатывает. Вторую мачту устанавливали в середине лодки. К бортам крепили толстую скамейку (нашесть) с круглым отверстием специально, внизу гнездо для второй мачты в доске толщиной 60 мм, прибитой к матике
15	Парус	Парус льняной, раньше домотканый, шился хозяином для своей лодки, привязывался одной стороной вплотную к мачте. Ставился с помощью тонкой жерди
15.1	« Райно » – косяя рея	Нижний конец райно упирался в петлю на мачте для удержания верхнего угла паруса. Домотканый парус хозяин шил сам, женщины на полу расстилали и вручную кроили и сшивали
15.2	Верёвки. Шкоты	Две или одна длинная веревка из пеньки, конопли или лыка для управления парусом. Крепились к верхнему и нижнему углам
16	« Оплотина » – балансир – противовес	Брус, закрепленный на деревянный замок на жерди, для перевозки скота на островные пастбища, плавает в воде параллельно лодке
17	Кошка-якорь	Якорь

Мастерские и традиционная технология

Строительство «кижанки» обычно велось в мастерской на сарае дома, где жил лодочник. Мастер И. Ф. Вересов рассказывал: «Раньше в деревне лодка стоила столько, сколько и корова. Хороший мастер, из заранее заготовленного материала, мог построить лодку за одну неделю, с опытным помощником – всего за два-три дня. Мы с Мишей Рогачёвым на улице у дома за два дня лодкушили из готовых материалов»⁵.

По мнению академика архитектуры В. П. Орфинского, такая почти фантастическая скорость строительства, безусловно, сложных судов вряд ли могла быть достигнута без неопровержимого регламента традиций, устойчивость которых, как известно, находилась в прямой зависимости от продолжительности укоренения в народном сознании. О том же свидетельствует филигранность выполнения узлов и сопряжений элементов заонежских лодок.

У каждого заонежского крестьянина, шьющего лодки, мастерская располагалась на сарае его дома, где у стен, на стеллажах, в шкафчиках и специальных ящиках, хранились все необходимые для строительства приспособления и инструменты, а также имелся запас материалов и заготовок для будущей лодки. Часть заготовленных материалов могла храниться около дома.

На сарае стояли столярный верстак, длинный верстак для острожки досок и небольшая наковальня, на которой в специальной «гвоздильне» расклёпывались (делались плоскими) шляпки у подковных гвоздей. На сарае или снаружи у стены дома располагался другой длинный верстак и точильный стан с круглым камнем для заточки инструмента. В хорошую погоду острожку досок и клёпку гвоздей можно было вести на улице.

Стапель для строительства лодки состоял из двух «стелюг, стелюжек» – невысоких (до 40 см) козлов из бревен длиной 2,5–3,0 м, которые ставились только на время постройки корпуса лодки. На них по центру укладывалась «матица» – киль. На выпуски стелюг клались, после причерчивания, бортовые доски – «набои» и тесались топором по черте – «кромались», потом устанавливались вертикально в специальные пазы стелюг, для острожки кромок рубанком.

Для тески кокор, огибней, опруг и весел были специальные колоды с пазами, в которых заготовки крепились клином, а строгаги опруги и другие мелкие конструктивные элементы закрепленными в столярном верстаке.

⁵ НА МЗК. № 3230. Л. 23. (Наумов Ю. М. Экспедиционные записи бесед с жителями Заонежья. 2000.)

Таблица 3. Традиционные термины технологии судостроения и судоходства.
Приспособления, инструмент, заготовки

Приспособления, инструмент, заготовки	Материал, технология, назначение
«Стелюжки»	Пара невысоких (около 40 см) козлов длиной около 2 м, для установки матицы – кия на стапельном месте на сарае крестьянского дома
«Кобылки»	Шаблоны из дерева, устанавливались на матицу в местах загиба к штевням первой доски – набоя. В них вставлялись стойки, которые в распор прижимали матицу к стелюжкам
«Клещи, клещки»	Специальные деревянные зажимы из березы с клином для плотного прижимания набоев друг к другу при причерчивании и сшивании (струбцины, зажимающие с помощью клина) – шитье корнем или гвоздями
«Зуб»	Специальная доска с пазом для соединения и удержания бортовых досок у штевней при причерчивании и креплении набоев к кокорам
«Упоры», «порки», «распорки», «расшивины»	Тонкие жерди (часто березовые) при шитье бортов для дополнительного прижатия набоев в носу и корме. Внизу упирались в бобышки и поджимали доски к кокорам, а верхние концы жердей упирались в специальные досочки – прокладки, для защиты от трещин в набоях. Для сохранения формы лодки изнутри в носу и корме ставились короткие для распора досок до установки закоренков
«Пластина»	Толстая доска для «матицы»
«Корга»	Комель ели с корнем для тески «матики» – кия, «кокоры» – штевня или распиловки на «опруги» и «закоренки»
«Баланина»	Тонкое бревно. Распиливается пополам продольной пилой для изготовления «порубней»
«Кривуля»	Кривой толстый сук для шпангоутов, хороший сук ложился на два борта, и получалась цельная «опруга»
Скобели	Разных размеров плоские и полукруглые кованые лезвия с ручками для окорки бревен
Топоры	Металлические разных размеров и форм лезвия на деревянных рукоятках-«топорищах». Для всех работ начиная с заготовки деревьев и отески заготовок до выборки пазов и отеске кромок набоев
Пила-«зубатка»	Пила для продольного пиления, размером до 2 м. Двуручная со съемной нижней рукоятью. Полотно с длинными (до 5 см) зубьями, заканчивающееся кривым режущим «когтем»-крюком. Для вертикального распила бревен на доски
«Стелюги»	Высокие (более 2 м) козлы для распиловки бревен на доски продольной пилой-«зубаткой»
Пила поперечная	Двуручная с треугольным зубом около 1 см для поперечного перепиливания бревен и толстых пластин, плах
«Аршин», метр	Мерная деревянная рейка с нанесенными делениями в 1 вершок или 1 см. Для разметки длинных конструкций, использовалась как линейка для переноса размеров на лодку
Черта плотницкая и столярная	Приспособления из загнутого металлического прута, с изменяющейся шириной между чертящими острями. Для переноса линии паза на набой или кромок набоя на следующий
Циркуль	Раздвижной металлический или деревянный. Для разметки и переноса одинаковых размеров, например, расстояния между осями шпангоутов

Окончание табл. 3

Приспособления, инструмент, заготовки	Материал, технология, назначение
Пила-«ножовка»	Короткая с одной ручкой и мелким зубом. Для поперечного и косого точного перепиливания тонких досок и других конструкций лодки
Пила-«лучковка»	С тонким лезвием и мелким зубом в деревянной основе, с регулируемым натяжением. Для продольной распиловки криволинейных конструкций лодки – опруг, клях и др.
«Медведка»	Рубанок с широким лезвием и двумя поперечными ручками. Для острожки вдвоем длинных досок и пластин
Фуганок	Рубанок с длиной (50–100 см) деревянной колодкой. Для тонкой и ровной острожки боковых плоскостей досок
Рубанок	Рубанок с деревянной колодкой длиной 20–30 см. Для острожки боковых плоскостей кия, штевней, шанпоутов, брусков и досок различных назначений и размеров
Рубанок полу-круглый	Рубанок с закругленной (различного радиуса) внизу деревянной колодкой длиной до 20–25 см. Для острожки криволинейных и торцевых плоскостей корников, опруг, закоренков, клях, набоев и других конструкций
Молоток	Металлический на деревянной ручке. Для забивания гвоздей и клёпки шляпок
Гвоздильня	Металлическая колодка с отверстиями под плоский подковный гвоздь. Для холодной расклёпки плоской шляпки гвоздя
Стамеска полу-круглая	Для выборки круглых углублений в набоях под шляпки подковных гвоздей
Долото столярное Стамеска	Для выборки различных пазов при необходимости
Киянка	Деревянный молоток. Для ударов по деревянным поверхностям
Коловорот с пер-кой, сверло-дрель, бурав	Для сверления отверстий разных диаметров при креплении конструкций и элементов лодки друг к другу
«Влейка»	Спуск лодки на воду
«Литки»	Традиционное угощение заказчиками мастеров или хозяев при приобретении лодки
«Черпак» и насос	В корме для откачки воды из лодки на ходу или у берега
«Лава»	Причал – сходни для выхода на берег. Один конец кладется на берег, другой на козлы – стелюги для передвижки с изменением уровня воды

Строительство лодки-кижанки

При начале строительства лодки – «закладке» – на настиле сарая в одном постоянном месте, чтобы не мешать другим работам, устраивался стапель. Без всяких чертежей, на определенном расстоянии друг от друга, в соответствии с длиной и пропорциями лодки, ставились две стапельные стелюжки, поперек которых по оси стапеля укладывалась готовая «матица» – киль с продольными пазами.

На матицу, точно над стелюжками, ставились две «кобылки» – специальные шаблоны для установки угла наклона первого набоя. В пазы кобы-

лок вставлялись нижние концы стоек из жердей, верхние концы которых крепились клином в упор в балки перекрытия сарая и жёстко прижимали матицу к козлам стапеля (рис. 1: 1). Под самые концы матицы крепились на гвоздь короткие стойки, чтобы зафиксировать ровную линию киля.

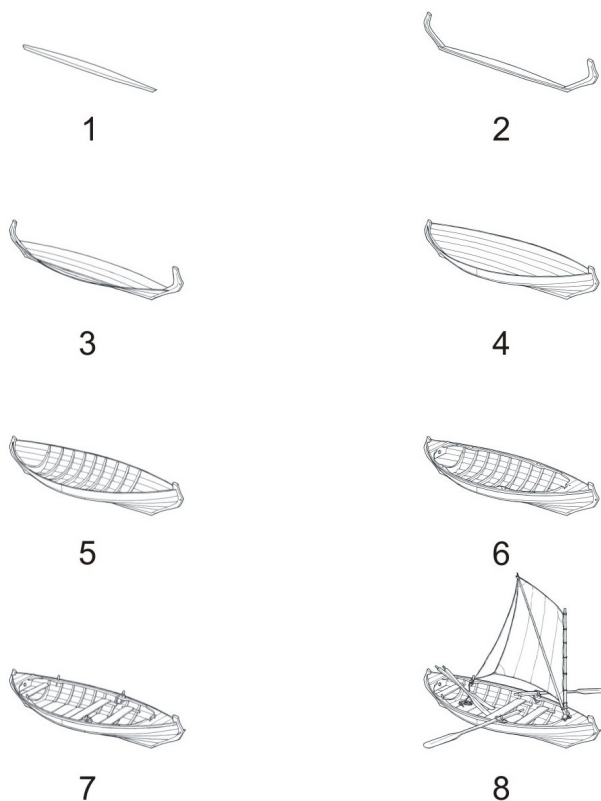

Рис. 1. Строительство лодки по этапам (рисунок А. П. Скворцова):

1 – матика-киль; 2 – матика с корниками-штейнями – «обложейно»; 3, 4 – шитье бортов; 5 – установка опруг-шпангоутов; 6 – завершение корпуса: полупалубки, порубни, клюхи, огибни; 7 – оснастка корпуса: скамейки, нашести, мостки, оключинья, палец для вытаскивания лодки; 8 – готовая лодка-кижанка с двумя парами весел и одним шпринтовым парусом, выставленным с помощью рейки-райно

В плане киль кижанки ровный между «кобылками», от которых начинает плавно сужаться к носу и корме. С боков матица – киль кижанки – имеет необычное поперечное сечение с продольными пазами для первых

набоев, которые от кобылок тоже начинают постепенно подниматься и переходят в пазы штевней. Такая сложная и изящная форма паза в матицах других традиционных лодок не встречается (рис. 2: 1, 2).

*Рис. 2. Пазы в матике для первого набоя (1) и для корника (2).
Фото автора. 2009 г.*

Носовой и кормовой «корники» – штевни – под нужным углом вставлялись выполненным на нижнем торце замком «ласточкин хвост» в специальные пазы матицы и дополнительно крепились к матице нагелем (рис. 1: 2). Этот продольный остов лодки «обложейно» закреплялся от боковых смещений на стапеле тонкими жердями – распорками, прибитыми одним концом к штевням, а другим – к стенам или к полу сарая.

После этого приступали к «шитью» бортов (рис. 1: 3, 4). Первые, нижние доски подгонялись и крепились к остову будущей лодки с помощью

клешей с клиньями, дополнительных упоров и поперечных досок с пазами, затем причерчивались к матице и кокорам в подготовленные пазы. Пазы матицы и кокор, как и набои, тщательно обрабатывались и выстрагивались, чтобы избежать водотечности корпуса. После чистой подготовки каждая доска снова устанавливалась в паз на место на смолу и паклю (мох) и скреплялась с матицей плоскими (подковными) гвоздями, а к кокорам прибывалась круглыми или квадратными гвоздями. С помощью тех же приспособлений и технологии закрепленные таким же образом следующие доски причерчивались друг к другу с напуском в 2–3 см, затем снимались, отесывались по черте и строгались.

Друг с другом доски обшивки соединялись также плоскими гвоздями «внакрой» – нижней кромкой с наружной стороны борта накрывая «внахлест» предыдущую доску. Такие двойные стыки придавали корпусу лодки дополнительную продольную жесткость (при шитье бортовой обшивки «вгладь» торцевые кромки досок подгонялись встык друг к другу). Верхние набои состояли из двух «полунабоек» – самых широких досок, которые по длине соединялись внахлест в центре лодки, причем передняя перекрывала заднюю.

В первой трети XX в. при строительстве лодок еще применялась древняя технология – вместо гвоздей для скрепления досок друг с другом использовался тонкий еловый корень, распаренный в кипятке, – «вица» («вичья» – витый, крученный), который, закручивая, сквозь небольшие отверстия (менее 5 мм) протягивали стежками через обе доски и «сшивали» – стягивали набои по всей длине. При шитье вицей старались делать меньше стыков, и обычно лодки при высоте борта около 50 см шились в 3–4 доски «нашвы» – набоя. Только большие лодки – промысловые или по заказу для лесозаготовительных работ и грузовых перевозок – были в 5 и больше набоев. Трудно было загнать к штевням широкие доски, причем таких широких (более 30 см) досок из ствола выходила только одна пара.

Отверстия под вицу сверлились через 4–6 см, между ними выбирался желобок, в котором корень был утоплен вровень с поверхностью доски. Распаренный корень затягивался, а когда высыхал, стягивая нашвы борта, дополнительно закреплялся в каждом отверстии березовыми клинышками. Деревянными нагелями нашвы крепились к штевням, а опруги к нашвам и корпус становился прочно сшитым. Потом борта тщательно смолились с обеих сторон, корпус не пропускал воды и служил дольше, чем «сшитый» гвоздями. Все исследователи XIX в. отмечают, что технология шитья корнем не хуже, а во многом даже лучше гвоздевой, но трудоемкость была очень высока, поэтому когда стало возможным использовать появившиеся гвозди заводского изготовления, древняя технология умерла вместе со старыми мастерами в первой половине XX в.

При крепеже бортовых досок лодок во второй половине XX в. чаще используются специально кованные, плоские с широкими шляпками гвозди или плоские подковные гвозди, шляпку которых приходится плющить молотком. Мастера, у которых еще сохранились подковные гвозди, используют их до сих пор при строительстве лодок.

Когда корпус лодки «сшит», его укрепляют изнутри и снаружи. Для поперечной жесткости в носовой и кормовой части корпуса к набоям причерчивается, вставляется и крепится к бортам по одному «закоренку» – усиленному цельному шангоуту-флоре из обработанных еловых корней или развилок стволов. Таким же образом через 40–45 см к бортам причерчивались и прибывались «опруги»-шпангоуты, вытесанные из обработанных кривых сосновых сучьев или выпиленные из кокор (рис. 1: 5).

Закоренки и опруги крепились к бортам сквозь набои с наружной стороны раньше круглыми деревянными нагелями, сейчас крепят гвоздями, которые загибаются внутри. Закоренки из кокор последнее время не ставили – делали из досок. В кормовых опругах и закоренке внизу у матицы делались полукруглые отверстия – «голубницы» – диаметром 30–50 мм для лучшего стока воды в корму при откачке насосом или слива черпаком. В матике за закоренком ближе к кормовому штевно буравом сверлилось отверстие (диаметр 30–35 мм) с круглой пробкой, которое называлось «пуповиком», для слива воды при вытаскивании на берег или подъеме на слани – покати.

Вверху у кокор последние набои – «полунабойки» – скреплялись небольшими поперечными настилами – «полупалубками» (длиной до 50 см) и кницями – «кляхами». Снаружи вровень с верхней кромкой полунабоев приколачивался «огибень» (узкая доска), а внутри – «порубень» – тёсанный из половины тонкой сосны брус прямоугольного сечения со специальными оставленными для уключин выступами (рис. 1: 6).

Старые кижские мастера при постройке лодок обработку всех конструкций и пазов до их острожки производили традиционно с помощью топоров и почти не пользовались стамесками. Один из последних мастеров традиционной школы – Н. В. Судьин, сам работая только топором при строительстве лодки, так рассказывал о мастере И. Ф. Вересове: «Иван Федорович Вересов – самый лучший мастер, шил очень хорошие лодки и быстро делал – в день мог 5 набоев собрать. Смотришь, он работает топором легко, как рисует. В руках у него топор летал, как кисть у художника – про него по всем прошла слава. Он всё на глаз делал и топором. Топором быстрее – стамесками мы бы ничего и не заработали»⁶.

⁶ НА МЗК. № 3229. Л. 5. (Наумов Ю. М. Экспедиционные записи бесед с жителями Заонежья. 1999.)

После проведения этих работ корпус получал необходимую крепость. Матица, корокы, набои, «огибни» и «порубни» придавали корпусу лодки прочность продольную, а «закоренки» и «опруги», «полупалубки» и «клюхи» – поперечную.

Завершало постройку лодки устройство «нашестей» – скамеек для гребцов и «мостков-сланей» – настилов под ноги с упорами для гребли, которые не крепились к корпусу и могли сниматься. После окончания строительных работ корпус тщательно очищался от мусора (рис. 1: 7).

К матике на всю длину прибивается фальшкиль – «подбоина» из прямоугольного бруска. Раньше подбоину делали из круглой жерди длиной около 2 м, у которой отесывали одну кромку и прибивали к килю, самый конец загibalся и крепился на корник (около 30 см). Такой фальшкиль предохранял форштвень и киль от стирания о берег, легко заменялся и одновременно повышал устойчивость на курсе и маневренность лодки под парусом.

Для защиты деревянных конструкций от воды, ветра и солнца лодку обязательно смолили «кругом» – с обеих сторон. Когда смола высыхала, лодка была готова к спуску на воду. Для вытаскивания лодок на берег в отверстие носовой корокы устанавливался деревянный нагель – палец длиной 30–40 см.

По свидетельству жителя деревни Еглово плотника и мастера-лодочника И. Ф. Вересова, бывало и так: «Заказчик дальний из Вознесенья (100 км по воде, 300 км по дороге. – Ю. Н.) на Волкостров приехал, а лодки еще нет. Лето, ночи белые. Собрались несколько мужиков и построили лодку за ночь, на другой день заказчик уехал с готовой, правда не просмоленной, кижанкой. Если не просмоленная лодка не текла, то ее увозили без черпака, и это была работа мастера высшего класса»⁷.

Оснастка лодки

Традиционными движителями «кижанки» являлись весла и парус (рис. 1: 8). Как правило, делали три пары весел-гребей: верхние, средние и нижние – двумя передними греблями, а задними подгребали или табанили – направляли лодку по нужному курсу. Крепились весла в «ключи-нах» к упорам-«пальцам» петлями, заплетенными из веток или веревок.

Мачта была высотой до 3,5 м. Она ставилась в носу в специальное гнездо на матице через круглое отверстие или полукруглую выемку в носовой «полупалубке» и крепилась веревкой к круглым пальцам, установленным на ней. На больших лодках, как и на соймах, было две мачты, вторая мачта ставилась в отверстие второй от носа скамейки, специально прикрепленной к опругам и бортам.

⁷ НА МЗК. № 3229. Л. 23.

Традиционный парус шпринтовый, трапецевидной формы, невысокий (до 2,5–3 м), но длинный – почти до кормовых весел. Передняя кромка паруса (шкаторина) накрепко привязывалась к мачте. Свободный верхний угол паруса выставлялся с помощью тонкой жерди – «райно» (рейки), нижний конец которой упирался в петлю у мачты. Рулевой управлял парусом двумя концами одной веревки (шкотами), идущими на корму от верхнего, «шпринтового», и от свободного, нижнего, углов паруса.

Руль навешивался только при движении под парусом на большие расстояния, в шхерах правили одним кормовым веслом.

По информации М. П. Рогачёва, для оснастки лодок в 1940-х гг. местные жители парусину покупали в магазине, а для шкотов использовали веревки, витые из лыка. Вместо металлических якорей на лодках применялись большие плоские камни, обвязанные лыковой веревкой, так как ни якоря, ни нужных веревок в магазинах нельзя было приобрести⁸.

Лодки специально оборудовались для выполнения транспортно-промысловых задач и имели дополнительные приспособления. Для рыбного промысла ставились горизонтальные «вороты» для спуска – подъема и буксировки снастей и сетей, а для перевозки живой красной рыбы в корпусе строились специальные ящики с прорезями в днищевых набоях. Для буксировки плотов с лесом или дровами – «кошелей» – устанавливались ворота для потягивания к якорю, завезенному вперед. Для транспортировки грузов и скота по опругам прибывались доски дополнительного настила – «подтоварки» – и устраивались навесы и тенты.

⁸ «Кошка – это большой якорь на судах или плотках-гонках. В деревнях тогда мало кто имел якоря, в магазинах не было, поэтому у большинства вместо железных якорей в лодках были камни или железные болванки. Камень выбирали и привязывали не круглый, а плоский – подлиньше, чтобы веревка не сползала, а по весу такой, чтобы можно было одному приподнять руками.

У нас веревки делали из лыка, его везде использовали – дрова возили, привязывали якоря для лодки, „тятиву“ на сети, сено на возу, корову на пастбище и даже лошадь могли. Новые веревки с лыка были очень крепкие. Лыко драли, по-моему, в августе месяце, клали в воду в чаны и под камнями держали недели две или больше, не помню точно. Потом растягивали и отделяли внутреннюю шкуру, а наружную выбрасывали.

Вязал лыковые веревки наш зять Гагарин – завивал с трех поводков. В один поводок отдельные лыка сращивал по длине, потом три в один. У него веревки были толщиной в палец, хорошие – ровные и легкие, не тонут никогда, блестят, и сейчас бы сразу взяли – красивые. Еще делали из отходов льна – тогда не было такого хозяйства, что не сеяли бы лен, а конопли не было у нас.

Парусину специально покупали в магазинах, больших парусов не делали, на кижанках мачта, наверно, 2,5 м, парус с углом повыше. У меня в Сенной есть парус, шил еще на Еглове в 1960 году. Шкоты тоже лыковые были, у тех, кто веревок не может приобрести.

Мне отец сказал: „Твое лодочное ремесло не пропадет“, а я не верил – катера дюралевые пошли. Сейчас я мечтаю: было бы здоровье – сшил бы настоящую кижанку. Сделал бы уключины из дерева – петли с пальцами, и в дом Ошевнева поставить бы на выставку» (Экспедиционные записи бесед. 2010. Личный архив автора).

Для перевозки на пастбища или для работы лошадей и крупного рогатого скота с одного острова на другой на лодках в Кижских шхерах использовалось специальное приспособление – «оплотина» (рис. 3). Эта конструкция состояла из специального поплавок – противовеса (бруса квадратного сечения длиной 1,0–1,5 м), с помощью вертикального бруска прикрепленного нагелями к жерди. Оплотина крепилась к корпусу следующим образом: жердь длиной более 3 м укладывалась поперек на борта посередине лодки и привязывалась веревкой с петлей на конце, протянутой под килем с одного борта на другой.

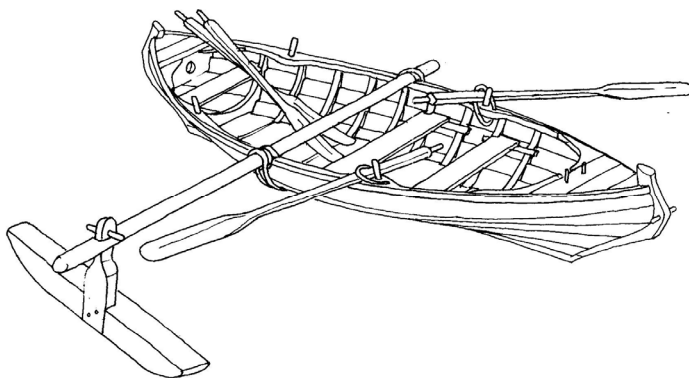

Рис. 3. Лодка с поплавком-оплотиной (рисунок А. П. Скворцова)

При движении лодки брус, закрепленный на жерди параллельно корпусу, плыл по воде, и когда лошадь или корова становилась на борт, он, как балансир на океанских пирогах, предотвращал опасное увеличение крена. Погружаясь в воду, брус увеличивал плавучесть или, поднимаясь из воды, как противовес удерживал лодку на ровном киле. Оплотины были разных размеров в зависимости от длины лодки и количества перевозимого сена или скота.

Упоминания о таком балансира-противовесе на лодках в других местах автору не встречались ни в специальной литературе, ни в экспедициях. По словам местных жителей, это «досюльное», древнее приспособление, которым пользовались еще их деды и прадеды. В советское время они применялись в Волкостровском колхозе для вывоза скота на дальние пастбища или на продажу в Великую Губу. Перевозка скота на лодках с оплотиной производилась только в акватории Кижских шхер, без выхода в открытое озеро, и не применялась ни на побережье Онежского озера, ни на других озерах.

Такая лодка с оплотиной выставлена в главной экспозиции музея «Кижь» на сарае дома Ошевнева (приобретена в фонды у В. Н. Буркова из д. Шуйна на о. Волкостров). Можно сказать, что кижская «оплотина», как и лодка-«кижанка», продукт развития местной островной судостроительной культуры.

В 50-е гг. XX в. на традиционных лодках стали использовать стационарные двигатели от 1 до 12 л. с., для этого в кормовой части под мотор делали фундамент из бруса, а в кокоре сверлили отверстие под дейдвуд с валом, тогда же в кижанки начали встраивать пассажирские каюты и рубки с рулевым управлением.

Когда появились подвесные лодочные моторы, под них стали делать транцевую корму. В 1980-х – начале 1990-х гг. один из лучших мастеров лодочников и плотников И. Ф. Вересов, без всяких чертежей, на основе своего опыта, придумал и шил очень хорошие лодки длиной 5,0–5,5 м с транцевой кормой под мотор «Ветерок», которые у местных жителей получили название «вересовка».

Л. В. Трифонова

ОДЕЖДА В ОБРЯДАХ, ОБЫЧАЯХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ПУДОЖЬЯ И ЗАОНЕЖЬЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Отечественная этнография последних десятилетий рассматривает материальную и духовную культуру в неразрывном единстве, в контексте традиционного мировоззрения того или иного народа или этнической группы. Изучение народной одежды как части материальной культуры, тесно связанной с духовной жизнью народа, берет начало в трудах Н. И. Гаген-Торн, Г. С. Масловой, А. К. Байбурина, исследовавших культуры восточных славян и народов Восточной Европы. Автор данной публикации ставит перед собой частную задачу – на основе источников и литературы проследить функциональную связь традиционной одежды с обрядами, обычаями и мифологическими представлениями крестьян Пудожья и Заонежья. В качестве историографической основы использованы труды дореволюционных исследователей П. Н. Рыбникова¹, В. Жилаева², Е. Дмитровской³, И. Колобова⁴, а также монографии и научные статьи современных карельских этнографов В. П. Кузнецовой⁵ и К. К. Логино-

¹ *Рыбников П. Н.* Этнографические заметки о заонежанах // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 г. Петрозаводск, 1866. Ч. 2. С. 1–37.

² Архив РГО. Фонд Олонецкой губернии. Р. 25. Оп. 1. Д. 10. (*Жилаев В.* Географические, статистические и этнографические сведения о городе Пудоже. 1854) (Режим доступа: <http://litkarta.karelia.ru/library.shtml>).

³ *Дмитровская Е.* Русские крестьяне Олонецкой губернии // Живая старина. Вып. 2, отдел 1, год 12-й. СПб., 1902. С. 131–138.

⁴ *Колобов И.* Русская свадьба Олонецкой губернии Пудожского уезда Корбозерской волости // Живая старина. Петрозаводск, 1915. С. 26–27.

⁵ *Кузнецова В. П.* Свадебная обрядность Пудожья // Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера: Материалы региональной науч. конф. Петрозаводск, 2006. С. 214–223; *Кузнецова В. П.* Свадебный обряд на Водлозере // Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2006. С. 273–279; *Кузнецова В. П.* О функциях колдуна в русском свадебном обряде Заонежья // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 117–131; *Кузнецова В. П., Логинов К. К.* Русская свадьба Заонежья. Петрозаводск, 2001.

ва⁶. Источниковедческая база включает в себя сведения информаторов первой половины XX в., заимствованные из научных публикаций Р. Б. Калашниковой⁷, Е. И. Яскеляйнен⁸, С. М. Лойтер⁹ в «Кижском вестнике» за 1994, 2003 и 2005 гг. и экспедиционных дневников С. В. Воробьевой¹⁰ и Л. В. Трифоновой¹¹ (1982–2000 гг.). Значительный интерес представили для автора сборники «Предания и былички Водлозерья»¹², «Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия)»¹³ и «Крестьянские мемуары»¹⁴ из архива музея «Кижь».

В своих «Этнографических заметках о заонежанах» (1866 г.) П. Н. Рыбников писал о невероятном пристрастии заонежан к нарядам и обновам, никоим образом не подкрепленном их материальным благополучием. «Некоторые, судя по тому как одеваются заонежане, думают, что они и во всех отношениях имеют довольство. Но эта внешность только прикрывает ту совершенную пустоту, которая находится в карманах и хлебных амбарах заонежан»¹⁵. Средством справиться обнову или поправить экономическое положение семьи в Заонежье служила та же одежда, отдаваемая заонежанином под залог. «Сегодня разгуливали – сам хозяин в синем армяке, а жена в штофном сарафане, завтра же все это завязывается в платок и относится в залог под какой-нибудь пуд муки и рубль денег»¹⁶.

Одеждой могли расплачиваться за выполненную работу. По свидетельству 1890-х гг. пудожский купец Кораблев из д. Семеново пообещал «пестунье»-няньке своего ребенка в качестве платы «ковровый платок». Правда, обещание свое не сдержал¹⁷. Одежду могли использовать в каче-

⁶ *Логинов К. К.* Интерьер крестьянской избы в обрядах и верованиях заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 98–117; *Логинов К. К.* Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006; *Логинов К. К.* Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 33–49.

⁷ *Калашникова Р. Б.* Пудожская вечериночная традиция конца XIX – начала XX века // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 161–178.

⁸ *Яскеляйнен Е. И.* Женские и девичьи головные уборы в коллекции музея-заповедника «Кижь» // Кижский вестник. Вып. 4. Петрозаводск, 1994. С. 101–110.

⁹ *Лойтер С. М.* Носители фольклорных традиций (Пудожский район) // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 179–206.

¹⁰ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 1132.

¹¹ Там же. № 1131.

¹² Предания и былички. (Памятники русского фольклора Водлозерья) / Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Науч. ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск, 1997.

¹³ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008. 372 с.

¹⁴ «Крестьянские мемуары» (из фольклорного архива музея-заповедника «Кижь») / Сост. Р. Б. Калашникова // Кижский вестник. Вып. 8. Петрозаводск, 2003. С. 150–181.

¹⁵ *Рыбников П. Н.* Этнографические заметки о заонежанах. С. 28.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003. С. 152–153. (Свидетельство Курановой Е. Г. 1881 г. р., д. Семеново.)

стве дорогого подарка. Жительница заонежской д. Марковщина близ Великой Губы Анна Петровна Крохина (1912 г. р.) рассказала, что в бытность ее девицей служивший по торговой части в Петербурге (Ленинграде) отец подарил ей лисью шубу. «А я не знаю, как в этой шубе и (домой) ехать». Ведь для деревенской девушки из крестьянской семьи среднего достатка такая дорогая одежда была весьма непривычна. Деверь сказительницы А. М. Пашковой (1866 г. р.) из пудожской д. Ярчево Нигижемской волости, видя, как трудна жизнь молодой женщины в чужой семье, как скучает она по родительскому дому, подарил ей в утешение шубу на лисьем меху, вызвав гнев и неудовольствие женской половины семьи¹⁸.

Кроме того, одежда в крестьянской среде являлась неотъемлемой частью приданого невесты, которое в случае смерти мужа становилось экономической основой будущей жизни жены. Пример тому – судьба жительницы пудожской деревни Алексеево Фофановой Ефимии Ивановны (1896 г. р.), вышедшей замуж в возрасте 18-ти лет в 1914 г. Мужа через год забрали на войну, где он и погиб. Не зная об этом, она ждала его шесть лет, живя в семье свекра. Когда решила уйти, свекр отказался отдать ее платья, являвшиеся частью приданого. Ефимия подала в суд: «Свои платья судила». Суд присудил ей две доли имущества, а свекру только третью часть. Решение истицы было истинно женским: «Мне, мужики, две доли не надо, только пусть мои платья отдаст, что у меня принесено»¹⁹.

Особую смысловую нагрузку приобретала одежда при участии в повседневных и праздничных обрядах.

По свидетельству К. К. Логинова, при первом выгоне скота в Заонежье хозяйка обязательно надевала варежки, в Толвуйской волости перед выпуском скота она расстилала свой пояс и примечала: если корова не наступит на пояс, к добру. Если хозяин покупал скотину, то до нового скотного двора он вел ее, надев рукавицы. Кроме того, хозяйка не имела права входить в хлев босиком и без платка, иначе дворовой мог обидеться и наказать скотину²⁰. Таким образом осуществлялась охранительная функция при контактах со сферой «чужого»: прикрывались руки, голова, ноги, чтобы уберечь скотину от воздействия нечистой силы. Одним из пережитков промыслового табу, связанного со стремлением избежать контактов со сферой «чужого», была заонежская традиция отстранения женщин от изготовления промысловой одежды – варежек и носков. Их вязали мужчины древней техникой вязания одной иглой²¹.

¹⁸ Носители фольклорных традиций... С. 205. (Пашкова А. М. 1866 г. р., д. Ярчево Нигижемской волости.)

¹⁹ Там же. С. 311. (Свидетельство Фофановой Ефимии 1896 г. р., д. Алексеево.)

²⁰ Логинов К. К. Трудовые обычаи, обряды... С. 42.

²¹ Там же. С. 45.

Еще один заонежский обряд по уходу за скотиной, в котором важную роль выполнял предмет одежды, был зафиксирован в 1980-х гг. этнографом Е. И. Яскеляйнен. Для того чтобы успокоить корову во время первой дойки, хозяйка брала чепец и проводила им от головы к хвосту коровы, приговаривая трижды:

Церковь стоит на четырех углах,
Коровушка-матушка на четырех ногах,
Коровушка, успокаивайся,
Молочко, раздавайся²².

В избе заонежского крестьянского дома, по материалам этнографа К. К. Логинова, «главным оберегом в детской зыбке была занавеска „огибка“, сшитая из старой материнской юбки»²³. Она ограждала младенца от сглаза, «от света луны и не давала ребенку сбиться с нормального режима сна и бодрствования. В качестве оберега общего воздействия под подушку младенцу клали шапку отца или платок матери»²⁴. Представление о наведении порчи и защиты от нее также связывалось с заговоренными предметами обихода, среди которых одежда играла не последнюю роль. В селе Великая Губа колдун навел порчу на невесту, подсунув в подол ее платья наговоренную соломинку²⁵. Защитой от порчи служили иголки с обломанными ушками, воткнутые в подол свадебного наряда невесты²⁶. Средством снятия порчи, получения «отпуска», было одаривание колдуна. Лучшим подарком для него считался отрез ткани красного цвета²⁷.

Важную роль играла одежда в заонежском обряде строительства дома. Мария Егоровна Широкова (1911 г. р.) из д. Середка, рассказывая о строительстве дома в д. Потаневщина, принадлежавшего ее родственникам по мужу, сообщила: «Когда первый венец поставили, свёкровка всем купила по красной рубахе (их было 4 плотника). Мода была эта – мужикам красны рубахи летом держать. Когда выстроили, стали поднимать коневое, так, говорит, на каждый угол повесила опять по белой рубахе. Плотникам. Так плотники сказали: „Хозяйка, будешь без оуктки спать в комнатах“»²⁸.

Праздничные обряды, в которых в качестве определенного атрибута использовалась одежда, были связаны со Святками и Крещением. В Заонежье с Васильева дня (канун Нового года) до Крещенья ходили по

²² Яскеляйнен Е. И. Женские и девичьи головные уборы... С. 107. (Сведения 1991 г. Зафиксированы автором в окрестностях острова Киж.)

²³ Логинов К. К. Интерьер крестьянской избы... С. 107.

²⁴ Там же. С. 108.

²⁵ Кузнецова В. П. О функциях колдуна... С. 126.

²⁶ Там же. С. 121.

²⁷ Там же.

²⁸ «Крестьянские мемуары»... С. 158.

избам «хухляками» (маскированными), в том числе и ряженными «конем». В игре «конем», зафиксированной исследователем Ончуковым в 1908 г. в д. Падмозеро, средством перевоплощения служила овчинная шуба, вывернутая наизнанку. Участников было трое: ездок, коновал и конь. Коня изображал человек в овчинной шубе навыворот, коня вел на «вязи» ездок. Придя в избу, все трое разыгрывали комедию, перекидываясь шутливыми репликами²⁹.

Во время главного обряда церковного праздника Крещение – купания в проруби – тоже использовался элемент традиционного народного русского костюма – кушак. «Выпешут йордан большой, вода на лед выступает. Кладут досочку... Привяжут кушак, вот стоит мужчына, за кушак держит. Священник читает, поет, и крест купают. Как только третий раз батюшка крес вымое, в йордане окупает, эти купальники вси в воду падут. Кругом так обернутся, этот мужчына за кушак их поднимет... и оны в церкоф бегом бежат»³⁰. Так описала этот обряд жительница д. Середка близ Кижей Ирина Степановна Агапитова (1900 г. р.). На первый взгляд, использование кушака в данном обряде имело сугубо практическое значение, но не следует забывать, что в обыденном представлении крестьянина любая опояска была предметом, способным противостоять нечистой силе и болезни. Таким образом, сила церковного креста в сознании крестьянина умножалась силой представления о древнем крестьянском обереге, принимавшем участие в обряде.

Интересное свидетельство о том, как одежда принимала участие в святочных обрядах пудожан в д. Росляково, приведено в экспедиционных материалах С. М. Лойтер. «В святки ходили слушать на росстани. Двое с подругой пойдем на улицу. Вечёрка рядом. Сеяли снежок из фартука и приговаривали: „Сею, вею белый снег. / Ты залай, залай, собачка, / Где мой суженый живет“»³¹. Информатор Сухова М. Н. (1911 г. р.) из Каршево красочно описала участие традиционной одежды в святочном ряжении: «...как эти Святки начнутся, с Рождества до Крещения, мы ведь ходим маскированными-то... Кто во что может нарядитце!.. Одну сорочку привяжем, пояс возьмем, потом другу да третью... Сорочек нап привяжем и пойдем хухляками. Раньше были эти – штофники. „Крестна, дай там Ваньке штофник одить!“ У меня-то его не было, а у невестки был. Штофник был бордовый. Уборка³² така длинная... Брату рубаху одела, подпоясали его да плат привязали. На лицо – платок. Сошли в Ярчево... Он стал плясать да вприсяд-

²⁹ Исполнители фольклорных произведений... С. 105.

³⁰ «Крестьянские мемуары»... С. 155.

³¹ Информатор Ригина Е. В. 1906 г. р., Росляково. Цит. по: Лойтер С. М. Носители фольклорных традиций... С. 198.

³² Оборка.

ку, как задел каблуком, эдак уборку всю... отсадил»³³. А вот еще одно зафиксированное от пудоожского информатора в д. Нижний Падун описание святочного ряженья, которое так и называлось – «справить петуха»: «Ноги запихать в рукава кафтана, получается, что у тебя ноги как у петуха. Полы соберут и завяжут наподобие хвоста. Посадят на санки и тащат, потому что идти-то он не может. Придут в другую деревню и тащат в дом. Петух раз шагнет, другой шагнет: „Ко-ко-ко!“³⁴, равновесие потеря, падет и ноги кверху. Петухами были парни. Шустрые парни»³⁴.

Велика была обрядовая роль одежды в свадебном ритуале Пудожья и Заонежья, начиная со сватовства, когда отец жениха, желая заручиться удачей, брал с собой «сборник» – головной убор жены, или когда при входе в дом невесты сваты клали на воронец рукавицы большим пальцем вверх³⁵. Сватам можно было положить рукавицы и на край стола. По этому знаку хозяевам сразу становилась понятной цель приезда гостей³⁶. Заонежские сваты, прежде чем войти в дом невесты, опахивали от снега обувь не хозяйским веником-голиком, а собственными дельницами-рукавицами. Затем до венчания чепец и дельницы прятали в укромном месте, чтобы дело не расстроилось³⁷. Во время рукобитья «старший брат б/рал/ полу своего кафтана, под которую кла/л/ руку отец невесты, а сват сверху ударяя/л/ рукой, тогда дело считалось оконченным»³⁸. До сватовства одежда часто служила девицам и парням залогом – негласным обещанием выйти замуж или жениться. Парень мог предложить вместо залога нательный крест, перстень, девушка же – платок, сарафан, ленту. Именно обмен залогом означал возможность засылать сватов³⁹.

После застолья в день рукобитья, когда жених собирался ехать домой, невеста повязывала ему под воротник белую шелковую косынку на манер галстука. Эта косынка будет отличительным знаком жениха до самого свадебного дня⁴⁰. У пудоожского жениха концы этого платка продевались в кольцо и имели разную длину: тот, что у шеи, – короче, второй – опущен до колен⁴¹.

³³ Информатор Сухова М. Н. 1911 г. р., Каршево. Цит. по: *Калашикова Р. Б.* Пудоожская вечериночная традиция... С. 171–172.

³⁴ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 1716, 1–2. (Свидетельство Павловой Н. Н. 1929 г. р., д. Семеново.)

³⁵ *Кузнецова В. П.* Свадебная обрядность Пудожья. С. 217.

³⁶ *Кузнецова В. П., Логинов К. К.* Русская свадьба Заонежья. С. 33.

³⁷ Там же.

³⁸ *Дмитровская Е.* Русские крестьяне Олонецкой губернии. С. 134; *Колобов И.* Русская свадьба Олонецкой губернии... С. 29.

³⁹ *Кузнецова В. П., Логинов К. К.* Русская свадьба Заонежья. С. 31.

⁴⁰ Там же. С. 42.

⁴¹ *Колобов И.* Русская свадьба Олонецкой губернии... С. 66.

Многочисленные подарки, делавшиеся родне жениха во время свадебного обряда в Пудожье, состояли из традиционного набора предметов одежды: после рукобитья во время думы (сбора родственников по поводу приданого и подарков жениха) жениховой породе дарились рубашки количеством не менее 20 штук⁴², а жениху невеста вручала залого, состоявшие из дорогих предметов одежды – сарафана и платья⁴³. Крестная после «невестинной бани» дарила крестнице-невесте рубашки и платки⁴⁴. После венчания невеста дарила рубашки свекру, свекрови и золовкам, причем свекрови с вышитым подолом, невесткам – с вышитыми рукавами. В окрестностях Сенной Губы невеста должна была подарить свекрови 12 сорочек с рукавами и вышивкой по подолу, золовкам – по 2 сорочки. Кроме того, вышитая сорочка полагалась крестной матери. Свекр и жених тоже получали по рубашке⁴⁵.

Для свадебной обрядности Пудожья характерен своеобразный элемент: дарение жениху свернутого особым способом платка, в котором было спрятано кольцо⁴⁶. Жених должен был ловко развернуть платок, не уронив кольца. Назывался этот обряд «зайца носить» и был характерен для районов Колодозера и Песчаного.

Главным атрибутом пудожской невесты являлась лента – «подбери-ха», символизировавшая «волю», и платок, который сопровождал ее весь обряд. Платком покрывали голову невесты, когда она ехала в последний раз девушкой погостить у родственников, причем манера покрывания головы была особой: «наперед короткий конец, а весь висит сзади»⁴⁷. После венчания главные атрибуты молодой – женский головной убор – «борник» – и большой шелковый платок, который накидывался на голову невесты, когда ее вели к столу молодого. После «вывода невесты за столы» дружка снимал с нее платок, и сакральная роль платка как оберега в свадебном обряде заканчивалась⁴⁸.

Отличительным знаком заонежской невесты в предсвадебную пору были три ленты, приколотые к концу косы и сложенные в виде петли. Ленты были широкими, длина их могла достигать четырех метров. «Сядя в сани, она опускала их за бортик саней, чтобы они играли на ветру. Убранная таким образом коса олицетворяла девичью волю»⁴⁹. Ленты играли важную роль и в дальнейшем, в обряде «отдавания воли».

⁴² Колобов И. Русская свадьба Олонецкой губернии... С. 27.

⁴³ Там же. С. 52.

⁴⁴ Кузнецова В. П. Свадебная обрядность Пудожья. С. 276.

⁴⁵ Там же. С. 120.

⁴⁶ Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья. С. 192.

⁴⁷ Колобов И. Русская свадьба Олонецкой губернии... С. 46.

⁴⁸ Кузнецова В. П. Свадебный обряд на Водлозере. С. 276.

⁴⁹ Там же. С. 80.

Перед свадьбой косу невесте заплетали так, чтобы ее трудно было расплести. Основную ленту – косоплетку – завязывали множеством узелков, закалывали булавками. Когда коса была заплетена, ее украшали широкими цветными лентами, прикрепляя их к косоплетке, основание косы украшали широким бантом⁵⁰. Помимо лент, завязанных в виде петель, отличительным знаком невесты в процессе свадебного действия был большой шелковый платок. Этот платок покрывал ее голову, когда она ездila по гостям. Под подбородком этот платок закалывался булавкой⁵¹. После облачения невесты в свадебный наряд ее выводили к жениху под шелковым платком⁵². Жених захватывал платок за кончик, невеста поворачивалась, жених сдергивал платок и убеждался, что получил именно ту молодую, которую сватал. В последний момент свадебного «хваленья» на голову молодой одевали расшитый золотом кокошник или чепец. Вместе с кокошником молодой вновь одевали сетку-поднизь⁵³. Этот головной убор она будет надевать только по большим праздникам. Именно таким образом перемена прически и одной из деталей одежды – головного убора закрытой формы – символизировала перемену социального статуса крестьянки.

В отдельные моменты свадебного обряда одежда приобретала магическую роль. Например, связывалась с магией притяжения богатства.

Когда родственники «били по рукам», они обменивались рукопожатиями, обернув ладони лапами одежды, чтобы будущие супруги жили зажиточно⁵⁴.

Во время свадебного пира в Заонежье жениха и невесту усаживали по центру свадебной лавки⁵⁵. Для того чтобы супружеская жизнь была счастливой и богатой, на лавку постилали шубу мехом вверх⁵⁶.

Во время свадьбы одежда могла играть двойную роль: с одной стороны – как объект, имеющий охранительную функцию, с другой – как объект «порчи» молодых колдуном. Известный в Пудожье в начале XX в. колдун по прозвищу Колец из деревни Рагуново использовал для «порчи» заговоренный шелковый сборник молодой, положив в него стельки и засунув под печь⁵⁷. Результат оказался весьма драматичным: «невеста умерла.

⁵⁰ Кузнецова В. П. Свадебный обряд на Водлозере. С. 80.

⁵¹ Там же. С. 230.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 239.

⁵⁴ Там же. С. 141, 143.

⁵⁵ Т. е. лавки, идущей вдоль лицевой стены от большого угла.

⁵⁶ Логинов К. К. Интерьер крестьянской избы... С. 101.

⁵⁷ Предания и былички... С. 109. (Свидетельство Пименовой Т. И., д. Пелгостров. Запись 1973 г. Записано Русаковой Е. И., Гин (Левиной) Е. М.)

День или два там полежала и померла»⁵⁸. Во время девичьей бани перед свадьбой невеста перед мытьем садилась на полок, надев на себя порты и рубаху, сшитые ею в подарок будущему мужу⁵⁹. Рубаха и порты пропиты-вались потом девушки. Затем она снимала их и оставляла в предбаннике. Впоследствии, в день первой бани молодых после свадьбы, она дарила рубаху и порты, хранящие запах ее тела, мужу. Одежда, прошедшая через магический ритуал, должна была усилить любовь мужа к жене.

С одеждой связан и еще один типично пудожский обряд, характерный для периода свадебницы, т. е. времени между Масленицей и Великим постом. «До конца 1880-х годов в Пудоже и окрестностях существовал древний обычай во вторник на второй неделе Великого поста собирать в одной из окрестных деревень молодух с мужьями на беседу. Молодухи пряли, время от времени они выходили и переменяли свой наряд»⁶⁰. Таким образом молодые демонстрировали все имеющиеся у них наряды. Это был своеобразный экзамен на роль хозяйки, умение показать свое мастерство, не уронить свое достоинство, и здесь одежда также выступала в качестве главного обрядового атрибута. Когда у молодой появлялся ребенок, она во время обряда крещения младенца одаривала крестных рубашкой⁶¹.

Интересно отметить, что красота свадебных обрядов, отличительной чертой которых было богатство свадебных нарядов, заонежане переносили на свои представления об обычаях и обрядах мифологического потустороннего мира. В легенде, приведенной П. Н. Рыбниковым, молодые заонежане в канун Крещения отправились «слушать» (узнавать будущее) на озеро. Едва они успели очертить вокруг себя магический круг, защищающий от нечистой силы, как из проруби показалась лошадь, запряженная в сани, полные народа. Это был свадебный поезд водяного. Поезд проехал у самой черты круга. Его сопровождали возы с дровами и сеном. Один из парней выдернул кочергой из одного воза полено дров, из другого – клочок сена. По возвращении домой сено превратилось в шелк, полено – в кусок отличной парчи. И они поняли, что это было приданое невесты⁶². Таким образом, по представлениям заонежан, свадебные наряды дочерей водяного шились, как у состоятельных крестьян, из шелка и парчи.

По представлениям заонежан, платье нечисти застегивалось левой поллой наверх⁶³. Под нечистью в Заонежье подразумевались леший, домовый и водяной.

⁵⁸ Предания и былички... С. 110.

⁵⁹ Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья. С. 101.

⁶⁰ Кузнецова В. П. Свадебная обрядность Пудожья. С. 222–223.

⁶¹ Жилаев В. Географические, статистические и этнографические сведения... Л. 14.

⁶² Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах. С. 11.

⁶³ Там же. С. 119.

В мифах Пудожья тоже чаще всего фигурируют такие персонажи, как леший со своим лесным народом, домовый и его хозяйка, водяной и его хозяйка водяница.

Лешего жители Водлозерья представляли в образе мужчины в балахоне, опоясанном кушаком, в сапогах белой кожи в сопровождении маленькой черной собачки⁶⁴. Пуговицы на кафтане у лешего были застегнуты не так, как у всех пудожских мужиков, справа налево, а наоборот, слева направо⁶⁵. Это один из признаков его принадлежности к миру нечистых.

Подданных лешего, лесной народ, по представлениям пудожан, можно было увидеть вечером, когда начнет смеркаться, в лесу на дальних чищах (расчищенных местах). Вот как рассказала об этом жительница д. Кевасалма Белкина. Ее отец, имевший привычку жать вечером, когда не жарко, частенько видел этот самый лесной народ на дальних полях. Судя по описанию одежды, подданные лешего были существами женского рода. «И вот в чище... как только вечером запоздает... обязательно вот эти появлялись в красных сарафанах»⁶⁶.

Любопытно, что средством защиты от козней лешего тоже выступала одежда. В случае необходимости человек должен был трансформироваться в обитателя потустороннего мира – переодеть одежду на левую сторону.

Пожилая жительница деревни Куганаволок Лещева Е. Ф. вспоминала об этом в 1973 г. так: «Заблудилась в лесу зимой. Вот зимой в этикие морозы пришлось переодеться на левую сторону, платье перевернуть... пришла домой»⁶⁷. О том же повествует жительница деревни Куганаволок Молот К. Е. в рассказе о своей маме, заблудившейся в лесу на Колгострове. Она «давай платье на левую сторону переворачивать. Говорят, переоденешь на левую сторону, тогда выпутаешься»⁶⁸. В быличках пудожан домовая хозяйка (жена домового), как впрочем и водяница, одета во все черное⁶⁹. Домовая хозяйка активно идет на общение с хозяйкой дома, как правило, одалживая необходимую ей утварь, чаще всего решето. За решето она

⁶⁴ Предания и былички... С. 33, 35, 40, 46. (Свидетельства Марчихиной К. И. из д. Куганаволок; Ерохова А. В. из д. Кевасалма; Левиной Е. М. из д. Западное Русаково; Спириной Ф. Д. из д. Куганаволок. Запись 1974 г. Записано Русаковой Е., Кузнецовой В. П.)

⁶⁵ *Логинов К. К.* Этнолокальная группа русских Водлозерья. Петрозаводск, 2006. С. 91.

⁶⁶ Предания и былички... С. 60. (Свидетельство Белкиной Т. П., д. Кевасалма. Запись 1974 г. Записано Русаковой Е., Кузнецовой В. П.)

⁶⁷ Там же. С. 50. (Свидетельство Лещевой Е. Ф., д. Куганаволок. Запись 1973 г. Записано Разумовой А. П., Русаковой Е. И.)

⁶⁸ Там же. С. 58. (Свидетельство Молот К. Е., д. Куганаволок. Запись 1974 г. Записано Кузнецовой В. П., Окуневым А. В.)

⁶⁹ Там же. С. 88. (Свидетельство Соловьевой А. К., д. Куганаволок. Запись 1977 г. Записано Сенькиной Т. И., Курец Т. С.)

расплачивается или отрезом на рукава женской рубахи⁷⁰, или приглашением на свадьбу домовых. Возможность увидеть свадьбу «нечисти» давало вполне определенное действие, опять-таки связанное с одеждой: «Если угодно нашу свадьбу поглядеть, дак вот приди на сарай, стань на третью сланину, и вот как вниз наклонись, заднюю тресту⁷¹ клади в зубы... сорочку или сарафан, юбка ли, чего-нибудь. И промеж ног смотри»⁷².

Таким образом, одежда играла важную роль в мифологических представлениях пудожан и заонежан о нечистой силе. В целом одежда нечисти была подобна крестьянской, но имела характерные, бросающиеся в глаза отличия. Принадлежность к потустороннему миру можно было определить по застежке (слева направо). Это было очень важно, так как внешний вид нечистой силы зачастую ничем не отличался от внешнего облика человека. Посредством наговора одежда могла служить средством наведения порчи или служить вместилищем для «портежа» (если его помещали в подоле или кармане). Через участие в ритуальных действиях она могла служить объектом защиты от козней нечистого или колдуна (охранительная функция огибки в люльке, переодевание в лесу одежды на левую сторону, одаривание колдуна отрезом ткани).

Важную роль играла одежда в трудовых и праздничных святочных и крещенских обрядах (обряд становления коровы во время дойки, одаривания плотников на «окладное» и «коневое» бревно, хождения «хухляками», купания в проруби). В свадебном обряде она рассматривалась как элемент магии присушивания и привлечения богатства, как часть приданого, как символ смены социального статуса женщины. Кроме того, одежда в крестьянском быту часто играла роль экономического фактора (залог за продукты питания, плата за работу, дорогой подарок, приданое как экономическая основа самостоятельной жизни жены в случае смерти мужа). Все сказанное свидетельствует о многофункциональной роли одежды в обрядах, обычаях и мифологических представлениях заонежан и пудожан.

⁷⁰ Предания и былички... С. 87. (Свидетельство Пименовой А. И., д. Куганаволок. Запись 1993 г. Записано Кузнецовой В. П., Окуневым А. В.)

⁷¹ Треста – фрагмент станушки – нижней части женской рубахи. Как правило, станушка шилась в три тресты.

⁷² Предания и былички... С. 87. (Свидетельство Левиной Е. М., д. Пога. Запись 1974 г. Записано Русаковой Е., Нигметовой М., Устинской О.)

С. М. Лойтер

**ФОЛЬКЛОРИСТИКА КАРЕЛИИ
В «ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ
XX ВЕКА»**

Несомненное событие последнего времени – выход в свет новой «Истории русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г.» Т. Г. Ивановой¹. История науки – это всегда некое обобщение, осмысление уже состоявшегося опыта. Знаменитая двухтомная «История русской фольклористики» М. К. Азадовского (написана перед самой войной, но издана после смерти автора)², охватывающая период с XVIII по начало XX в. и рассматривающая развитие фольклористики в связи с формированием и противоборством общественно-политических течений XIX в. (славянофильство, западничество, революционно-демократическое движение), при всей академической основательности, многолетней востребованности и ценности сегодня нуждается не просто в продолжении, но в новых подходах и оценках, так как несет на себе неизбежную печать идеологического воздействия и идеологических перекосов.

Вышедшая «История русской фольклористики XX века» Т. Г. Ивановой охватывает всего сорок лет, но это чрезвычайно насыщенный большими драматическими событиями в истории страны и фольклористики период, который как период не изучался. Особенность монографии Т. Г. Ивановой обусловлена тем, что проблемы 1) как представить исторически небольшой, но разнородный период истории фольклористики и 2) под каким углом зрения его прочитывать, решены концептуально. Предложив свою концепцию периодизации развития отечественной науки о традиционной культуре XX в., Т. Г. Иванова выделила в

¹ *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб., 2009. 800 с.

² *Азадовский М. К.* История русской фольклористики: В 2-х т. Т. 1. М., 1958; Т. 2. 1963.

ней семь основных периодов: первый – 1900–1916 – начало столетия; второй – 1917–1928 – от октябрьского переворота – верхняя точка характеризуется разгромом советского краеведения; третий – 1929–1941 гг. В монографии специально исследуются только эти три периода, каждый из которых составляет самостоятельный, состоящий из разного количества глав раздел.

Решая проблему, как «прочитывать» историю фольклористики, и не отвергая правомерности персонального, «медальонного» принципа, когда история науки осмысливается через биографии видных и рядовых деятелей, Т. Г. Иванова главным источником и объектом рассмотрения делает труды исследователей, создававшиеся в конкретно-исторических условиях. Прочитанные и перечитанные в историографическом ракурсе, они позволяют увидеть векторы движения науки, понять, как и в чьих исследованиях вызревают идеи того или иного направления или школы, представить историю их становления, подъема или «затухания». И тогда биографический, точнее биобиблиографический материал, которым насыщена монография, оказывается органической составляющей полнокровной и объективной картины существования науки. Ее созданию подчинены и рассмотренные организационные формы, представляющие фольклористику в каждый конкретный период, – научные общества, исследовательские институты, специальные издания. Подробное освещение собирательно-экспедиционной работы обращает к проблемам изучения конкретных жанров, методам экспедиционной работы, менявшимся в связи с техническим прогрессом и расширением возможностей. Тем самым в орбиту исследования включается огромный документальный материал центральных и периферийных архивов, личных архивов ученых, хроники в журналах и периодической печати, отчеты множества конференций и экспедиций, доклады, выступления, протоколы и повестки дня разного рода научных собраний, мемуары, дневники, даже письма. Такой круг источников способствует объективности оценок и позволяет представить широкий спектр жизни науки с полемиками и расхождениями взглядов порой в рамках одной школы или направления, отразить нередко обусловленные временем компромиссы и нелицеприятные поведенческие жесты даже уважаемых и авторитетных ученых.

Известно, какое место отводил М. К. Азадовский фольклору Олонецкой губернии в общерусском фольклорном процессе. Его слова, сказанные в 1941 г., о том, что на материале, записанном в Карелии, создавалась вся русская наука о фольклоре³, в полной мере конкретизировались

³ Азадовский М. К. Материалы 1 съезда писателей К-ФССР // На рубеже. Петрозаводск. 1941. № 1–2. С. 56–58.

в разных частях его «Истории русской фольклористики». Карельская компонента занимает заметное место во всех разделах «Истории...» Т. Г. Ивановой. Под этим углом зрения пунктирно рассмотрю эту книгу, являющуюся несомненной вехой в развитии науки.

Первый самый большой раздел монографии «Фольклористика в 1900–1916 гг.» начинается с полемики с М. К. Азадовским, который в завершающей главе своей «Истории русской фольклористики» рассматривает эпоху конца XIX – начала XX в. «как время упадка и измелчания», когда в науке проявляются «открыто выраженные реакционные настроения», «господствуют эмпиризм, формализм, тенденции „науки для науки“». Противопоставляя свою точку зрения, Т. Г. Иванова пишет: «Предоктябрьская эпоха в фольклористике, на наш взгляд, – это высшая точка в развитии всей дореволюционной науки» (с. 17). Каждая из девяти глав первого раздела служит доказательству этого. Представляя «Основные учреждения и издательские центры фольклористики» (это название главы), Т. Г. Иванова анализирует работу Олонецкого губернского статистического комитета, печатавшего в издаваемых им «Памятных книжках Олонецкой губернии» записи А. Георгиевского, Г. Куликовского, В. Харузиной, похоронные причитания А. С. Богдановой-Зиновьевой. В посвященной полевой практике начала XX в. главе «Собирательско-экспедиционная деятельность», описывая наиболее значимые экспедиции и их результаты, воплотившиеся в сборниках, которые стали классическими, Т. Г. Иванова останавливается на собирательской работе А. В. Маркова в поморских селах Сумпосад, Вирьма, Сорока, Шижня, Гридино, где было записано 50 духовных стихов и 40 старин (в сборник 1901 г. «Беломорские былины, записанные А. В. Марковым» вошла часть этих записей; теперь они составили новое фундаментальное издание «Беломорские старины и духовные стихи»). Особо выделены экспедиционная деятельность Н. Е. Ончукова и его собрание «Северные сказки» и «Северные народные драмы» (толвуйские записи 1904 г.). Напрямую связана с карельским материалом шестая глава раздела, обращенная к проблеме становления «русской школы» изучения индивидуальности сказителя: «Открытие феномена народного сказителя в русской фольклористике состоялось именно благодаря Заонежью» (с. 616). И вполне закономерно специальное рассмотрение трудов Е. А. Ляцкого, посвященных И. Т. Рябинину, и проблемы «И. Т. Рябинин и П. Т. Виноградов» в последней, 9-й главе первого раздела «Фольклор в культурной жизни страны начала XX века».

В большом, из шести глав, втором разделе книги (период с 1917 по 1928 г.) много места уделяется региональной фольклористике и краеведению. обстоятельно рассмотрев деятельность фольклористических центров Петрограда / Ленинграда и Москвы, сыгравших определяющую роль

в развитии науки о традиционной культуре, Т. Г. Иванова представляет интенсивную и очень плодотворную для всей фольклористики экспедиционную деятельность на территории Карелии (это и комплексная экспедиция Крестьянской секции Российского государственного института истории искусств в Заонежье 1926 г., участниками которой были К. К. Романов, Н. П. Колпакова, А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, Е. В. Гиппиус; экспедиция А. И. Никифорова, записавшего северно-русскую сказку; экспедиция фольклорной подсекции Государственной академии художественных наук «По следам Рыбникова и Гильфердинга» братьев Ю. М. и Б. М. Соколовых).

Однако совершенно особое звучание карельская тема приобретает в третьем разделе книги «Фольклористика в 1929 – первой половине 1941 гг.» Это, по утверждению Т. Г. Ивановой, один из наиболее драматических, одиозных и вместе с тем неоднозначных периодов. Целые главы и параграфы посвящены созданию такого центра изучения, как «Карельский научно-исследовательский институт / Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИ / КНИИК; Петрозаводск)», и «Собирательско-экспедиционной работе в Карельском научно-исследовательском институте». Рассмотрены достижения в изучении сказки – открытие А. Н. Нечаевым М. М. Коргуева и выход в свет двухтомного его собрания «Сказки Карельского Поморья», появление записанных Н. В. Новиковым «Сказок Ф. П. Господарева»; сборника М. М. Михайлова «Русские плачи Карелии» (1940; записи 1934–1939 гг.); наконец, последнего предвоенного сборника «Былины Пудожского края» Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. В главе 5 «Фольклорные архивы» особо выделен созданный в 1930-е гг. Научный архив Карельского научно-исследовательского института, который, по утверждению Т. Г. Ивановой, наряду с архивом Пушкинского дома и Государственного литературного музея, в дальнейшем «заял одно из ведущих мест в фольклористической архивистике» (кстати, в книге называется единственная диссертация по этой теме Е. В. Марковской «Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН)»). Это позитивные тенденции в развитии фольклористики Карелии.

Вместе с тем, характеризуя этот период как период утверждения «господства преступного сталинского режима» и «безусловного господства идеологического диктата», Т. Г. Иванова прослеживает, как менялась деятельность основных фольклористических учреждений в результате их реорганизации и преобразований. Закрытие в 1937 г. Центрального бюро краеведения СССР стало по сути завершением его разгрома, начатого в конце 1920-х гг. и в Карелии. Называя в разделе «Фольклористы и сталинские репрессии» 150 академических ученых и краеведов-любителей,

Т. Г. Иванова выделяет параграф «Аресты 1937–1938 гг. в Карелии: Н. Н. Виноградов, И. М. Дуров, А. Н. Нечаев» (начинается с ареста и расстрела С. А. Макарьева).

Как свидетельствует материал книги, Карелия явилась тем регионом, в фольклористике которого особенно отчетливо проявились следствия идеологического диктата: использование фольклора как средства пропаганды достижений советского строя. Исследованию этого пласта просветского, «сталинского» фольклора посвятил свою монографию американский ученый Фрэнк Миллер⁴. В определенной степени этот фольклор явился результатом узаконенного, немислимого для науки всех предшествующих лет сотрудничества собирателей со сказителями. Созывались специальные совещания, на которых собиратели рассказывали о своем опыте работы со сказителями. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы сборника «Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.»⁵ Сказитель превращался в инструмент насаждения культа Сталина.

Как выяснилось, сотрудничество собирателя со сказителями, результатом чего стали многочисленные фальсификации, именно в Карелии приобрело характер тенденции. Большая предшествующая «Истории фольклористики...» работа Т. Г. Ивановой «О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса»⁶, включающая исследовательскую, комментирующую части и републикацию текстов, предьявляет 71 принадлежащий Карелии текст (из 141, созданного во всей России). Среди этих «новин» особенно много плачей-сказов, посвященных деятелям партии, советского правительства, политическим событиям. Как известно, причитания – жанр семейно-бытовой обрядовой поэзии, и один из немногих известных случаев придания причитанию большого общественного звучания – «Плач о старосте» Ирины Федосовой. Но оплакиваемый вопленицей староста – лицо, близкое односельчанам, для которых он реальный «заступушка» и «заборонушка». Плачи-новины деформируют семейно-обрядовую ситуацию равно, как саму жанровую природу плача, который во всех случаях оказывается панегири-

⁴ Миллер Ф. Сталинский фольклор. СПб., 2006. Впервые эта монография вышла на английском языке в Нью-Йорке и Лондоне в 1990 г.

⁵ См.: Мой опыт работы со сказительницей М. Р. Голубковой: доклад Н. П. Леонтьева на совещании во Всесоюзном доме народного творчества 16 июня 1939 г. // Фольклор России в документах советского периода: 1933–1941. М., 1994. С. 103–104; Доклад фольклориста М. И. Костровой о работе со сказителями П. И. Рябининным и Ф. А. Конашковым на совещании по вопросам творческой помощи сказителям и народным певцам во Всесоюзном доме народного творчества. 19 декабря 1940 // Там же. С. 164.

⁶ Иванова Т. Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора / Изд. подгот. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. М., 2002. С. 403–968.

ком товарищу Сталину. Оплакиваемое высокопоставленное лицо, о котором плакальщица узнает из официальных источников (независимо кто бы он ни был – Ленин, Киров, Чкалов, Горький, летчики-папанинцы), – лишь повод, чтобы появился мифологизированный образ заступника и дарителя счастья товарища Сталина. Аналогичную функцию выполняли и многочисленные новины-сказы и сказки. Фольклористика Карелии активной других регионов использовала новые формы работы – слеты сказителей, направленные на «обмен опытом» народных рапсодов. Летом 1938 г. состоялось первое Всекарельское совещание, а в мае 1939 г. – Всесоюзное совещание сказителей в Петрозаводске, на которое приехало около 100 сказителей из Карелии, Архангельской области, Коми АССР, Украины и Белоруссии. Среди ученых – Азадовский, Астахова, Н. П. Андреев, А. Д. Соймонов, М. М. Михайлов, Ю. М. Соколов. Кульминацией совещания стало коллективное письмо сказителей тов. Сталину:

Мы, сказители-былинники карельские,
Обещаем мы товарищу Сталину
И даем ему слово верное
Пятилетку выполним да по-ударному,
Мы сослужим службу государству нашему
Песней радостной да сказкой мудрою.
Отдадим мы жизнь за отца за Сталина,
За заботушку о нас да за великую⁷.

В «Истории фольклористики...» наглядно представлен путь, который прошла известная сказительница А. М. Пашкова, занимающая одно из первых мест после Федосовой среди воплощниц, признанный знаток традиционного фольклора, и это отражают известные публикации ее текстов⁸. В «Былинах Пудожского края» после 15 полноценных эпических песен следует текст под названием «Былина», в котором такие строки: «А во Советской во Расеюшки / Новые богатыри явились / Во Москвы ли славной белокаменной, / А за той стеной кремлевской златоглавой / Богатырь есть Сталин красно солнышко...», а в «Русских плачах Карелии», наряду с прекрасными традиционными плачами, отдельно – два плача о Ленине «Наше красное ты солнышко» и «Бессмертному Ленину», плач-сказ «Ему ветра повиновались» – о В. Чкалове, единственный плач «Другом нашим, Горький, ты мне кажешься»:

⁷ Карелия. Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 2. С. 6–10; Карелия в художественной литературе / Сост. В. Г. Базанов, С. С. Шлеймович. Петрозаводск, 1940. С. 275–278.

⁸ Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940; Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941; Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск, 1982.

Скоро сполнится три круглых годичка.
Как не стало на белом свету
Дорогого советского писателя,
Друга верного Иосифу-то Сталину
И всему народу пролетарскому
Как Максима-то Горького⁹.

В местных газетах, альманахе «Карелия» один за другим появлялись сказы Пашковой «Чем Москва прославилась», «О Ленине», «Колхозница», «Раскрепощенная женщина», «Сказ о колхозных яслях», «Расцветает город в тундре», о выборах всенародных, даже колыбельная песня (байка) с идеологическим мотивом.

Механизм работы со сказительницей, оказавшейся в поле зрения общественности, и истоки появления подобных текстов раскрывают биографические материалы из книги «Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии)»¹⁰. Помимо автобиографии сказительницы, приводятся свидетельства собирателей, письма самой Пашковой и к ней. Из этих источников становится ясно, что А. М. Пашкова в 1930-е гг. постоянно приглашалась в Институт, где с ней проводились беседы о текущей политике, решениях партии и правительства, что она получала задания сочинить тот или иной сказ, который не просто редактировался, но переписывался и дописывался.

Аналогично, как свидетельствуют биографические материалы, создавались плачи о Ленине, Крупской и Чкалове А. Т. Конашковой, Е. А. Кокуновой, Е. С. Журавлевой, содержащиеся в сборнике «Русские плачи Карелии».

Тем не менее пристальное исследование этого пласта текстов и комментирующих их источников, содержащихся как в публикациях, так и в биографических и других материалах архивов, впереди. Трудно обойти и другой – нравственный аспект этого явления, которое было одним из звеньев установившейся тотальной лжи, лицемерия и цинизма. И это урок и опыт всей русской фольклористики.

Уже отмечалось, в новой «Истории...» анализируются только три периода. Но во Введении, содержащем концепцию периодизации, охарактеризованы доминанты каждого из семи периодов. Седьмой период, согласно периодизации Т. Г. Ивановой, – фольклористика с 1987 г. по сегодняшний день. Это период идеологического раскрепощения фольклористики. Важными тенденциями этого периода является возвращение

⁹ Русские плачи Карелии.

¹⁰ Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003. С. 203–214.

в науку классических жанров (быличка, духовный стих, поверья и т. д.), проблем народного православия, добавлю: расширение фольклорного поля за счет снятия запретов с ранее не изучавшихся пластов фольклора. Эти реальные результаты фольклорного процесса XX в., неотвратимое угасание и нередко исчезновение классического фольклора, накопившийся эмпирический материал, представляющий ранее не фиксировавшийся фольклор некрестьянской среды, касаются всех регионов России. Новая «История фольклористики XX века» – несомненный импульс и стимул для изучения этих проблем и вопросов на фольклорном материале Карелии.

Н. А. Криничная

**«КАРЕЛЬСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ»:
СОБРАНИЕ В. Я. ЕВСЕЕВА – ВАЖНАЯ ВЕХА
В ИСТОРИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ**

Названная книга – первый академический сборник карельских эпических песен¹. Вышедшая в свет в 1950 г., в издательстве АН СССР, она была подготовлена к печати В. Я. Евсеевым – известным ученым и поныне единственным в карельской фольклористике доктором наук. Научный редактор данного собрания рун – проф. В. Я. Пропп. К моменту выхода этой объемистой (526 с.), большого формата книги ее автору и составителю было сорок лет. И многое из того, что теперь составляет наследие ученого, ему тогда еще только предстояло написать. Впереди были двухтомная монография «Исторические основы карело-финского эпоса» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957, 1960); двухтомное собрание «Карело-финский народный эпос» (М.: «Восточная литература» РАН, 1994); разножанровое собрание «Карельское народное поэтическое творчество» (Л.: Наука, 1981) и многие другие работы...

Вот уже почти четверть века нет В. Я. Евсеева среди нас. Однако в ритмах и паузах научной речи поныне ощутимы живые биоритмы автора, а в словах, фразах, периодах его книги бьется напористая исследовательская мысль, ищущая себе выход и находящая его в творческих озарениях.

И сегодня каждый, кто приступает к составлению сборника карельских фольклорных произведений либо к исследованию карельского эпоса, как и карельской мифологии, или ставит перед собой определенную культурно-просветительскую задачу, связанную с народным творчеством Карелии, не обойдет своим вниманием эту книгу. В ней он найдет и материал для исследования, и ответ на многие теоретические вопросы. И вот сегодня, уже с позиций современной фольклористики, попытаемся дать оценку этому труду. Что же остается в нем непреходящим и поныне?

¹ Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеев. Отв. ред. проф. В. Я. Пропп. М.; Л., 1950. 526 с. Далее идут ссылки на страницы этого издания.

Прежде всего, с годами не уменьшается, а наоборот, возрастает значимость самих текстов рун. Они записаны в 30–40-е годы XX столетия, когда эпическая традиция хотя и уходила на убыль, но все-таки еще активно бытовала. Это были ее последние сполохи перед закатом. Тексты карельских эпических песен, вошедшие в рассматриваемое собрание, были зафиксированы усилиями многих собирателей, профессионалов и любителей, но подавляющее большинство из них записаны самим В. Я. Евсеевым. Поражает активность собирательской деятельности в довоенный и послевоенный периоды. В сохранении эпического наследия, помимо В. Я. Евсеева, приняли участие десятки энтузиастов: Т. Ананина, К. Белова, А. Войнов, М. Гершиев, О. Гордеева, Э. Гран, О. Демидова-Пергамент, Е. Каллио, В. Иванов, П. Иванов, У. Конкка, П. Куйкка, Ларионова, Леонтьева, А. Луккарева, К. Луото, К. Матвеева, В. Меллер, С. Нокелайнен, О. Пажлаков, Я. Ругоев, Е. Симакова, А. Созонова, Э. Тимонен, Ф. Титкова, Ф. Фомкин, У. Харламова, А. Юдина, И. Яковлев и др. Некоторые тексты приходили от рунопевцев по почте. Разумеется, уровень произведенных записей мог быть разным, но это касается любых материалов, хранящихся в архивах. Заметим к тому же, что принципы подготовки текстов к печати не оговариваются.

Из 505 текстов рун, имевшихся к тому времени в распоряжении составителя, в названное собрание было включено 225. Этими текстами представлены эпические традиции различных районов Карелии и все их диалекты. Прилагаемая в конце книги карта населенных пунктов, где в то время осуществлялась запись рун, создает по широте полевого обследования впечатляющую картину. Географический принцип расположения материалов, принятый как основной в данной книге, позволяет в первую очередь определить специфику каждой из локальных традиций. Нередко он используется и в современных изданиях фольклорных текстов. Внутри же «географических» рубрик материал расположен «по исполнителям». «Открытые» тогда рунопевцы, чьи имена ныне на слуху: В. А. Гордеев, М. И. Михеева, А. Ф. Никифорова, Т. А. Перттунен, М. А. Ремшу, М. М. Хотеева, Е. И. Хямяляйнен и многие другие – стимулировали такую классификацию текстов внутри «географических» рубрик. Каждая из подборок эпических песен, относящихся к репертуару одного и того же рунопевца, выделялась и визуально: высокого качества фотографии навсегда запечатлели одухотворенные лица исполнителей рун, опубликованных в данном собрании. Мало того, на с. 449–467 помещены биографические статьи о сказителях, написанные на основе сведений, которыми к тому времени располагал составитель. В дальнейшем они пополнялись усилиями фольклористов, писателей, журналистов, краеведов.

Рассматриваемое собрание состоит из двух частей. В первой его части опубликовано 188 традиционных карельских эпических песен, связанных с именами мифологических героев: Вайнямёйна, Илмаринена, Лемминкяйна и многих других персонажей. Они основаны на сюжетах, ныне достаточно известных: о сотворении мира, о создании кантеле, об изготовлении лодки, о сватовстве в мифической земле, о похищении сампо и пр. Эти руны далеко не однородны и представляют собой, как совершенно справедливо отметил В. Я. Евсеев, различные жанровые разновидности. В числе их не только собственно эпические песни, но и баллады, заклинания, другие произведения калевальской метрики. Прослеживается связь некоторых рун с обрядовой поэзией. Встречаются эпические песни в сказочном переложении и, наоборот, сказки (например, «Хитрая наука») поются калевальским размером, как эпические песни, лишь временами прерываясь прозаическими вкраплениями. Все это составитель заметил и профессионально оценил.

В текстах традиционных эпических песен, вошедших в корпус сборника, В. Я. Евсеев выделил 80 сюжетов. Важнейшая заслуга составителя в том, что он сумел дифференцировать имевшиеся в его распоряжении сюжеты, а дифференцировав, дал им названия, поскольку в живой традиции устойчивых наименований рун нет. Создание подобного регистра на карельском материале послужило точкой отсчета и первичной основой для всех дальнейших разысканий, предпринятых как самим составителем, так и его последователями.

Поскольку, как уже говорилось, за основу был принят географический принцип систематизации материала, различные варианты одного и того же сюжета, естественно, оказались в разных рубриках. В. Я. Евсеев не оставляет без внимания и эту проблему: разрозненные варианты он сводит в компактную группу в разделе «Примечания» (с. 468–507). В качестве же основного принцип классификации текстов по сюжетам он со временем применит в другом своем капитальном труде – двухтомнике «Карело-финский народный эпос» (М., 1994). Что касается издания «Карельские эпические песни», то любой сюжет в нем легко можно отыскать и благодаря специальному Указателю, где цифрами обозначены не только номера публикуемых рун, но и порядковый счет стихов, к данному сюжету относящихся. Кстати, в Примечаниях сообщаются не только паспортные данные текстов, но и сведения о вариантах, как вошедших в названное собрание, так и опубликованных в Финляндии, что существенно расширяет рамки интересующей нас книги.

Примечания, которыми сопровождаются публикуемые тексты, содержат в себе многоаспектную информацию. В них раскрываются особенности вариантов и версий, представляющих собой тот или иной сюжет, от-

мечаются разновидности контаминаций, выявляются признаки соотношения записанных в полевых условиях текстов с «Калевалой», а подчас и с «Кантелетар». Нередко определяются ареал распространения сюжета, факты проявления этнокультурных взаимосвязей. Не остаются в стороне и наблюдения над особенностями передачи эпического знания, составляющего основу преемственности фольклорной традиции, и т. д. Свою комментирующую роль играет также Указатель собственных имен и географических названий, которые, однако, в силу своей мифологичности в подавляющем большинстве случаев могут быть названы так лишь условно. Причем в этом же Указателе приводятся диалектные различия имен и названий, определяются важнейшие функции эпических (а по сути, мифологических) героев, описываются чудесные свойства мифических предметов, типовые признаки «далеких земель». Одним словом, все составляющие сборника связаны в единый тугой узел.

Второй раздел рассматриваемого издания называется «Советские эпические песни». Его составляют 37 текстов. Некоторые сюжеты представлены несколькими вариантами. В них повествуется о поворотных моментах в истории советского государства. В их числе революция, Гражданская война, Финская кампания, Великая Отечественная война, строительство новой жизни, послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства. Героями этих песен являются политические деятели, Герои Великой Отечественной войны, Герои социалистического труда, в том числе и прославившиеся земляки. Многие из этих новин записаны от известных рунопевцев, использовавших традиционные образы и мотивы для создания так называемых советских эпических песен. Например, от сказительниц М. И. Михеевой, Т. А. Перттунен, Е. И. Хямляйнен записаны тексты под названием «Новое сампо». Приведем отрывок из произведения М. И. Михеевой:

Вышло солнце из-под тучи,
И из тьмы поднялся месяц,
Новое явилось Сампо
И молоть зерно принялось,
Стало белый хлеб готовить.
Шли на юг об этом вести,
Донеслись они на север,
Что родилось снова Сампо,
Что пришло к народу счастье,
Радио несло те вести,
И газеты разносили... (с. 428–429)

Этим новинам тогда, в 40-е гг. XX в., В. Я. Евсеев дает оценку, которая по существу не отличается от современной. Он определяет их как

«литературно-художественную самодеятельность» (с. 10). Однако в условиях господствовавшей тогда идеологической установки ученый вынужден балансировать между ею и своей собственной позицией. В результате это выглядело примерно так: советский фольклор есть, но в нем нет признаков фольклора. Вот как об этом пишет сам В. Я. Евсеев: «Новые советские эпические песни карельских сказителей, как и весь советский фольклор, в условиях нашей действительности теряют специфические черты фольклора» (с. 10). На грани дозволенного и недозволенного лавирует он и в оценке художественных достоинств новин: «<...> эти новые песни не дают возможности карельским сказителям в полной мере раскрыть замечательное содержание новых образов» (с. 10). Иными словами, новые образы есть, и они замечательны, но в рамках новых эпических песен эта замечательность раскрыться не может. Правда, и здесь В. Я. Евсеев смягчает свое суждение: «у отдельных сказителей», «не всегда» и пр. И, тем не менее, он совершенно определенно отрицает саму возможность сочетания старых традиционных форм с новым идейным содержанием. Нечто подобное мне довелось слышать и от В. Я. Проппа на его лекциях в ЛГУ: изменившемуся сознанию не могут соответствовать традиционные формы фольклора. Составитель собрания «Карельские эпические песни» и его научный редактор оказались единомышленниками.

И еще один вопрос встает при рассмотрении данного собрания рун. Это вопрос о переводах текстов с карельского на русский. Несомненно, что впервые предпринятый в таком масштабе перевод послужил прочным фундаментом для всех последующих переводов. Благодаря ему карельские руны узнала вся огромная страна. Помимо В. Я. Евсеева, в осуществлении этого перевода приняли участие и другие специалисты: А. Беляков, Н. Богданов, А. Жербин. К сожалению, сегодня вряд ли удастся установить, кем конкретно переведен на русский язык тот или иной текст. Основные же принципы определены В. Я. Евсеевым: «Переводчики стремились к максимальной точности, но вместе с тем перевод *смысловой*, а не буквальный» (с. 21), т. е. это не подстрочник. И такой принцип перевода, приближенный именно к смыслу, а не к каждому отдельному слову, был в то время (а отчасти и теперь) основным. Именно им пользовался, например, признанный мастер переводов восточной поэзии Семен Липкин. И потому давать оценку такому переводу с позиции перевода-подстрочника, как мне представляется, не совсем правомерно. На пути первопроходцев возникали трудности. И об этом пишет составитель: «Там, где отдельные мотивы карельского текста в силу фрагментарности песни недостаточно органически связываются, применен принцип расшифровывающего перевода» (с. 21–22). Надо полагать, что подобного рода «расшифровка» осуществлена посредством сопоставления вариан-

тов того или иного фрагмента. Сегодня такой принцип вызывает некоторые сомнения: любое вторжение в текст должно быть оговорено и выделено в самом тексте графически. На этот счет, как бы предвидя поставленный нами вопрос, В. Я. Евсеев тогда, в далекие 40-е годы, писал: «Эти отступления коснулись только формы выражения, но не смысла художественных образов» (с. 22). Во всяком случае, опубликованный параллельно с переводом оригинал позволит дотошному читателю внести коррективы с учетом достижений современной фольклористики. Процесс совершенствования переводов, как известно, бесконечен, тем более в условиях полисемантизма архаической лексики, диалектных различий, многозначности мифологических образов и коллизий.

В собрании «Карельские эпические песни» поставлен и ряд теоретических проблем, которые в той или иной мере получили свое развитие в последующих работах В. Я. Евсеева и других ученых. В числе важнейших из них назовем следующие:

- передача эпического знания и преемственность традиции;
- вариативность сюжетов, коллизий, образов;
- руны в системе жанров фольклора;
- этнокультурные взаимодействия;
- своеобразие локальных эпических традиций;
- соотношение народной эпической традиции и «Калевалы» (кстати, В. Я. Евсеев определяет «Калевалу» как письменный памятник, вошедший в сокровищницу мировой литературы – с. 3);
- влияние «Калевалы» на устную поэзию, возникновение новых версий и их фольклоризация;
- сопоставление биографий сказителей с их репертуаром;
- язык и поэтика рун;
- принципы переводов на русский язык.

В этом капитальном труде В. Я. Евсеев предстает в различных ипостасях: он собиратель карельского фольклора, переводчик, составитель собрания рун и их исследователь. Хочется закончить свое выступление суждением В. Я. Проппа о В. Я. Евсееве, услышанном мной в частной беседе: «Он много знает». И этим все сказано.

Ж. В. Гвоздева

РОДОСЛОВНАЯ ПУДОЖСКОГО СКАЗИТЕЛЯ И. Т. ФОФАНОВА В СВЕТЕ ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Иван Терентьевич Фофанов из деревни Климово (Авдеевский с/с) – один из лучших сказителей Пудожского края. О нем как о талантливом эпическом певце и яркой личности писали известные ученые-фольклористы: составители сборника «Былины Пудожского края» Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов¹, К. В. Чистов в сборнике очерков «Русские сказители Карелии»² и в книге «Забыть и стыдиться нечего...»³, Ю. А. Новиков в статье «Становление мастера (былинный репертуар И. Т. Фофанова)»⁴.

Иван Терентьевич был учеником Никифора Прохорова по прозвищу «Утка», прекрасное исполнение былин которого описано в известной книге В. Н. Харузиной «На Севере»⁵. Прохоров усвоил былины от отца, а отец слышал их еще в детстве. Этот факт заслуживает внимания, особенно потому, что некоторые из былин Прохорова были сохранены Фофановым почти дословно и в той же редакции⁶. Фофанову было 15 лет, когда он ходил к сказителю на «бесёду» и перенимал «старины»: «Сперва было наслушено, потом напето» – говорит И. Т. Фофанов, вспоминая свое знакомство с «Уткой»⁷. Часть своего репертуара Иван Терентьевич перенял от пудожских сказителей А. П. Сорокина из деревни Новинка на Сумозе-

¹ Былины Пудожского края / Сост. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1941. С. 27–31.

² Чистов К. В. Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 211–256.

³ Чистов К. В. Иван Терентьевич Фофанов // К. В. Чистов. Забыть и стыдиться нечего... СПб., 2006. С. 76–108.

⁴ Новиков Ю. А. Становление мастера (былинный репертуар Ивана Терентьевича Фофанова) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (докл. III Междунар. конф. «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск, 2000. С. 242–251.

⁵ Харузина В. Н. На Севере. М., 1889.

⁶ Былины Пудожского края. С. 12–13.

⁷ Там же. С. 30.

ре⁸, Т. Г. Блохина из деревни Мелентьевской Пудожского района⁹, от оставшегося безымянным «шальского лодочника» и от Никиты Антоновича Ремезова¹⁰, сказителя и лучшего друга. Иван Терентьевич также учился у своего отца Терентия Андреевича. Он рассказывал: «Отцу привозили вязать сети, он пел былины, я ходил, да слушал. Когда пас коров. Позакручинишься, иногда и песню споешь и былину споешь...»¹¹ Как былинный сказитель Иван Терентьевич Фофанов был открыт зимой 1938 г., когда началась планомерная работа Научно-исследовательского института К-ФССР по собиранию былин в Пудожском районе. И. Т. Фофанов долго был известен только своим односельчанам. Его первая встреча с фольклористами произошла, когда ему было уже 67 лет¹². Участница экспедиции И. В. Ломакина записала на озере Купецком интересный материал (тексты былин) от И. Т. Фофанова и Н. А. Ремезова¹³. После полученных результатов во время зимней и летней экспедиций 1938 г. были организованы поездки в район к отдельным сказителям. Во время такой поездки и состоялась встреча К. В. Чистова и И. Т. Фофанова¹⁴. Кирилл Васильевич жил в деревне Климово в доме Фофанова. В своих воспоминаниях К. В. Чистов так описал внешность сказителя: «Иван Терентьевич был довольно высок, суховат, даже, пожалуй, жилист с рыжеватыми гладко зачесанными назад волосами и округлой бородкой»¹⁵. Свое впечатление о И. Т. Фофанове описывал известный художник Г. А. Стронк: «Когда я увидел Ивана Терентьевича, одетого в длинную домотканую рубаху и подстриженного „под горшок“, мне почудился в нем один из древних посланцев „господина Великого Новгорода“. Только трубка, которую он время от времени посасывал, роднила его с нашим веком»¹⁶.

В июле 1938 г. К. В. Чистов записал рассказ о жизни И. Т. Фофанова с его слов. Иван Терентьевич был неграмотный, говорил, что жизнь его была беспокойная, отец его жил до 80 лет, крестьянствовал, «карактором был не очень важный», был строгим и пил вино, женился второй раз, «пошли други дити». Из рассказа следует, что с отцом молодой Иван не ладил: «С отцом, как с чертом, дрались не дрались, но выходили нелепости... Я шататься и пошел...» Когда Иван Терентьевич женился, отец его

⁸ Былины Пудожского края. С. 13–14.

⁹ Русские эпические песни Карелии / Сост. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981. С. 207.

¹⁰ Чистов К. В. Иван Терентьевич Фофанов. С. 88.

¹¹ Марковская Е. В. Сказочный репертуар Ефимьи Фофановой – дочери пудожского сказителя И. Т. Фофанова // Мастер и народная художественная традиция... С. 209.

¹² Чистов К. В. Иван Терентьевич Фофанов. С. 89.

¹³ Былины Пудожского края. С. 20.

¹⁴ Там же. С. 21.

¹⁵ Чистов К. В. Русские сказители Карелии. С. 221.

¹⁶ Стронк Г. По Карелии. Воспоминания, зарисовки. Петрозаводск, 1979. С. 26.

в дом не пустил, жили, где придется: «Я так лет 40 жил, не имел шубы на себе... Лет 10 по лисям путался – полесовался... дитей растил»¹⁷. Своеобразная разговорная бытовая лексика И. Т. Фофанова отмечена при написании автобиографии сказителя: «Под последу ён, отеч-то мой, с корзинкой (по миру. – Ж. Г.) ходил. Меня ён откинул и тупчику (тупой топор. – Ж. Г.) не дал...»; «Лет 10... полесовался (охотился. – Ж. Г.)»; «Раз пришли к мерлогу (в берлогу. – Ж. Г.)»¹⁸.

И. Т. Фофанов (первый справа) среди сказителей 1-го Всекарельского совещания мастеров народного искусства. Фото Г. А. Анкудинова. Петрозаводск. 1939 г. НАРК (0-2339 ОЦ)

Иван Терентьевич умел многое делать по хозяйству: плотничал, пилил тесовой пилой, косил, пахал, заготавливал бересту для лаптей, занимался охотой, рыбалкой, был пастухом. Позже он выстроил свой дом: «...хоть и этак и некультурный, но по-деревенски важный»¹⁹. К сожалению, родовой дом сказителя в деревне Климово Пудожского района не сохранился²⁰. Когда он построил свой дом, его переписали из бедняков в

¹⁷ Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003. С. 302.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 303.

²⁰ Научный архив музея-заповедника «Кижки» (далее – НА МЗК). Фонд новых поступлений. Материалы экспедиции Гвоздевой Ж. В. 2003 г. в д. Климово Пудожского района.

середняки. Иван Терентьевич с гордостью рассказывал о своих сыновьях: «...один счетоводом был четыре года, теперь командир в Красной Армии (Алексей. – Ж. Г.). Другой теперь тракторист (Василий. – Ж. Г.). <...> Записались в колхоз. Не сразу пошли (после двух лет)». Иван Терентьевич несколько раз посещал Петрозаводск: «В Петрозаводском был <...> Вот в театре был, так такое и во снах никогда не приснилось бы. Много и понастроили нового...»²¹

К. В. Чистов рассказывал, что книги Иван Терентьевич почти не знал, но это не значит, что умственная жизнь сказителя была вялой и неинтересной, он прекрасно владел традиционной местной культурой. Кроме былин он знал много песен, сказок, преданий, деревенских устных рассказов. Он считал невозможным петь былины плохо. Он не позволял себе, даже если его очень просили, спеть отрывок из полузабытой былины или тем более «словесно» пересказать ее содержание, былину надо петь или не петь²².

Первая встреча К. В. Чистова и И. Т. Фофанова произошла в июне 1938 г. в Петрозаводске до поездки в д. Климово. Иван Терентьевич был приглашен в Петрозаводск, чтобы петь былины для участников фольклорной конференции. А. М. Астахова – в то время лучший знаток живой эпической традиции – признала, что давно не слышала столь «чистового» пения²³. В 1939 г. Иван Терентьевич приезжал в Ленинград по приглашению М. К. Азадовского для пения былин студентам, слушавшим курс русского фольклора. В течение нескольких дней пребывания в Ленинграде И. Т. Фофанов пел много раз: в университете для студентов и преподавателей, во Дворце пионеров, в Доме писателей, дома у М. К. Азадовского и К. В. Чистова, в школах, в Институте русской литературы АН СССР.

Иван Терентьевич пел былины, даже когда находился на работе. Когда Кирилл Васильевич жил в д. Климово, он признавался, что несколько раз приходил и подслушивал, как поет Иван Терентьевич. Уже тогда исследователь отчетливо понимал ценность подобного рода наблюдений. Во время экспедиции К. В. Чистовым было записано от Фофанова 18 былин и так называемых старших исторических песен, а также объемистая тетрадка их бесед и заметок собирателя²⁴.

Как сказитель И. Т. Фофанов был очень популярен в своей деревне. Во время записи былин в избу Ивана Терентьевича по вечерам, после полевых работ, набивалось полно народу. Приходили колхозники послушать своего сказителя. И. Т. Фофанов смолоду не рещался петь на людях,

²¹ Носители фольклорных традиций... С. 303.

²² Чистов К. В. Иван Терентьевич Фофанов. С. 79, 83.

²³ Там же. С. 77, 78.

²⁴ Там же. С. 103.

судя по всему, он испытывал наслаждение от пения былин в лесу или на озере для самого себя²⁵.

В отношении усвоения материала И. Т. Фофанов ближе всего подходит к типу сказителей, которых А. М. Астахова характеризует как певцов-исполнителей. Сказитель стремился сохранить если не дословно, то почти дословно известный ему текст, позволяя себе вносить некоторые изменения в усвоенное им произведение. В былине об Илье Муромце и Идолище, переданной в редакции Фофанова, действие перенесено в Киев к князю Владимиру, тогда как у Прохорова события разворачиваются в Царьграде у Боголюбца. Предполагается, что эти изменения внесены самим Фофановым²⁶. И. Т. Фофанов перенял от своего учителя не только любовь к былинам, но и определенный художественный вкус: предпочтение героической былине, манеру петь, сопровождая текст своими замечаниями²⁷. Собиратели фольклорного наследия Пудожского края отметили, что некоторые из сказителей, как И. Т. Фофанов, несомненно, займут видное место в галерее мастеров былины XIX–XX вв.²⁸

Задачей данного исследования является дополнение биографии сказителя новыми сведениями, изучение его родословной на основании архивных документов и экспедиционных материалов, которые получены автором в Пудожском районе на родине Ивана Терентьевича. В процессе работы над родословной И. Т. Фофанова использованы документы Национального архива Республики Карелия г. Петрозаводска: Метрические книги Купецкого прихода Пудожского уезда конца XVIII – первой половины XX в.²⁹, Ревизские сказки Олонецкой губернии Пудожского уезда Мелентьевского сельского общества деревни Климовской³⁰, Исповедные ведомости Пудожского уезда³¹. При написании исследования представлены экспедиционные записи беседы с внучкой сказителя – Ниной Васильевной Соколовой, 1939 г. р. (в дев. Фофановой)³².

Родословная сказителя Ивана Терентьевича Фофанова рассмотрена по документам НАРК с 1795 по 1915 г. Родоначальником фамилии был **Феофан Федоров**. В описании его семьи в Ревизской сказке за 1811 г.³³

²⁵ Чистов К. В. Иван Терентьевич Фофанов. С. 30.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ Там же.

²⁸ Астахова А. Предисловие // Былины Пудожского края. С. 4.

²⁹ НАРК. Ф. 26. Оп. 26. Метрические книги Пудожского уезда 1797–1915 гг.

³⁰ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Ревизские сказки Мелентьевского сельского общества Пудожского уезда 1795–1858 гг.

³¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 21. Исповедные ведомости Пудожского уезда 1794–1865 гг.

³² НА МЗК. № 222. Материалы экспедиции сотрудников музея «Кижь» Гвоздевой Ж. В., Набоковой И. И. в Пудожский район, д. Авдеево, в мае 2007 г.

³³ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 27/256. Ревизская сказка за 1811 год.

у него два сына Иван (умер в 1798 г.) и **Артемий**, 45 лет, Артемьев сын **Андрей**, 11 лет. В этой ревизии не написан возраст Феофана, возможно, его уже не было в живых. В более ранней ревизии, за 1795 г., описана семья Феофана, которая проживала у его брата Ивана Феодорова. Видимо, Феофана и тогда уже не было в живых, о чем говорится в записи ревизской сказки 1795 г.: «...вдова Авдотья, дочь старинная³⁴, той же деревни 49 лет, умерла в 1798 году. У ней дети Иван, 37 лет, Феофилакт, **Артемий**, 29 лет, Ефим, отдан в рекруты в 1787 году. У Артемья жена Степанида Июдина, 20 лет». Из записи следует, что вдова Авдотья жила со своими детьми в семье родного брата Феофана – Ивана.

У Артемия были дети: **Андрей** (? – 1870 г., умер в возрасте 68 лет от горячки³⁵), Дарья (1812 – ?)³⁶, Яков (1813 – ?)³⁷. В 1813 г. **Артемий Фофанов** умер от горячки в возрасте 41 года³⁸.

В 1823 г. женился **Андрей Артемьев** на девице деревни Мелентьевской того же прихода Анне Ивановой первым браком³⁹. У них дети: Феврония (1824⁴⁰–1825, умерла от родимца⁴¹), Макар (1825⁴² – ?), Марфа (1827⁴³ – ?), Евдокия (1834⁴⁴ – ?), опять Евдокия (1838⁴⁵–1838, умерла от родимца⁴⁶). В 1844 г. в мае умерла от родимца дочь младенец Елена (1 год)⁴⁷, а в декабре этого же года умерла от родимца еще одна дочь младенец Анастасия (3 месяца)⁴⁸. В 1847 г. умерла жена **Андрея Артемьева**, Анна Иванова, 47 лет – от горячки⁴⁹.

При описании семьи в Ревизской сказке за 1850 г.⁵⁰ есть запись, что у хозяина семьи Андрея Артемьева три дочери: Катерина, 21 год, Парасковья, 19 лет, Авдотья, 15 лет, и два сына: Макар, 25 лет, и **Терентий**, 10 лет. Сын Андрея Артемьева **Терентий Андреев** женился в 1857 г. в возрасте 18 лет на дочери крестьянина Мина Терентьева – Ирине 23 лет⁵¹.

³⁴ При цитировании документов сохраняется орфография подлинника.

³⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 76. Метрическая книга за 1870 год об умерших.

³⁶ Там же. Д. 11. Метрическая книга за 1812 год о родившихся.

³⁷ Там же. Д. 12. Метрическая книга за 1813 год о родившихся.

³⁸ Там же. Д. 12. Метрическая книга за 1813 год об умерших.

³⁹ Там же. Д. 21. Метрическая книга за 1823 год о браке.

⁴⁰ Там же. Д. 22. Метрическая книга за 1824 год о родившихся.

⁴¹ Там же. Д. 23. Метрическая книга за 1825 год об умерших.

⁴² Там же. Д. 23. Метрическая книга за 1825 год о родившихся.

⁴³ Там же. Д. 25. Метрическая книга за 1827 год о родившихся.

⁴⁴ Там же. Д. 28. Метрическая книга за 1834 год о родившихся.

⁴⁵ Там же. Д. 31. Метрическая книга за 1838 год о родившихся.

⁴⁶ Там же. Д. 31. Метрическая книга за 1838 год об умерших.

⁴⁷ Там же. Д. 34. Метрическая книга за 1844 год об умерших.

⁴⁸ Там же. Д. 34. Метрическая книга за 1844 год об умерших.

⁴⁹ Там же. Д. 37. Метрическая книга за 1847 год об умерших.

⁵⁰ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 69/677. Ревизская сказка за 1850 год.

⁵¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 53. Метрическая книга за 1857 год о браке.

Впервые появляется фамилия Фофанов в связи с рождением у Терентия Андреева первого ребенка в 1858 г.: «20 мая (рожден) 25 мая (крещен) Симеон. Деревни Климовской крестьянин Терентий Андреев Фофанов и законная жена его Ирина Минина, оба православного вероисповедания»⁵². Этимология фамилии Фофанов дана, например, в словаре русских фамилий: отчество от церковного мужского имени Фофан (др.-греч. Theophanes – «богоявленный») или от прозвища из русского нарицательного *фофан* – «простофиля», которое возникло из того же имени⁵³.

В 1870 г. сын Терентия Симеон в возрасте 12 лет умер от горячки⁵⁴. В 1865 г. у Терентия и Ирины родилась дочь Стефанида⁵⁵. В 1869 г. – дочь Ксения⁵⁶. В 1871 г. – сын Емельян⁵⁷, и в этом же году умерла дочь Стефанида в возрасте 5 лет от родимца⁵⁸. В следующем, 1872 г. умирает младенец Емельян (1 год) от родимца⁵⁹.

В официальной фольклористике написано, что будущий сказитель И. Т. Фофанов родился в 1869 г.⁶⁰ По материалам Национального архива Республики Карелия удалось установить точную дату рождения **И. Т. Фофанова** – 11 октября 1873 г. (дата смерти 10.08 1943 г.⁶¹). В метрической книге за 1873 г. значится следующая запись: «Октября 11 (рожден), 14 (крещен) **Юаннь**. Деревни Климовской крестьянин Терентий Андреев Фофанов и законная жена его Ирина Минина, оба православного вероисповедания»⁶². В 1876 г. у Терентия и Ирины родился еще ребенок – Владимир⁶³ и в этом же году через 2,5 месяца умер от родимца⁶⁴. В 1889 г. в феврале жена Терентия Фофанова Ирина умерла от водянки в возрасте 55 лет⁶⁵.

А уже через месяц в марте этого же года Терентий Фофанов в возрасте 50 лет женился на крестьянской девице Анне Ивановой 26 лет – дочери Ивана Егорова Кошелева из деревни Типиницы⁶⁶. В 1891 г. у новой

⁵² НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 54. Метрическая книга за 1858 год о родившихся.

⁵³ <http://www.rusfam.ru>.

⁵⁴ НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 76. Метрическая книга за 1870 год об умерших.

⁵⁵ Там же. Д. 64. Метрическая книга за 1865 год о родившихся.

⁵⁶ Там же. Д. 73. Метрическая книга за 1869 год о родившихся.

⁵⁷ Там же. Д. 79. Метрическая книга за 1871 год о родившихся.

⁵⁸ Там же. Д. 78. Метрическая книга за 1871 год об умерших.

⁵⁹ Там же. Д. 79. Метрическая книга за 1872 год об умерших.

⁶⁰ Носители фольклорных традиций... С. 302.

⁶¹ Дата смерти зафиксирована в издании «Носители фольклорных традиций...» (с. 308).

⁶² НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 84. Метрическая книга за 1873 год о родившихся.

⁶³ Там же. Д. 93. Метрическая книга за 1876 год о родившихся.

⁶⁴ Там же. Д. 93. Метрическая книга за 1876 год об умерших.

⁶⁵ Там же. Д. 117. Метрическая книга за 1889 год об умерших.

⁶⁶ Там же. Д. 117. Метрическая книга за 1889 год о браке.

семьи появляется дочь Наталья⁶⁷ и через 18 дней умирает от родимца⁶⁸. В 1893 г. родился сын Михаил⁶⁹. Через 2 месяца младенец Михаил умер от родимца⁷⁰. В 1895 рождена дочь Дарья⁷¹.

Последняя запись в документах НАРК о **Терентии Андрееве Фофанове** – это запись о его смерти. В 1912 г. в возрасте 80 лет он умер, как пишется в метрической книге – от старости⁷².

В 1894 г. женился и сам **Иван Терентьевич Фофанов**, на крестьянской девице Наталье Тимофеевой⁷³. Через год, в 1895, у них родился сын Георгий⁷⁴. В семье отца и сына в одно время рождаются дети: в марте – в семье отца, а в апреле – у Ивана и Натальи, сын Георгий, который через 1,5 месяца умер от родимца⁷⁵. В 1896 г. у них рождается сын Афанасий⁷⁶, и ребенок опять умирает 20 дней от роду, от родимца⁷⁷. Еще через год, в 1897, родилась дочь **Ефимья**⁷⁸. Имя Ефимьи Ивановны Фофановой как сказительницы известно в фольклористике⁷⁹. Первые записи от нее были сделаны собирателями только в 1961 г., когда ей исполнилось уже 65 лет. Оказалось, что Ефимья Ивановна обладает интересным и довольно значительным репертуаром. В основном это сказки, свадебные причитания, песни и былички. Особый интерес представляют эпические песни, среди которых есть сюжеты, усвоенные, со слов Ефимьи Ивановны, от ее отца Ивана Терентьевича и деда Терентия Андреевича⁸⁰. В автобиографическом рассказе Ефимья Ивановна приводит некоторые факты, дополняющие сведения, записанные в 1938–1939 гг. К. В. Чистовым. Она рассказывала, что семья была очень бедной, отцу приходилось много работать. «Именно из-за нехватки сил и времени отец практически ничего не смог передать дочери из своего богатейшего духовного наследия. На вопрос собирателя о том, слышала ли Ефимья Ивановна, как отец пел былины, она отвечала: „Да, я и говорю, что не удалось мне слышать-то. Никогда“. ... Но в то же время она утверждает, что былины „Святогор“ и „Илья и Идолище“ усвоены ею от отца. Ефимья Ивановна говорила, что стихи и

⁶⁷ НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 121. Метрическая книга за 1891 год о родившихся.

⁶⁸ Там же. Д. 121. Метрическая книга за 1891 год об умерших.

⁶⁹ Там же. Д. 125. Метрическая книга за 1893 год о родившихся.

⁷⁰ Там же. Д. 125. Метрическая книга за 1893 год об умерших.

⁷¹ Там же. Д. 129. Метрическая книга за 1895 год о родившихся.

⁷² Там же. Д. 173. Метрическая книга за 1912 год об умерших.

⁷³ Там же. Д. 127. Метрическая книга за 1894 год о браке.

⁷⁴ Там же. Д. 129. Метрическая книга за 1895 год о родившихся.

⁷⁵ Там же. Д. 129. Метрическая книга за 1895 год об умерших.

⁷⁶ Там же. Д. 132. Метрическая книга за 1896 год о родившихся.

⁷⁷ Там же. Д. 132. Метрическая книга за 1896 год об умерших.

⁷⁸ Там же. Д. 133. Метрическая книга за 1897 год о родившихся.

⁷⁹ *Марковская Е. В.* Сказочный репертуар... С. 209–214.

⁸⁰ Там же. С. 209.

сказки она переняла от деда Терентия Андреевича Фофанова. Дед в последние годы нищенствовал, но многое пел и рассказывал и этим существовал»⁸¹.

Вернемся к данным метрических книг. В 1900 г. у Ивана и Натальи Фофановых рождается дочь Параскева⁸², которая умерла от тифа в возрасте семи лет⁸³. В 1903 г. родилась дочь Ольга⁸⁴, и через месяц умирает от родимца⁸⁵. В 1905 г. рождается сын Павел⁸⁶. В 1909 г. родился сын Федор⁸⁷, и в этом же году в семье умирают сразу двое сыновей, в апреле – Павел от оспы в возрасте трех лет и в октябре младенец Федор (5 недель) от родимца⁸⁸. В 1911 г. появился на свет еще один ребенок, сын Василий⁸⁹. А в 1915 г. родился сын Алексей⁹⁰, о котором так охотно рассказывала дочь Ефимьи Ивановны и внучка знаменитого сказителя Нина Васильевна Соколова (в девичестве Фофанова) во время экспедиции автора в 2007 г. в село Авдеево Пудожского района.

Нина Васильевна почти не помнит своего деда, Ивана Терентьевича Фофанова, а охотнее рассказывала о своем дяде Алексее Ивановиче Фофанове (сыне И. Т. Фофанова), Герое Советского Союза, участнике Великой Отечественной войны, и о своей матери Офимье (Ефимье) Ивановне. Сейчас Нина Васильевна живет в селе Авдеево Пудожского района одна, в однокомнатной благоустроенной квартире.

Е. И. Фофанова, дочь И. Т. Фофанова.
Фото В. П. Кузнецовой. 1980 г. АКНЦ.
Ф. 1. Оп. 1. Кол. 144

⁸¹ Марковская Е. В. Сказочный репертуар... С. 209.

⁸² НАРК Ф. 25. Оп. 26. Д. 140. Метрическая книга за 1900 год о родившихся.

⁸³ Там же. Д. 159. Метрическая книга за 1907 год об умерших.

⁸⁴ Там же. Д. 150. Метрическая книга за 1903 год о родившихся.

⁸⁵ Там же. Д. 150. Метрическая книга за 1903 год об умерших.

⁸⁶ Там же. Д. 155. Метрическая книга за 1905 год о родившихся.

⁸⁷ Там же. Д. 165. Метрическая книга за 1909 год о родившихся.

⁸⁸ Там же. Д. 165. Метрическая книга за 1909 год об умерших.

⁸⁹ Там же. Д. 171. Метрическая книга за 1911 год о родившихся.

⁹⁰ Там же. Д. 186. Метрическая книга за 1915 год о родившихся.

Детские воспоминания Нины Васильевы об И. Т. Фофанове связаны со смертью деда⁹¹: «...Я помню как токо, что как он умер и лежал, вот токо запомнила, как он лежал на полу. А ведь голод был такой, мама рассказывает, захотел, говорит, простокваши и хлеба туда накрошили. А я бегала, что у них есть, дак съись, голод был, вот. И вот он ток умер, и я съела сразу это, голод был такой, вот только это запомнила». В основном Нина Васильевна ссыалась на воспоминания матери – Ефимьи Ивановны – о своем дедушке: «Мама рассказывала, что он был добрый, высокий был, люди-то бедные, он жил бедно. Дак на его рыба шла, вот это да». Она запомнила, как с войны вернулся ее дядя Алексей Иванович, сын сказителя⁹²: «Хорошо, что вот дядя пришел, маме было сорок восемь лет ей, дак отправили на лесозаготовку, теперь на пенсию выходят, а мне наверно было годов семь, бабушке за семьдесят было, дак нас оставили без дров, без всего. Вдруг приходят, давай поезжай домой. Я думаю, что случилось? На конях домой меня привезли, а мать выходит, Фимка брат ведь нашелся, герой Советского Союза, едет, говорит, едет. Он приехал, помню я сижу на печке, стучит в окно. На лошадях председатель райкома привёз, дак он нам навез рыбы, две таки, уй каки здоровы, два полена (про рыбу. – Ж. Г.), мешок муки и конфет и меду, и чего он только не навез, после голодухи-то такой. Бабушка вышла, встретила, потом, меня на руки взял, одной рукой-то, одна перебита была, не плачь, дядя пришел все будет».

В литературе есть ссылка на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.01 1944 г., где в письме И. Т. Фофанову говорилось о присвоении его сыну Алексею Ивановичу звания Героя Советского Союза. В письме также выражалась благодарность сказителю за воспитание сына-героя. Однако письмо не застало в живых Ивана Терентьевича, как уже говорилось, И. Т. Фофанов умер в 1943 г.

Яркие впечатления у Нины Васильевны связаны с квартирой, в которой она сейчас живет в селе Авдеево Пудожского района. Она рассказывала, что получить квартиру помог дядя-герой⁹³. Сохранились у Нины Васильевны воспоминания о бабушке Наталье Тимофеевне, жене И. Т. Фофанова: «Бабушка жила с нами, но гордовата стала, такой сын! „Я там у сына ложкой повидлу ела“»⁹⁴ – так говорила Наталья Тимофеевна, жена сказителя.

⁹¹ НА МЗК. № 222. Материалы экспедиции сотрудников музея «Кижь» Гвоздевой Ж. В., Набоковой И. И. в Пудожский район, д. Авдеево, в мае 2007 г.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

О своей матери Ефимье Ивановне Нина Васильевна отзывалась очень тепло: «Да, она у меня молодец, она в каждый день пол оботрет у меня даже, чтобы свежо у нее было. Салфеточка была беленькая. Меня в Бураково туда тянет к маме вот (кладбище в деревне Бураково Пудожского района. – Ж. Г.), а я не могу ходить. Мама умерла, дак я два раза бегала, я лечу туда два раза утром схожу и вечером схожу, в такую даль, хорошо, что на лыжах, а если кругом. Как по ветру летела туда, наплачусь, наплачусь, будто мне легче и бегу обратно. А думаю, лучше замерзну, зимой, паду на могилу, нет, холод посягат, домой надо идти»⁹⁵.

Из беседы во время экспедиции выяснилось, что сама Нина Васильевна родилась в Шале, прожила там три года. Потом жила в деревне Алексеево. Замуж вышла в двадцать два года за Соколова Евгения Петровича родом с Водлозера. Прожили они вместе недолго, восемь с половиной лет. К сожалению, детей у них не было. На вопрос, почему не было детей, она отвечала: «Шла, надо было выйти мне, все выходят, а скажут, никто не взял меня. Он все думал наладиться это все, носил меня, хоть восемь с половиной лет на ручках. На машинке, на лодке катал, куда захочу туда и поедет. Мужик-то у меня хороший был, лодки шил, телевизоры ремонтировал, корзины плел, на все руки от скуки был, печи делал. Выдывалась я, восемь с половиной лет выдывалась. Как будут дети, откуда? Из-за этого мы с ним разошлись»⁹⁶. Только в тридцать девять лет Нина Васильевна приехала в Авдеево и стала жила там со своей матерью Ефимьей Ивановной, в той самой квартире, которую они получили благодаря Алексею Ивановичу Фофанову.

Н. В. Соколова (в девичестве Фофанова), дочь Е. И. Фофановой и внучка И. Т. Фофанова. Фото И. И. Набоковой, Ж. В. Гвоздевой. 2007 г.

⁹⁵ НА МЗК. № 222.

⁹⁶ Там же.

Завершая изучение родословной И. Т. Фофанова, приведем воспоминания К. В. Чистова: «В моей комнате между дверью и стеллажом висит под стеклом портрет пожилого человека с бородкой и венчиком седеющих волос. Это известный певец былин Иван Терентьевич Фофанов. Для меня это больше, чем портрет знакомого человека. С И. Т. Фофановым связаны незабываемые впечатления моей молодости»⁹⁷. Про И. Т. Фофанова не скажешь «непревзойдённый» или «крупнейший». Никаких рекордов он не ставил, но он один из наиболее замечательных знатоков и исполнителей русских былин и, безусловно, один из лучших певцов былин того поколения, к которому он принадлежал⁹⁸. Иван Терентьевич воспринимал пение былины как дело весьма ответственное, меньше всего он позволял себе «баловаться былинами, забавляться ими, развлекать своих слушателей». По мнению К. В. Чистова, петь былины имеют право только умудренные жизнью старики, которым есть что рассказать⁹⁹.

⁹⁷ Чистов К. В. Иван Терентьевич Фофанов. С. 76.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 86.

А. М. Петров

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ В ДИАХРОНИИ: АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЖАНРОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО ДУХОВНОГО СТИХА

При изучении эволюционных изменений в поэтической системе фольклорного жанра важную роль играют поздние записи, сделанные собирателями уже на этапе угасания жанровой традиции. Если говорить о русских духовных стихах, то довольно большое количество таких записей хранится в архивах и до сих пор не опубликовано. Как известно, наиболее крупные публикации духовных стихов вышли в свет еще в XIX в. Это сборники П. А. Бессонова¹, В. Варенцова² и некоторые другие. В XX в. полноценная научная публикация духовных стихов продолжилась только в 90-х гг. Тогда вышли в свет известные сборники Ф. М. Селиванова³, Л. Ф. Солощенко и Ю. С. Прокошина⁴, Е. А. Бучилиной⁵. В 2007 г. Институтом мировой литературы им. А. М. Горького были опубликованы материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых⁶. Среди этих материалов имеется и весьма представительная подборка эпических духовных стихов. Однако тексты, опубликованные во всех этих сборниках (кроме сборника Е. А. Бучилиной), характеризуют преимущественно состояние традиции либо в XIX в., либо в начале XX в. Синхронный срез от 40-х до 90-х гг. XX в. практически не представлен. Следовательно, необходимо обращение к архивным материалам: они не только позволяют изучить

¹ *Бессонов П. А.* Калеки перехожие. Вып. 1–6. М., 1861–1864.

² *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860.

³ Стихи духовные / Сост. Ф. М. Селиванов. М., 1991 (далее – Селиванов).

⁴ Голубинная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост., вступ. ст., примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М., 1991.

⁵ Духовные стихи. Канты: Сб. духовных стихов Нижегородской области / Сост., вступ. ст., подготовка текстов, исследование и комментарии Е. А. Бучилиной. М., 1999 (далее – Бучилина).

⁶ Незданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых (1926–1928): По следам Рыбникова и Гильфердинга. Т. 1. М., 2007.

состояние традиции в конкретный период, но и в целом являются полезным источником для исследования жанровой поэтики, стилистики, семантики образов.

В настоящей статье будет рассмотрена проблема исторической динамики жанра духовных стихов, а материалом для сравнительно-сопоставительного анализа станут тексты из коллекций рукописного архива Карельского научного центра РАН⁷. В качестве центрального аспекта исследования мы выбрали синтаксический языковой уровень, однако по мере необходимости отмечаем существенные изменения в образной системе, жанровой аксиологии и т. д.

В рукописном архиве Карельского научного центра представлены тексты духовных стихов на самые разные сюжеты. Среди них много эпических общерусских: «Голубиная книга», «Мучения Егория», «Егорий и змей», «Сон Богородицы», «Алексей, человек Божий», «Два Лазаря», «Вознесение Христа». Представлены и более редкие сюжеты – в основном из репертуара старообрядцев: о смерти, о пустынножителе, о расколе, о монашеской жизни и т. д. Зачастую эти старообрядческие сюжеты не находят соответствия в известных нам опубликованных текстах. Поэтому рассмотрение динамических тенденций в жанре целесообразно проводить на материале эпических, широко распространенных духовных стихов. Укажем основные закономерности, которые удалось выявить.

Как известно, одним из важнейших жанровых признаков духовных стихов является стихотворная форма и наличие мелодии, напева. Этим обусловлены многие особенности поэтического синтаксиса, среди которых к первостепенным можно отнести наличие повторов, параллелизм, структурную полноту каждого стиха. Такие музыкально-стихотворные тексты опубликованы в сборниках XIX в. Изучение материала, отражающего состояние традиции ближе к середине XX в., позволяет сделать вывод о том, что этот жанрообразующий признак с течением времени может исчезать: среди записей 40–90-х гг. много прозаических. Иногда это просто прозаические пересказы содержания того или иного сюжета. Рассмотрим, какие структурные изменения сопровождают текст при переходе из стихотворной формы в прозаическую.

Речь повествователя во многих случаях приобретает черты «обытовленности». Например, прямая речь может передаваться с помощью глагола «говорит» и даже «грит» в интерпозиции, что делает стих прерывистым, лишает его важнейшего свойства эпического стиха – плав-

⁷ Русские эпические песни: Каталог рукописного фонда Научного архива Карельского научного центра АН СССР / Сост. В. П. Кузнецова. Науч. ред. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1990. С. 18–23.

ности и размерности: «Вот, – говорит (Егорий. – А. П.), – девица, как сколыбается озеро, завыходит змея семиглавая, брось на меня шёлков пояс»⁸.

Прямая речь может вводиться при помощи структур с прямым порядком слов, вопреки обычной эпической инверсии: *Жена говорит*: «Не грусти, не печалься, у тебя дочь есть, она верует во христианскую веру»⁹. Можно сравнить с прямой речью в стихотворном тексте:

Говорит ему да молода жена:
 «Не кручинься, царь, да не печалуйся,
 Есть у нас ким заменутися,
 Есть у нас да едина дочи,
 Едина дочи да Елисавия...»¹⁰

Могут смешиваться формы прямой и косвенной речи: «У одной де-вушки померла мать, а отец взял мачеху, а мачеха ей не возлюбила, *ста-ла говорить отцу, что „Отвези дочку в озеро“*»¹¹.

Стилистическая эклектика как качественная составляющая жанра от-мечается и другими исследователями. Так, например, очень яркую иллю-страцию приводит С. Е. Никитина: в стихе о страстях Христовых страда-ния Богородицы передаются исполнителем следующим образом: «Без ума лежала больше часа. Две девки при ней были – Марфа да Марья. Ну, оне качали-качали её, едва откачали»¹².

Возрастает количество *сложноподчинённых* структур. В эпическом фольклоре такое положение дел невозможно, здесь основа текста – нани-зывание предложений, объединённых бессоюзной связью. Для сравне-ния: «Они желали, *чтобы* у них родился дитё <...>. Через девять месяцев у них родился сын, *которого* оне назвали Алексеем <...>. *Когда* зашли они в отдельную комнату, *тогда* он снял с руки перстень и отдал жены Екатерины. Отвязал плетёный пояс от себя и передал жены и сказал: „*До тех пор* ты меня не увидишь, *покуль* кольцо не распаяется и пояс *покуль* не расплетётся“. И сам скрылся, ушёл. Утром жена встала и заявила, *что* муж ейный ушёл <...>. Дали ему комнатку, кормили его; *что* сами куша-ли, *то* и ему давали <...>. И прочитали письмо и узнали, *что* это сын их Алексей. Похватилась жена и видит, *что* распаялся перстень, пояс рас-плёлся...»¹³

⁸ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 29. № 105. Л. 1098 (1938 г.).

⁹ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. № 476. Л. 75 (1957 г.).

¹⁰ Селиванов. С. 95.

¹¹ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 131. № 272. Л. 107 (1972 г.).

¹² Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 114.

¹³ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 33. № 74. Л. 63 (1947 г.).

Вместо частиц-делимитаторов *как, что* и т. п. появляются частицы типа «ну» или «ну вот», которые в прозаической речи, с одной стороны, *разграничивают* смысловые блоки повествования, а с другой – помогают более естественно ввести в текст новый композиционный фрагмент, т. е. *скрепляют, связывают* между собой части текста, одновременно помогая актуализировать внимание слушателя: «*Ну вот, и пошёл этот братия к богатому Лазарю милостинки просить*»¹⁴. Обычно такое значение этих частиц называется *нарративным*. Сравним со стихотворным текстом:

Что одна их матушка породила,
Не одним их Господь Бог счастьем наделил:
Что богатаго-то Лазаря тьмою-животом
И богачеством его;
А малаго-то Лазаря святым кошелем¹⁵.

В поздних записях кратно возрастает количество внесистемных проявлений структурной неполноты (словообрывы, самоперебивы, оговорки, которые иногда сопровождаются комментарием «дальше не помню», «забыла» и т. п.). Например: «...А холопы были такие злые – всё сами съедали, а Олексеюшку помой сливали. *Там ещё много, да я не помню*»¹⁶ (по С. Е. Никитиной, это метатекст-квалификация¹⁷).

Во многом тексты позднейших прозаизированных пересказов духовных стихов основаны на связи цепного нанизывания («ассоциативного сцепления», по определению А. А. Потебни), отражающей процесс угасания жанровой традиции и утраты исполнительского, сказительского искусства.

В некоторых же случаях разговорный характер прозаического синтаксиса обуславливает и более значительную редукцию связи между компонентами текста с разрушением конструктивной основы предикативных единиц, которые приобретают подобие драматургических ремарок: Она ночь плакала. *Чёрная карета. Море*¹⁸. Структуру последнего примера не следует смешивать со структурой номинативных предикативных центров, связанных бессоюзной связью, поскольку в контексте повествования лексемы «каре́та» и «море» являются лишь ассоциативно нанизанными в потоке речи сигналами «припоминания», которые заменяют развернутое описание событий (приезд черной кареты и приношение Елисафии в жертву змею у моря). Сравним в другом варианте:

¹⁴ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 126. № 85. Л. 101 (1968 г.).

¹⁵ Бессонов П. А. Калеки переходные. М., 1861. С. 48. № 21.

¹⁶ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 127. № 51. Л. 43.

¹⁷ Никитина С. Е. Устная народная культура... С. 27, 59.

¹⁸ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. № 476. Л. 75 (1957 г.).

У крылечушка да у перёного,
 Там стоит каретушка ведь тёмная,
 Запряжён жеребчик неучённый,
 Там сидит Ванюша поварённый <...>.
 Тут садилася девица во каретушку,
 Во каретушку да во тёмную.
 Повезли девицу ко синю морю,
 Ко синю морю да на ту сходню,
 Ко лютой змеи да на съядение¹⁹.

Расширяется и «сфера действия» разного рода смысловых и грамматических алогизмов, возникающих в условиях плохого понимания исполнителями чуждых живой современной (в том числе диалектной) речи книжных синтаксических и морфологических структур:

Не ложен, мати, сон видела:
Будь мне-ко поймано,
Тело моё пригвоздаше,
Святая моя кровь приливаше²⁰;
 Быть мне, матушка, на кресте распятым,
Руки и ноги гвозде забиваша²¹.

В речь повествователя иногда врывается речь исполнителя, комментирующая и разъясняющая собирателю особенности содержания сюжета или характера героя. В этом случае мы имеем дело с текстами, которые С. Е. Никитина называет текстами-интерпретациями²². Приведем пример из нашего материала (высказывания-интерпретации выделены курсивом в скобках):

«Ты не ври-ко, не ври, да не омманывай,
 Не родная мать, а лиха мачеха!
 Не замуж хочет меня батюшка отдать,
 А хочет к змеи послать»
(уж ей так сказали)²³;
 Приходит к нему жена-княгинюшка:
 «Не кручинься, царь, да не печалуйся:
 У тя есть ведь кем да замениться,

¹⁹ Селиванов. С. 97.

²⁰ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 150. Л. 197 (1956 г.).

²¹ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 75. Л. 203 (1935 г.).

²² Никитина С. Е. Устная народная культура... С. 25.

²³ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 131. № 272. Л. 107 (1972 г.).

Есть немила дочь да одинакая
 (она мачеха этой дочери)
 Прекрасная Агапья Агапеевна; <...>
 Отныне до веку Змеяна гора
 (змеи разошлись от кусков, значит, гора змеиная)²⁴.

Последний пример примечателен также позднейшим внесением в текст этиологического мотива, противоречащего самой идейной установке жанра духовного стиха. Интересно, что новой, нехарактерной для себя цели (объяснить происхождение локального топонима) подчинена даже финальная формула «отныне до веку», утратившая весь свой сакральный ореол. Кроме того, в отличие от «классических» вариантов этого сюжета здесь претерпевает переосмысление мотивировка обрядового принесения дочери в жертву змею: из сугубо религиозной (Елисафия молится Богу распятому, она исповедует христианскую, а не языческую веру) указанная мотивировка превращается в традиционно-сказочную (в этом варианте мачеха пытается извести нелюбимую падчерицу). Такая трансформация стала возможной благодаря влиянию на духовный стих поэтики сказки. Прозаизация жанрового синтаксиса и обретение текстами сказочных черт идут как бы навстречу друг другу: с одной стороны, появление сказочных мотивов способствует облегчённому перекодированию синтаксического строя жанра из одной подсистемы художественной речи в другую (из стиха – в прозу); с другой стороны, новая прозаическая форма помогает жанру весьма органично усваивать всё новые элементы сказочной поэтики, хотя это и приводит к перераспределению смысловых связей в сюжетах и идейно-эстетической перекцентировке с утратой духовным стихом его сущностных жанровых признаков. Важной чертой духовного стиха становится, в частности, чисто сказочная *установка на вымысел*. Например, вариант стиха об Алексее, человеке Божьем, записанный от сказительницы Ксении Егоровны Ремизовой в 1961 г., сопровождается собирателями таким комментарием: «К. Е. рассказывала текст. Слышала его от мужа. Называла то стариной, то сказкой»²⁵.

Значительно видоизменяется структура начальной и конечной позиции текстов. Из всех возможных инициальных формул наиболее устойчивой оказалась формула существования (в терминологии Н. М. Герасимовой²⁶) «жил-был» («жили-были»). Спорадически в поздних записях встре-

²⁴ АKNЦ, Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. № 39. Л. 55, 57 (1957 г.).

²⁵ См.: АKNЦ, Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 138. Л. 39 (1961 г.).

²⁶ Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки // Советская этнография. 1978. № 5. С. 21–24.

чается формула наличия («у ей был сын Егорий»). Во многих случаях экспозиционный блок и вовсе отсутствует и воспроизводится только основная событийная линия сюжета. Сравним с классическим стихом, содержащим типичную экспозиционную часть:

Во славном было в городе в Домостееве:
Жил-был неверный царь Максимиан,
У него была честная жена Улита,
Она веру веровала ко Господу²⁷.

В подавляющем большинстве текстов поздней фиксации не употребляются и финальные формулы (*Аминь, Алилуйя, Богу нашему слава и т. п.*), что связано с утратой духовным стихом основной этической жанровой установки и переосмыслением его в духе сказочного канона. Иногда сказители используют нечленимые разговорные синтаксические образования типа «Вот» («Вот и всё»), однако, как правило, обходятся даже без них. Например: «Пришли – а он уже мёртвый, одетый, сам оделся, лампада теплится...»²⁸

Всё это приводит к тому, что повествование теряет драматизм и экспрессию. Показательно признание одной исполнительницы (Анастасия Петровна Логинова, село Шуерецкое, Кемский район), пересказавшей сюжет о Егории Храбром в прозе и заключившей рассказ такими словами: «*Как на стиху-то – так наплачешься!*»²⁹

Исполнение эпических духовных стихов может осуществляться с принципиально иной точки зрения: не с позиции отстраненного повествователя в 3-м лице, а с позиции самого героя, от 1-го лица (таковы, например, стихи об Алексее, человеке Божьем, или стихи об Иосифе Прекрасном): «*Я родился в граде Риме, / Быстро нежно возрастал...*»³⁰ Это другая линия жанровой эволюции: 1) трансформация архаичного фольклорного нарративного стиха в более продуктивную силлабо-тоническую систему и 2) углубление лирической составляющей жанра, что нельзя не связать с влиянием книжной традиции и возрастанием роли именно *лирических* духовных стихов в устной поэзии XX в.

Таким образом, сопоставление старых и новых вариантов обнаруживает, что в основном структурные (синтаксические) изменения в жанре носят деструктивный характер. Угасание традиции исполнения эпических духовных стихов констатируют и фольклористы, изучавшие транс-

²⁷ Селиванов. С. 120.

²⁸ АKNЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 127. № 51. Л. 43.

²⁹ АKNЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. № 476. Л. 75 (1957 г.).

³⁰ Бучилина. С. 207.

формацию сюжетов, образов, мотивов³¹. Комплексное исследование исторической динамики жанра (или проблемы текста в диахронии – его поэтики, стилистики, семантики образов) возможно только при обращении к позднейшим материалам, записанным собирателями в экспедициях. Эти материалы фиксируют важнейший хронологический срез в бытовании жанра – этап его закономерного угасания или преобразования в новые поэтические формы.

³¹ См.: *Новиков Ю. А.* К вопросу об эволюции духовных стихов // *Русский фольклор*. Т. 12. Л., 1971. С. 208–220; *Никитина С. Е.* Устная народная культура... С. 58; *Бахтина В. А.* Духовные стихи в свете повторных записей // *Мастер и народная художественная традиция Русского Севера* (докл. III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск, 2000. С. 16–24.

Н. Г. Урванцева

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
ПУДОЖСКОГО РАЙОНА
(по материалам студенческих фольклорных
экспедиций Карельской государственной педагогической
академии в национальный парк «Водлозерский»
в 2008–2009 гг.)**

В 2008–2009 гг. группа студентов первого курса Карельской государственной педагогической академии (ГОУВПО «КГПА») проходила учебную фольклорную практику в деревне Куганаволок Пудожского района (национальный парк «Водлозерский»). Одним из объектов исследования стал жанр былички. Большинство текстов записано от лиц старшего возраста. Материалы фольклорной практики хранятся в учебно-исследовательской лаборатории КГПА.

Быличка относится к прозаическому несказочному жанру устного народного творчества. Э. В. Померанцева определяет быличку как «суеверный меморат», т. е. краткий рассказ, упоминание о факте «встречи», воспоминание об этом. Информанты свидетельствуют о встрече рассказчика, родных, соседей и друзей с представителями потустороннего мира, о необычных происшествиях. Отличительной особенностью этого жанра является установка на достоверность.

В водлозерских быличках представлены основные мифологические персонажи, относящиеся к среде обитания человека: дом (домовой), баня (баенник), лес (леший), озеро (русалка, водяной). Записаны былички о сверхъестественных свойствах человека (ведьмы, колдуны) и о предстоящем будущем (сны, предвестия, гадания).

Не все мифологические персонажи одинаково представлены в мифологической прозе Водлозерья. Былички о лешем и домовом встречаются наиболее часто. Остальные персонажи представлены слабее и более фрагментарно.

Леший

«Хозяин леса» принимает образы простого человека, родственника или знакомого: «Лесной большой, борода большая» (БГЕ). Очень часто его видят с собачкой, похожей на лису. Иногда он делается невидим людям: «как человек-невидимка» (БГЕ, НАВ). «Лесной» может принимать облик животного: «представляется зайцем, волком, медведем, чтобы запутать» (БГЕ).

Он часто показывается около деревьев: «Знаешь, как лешего увидеть? Идешь в лес, вот так ветки вот дугой согнуты: „Хозяин, покажись!“ Ну, правда, не советую. Под этой веткой проходишь (под этой дугой – ветка). После этого он может увести. Я сама ветки эти обхожу, боюсь, страшно боюсь» (ПМЕ).

Практически все жители отмечали, что леший водит человека по хорошо знакомым местам и сбивает с дороги: «А я стою и не знаю место определить, где. Всю жизнь тут жила» (ПАИ).

«Вот там старое кладбище есть у нас. Вот пойдешь за ягодами, вроде бы тут всё рядом, всё детство здесь проложено – в этом месте ты обязательно заблудишься: будешь крутиться по одному и тем же тропам. И это не одна я, это практически, почти все. Пока не вывернешь где-то что-то, обязательно круга два сделаешь. Пойдешь, вроде знаешь, что вот сейчас туда – и придешь на то же самое место. Просто водит в этом месте постоянно» (КТА).

«Это, в Ухтенжу ходили, за ягодами. И там, это, они ушли прямо в Кубалу. Ходили, блуждали-блуждали, а вокруг одного места блуждали. Две ночи ночевали. Да. А потом, потом кое-как выбрались всё-таки» (НАВ).

По словам местных жителей, для того чтобы вернуться назад, нужно совершить определенный ритуал: переодеть наизнанку всю одежду (КТА, НАВ, ПАИ). Другим способом является чтение молитвы («Мужик сказал: „Господи, благослови!“ , а леший: „Много знаешь“. И пропал» (БГЕ); «Я, говорит, глаза перекрестила, стала молитву творить, говорит. Вдруг как лес до земли клонится» (ПАИ)).

Леший не любит молитвы: «В лес идти нужно с молитвой: „Господи, благослови меня!“» (БГЕ) и ругательства: «Если в лесу заругаешься – всё, больше не выйдешь» (ШВТ). Для того чтобы войти в лес, его надо задобрить: «...заходишь вот, это, в лес: тоже у хозяйки с хозяйкой спрашиваешь, кусок хлеба ложишь на пенёк» (НАВ). Иногда кладут сахар, чтобы больше собрать ягод (ШВТ).

«Хозяин леса» может предсказывать события: «Вот у меня прадед был, Иуткин Кузьма, он, между прочим, был как бы местный этот... про него даже писали где-то, но там, правда, фамилия написана „И“, „Ю“,

с „Ю“: Ют, Юткин, Юткин такой. А вообще правильно написано: И-уткин Кузьма, а отчество что-то я и не помню, вот совсем <нрзб> стала. Он, во-первых, стихи сочинял, да? А во-вторых, значит, вот, говорят, он ходил в лес. Знал как бы, знал лешего. И вот когда была война, его просили сходить, вот например, приходят там, что нет долго письма от мужа там или от сына, он сказал: приди через три дня. Уходил в лес на три дня – приходил и говорил, где и что с ним. И всегда всё сбывалось. Он скажет: ты вот жди письма, а ты вот не жди, ну там, у тебя там в больнице или там ещё где-то. А всё сбывалось. Вот, так что и леший есть» (КТА).

Водяной

На Водлозере сохранились былички о представителях подводного мира – водяных. Местное население считает, что их два¹.

В 2008 г. студентами была записана быличка о сватовстве водяных: «Есть про двух водяных, былъ, быличка, быличка... былъ называется. Ну, в общем как, предчестинский водяной, водяной ильинский и водяной кенозерский (ещё Кенозеро там где-то как-то к нам присоединялось, а потом почему-то оно там каким-то, я, правда, там не была, камнями засыпан как бы переход). Ммм, кенозерский водяной сватался к дочери ильинского, и предчестинский сватался к ильинскому. Вот, значит, кенозерскому отказал, а эти посватались, но живут где-то вот здесь в этом водоёме» (КТА).

Водяной показывается в образе человека: «волосы длинные, как человек» (БГЕ) или рыбы с большим хвостом (КТА).

Вода является средой, сопряженной с опасностью. Появление водяного связано, как правило, с драматическими событиями: «Поздно купаться – водяной утащит» (ПЕ); «Если видели его на лаве – кто-то утонет» (БГЕ).

Водлозеры считают, что водяной сильно плещется – к недоброму событию: «Если водяной сам как бы, типа водяной плещется, что просто плеск такой (ну рыба видно, когда она там ходит – плесканёт), что именно вот такой всплеск большой такой, здоровый там, например, где-то рядом, что типа большой там, например, хвост, что типа водо... водяного – это к не... недобру, обычно говорят там: вай... войны начинались или ещё что-то такое» (КТА).

Водяного задабривают водкой: «[А, говорят, что его тоже надо выдабривать, как домового]. Ну, да... Если здесь вот так <смеётся> некоторые

¹ Н. Н. Харузин отмечал, что в прошлом Ильинский и Пречистенский погосты были местами поклонения. См.: *Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сб.: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894.

ребята, так это, приезжают, там, или, кое-кто или, вот, зимой, там это... у кого спиртное есть – водочки. <Смеётся.> Ну, вот, а больше так, чтобы... не знаю, там, нет, не помню. Про водочку знаю. Немножко, так, ливанут, чтоб, значит, и рыба ловилась» (ОНМ).

Русалки

Устойчивым мотивом быличек о русалке является ее появление на камне и расчесывание длинных волос: «А русалку, вот говорят, видели: у нас едешь мимо Пёлгострова... Пёлгостров, Рагуново. Вот так между ними проезжаешь (как раз на Ильинский туда едешь, в Варишпельду, правда, сюда в бок проезжаешь), там есть такой большой камень. Такой. Проезжаешь его там, такой большой, здоровый камень. Вот на этом камне, говорят, русалка сидела и волосы расчёсывала. Бабульки видели. По молодости они видели» (КТА).

«А ш, то что на Вачилове, вот так, или бабушка мне рассказывала... Сидит на камне и, ну, скажи такой туман был, и расчасывает себя, значит. Но, скорее всего, это был или бобёр или выдра. А выдра, она довольно-таки большая и туман, он, всё кажется. И бобры раньше были, кстати, они сейчас опять пришли. Что можно спутать, а, может, и действительно есть» (ОМН).

«Говорят, есть камень перед Белым островом, что как солнце встанет, сидит женщина и расчесывает волосы длинные. И как будут люди подходить, дак она нырнет и уплывет. Тут, может, человек какой-то был, действительно» (ДВФ).

Иногда русалки показываются в бане: «Да, русалки, русалки в банях бывают. Вот, топишь баню. Если первый пойдёт да не поддаст парку, она тебя тут и ...<нрзб>» (НАВ).

Водлозеры верят, что везде есть свои «хозяева»: «Ну, вот, вот, например, квартира – в дому хозяин есть. Так. В бане есть. Вот, если скот держишь, имеется. Везде, как говорится, каждое место построенное – есть хозяин» (СМС). «Я даже у своей бабушки спрашивала, что хозяин есть и дома, хозяйка есть и хозяин (ПМЕ)».

Домовой

«Домашний дух» принимает образы мужчины: «как мужчина, только в стрелецкой одежде. Знаете, такие вот эти кафтаны-то вот эти» (ПМЕ), кот: «Как вот, э, Ма-ка-ре-вич, Макаревич, да, артист была сейчас передача, как раз на эту тему, и он нарисовал это типа, как кот такого мохнатенького – копия» (ОНМ) или невидимки (НАВ). Он проявляет себя акустически: гремит посудой, ложками играет, щипается (НАВ, ШВТ), «ширкает», хлопает, лазит по цветам (ШВТ) – или тактильно: «Так вот домовой, э, тут на меня он уже как-то тоже просыпаюсь – начал меня

ломать! Я вот так вот вскочил уже, всё, как исчез» (ОНМ). «Хозяин дома» «не любит пьяных и матов» (БГЕ).

Студентами записан сюжет хождения домового к женщине по ночам: «Пока я, как говорят, не родила ему мальчика. Вот так. Ну во сне всё это было, всё так. Потом этот ребёночек всё плакал, что „мама, забери меня отсюда“. И всё, мне с тех пор больше он не стал являться, и теперь я даже не боюсь его. Мы же когда вот тут жили в старой квартире, я взяла, вот здесь в домах была старушка жила. Ну вот, а я взяла, короче, <нрзб>, что когда с папой жила. Туда пришла, а там уже стал молодым мужчиной. Из-за нового дома или что. И главное, что он появлялся, даже у меня муж видел, говорит, что видел его... Вот я в одной комнате спала однажды, там в детской спала, потом, а Витька спал в этой, в спальне. Ну вот. И у меня начала так вот, так кровать вот так начала ходить ходуном, я испугалась, включила свет, я испугалась, побежала в ту комнату, он вслед за мной пошёл за порог. Он увидел, что вышла. Я говорю: „Витенька, я боюсь: он меня заберёт“. Мне так... так испугалась. Ну вот. И это, он такой, Миша, проснулся: „Что такое?“ – звук такой. Он раз, и ушёл. <нрзб> И потом вот я с дочкой спала вот тоже <нрзб>, если ребёнка положишь с краешку, значит, тебя никто не тронет, да? Ну вот. Я-то не стала с мужем спать, а стала спать с дочкой, так он приходил и говорит: „Мне твоя дочь не нужна, мне нужна ты“, представляете? Тогда я страху я, конечно, натерпелась очень много, а теперь я не боюсь, ничего не боюсь, теперь сплю спокойно, и не ходит больше, всё. Вот так, вот ребёночка как вот родила, и только вот голос мальчика: „Мама, забери меня отсюда“. Но ничего, у меня теперь два внука родилось» (ПМЕ).

9 июня совершают обряд его приручения. В этот день «дом не подметается или, если ты подмёл – мусор не выносятся. Нужно обязательно в углу держать веник, и этот веник в течение дня не брать. Это домового при... в дом, как бы жить ему разрешаешь» (КТА).

Банник

По представлениям водлозеров в бане живет банник или «баница» (ПМЕ). Банник не показывается никому: «В бане не видел, но всегда заходишь – чувство такое там это есть, что кто-то есть» (ОНМ). Он может шипеть, пищать, скрипеть, забирать тазик (ШВТ).

Следует соблюдать особые предписания при общении с банником. В баню входят с молитвой «Матерь Божия» (ШВТ). Сохранилось поверье, что после 12 часов ночи в баню не ходят, иначе он «может накудесить» (ПАИ): «шкуру обдирало – вообще страшно было в баню ходить» (КТА); «пошла, а он стал меня веником хлестать» (ДВФ); можно запариться

(ШВТ). В настоящее время население практически не верит в этот запрет: «Тут и в двенадцать, тут и всяко, в два ходят в баню» (НАВ); «Ходила после часа ночи» (ПАИ).

Банника задабривают водой: «Воду, в котле оставить лешему воды, и горячей воды и холодной воды, чтобы он намылся, когда вот в баню сходишь, помылся, и оставить горячей воды и холодной воды, чтобы он намылся» (ПМЕ) – и сгущенным молоком (ОНМ).

Информанты старшего возраста говорят: «Раньше больше чудилось, а теперь все обрусело, не веруют и не чудится» (БГЕ).

Фольклорные материалы о мифологических персонажах позволили сделать некоторые наблюдения над мифологическими представлениями водлозеров в начале XXI в.

Список информантов

БГЕ – Болтушкина Галина Егоровна, 1937 г. р., род. в д. Келкозеро

ДВФ – Данилина Валентина Федоровна, 1932 г. р., род. в д. Большая Пога

КТА – Кривяковская Тамара Анатольевна, 23.02.1959 г., род. в д. Пильмасозеро

НАВ – Наумов Алексей Валентинович, 21.08.1977 г., род. в г. Пудоже

ОНМ – Осипов Николай Михайлович, 1958 г. р., род. в д. Канзанаволок

ПАИ – Пименова Анастасия Ивановна, 1932 г. р., род. в д. Охтомостров

ПЕ – Пименов Евгений, 2002 г. р., д. Куганаволок

ПМЕ – Парамонова Мария Евгеньевна, 01.03.1961 г., род. в д. Куганаволок

СМС – Семерикова Мария Семеновна, 12.07.1927 г., род. в д. Малый Куганаволок

ШВТ – Шибалова Вера Тихоновна, 1938 г. р., род. в г. Тольятти. Живет в д. Куганаволок с 1970 г.

Приложение

В приложении публикуются повторные варианты быличек, записанные в д. Куганаволок в 2008–2009 гг.

Быличка «Леший „Фокин“»

Быличка «Леший „Фокин“» впервые была записана В. П. Кузнецовой и А. В. Окуневым в 1993 г.² от А. И. Пименовой в деревнях Куганаволок и Канзанаволок. В 2009 г. сделана повторная запись сюжета от той же информантки.

² Предания и былички. (Памятники русского фольклора Водлозерья) / Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Науч. ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск, 1997. С. 56–57.

Лешие в лесах ходили. Были лешие. Были видения. С мамой был случай. <...>

Ну мы жили в Малом <нрзб>. Там поля. Поля. За этими полями там красивая такая поляна была, и там деревня была. Вот там мы и жили. Ну вот. И она:

– Ай, здесь я пробегу. Мол, недолго. Ну, недолго, недолго. <Смеется.>

Ну вот она ушла. Потом на второй день утром приходит папа. Няньчится. Ну я была одна в семье. Я один ребенок была. Брат был дак во время войны погиб. В партизанах был. Приходит папа. <Смеется.> А я:

– А ты, папа, чего сегодня на смену?

– Ой, давай, дочь, что тут вчера здесь происходило!

– Что происходило? Долго в Малом не была?

Ну скот они держали почти до смерти.

– Я скот закрыл, все, говорит, напоил-накормил. Нет и нет. Я пошел ее искать. Иду высокими полянами. Высокие поляны они называются. Ну вот. Кричу: ни ответа, ни привета. <Смеется.> Я пошел туда потом по тропинке. Думаю, может, неужели болото прошла. Очень топко. Плохо ходить-то. Иду, говорит, кричу. Ни ответа. Ничего мене. <Смеется.>

А мама-то говорит: «Ой, говорит, я стою, говорит, и говорю: „Господи! Старик-то мой каким оказался около меня?“ Заблудилась. Она поняла. Потом, что она поняла, что она уже не на своем. Она пошла. Она была божественная. Она столько знала! Больше попов этих всех знала. Она молилась. Приезжали из Казахстана девочки. Ой... Я еще училась в педучилище. Девчата вот так же приезжали с Казахстана. Они от нее столько тетрадей увезли, столько записей. Мама знала песни, причёты, сказки. Да! Все это она передала этим девочкам. Увезли в Казахстан они.

Ну и говорит:

– Боюсь ответить. И стою не знаю что. Побежала, говорит, и кричу:

– Дедко, я здесь! <Смеется.>

А носила молоко дак. <Смеется.> Бидончик улетел, крышка улетела. Вообще, хлеб был туда положенный в бидончик теленку. Все это улетело у ней. Бог с ним, утром соберем.

Это... Папа говорит:

– Тебя не леший унес туда? Ты чё туда сунулась в клище. Так называются эти поля. Ты чё туда сунулась-то туда?

– Ой, дедко, не говори! Вообще сказала, что недолго пройду. Меня леший вел.

– Ты что, глупая что ли?

– Да!

Вышла вот тут. Нужно было прямо по болотине идти. Надо было идти по межинке домой. И, говорит, стоит Илья Федорович Фокин. Стоит собачка у него, у ног, говорит. Ну, знакомый. Я, говорит, кричу:

– Илья Федорович, подожди меня, дак вместе и пойдём это!

Он шел в Малый Куганаволок. Теща там у него. <Смеется.> Илья Федорович идет. Я за Ильей Федоровичем это убегаю...

А она носила длинные сарафаны всегда с оборками. Это старый человек. Ну она жила тоже... Больше, наверно... Уж около ста лет ей было. Иду, сарафан подхватила. Оборки подхватила, думает, сыро. Илья Федорович идет. Я догоняю. Илья Федорович идет. Поняла, что это не Илья Федорович. Я, говорит, глаза перекрестила, стала молитву творить, говорит. Вдруг как лес до земли клонится, говорит. Это собачка пропала, куда-то убежала. Илья Федорович пропал, говорит, куда-то от меня. А я стою и не знаю место определить, где всю жизнь тут жила. Не знаю, где я нахожусь-то.

Так вот это слово «недолго» <стучит по столу> никогда не говорите. Вот на это болото-то пошел. Тут есть ягодное болото. Морошка, голубика. Если ты скажешь «недолго» – обязательно заблудишься. Такое болото. Мы, бывало, с соседкой блудили.

(Зап. 03.07.2009 г. преподаватель Н. Г. Урванцева, студентки Д. Шаханова, А. Дудникова от Анастасии Ивановны Пименовой 1932 г. р. в д. Куганаволок)³.

Быличка «Водяной задерживает коня»

Сюжет «Водяной задерживает коня» был впервые записан Е. И. Русаковой и В. П. Кузнецовой в д. Канзанаволок в 1974 г. и опубликован в сборнике «Предания и былички» (№ 25)⁴. В 2008 г. этот же сюжет был записан от Н. М. Осипова в д. Канзанаволок.

И покосы были на той стороне Илексы, а деревня на берегу. Там метров сто надо было... и лошадь, значит, надо было с собой перетаскивать, чтоб лошадь помогала, там, сено таскать. И лошадь переправляли как: прив<язали> ну, за узду и сами на весла, там это, и, а лошадь сзади. Сами переезжали, и за лодкой лошадь плыла. И что, вот, она рассказывает такое, значит, и водяник, значит, переправе...пе..., при переправе лошадь, ну, схватил лошадь за ногу, что там никак. Гребут, а... и мужик, значит, там взял, там, где-то мужик и топором туда так, по воде. И всё: он отпустил. <Смеется.>

(Зап. 07.07.2008 г. студентки КГПА И. Голубева и Н. Иванченко от Николая Михайловича Осипова, 1958 г. р. в д. Канзанаволок)⁵.

³ Фольклорный архив Учебно-исследовательской лаборатории фольклора КГПА (ФА УИЛФ КГПА).

⁴ Предания и былички... С. 30.

⁵ ФА УИЛФ КГПА.

В. П. Кузнецова

ЭЛЕКТРОННЫЙ КАТАЛОГ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН¹

Применение новых компьютерных технологий в фольклорных архивах началось в нашей стране примерно двадцать лет назад. В первую очередь встала задача сохранения звуковых записей фольклора, сделанных на устаревших носителях – восковых валиках, гибких грампластинках, магнитофонных пленках. Для последних этот вопрос встал особенно остро, так как срок их хранения истек (отсчет велся с 1950-х гг., когда магнитофоны стали применяться фольклористами, языковедами и этнографами).

Второй проблемой фольклорных архивов явились накопленные к концу XX в. большие объемы фондов, в которых исследователям необходимо было ориентироваться. В архивах формировались разные системы учета, например, создавалась единая опись, каждой единице хранения (катушке, компакт-кассете) присваивался порядковый номер (сквозная нумерация) – как в Фонограммархиве Института ЯЛИ; в некоторых архивах имеются фонды персональные (по собирателям или по исполнителям), в других коллекции объединяются по географическому принципу и т. д.

В Научном архиве КарНЦ РАН, где хранятся фольклорные коллекции, записанные от руки, имеются журналы учета коллекций, по которым можно выяснить район, год записи и собирателей. Далее необходимо обращаться к описям коллекций, которые были составлены в 1980-е гг. сотрудниками сектора фольклора Института ЯЛИ КарНЦ РАН. Возглавляла работу по составлению описей Н. Ф. Онегина. Помимо описей в архиве велись картотеки на каждую коллекцию, карточка отражала информацию о названии произведения, жанре, месте и дате записи, собирателях и исполнителях. В Фонограммархиве ИЯЛИ имеется Генеральный каталог

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 08-04-12144в «Создание информационной системы по фольклорному рукописному архиву ИЯЛИ КарНЦ РАН».

(ручная картотека) и картотека собирателей. В Генеральном каталоге есть карточки на все единицы записи, хранящиеся в фонде Фонограммархива, включая 1989 г. Карточки распределены по языкам, жанрам, районам. На карточку внесены сведения: шифр Фонограммархива, шифр коллекции Научного архива, наименование произведения, жанр, исполнитель, собиратель, место и дата записи. Н. Ф. Онегиной была начата работа по созданию в Научном архиве картотеки на перфокартах – новшество конца 1970-х гг. Перфокарта представляла собой прямоугольную карточку из плотной бумаги с перфорацией по краям. На нее заносились практически те же сведения, что и на обычные карточки, преимущество заключалось в возможности отбора нужных карточек из блока благодаря вырезкам на краевой перфорации. Вырезки соответствовали определенным признакам, например, жанр мог занимать свое место в первом ряду перфорации, жанровая разновидность отмечалась во втором ряду и т. д.

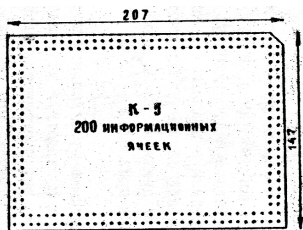

Рис. 1. Стандартная перфокарта формата К-5 с двумя рядами краевой перфорации

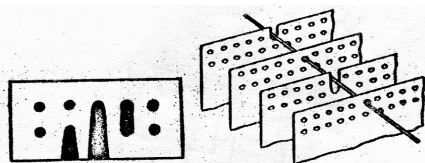

Рис. 2. Типы вырезок для кодирования признаков на двухрядной перфокарте

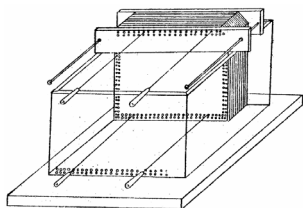

Рис. 3. Ящик для сортировки перфокарт

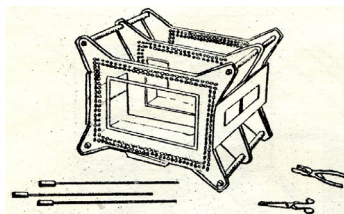

Рис. 4. Селектор Тартуского завода металлоизделий

Перфокарты не вошли прочно в употребление, но в связи с созданием перфокартотеки была проделана очень большая работа. Н. Ф. Онегиной совместно с сотрудниками сектора фольклора ИЯЛИ был создан дескрипторный список жанров русского и прибалтийско-финского фольк-

лора, а также разделов, по которым классифицировался этнографический материал. Список позволил привести классификацию материала к единой системе. Он был опубликован в 1978 г. в брошюре, подготовленной Н. Ф. Онегиной². На основе этого списка впоследствии были разработаны дескрипторные списки для электронного каталога с дополнениями и изменениями, учитывавшими современную классификацию фольклора. Классификация основывалась на жанровой системе русского фольклора, достаточно разработанной В. Я. Проппом и Б. Н. Путиловым³, но в окончательном варианте он составлялся совместно с коллективом сотрудников сектора фольклора ИЯЛИ. В результате этой работы был составлен и список жанров прибалтийско-финского фольклора.

При создании этого списка возник вопрос, как быть с саамским фольклором, а также с некоторыми жанрами фольклора прибалтийско-финских народов, которые не укладываются в систему классификации русского фольклора. Б. Н. Путилов был совершенно прав, когда говорил о существовании национальных жанровых систем и о том, что фольклорная культура любого этноса знает жанры, присущие лишь ей⁴. Нужно было решить, создавать ли отдельные каталоги для фольклора этих народов? В то же время значительная часть этих национальных жанровых систем обладает наднациональными признаками, общемировыми.

Было решено создать объединенный список жанров. Названия таких жанров саамского фольклора, как луввт, лаввл, моайнес, а также карельского фольклора – ёйга и другие, были введены в дескрипторный список как отдельные жанры, поскольку точных аналогий таких жанров в русском фольклоре нет. Названия таких же, как в русском фольклоре, жанров у карел, вепсов, финнов (ингерманландцев) были введены на языке оригинала как дополнительные в соответствующие разделы, обозначенные на русском языке. Например, плясовая песня, *göntyska*; свадебная песня, *häälaulu*; колыбельная песня, *tuutulaulu* и т. д.

Список жанров делится на разделы и подразделы, что облегчает поиск нужного жанра. Разделы следующие: 1. **Внеобрядовая проза**, сюда входят сказки всех видов, моайнес, анекдоты, легенды и т. д.; 2. **Внеобрядовая песенная поэзия**, в этот раздел входят былины, духовные стихи, баллады, карельские эпические песни, различные виды песен и т. д.; 3. **Фольклор ритуализованных форм (обрядовый)**, в него вошли заговоры, песни, сопровождающие гадания, молитвы-обращения к духам-

² Онегина Н. Ф. Каталогизация фольклорно-этнографических материалов архива на перфокартах. Петрозаводск, 1978.

³ Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1989; Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 2003.

⁴ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. С. 169.

хозяевам, причитания и т. д. С помощью этого дескрипторного списка заполняется только одно поле: **жанр**.

Первичная классификация всего материала, имеющегося в рукописном архиве и Фонограммархиве, осуществляется в первую очередь по области знаний: фольклор, этнография, языкознание. Всего заполняется 22 поля: 1. наименование/первая строка записи; 2. раздел (фольклор, этнография, языкознание); 3. подраздел (для фольклора, например, внеобрядовая поэзия, обрядовая поэзия и т. д., для этнографии – занятия, транспорт и т. п., для лингвистических материалов – образец речи, словарный материал, топонимия и т. п.); 4. жанр; 5. наличие напева; 6. год записи; 7. язык; 8. диалект; 9. состав ансамбля; 10. исполнители; 11. собиратели; 12. республика (область); 13. населенный пункт; 14. музыкальный инструмент (для инструментальной музыки); 15. примечание; 16. ключевые слова; 17. наличие расшифровки; 18. № коллекции; 19. № единицы хранения; 20. наличие звукозаписи; 21. № фонограммархива; 22. № трека.

Работа при заполнении значительно облегчается наличием выпадающих списков, из которых нужно выбрать необходимый пункт.

После заполнения карточки к ней присоединяются отсканированные изображения текста произведения (рукописный оригинал), звуковой файл, если имеется звуковая запись, и компьютерный набор данного текста. Поскольку отсканированы рукописные оригиналы, вводятся изображения текстов.

Поиск необходимых произведений осуществляется по всем полям.

Карточка поиска

Последняя запись № 310 Н.А. 54/257 Ф.А. х/х Название: Святки

Главная страница | Поиск карточек | Добавление записи | Управление записями | Списки | О проекте | Выход

Поиск по базе данных

Название		Год записи
Республика (область) записи	Район записи	Населенный пункт
Язык	Диалект	Музыкальный инструмент
Исполнитель	Собиратель	
Ключевые слова		
Раздел		Наличие напева
Подраздел		Неважно
Жанр	Катушка Ф.А.	Трек Ф.А.
	Коллекция	Ед. хран.

Очистить поля | Искать!

Имеется функция вывода на экран всех данных. Каталог дает возможность просмотра всех введенных в БД записей в виде общего списка.

Чтобы вводить данные о текстах в каталог, необходимы описи. Старая форма, которая имеется в каждой коллекции, очень краткая, она содержит сведения о номере единицы хранения, названии произведения, жанре и номера листов в оригинале и в копии коллекции. Для электронного каталога этих сведений недостаточно. По мере сканирования коллекций составляются новые описи, которые включают полные паспортные данные каждого произведения: порядковый номер произведения, номер единицы хранения, наименование или первая строка произведения, жанр/тема, исполнители, место записи, собиратели, год записи, листы в оригинале, листы в копии, листы в электронной версии коллекции, примечания. В последнюю графу заносятся сведения о публикации произведения. Для составления описей по новой форме требуется заново просматривать каждую коллекцию, а также и электронную версию коллекции, чтобы проставить номера файлов.

Все компоненты, на основе которых составлена программа, являются законченными продуктами, бесплатными в использовании, основанными на бесплатных лицензиях.

Схема локальной сети Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН

Работа по созданию электронного Каталога проводится с 2008 г. в рамках проекта, поддержанного РГНФ, «Создание информационной системы по фольклорному рукописному архиву ИЯЛИ КарНЦ РАН».

В процессе работы над проектом было решено создать локальную сеть Фонограммархива. Отсканированные тексты из рукописных коллекций и оцифрованные фонограммы поступают на сервер. С ним соединены 5 компьютеров Фонограммархива, с каждого есть доступ к электронному каталогу. Через него осуществляется ввод и поиск нужных материалов и производится запрос выбранного произведения – его растрового изображения или звукового файла с сервера.

Когда в электронный каталог будет введен большой объем сведений по Фонограммархиву и по рукописному архиву, будет создан единый электронный архив, включающий весь объем фондов Научного архива (фонд 1, описи 1–2 – фольклорные коллекции) и Фонограммархива. Для того чтобы его создать, нужно проделать очень большую, объемную и квалифицированную работу.

Н. В. Чикина

ПРОБЛЕМА СОСТАВЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИИ УЧЕНОГО (В. Я. Евсеев, Э. Г. Карху)

Библиографические издания являются ценными источниками получения информации. Чаще всего в них отражаются сведения по конкретной теме или о конкретном человеке.

В 1960–1980-х гг. Государственная Публичная библиотека (ныне Национальная библиотека Республики Карелия) выпустила целый ряд указателей литературы в серии «Писатели Карелии». Указатель содержал краткую биографическую справку, произведения автора, опубликованные отдельными изданиями и в периодической печати, литературу о жизни и творчестве.

Так, читатель мог познакомиться с Тобиасом Гуттари, Алексеем Титовым, Пекка Пертту и другими. Библиотекой было выпущено более 20 указателей литературы.

В 1993 г. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в этой же серии выпустил библиографический указатель «Эйно Генрихович Карху». Как отмечала составитель Н. А. Прушинская, данное издание было подготовлено к 70-летию литературоведа и критика доктора филологических наук Э. Г. Карху.

Библиографический указатель включал вступительную статью составителя, краткую биографическую справку об Э. Г. Карху, библиографию его трудов по годам и проспект книги-биографии «Элиас Леннрот. Жизнь и творчество»¹.

Э. Г. Карху был единственным ученым Института, которого удостоили таким изданием при жизни. Публикация проспекта будущей книги об Э. Леннроте интересна с точки зрения исследования, так как позволяет проследить, насколько будущая книга претерпела изменения в ходе работы над ней. Позднее в Фонограммархиве ИЯЛИ появится фонд Э. Г. Карху, включающий его картотеку и тетради. Знакомство с архивом позволяет

¹ *Карху Э. Г. Элиас Леннрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996. 237 с.*

выявить ценные данные о книгах и хранящейся в них информации, проследить цепочку создания ученым того или иного труда².

Научно-справочное издание «У истоков карельской фольклористики»³ было подготовлено к 100-летию со дня рождения фольклориста доктора филологических наук Виктора Яковлевича Евсеева. Идея создания данной книги возникла в процессе подготовки к научно-практическому семинару 2009 г. «Методика полевых работ и архивация фольклорных и этнографических материалов», проводящемуся Институтом ЯЛИ КарНЦ РАН и музеем-заповедником «Кижы».

Издание включало статью о В. Я. Евсееве, библиографию его трудов, описание фольклорных материалов, собранных Евсеевым и хранящихся в научных архивах Карельского научного центра РАН.

Для выявления материалов будущей библиографии автором статьи были просмотрены картотеки, библиографические издания, а также электронные базы данных, хранящиеся в Институте языка, литературы и истории, Научной библиотеке Карельского научного центра, Национальной библиотеке Республики Карелия.

При составлении библиографии В. Я. Евсеева следовало учитывать специфику работы фольклориста. В зависимости от этого все публикации расположились по разделам. В библиографию вошли монографии, сборники фольклора, статьи, опубликованные В. Я. Евсеевым с 1935 по 1986 г. Рецензии на работы В. Евсеева помещены к соответствующему изданию. Научно-редакционная и переводческая деятельность ученого отражена в одноименных разделах.

В. Я. Евсеев занимался популяризацией научных знаний, о чем свидетельствует обширный список статей, опубликованных в периодической печати. Раздел «Публикации фольклорный записей» содержит информацию о записанных и опубликованных Евсеевым в 1930-е гг. произведениях устного народного творчества. Публикации записей продолжались и после его смерти. Подтверждением этого служит публикация 2003 г. в карелоязычной газете «Ома Муа» («Родная Земля»).

В. Я. Евсеев был автором ряда рецензий, которые включены в раздел «Статьи в периодической печати». Раздел «Литература о жизни и творчестве» состоит из статей, опубликованных в отдельных и справочно-библиографических изданиях, а также в периодической печати до 2009 г. включительно.

² Подробнее о фонде Э. Г. Карху см.: *Чикина Н. В.* Проблема архивации литературного наследия // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов. Петрозаводск, 2009. С. 35–40.

³ У истоков карельской фольклористики: к 100-летию В. Я. Евсеева. Петрозаводск, 2010. 70 с.

В разделах материал расположен в хронологическом порядке. Публикации на языках выделены в каждом разделе отдельно. Книжные издания предшествуют публикациям, сделанным в периодической печати. Материал, включенный в указатель, описан *de visu*, за исключением ряда публикаций, выявленных и описанных по библиографическим источникам.

При сверке материала автором были обнаружены статьи В. Я. Евсеева, которые ранее не были внесены в библиографические издания. К тому же в 1930–1950-х гг. очень часто статьи в журналах подписывались только инициалами или только фамилией, и по этой причине они могли выпасть из библиографического описания.

В библиографию были включены публикации, относящиеся только к научной деятельности ученого, но в периодической печати появлялись и его заметки общественно-политического содержания. Например, в 1961 г. в газете «Советская Карелия», выходящей на финском языке, был опубликован отклик В. Я. Евсеева на полет в космос Ю. А. Гагарина под названием «Путь открыт»⁴.

После распада СССР и утраты прежних связей с другими республиками не удалось обнаружить оригиналы статьи «Карело-финские народные руны „Калевалы“» на украинском языке 1955 г., тезисов доклада «К вопросу о социальной, исторической обусловленности некоторых анекдотов» к конференции «Фольклор и историческая действительность» (Махачкала, 1976). По этой причине они не были включены в библиографию.

Список научных трудов В. Я. Евсеева, опубликованный в книге «У истоков карельской фольклористики», является первой наиболее полной библиографией ученого, собранной в одной книге и позволяющей в полной мере оценить его творческое наследие. Сам В. Я. Евсеев представлен в нем как автор, составитель, редактор и переводчик. Данное издание прослеживает всю цепочку работы фольклориста, начиная с процесса собирания, расшифровки, перевода, публикации фольклорных записей до научно-исследовательской деятельности.

Указатели литературы, библиографии ученых являются не только источниками информации об их творческом наследии, но и могут служить показателями развития той или иной науки в регионе и стране.

⁴ *Jevsejev V. J. Tie avoinna // Neuvosto-Karjala. 1961. 16. huhtik.*

Т. Г. Тарасова

**ЖИТЕЛИ ЗАОНЕЖЬЯ НА ФОТОГРАФИЯХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА
(из фондов музея-заповедника «Киж»)»**

Фонды музея «Киж» хранят различные типы этнографических и исторических источников, способствующих всестороннему изучению традиционного уклада жизни и крестьянской культуры Заонежья. Среди этого типового многообразия выделяется коллекция фотодокументов как источника, сохраняющего достоверную зрительную информацию.

В фонде оригинальных фотографий, составляющих основу собрания и представляющих документальную и художественную ценность, наибольшей полнотой отличается подборка фотопортрета. На 160 снимках запечатлены жители населенных пунктов, исторически сложившихся центров Заонежья: о. Киж и его окрестности, Сенная Губа, Великая Губа, Шуньга, Типиницы и прилегающие к ним гнезда деревень. Фотографии выполнены в период времени, когда еще сохранялся уклад жизни заонежан, несмотря на медленное вытеснение традиций городом.

Значительная часть фотодокументов, которые бережно собирались в домашние коллекции, поступила из архивов семей коренных жителей района. В коллекцию фотографий, принадлежавших семье Корниловых из деревни Кургеницы, вошли два фотоснимка¹ последней четверти XIX в., с изображениями Андрея Ивановича Корнилова (фото 1) и Михаила Дегтярева и его жены (фото 2). По времени создания они являются самыми ранними фотографиями рассматриваемого раздела фотофонда.

¹ Фотографии зафиксированы в Книге поступлений (КП) основного фонда музея «Киж» под номерами 4193, 4192 (поступили в 1993 г., сдатчица Н. Г. Горбунова).

Фото 1. А. И. Корнилов.
Последняя четверть XIX в.
КП 4193

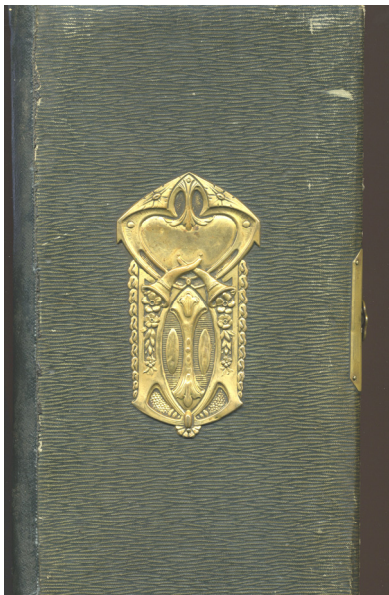
Фото 2. Михаил Дегтярев и его жена Татьяна Захаровна. Последняя четверть XIX в. КП 4192

Фотографии собрания знакомят нас с членами и других семей из Заонежья, в том числе известных в этом районе крестьянских фамилий: Анисимовы, Бровины, Воронины, Грешниковы, Егоровы, Ермолины, Коноваловы, Лобанцовы, Лопаткины, Ошевневые, Рогачевы, Трегубовы, Щепины и другие.

Часть фотографий входит в состав семейных альбомов. В альбомы, как правило, входили официальные индивидуальные, групповые и любительские снимки. Появившиеся на рубеже XIX и XX столетий, они считались домашней реликвией, их передавали по наследству, пополняя со временем новыми фотоснимками. В фонде фотоматериалов хранится фотоальбом начала XX в.² (фото 3, 4), принадлежавший семье Сергиных из д. Мунозеро. На фотографиях альбома дети, внуки, правнуки и другие родственники Лазаря Яковлевича Сергина, строителя дома, который был перевезен на о. Кизи в 1972 г.

Особого внимания заслуживают групповые фотографии представителей разных поколений семьи. Один из таких снимков, типичный для конца XIX – начала XX в., – фотография семьи Ермолиных из Великой Губы,

² КП 2833 (поступил в 1988 г., сдатчица А. С. Койбина).

**Фото 3. Альбом для фотографий
семьи Сергиных. Начало XX в.
КП 2833/1**

выполненная петербургским фотографом В. Лифантьевым (фото 5). Характеризуя рассматриваемую коллекцию, среди групповых семейных снимков можно выделить фотографии, отражающие принадлежность одного из членов семьи к профессиональному, организационному или военному сообществу. Например: «Григорий Петрович Корнилов в группе военнослужащих Русской армии» (фото 6), «Яков Иванович Антропов и четверо военных медиков» (фото 7), «Василий Григорьевич Мухин, мальчик, приказчики и купец» (фото 8).

В коллекцию также вошло несколько снимков представителей сословия духовенства. В 1989 г. жительница Петрозаводска Н. А. Костина, внучка священника кижского прихода Михаила Александровича Русанова (1874–1943), подарила музею фотографию³, запечатлевшую семью священника на о. Кижы (д. Погост) у дома, где жили

Русановы (фото 9). В 1999 г. фотофонд пополнился коллекцией фотодокументов⁴, принадлежавшей учителю словесности из Заонежья Виктору Васильевичу Ржановскому (1898–1971), сыну священника Василия Стефановича Ржановского из Сенной Губы (1850–1934). Среди семейных фотографий Ржановских снимок неизвестного фотографа-любителя – Русановы с гостями (Ржановские) из Сенной Губы⁵ (фото 10). В центре кадра на фоне бревенчатого сруба сидит группа молодых людей и детей (16 человек), вдали слева – фрагменты Преображенской церкви и дома-сторожки.

О Заонежье как о крае, населенном талантливыми людьми, помнят благодаря богатству фольклорных традиций его жителей. В особую группу, как ценнейшую часть собрания, можно выделить фотографии народных исполнителей былин и причитаний Заонежья. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в фонд музея поступили снимки, запечатлевшие исполните-

³ КП 3076 (сдатчица Н. А. Костина).

⁴ КП 4943/1–39 (сдатчики: П. А. Коновалов и Г. М. Коновалова).

⁵ КП 4943/29.

лей были из знаменитой династии сказителей Рябиных⁶: Иван Трофимович (фото 11), Кирик Гаврилович и Михаил Кирикович – сын, внук и правнук Трофима Григорьевича Рябина (1801–1885)⁷, известного сказителя Заонежья середины XIX в., а также сказитель Иван Герасимович Рябинин-Андреев, приемный сын И. Т. Рябина.

Фото 4. Альбом для фотографий семьи Сергиных.
Начало XX в. Фрагмент. КП 2833/1

⁶ КП 3000–3002, 3052, 3053 (поступили в 1988 и в 1989 гг., сдатчица А. М. Новгородцева); КП 3876, 3877 (поступили в 1991 г., сдатчица А. П. Титова).

⁷ Воробьева С. В. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX веков (Кижь – Сенная Губа): по материалам архивных документов. Петрозаводск, 2006. С. 27.

**Фото 5. Семья Ермолиных, их родные и близкие.
Конец 1890-х – начало 1900-х гг. КП 5161**

**Фото 6. Г. П. Корнилов (в центре, в последнем ряду, с усами)
в группе военнослужащих Русской армии. 1916–1917 гг. КП 4194**

Фото 7. Я. И. Антропов (стоит, крайний справа) и четверо военных медиков. 1914–1918 гг. КП 4731

Фото 8. В. Г. Мухин (мальчик-подросток, сидящий на полу слева), мальчик, приказчики и купец. 1904–1905 гг. КП 4848/7

*Фото 9. Семья кижского священника Михаила Александровича Русанова.
Около 1912 г. КП 3076*

*Фото 10. Семья священника Михаила Александровича Русанова с гостями
(Ржановские) из Сенной Губы. Начало 1910-х гг. КП 4943/29*

*Фото 11. И. Т. Рябинин в доме Андреевых (д. Гарницы).
До 1909 г. КП 3876*

В 1920-е гг. в Заонежье плодотворно работала экспедиция Московской государственной академии художественных наук «По следам Рыбникова и Гильфердинга», организованная известными фольклористами Ю. М. и Б. М. Соколовыми. Ее итогом явились записи сотен произведений народного творчества. Представляют интерес две уникальные фотографии сказительницы былин Федосьи Ивановны Ольхиной с мужем Иваном Ивановичем в д. Глебово⁸ и семьи Рябининых в д. Середка⁹ (фото 12) с дарственными надписями профессора Юрия Соколова (фото 13). Снимки выполнены летом 1926 г. фотографом экспедиции. Коллекцию по этой тематике дополняет фотография народной сказительницы Пелагеи Никифоровны Коренной¹⁰ из с. Космозеро.

Место съемки большинства фотографий конца XIX – начала XX в. – г. Санкт-Петербург. «Контакты и связи Заонежья с Петербургом в конце XIX – начале XX века были весьма разнообразными. Осуществлялись они на уровне отходничества крестьян (как мужчин, так и

⁸ КП 4196 (поступила в 1993 г. от Н. Г. Горбуновой).

⁹ КП 3000 (поступила в 1988 г. от А. М. Новгородцевой).

¹⁰ КП 2842/1 (поступила в 1988 г. от Е. П. Коренного).

женщин) из Заонежья в Петербург, перехода заонежских крестьян в Санкт-Петербургское ремесленное или купеческое сословие и получения ими постоянного вида на жительство в столице, приобретения ими в собственность недвижимости (домов, частных торговых заведений или заведений сферы обслуживания), приобщения их к городскому образу жизни и т. д.»¹¹

Фото 12. Семья сказителей Рябининых. Слева направо в первом ряду сидят: Алексей, Василий (сыновья Михаила Кириковича), Татьяна, дочь Марьи Кириковны; во втором ряду сидят: Марфа, жена Кирика, Кирик Гаврилович Рябинин, Агропена Петровна; в третьем ряду стоят: Ольга Ивановна Рябинина, жена Михаила, с дочерью Анной, Михаил Кирикович Рябинин, Сарафанова (Рябинина) Марья Кириковна. Лето 1926 г. КП 3000

¹¹ Трифонова Л. В. Отходничество заонежан в Петербург в конце XIX – начале XX века // Кижский вестник. Вып. 5. Петрозаводск, 2000. С. 53.

Большая группа фотографий коллекции – это индивидуальные и групповые снимки заонежан, проживавших и работавших в г. Санкт-Петербурге: Василия Григорьевича Мухина («был отправлен в Санкт-Петербург в 12 лет и работал в лавке у купца родом из с. В. Губа»¹²), Якова Петровича Щепина («служил в г. Санкт-Петербурге старшим дворником»¹³), Мирона Ивановича Кузнецова («в возрасте 12-ти лет уехал в г. Санкт-Петербург и поступил учиться на фабрику музыкальных инструментов»¹⁴), Ивана Михайловича Лопаткина («в мальчишках был увезен в Санкт-Петербург, обучен сапожному делу»¹⁵), Ивана Ильича Панова («в возрасте 11–12 лет уехал

в Санкт-Петербург „в мальчишки“, учился ремеслу на Путиловском заводе»¹⁶), Сергиных Дмитрия и Сергея («занимались торговлей в Петербурге: Сергей Лазаревич имел посудный магазин, Дмитрий Лазаревич – кожевенный»¹⁷). Эта тема нашла отражение в фотографии 1908 г., запечатлевшей работников петербургской Казанской лавки фотографом А. Гера-

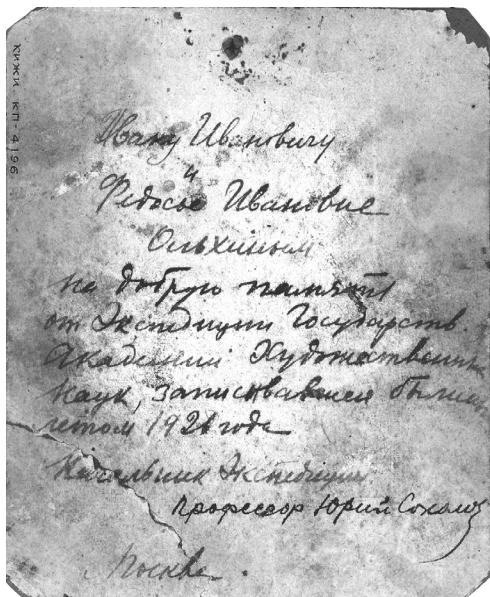

Фото 13. Оборот фотографии
Ф. И. и И. И. Ольхиных.
Лето 1926 г. КП 4196

¹² Воробьева С. В. Экспедиционная карточка к предмету КП 4848 // Фонды музея «Кижь», эксп. карт. 1997 г.

¹³ Набокова О. А. Экспедиционные карточки к предметам КП 2786/1, 2 // Фонды музея «Кижь», эксп. карт. 1987 г.

¹⁴ Трифонова Л. В. Экспедиционная карточка к предмету КП 4213 // Фонды музея «Кижь», эксп. карт. 1993 г.

¹⁵ Калашикова Р. Б. Экспедиционная карточка к предмету КП 5101 // Фонды музея «Кижь», эксп. карт. 2000 г.

¹⁶ Калашикова Р. Б. Экспедиционная карточка к предмету КП 4202 // Фонды музея «Кижь», эксп. карт. 1993 г.

¹⁷ Трифонова Л. В. Из истории одной крестьянской семьи: семья Сергиных из Мунозеро // Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95». Петрозаводск, 1995. С. 319.

символическим¹⁸ (фото 14). Снимок выполнен в помещении лавки. За прилавком четыре человека в передниках: двое мальчиков, подросток и мужчина. На первом плане – весы, гири. В верхней части кадра – ценники на сыры, яйца. На обороте паспарту надпись с указанием автора фотографии, даты и места съемки, перечислены имена изображенных. По словам сдатчицы Валентины Петровны Розенфельд, на снимке среди работников лавки крайний слева ее отец Петр Федорович Анисимов, уроженец д. Батова (Шуньга), который вместе с родителями жил в г. Санкт-Петербурге. Отец Петра Федор Федорович имел ювелирный магазин и магазин сукна, сын работал «в мальчиках»¹⁹.

Фото 14. Работники петербургской Казанской лавки (крайний слева – П. Ф. Анисимов). Не позднее 15.07.1908 г. КП 4069/6

На фотографиях зафиксированы не только типажи заонежан, но и окружающая их материальная среда (предметы повседневного быта, орудия труда, интерьер и архитектура жилищ, крестьянский и городской костюм и т. д.).

В 1984 г. фонды музея пополнились коллекцией предметов, поступившей от Шишловой (в девичестве Трегубовой) Валентины Федоровны. В поступлении семь фотографий конца XIX – начала XX в., в том числе снимок сестер Трегубовых Анастасии Ивановны (мать сдатчицы) и Анны Ивановны из

¹⁸ КП 4069/6 (поступила в 1992 г. от В. П. Розенфельд).

¹⁹ Калашикова Р. Б. Экспедиционная карточка к предмету КП 4069/6 // Фонды музея «Кижы», эксп. карт. 1992 г.

д. Петры (Сенная Губа)²⁰ (фото 15). Фотография является уникальным изобразительным источником по изучению традиционного для Заонежья женского крестьянского костюма. На Анастасии (слева) шелковый сарафан и парчовая душегрея, шитая шелком; на Анне парчовый сарафан и парчовая душегрея. На обеих женщинах сети-поднизи (головной убор) и бисерные серьги-«бабочки», которые также поступили в фонды музея.

Фото 15. Анастасия Ивановна и Анна Ивановна Трегубовы.
1903–1904 гг. КП 1665

²⁰ КП 1665.

Большинство фотографий постановочные, выполненные в городских фотосалонах или непосредственно в деревнях и селах Заонежья заезжими фотографами. Представлены как индивидуальные, так и групповые снимки с разным построением кадра. Тип изображения: оплечный, погрудный, поясной, поколенный, в полный рост. Снимки, выполненные в фотосалонах, имели разный размер. К рубежу XIX–XX вв. помимо привычных форматов «визит» (Visit), получивших распространение с 1854 г., и «кабинет» (Cabinet), введенных в практику в 1866 г., были введены новые форматы: «миньон», «бизу», «облонг», «будуар» и другие. В рассматриваемой коллекции фотографии конца XIX – начала XX в. в основном имеют формат «визит» (5,7×9 см) и «кабинет» (10×14 см), большинство из них наклеены на бланки (паспарту). Во время фотосъемки использовались появившиеся в 1860-х гг. типовая мебель для фотосалонов: ширмы, тумбы, столы и балюстрады одинаковых размеров и форм, а также различного рода рисованные задники с изображениями парковых пейзажей, старинных замков, охотничьих угодий, водоемов и т. д. Такого рода атрибуцию фотосалонов того времени можно увидеть и на фотографиях коллекции.

Нужно отметить, что часть фотодокументов замечательны своей хорошей сохранностью и дают представление о достоинствах старой фотографии.

Таким образом, старая фотография является не только предметом, представляющим подлинное историческое фотоизображение, но и материальным памятником того времени, когда он был создан, содержащим в своем внешнем облике его приметы.

На бланках (паспарту) 34 фотографий, выполненных в г. Санкт-Петербурге, фирменные надписи с указанием фамилии фотографа и адреса фотоателье. Несколько снимков знакомят с мастерством павильонной портретной съемки известных с конца XIX в. петербургских фотографов: Александра Адольфовича Оцуа (фото 16, 17), Марка Пейсаховича Кадысона, Бориса Ефремовича Флакса, Семена Онуфриевича Гедимины, Николая Ивановича Ануфриева, Василия Кузьмича Лифантьева (фото 5, 18), Родиона Ксенофонтовича Соболева.

Фонд фотографий музея хранит несколько визитных и кабинетных портретов и групповых снимков заонежан, изготовленных в известных ателье г. Петрозаводска.

Одним из первых фотографов-профессионалов Карелии был Карл Август Иогансон, шведский подданный, приехавший в г. Петрозаводск в 1894 г.²¹ Фотоателье К. Иогансона находилось в собственном доме на улице Садовой (совр. ул. Кирова). В коллекцию фотоматериалов музея входят около сотни фотопортретов людей разных сословий и возрастов, выполненных К. Иогансоном, на 13 из них жители Заонежья (фото 15, 19, 20).

²¹ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 118/11. Л. 109. (О выдаче заграничных паспортов и иностранцам видов на жительство. 1914 г.)

Фото 16. Григорий Дмитриевич и Клавдия Васильевна Анисимовы.
1910-е гг. КП 4069/3

Фото 17. Оборот фотографии КП 4069/3

Фото 18. Оборот фотографии КП 5161 (см. ф. 5)

Фото 19. Екатерина Ивановна Сергина. 1910-е гг. КП 4704/3

Фото 20. Оборот фотографии КП 4704/3

На паспарту фотографий жителей Заонежья В. Щепина, братьев Егоровых и супругов Ефремовых (фото 21, 22) фирменные надписи другого известного в городе фотосалона, находившегося на ул. Соборной (совр. пр. К. Маркса). Его владелец фотограф Михаил Янкевич Роскин, мещанин Санкт-Петербургской губернии Царкосельского уезда, проживавший в г. Петрозаводске с 1899 г.²²

²² НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 92/2402. Л. 10. (Рапорт Петрозаводского Городского Полицейского управления в Олонецкое Губернское правление от 13 октября 1910 г.)

Фото 21. Ефремовы. 1900–1910-е гг. КП 4850/9

Фото 22. Обрат фотография КП 4850/9

Авторами нескольких снимков являются фотографы-любители: Савельев, Семин (Семенов) П. Д., Барышев Н. И., Герасимов А., Ржановский В. В.

Многие фотографии интересны еще и как письменные источники. Жители Заонежья были связаны родственными узами со многими деревнями своего района, и надписи на фотографиях, нанесенные рукой их владельца, являются одним из источников по изучению истории крестьянских родов, а также позволяют более полно и точно выполнить атрибуцию снимка, а именно: определить, кто изображен, когда, где, установить некоторые биографические сведения и т. д.

Источники комплектования коллекции фотодокументов – это поступления от частных лиц и собирательская деятельность сотрудников музея. Следует отметить большой вклад в формирование и пополнение рассмат-

риваемой коллекции сотрудника музея «Кижы» Регины Борисовны Калашниковой (1952–2005). В данной коллекции представлены более сотни фотографий, собранных ею в ходе архивной и экспедиционной работы.

Коллекция фотодокументов, рассмотренных в этой статье, является неотъемлемой частью фотографического наследия Заонежья второй половины XIX – первой половины XX в., значительная часть которого была утрачена в пожаре революций и войн, трагических событий XX в. Тем большую ценность для нас сегодня представляют то немногое, что удалось сохранить.

М. А. Тарасова

ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ РОСПИСИ ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В КОНДОПОГЕ

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Кондопоге известна, прежде всего, как уникальный памятник деревянного зодчества. Множество исследований посвящено особенностям ее архитектуры и уникального местоположения на узком мысу, окруженном с трех сторон водами Онежского озера. «Лебединой песней» народного зодчества, «лучшей деревянной церковью России»¹ называл реставрировавший ее А. В. Ополовников. В ее простых архитектурных формах – восьмерик на четверике, стройный шатер с главкой, приземистая трапезная с висячими крыльцами, крытый бочкой алтарный прируб – он видел некий итог «многовекового пути становления образа русского деревянного зодчества»².

На Севере почти не осталось памятников, дающих такое полное представление о системе иконописного украшения деревянного храма. Весь комплекс «неба» дошел до нас целиком, в 2005–2006 гг. его иконы были отреставрированы. Но судить о первоначальном облике росписного потолка церкви мы не можем, пока иконы собраны не в авторской последовательности, а живопись тябл находится под толстым слоем темно-синей краски. Намного серьезней в военные и послевоенные годы пострадал иконостас: утрачен средник и находившийся слева от него образ пророческого ряда, неизвестно местонахождение пяти икон левой стороны праздничного. От первоначального местного ряда осталась лишь подписная Тихвинская икона 1709 г., происходящая, вероятно, из церкви-предшест-

¹ Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Дерево и гармония. Образы древнерусского деревянного зодчества. М., 1998. С. 131.

² Там же. С. 136.

венницы, и северная алтарная дверь с изображением Архидиакона Стефана, находящаяся в фондах Музея изобразительных искусств Республики Карелия (далее – МИИРК). Почти полностью под реставрационной заклеякой икона «Страшный Суд» («Образ страшного Христова пришествия»), помещавшаяся в северных храмах либо на западной стене наоса, либо, как в Успенской церкви, в трапезной. Сведения о составе иконостаса существующего храма согласно Описи 1873 г. содержатся в статье В. Г. Платонова³. Работа карельского исследователя особенно интересна тем, что на основании впервые опубликованных выдержек из Писцовых книг 1563, 1616/1617, 1628–1623 гг. восстанавливаются облики церковно-предшественниц нынешней постройки, композиции их иконостасов. Эти же архивные данные, но немного более подробно были опубликованы и несколько позже, в 1999 г., в статье И. Черняковой, В. Шевцова и Г. Пудышева⁴. Авторы обеих статей приходят к выводу, что существующая церковь, четвертая по счету, была построена в 1774 г. Предположение о написании икон и «неба» в 1774 г. впервые высказал Л. Петтерссон, автору иконописного убранства Успенской церкви финский исследователь приписывал и создание местного ряда Преображенской церкви в Кижях. Его точка зрения была принята многими специалистами, изучавшими кижские памятники.

Живописная система каменного храма постепенно раскрывала картину Божественного домостроительства сверху, из купола, через паруса, подпружные арки, конху абсиды, вниз, на столбы, стены. В деревянной церкви подобной плавности не получается: в сравнительно небольшом помещении лишь два ярких, несущих на себе повышенную декоративную и смысловую нагрузку живописных центра – высокий иконостас и «небо». Возникновение живописных «небес» в северных церквях и часовнях исследователи относят к XVII в. и связывают с появлением новых типов храмов, с увеличением их объемов, с желанием создать подобие купола в интерьере, в подражание каменным церквям. Северный иконостас довольно традиционен, окончательно сформировавшийся к концу XVII в., он обычно состоял из четырех рядов, «сочетающих в сложном единстве ветхозаветную (пророческий чин), евангельскую (праздники), эсхатологическую (деисус), литургическую (царские врата, северная алтарная дверь...) тематику»⁵. По наблюдениям В. Г. Платонова, северный иконостас

³ Платонов В. Г. Иконостас Успенской церкви в Кондопоге по архивным данным // Успенская церковь в Кондопоге: Сб. ст. по материалам конференции. Кондопога; СПб., 1996. С. 60.

⁴ Чернякова И., Шевцов В., Пудышев Г. Успенская церковь в Кондопоге: День нынешний и век минувший: (К истории церковного прихода) // Краевед. 10 лет. Петрозаводск, 1999. С. 36–51.

⁵ Платонов В. Г. Иконостас Успенской церкви в Кондопоге... С. 60.

начал формироваться как двухрядный (местный и Деисус), позже появляются праздники, затем пророки.

В кондопожском иконостасе особо выделен размерами второй сверху, деисусный ряд (высота икон 116 см, высота икон праздничного ряда – 74 см). Все персонажи этого тринадцатифигурного чина, «относящегося к „апостольскому“ типу»⁶, изображены в полный рост. Подобные «апостольского» типа Деисусы с Богородицею Параклесис были в иконостасах обеих кижских церквей. В руках Богородице белый свиток с надписью: «Владыко Многомилостиве, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, услыши молитву Матере Своея, елико молящися Тебе, презри на моление раб своих». На иконе, происходящей из кижской Покровской церкви, этот же текст, но в менее пространной редакции, он заканчивается словами: «Матере Своея». Надписи на свитках Богородице Параклесис – это один из вариантов диалога Христа и Марии, который впервые встречается в «памятниках рубежа XI–XII вв. и существует затем в двух письменных традициях – греческой, и с начала XIV в. южно-славянской. В первой из них... обнаруживает редкую устойчивость на протяжении нескольких столетий... Славянские же памятники отличает значительная вариативность текста в зависимости от места и времени создания храмового ансамбля»⁷. Молитвенное обращение Богородицы к Сыну о помиловании грешного человечества концентрирует в себе один из главных смыслов Деисуса. В кондопожском иконостасе монументальные пропорции фигуры Богородице, как бы с трудом уместяющейся на плоскости доски, особенно богато украшенная одежда подчеркивают Ее царственную природу. Это уже не просто «Заступница», «Молитвенница», «Утешительница», как переводили это греческое именование на русский, а Царица Небесная, ближе всех предстоящая Престолу Божию. Образ Иоанна Крестителя по левую руку от Христа должен уравнивать композицию, но в кондопожском иконостасе его низкий поклон контрастирует с полной царственного величия позой Богородице. Даже размеры его фигуры ощутимо меньше Богородице, названной гимнографами «Ширшей небес». Интересно, что изображение Иоанна не центрировано, Креститель почти прижат к правому краю иконы, будто благоговейно останавливается, не подходя вплотную к Вседержителю. На свитке Предтечи слова из 1 главы Евангелия от Иоанна: «Сей Агнец Божий, вземляй грехи всего мира». Помимо сильного наклона вперед, в иконе из Успенской церкви обращает на себя внимание его благословляющий жест с пореформенным престо-

⁶ *Платонов В. Г.* Иконостас Успенской церкви в Кондопоге... С. 60.

⁷ *Бутырский М. Н.* Богородице Параклесис у алтарной преграды: происхождение и литургическое содержание образа // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М., 1999. С. 212.

сложением. Подобная не совсем традиционная для деисусного ряда иконография встречается на Севере с конца XVI – начала XVII вв.: сильно наклонившийся вперед Иоанн со свитком в левой и благословляющий двумя перстами правой руки изображен в Деисусах, происходящих из Покровской церкви на острове Кижы (конец XVI в.), из деревни Тукса (XVI в.) и из села Челмужи (начало XVII в.).

Главная икона Деисуса – Спас в силах – центральный и самый большой образ иконостаса. К традиционному для «Спаса в силах» колориту, «построенному на сочетании двух основных цветов: красного и синего, символизирующих соединение во Христе антиномических начал – божественной и человеческой природ Спасителя, небесного царства и мира земного, милости и истины, огня Духа и воды Живой...»⁸ – добавлена третья составляющая – золото, образ Нетварного Света. Это одна из немногих золотофонных икон этой мастерской и единственная из сохранившихся в кондопожском комплексе. Символическая модель вселенной, обозначаемая в произведениях данной иконографии двумя ромбами и овалом, написана как бы погруженной со всех сторон в золото Благодатного Света, пронизывающего ее и изнутри (нимб Христа, престол, ассист на одежде). Текст в раскрытом Евангелии призывает каждого лично стать причастным к этой благодати: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы, возьмите иго мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф. 11: 28). Этот наиболее распространенный вариант текста в руках «Спаса в Силах» как нельзя лучше подходит для кондопожского Деисуса, в центре которого преобразенная Христовым Светом вселенная.

Историческая значимость происходящего не только вербализована текстами, читающимися в руках трех центральных фигур, но и усилена изображением свитков и кодексов в руках апостолов и евангелистов. Эсхатологическая тематика деисусного чина, центральный образ которого представляет Христа в момент Его второго пришествия, в более просторном варианте раскрывается в иконе «Страшного суда», расположенной в трапезной. Этот огромный образ практически целиком под реставрационной заклеюйкой, свободна только самая верхняя его часть, изображающая Саваофа на престоле из огненных серафимов и херувимов, по сторонам от Него медальоны с Царицей Небесной и Собором Архангелов. Немного ниже написан многофигурный Деисус с ангельским воинством и апостолами, в руках Спасителя уже не раскрытое Евангелие со словами о Его кротости, а меч. По сравнению с более ранним «Страшным

⁸ Языкова И. К. Священное Писание в иконе на примере иконографии «Спас в силах» и некоторых других изображений Христа [Электронный ресурс]. <http://www.bible-center.ru/article/icons>.

судом» этой же мастерской из Покровской церкви на острове Кижы кондопожское «второе пришествие» более торжественное и трагическое. Кижская икона напоминает увлекательный рассказ о Конце Истории с множеством занимательных подробностей, таких как синелицые «арапляне», крылатые и рогатые черти, на ней несколько раз встречается жизнеутверждающий сюжет «ангел господень несет праведные души в рай». Было бы необыкновенно интересно сравнить эти два образа после реставрации кондопожской иконы. В поздней иконографии «Страшного суда» на Севере представлены практически все сюжеты иконописи данного периода, многочисленные детали помогают понять специфическую картину мироустройства, свойственную крестьянскому сознанию.

К сожалению, самый верхний пророческий ряд иконостаса Успенской церкви еще целиком под реставрационной заклеюшкой, а своеобразие икон праздничного ряда требует отдельного исследования. Поэтому для выявления иконографической программы наиболее интересным, на наш взгляд, будет анализ живописного «неба», недавно отреставрированного и установленного на своем историческом месте (рис.). Хотелось бы отметить, что во время монтажа первоначальная последовательность икон была нарушена. Как нам кажется, смысл композиции «неба» раскрывается только в своей исторической последовательности, поэтому, описывая иконографию, мы пользовались изначальным местоположением изображений, зафиксированным на фотографиях XX в. Точно такие же состав и расположение икон были и на более раннем «небе» Варваринской церкви в деревне Яндомозеро (1650 г.).

Самой распространенной программой росписей деревянных потолков Т. М. Кольцова называет изображения ангельских чинов, к более частному варианту этой иконографии она относит композицию «Божественная литургия». Единственное «небо» с подобным сюжетом, находящееся сейчас в храмовом интерьере, – «небо» Успенской церкви в Кондопоге. Изображение ангелов, несущих богослужебную утварь, на потолке кондопожской церкви исследователи определяли и как «Божественную литургию» (Э. С. Смирнова, М. А. Витухновская), и как «Великий Вход». Т. М. Кольцова считает «Великий Вход» разновидностью композиции «Божественная литургия». Как нам кажется, некоторые иконографические особенности, которые мы более подробно рассмотрим ниже, указывают на то, что здесь представлен «Великий Вход» во время Архиерейской Литургии, совершаемой Самим Христом.

На выстроенных по кругу трапезиевидных досках «неба» Успенской церкви представлено шествие шестнадцати ангелов (над каждой фигурой чередуются надписи «Ангел» и «Господень»), облаченных в дьяконские и священнические одеяния. Это движение, несколько наивно, передано

направлением их маленьких шагающих ножек в разноцветных сапожках. Шествие ангелов по кругу один раз меняет свое направление и дважды останавливается, и обе остановки происходят на центральной оси храма «запад – восток».

На традицию изображения ангелов служащими должно было повлиять само определение ангельской сущности. Систематизатор греческой патристики св. Иоанн Дамаскин так сформулировал представление об умных духах: «Ангел есть сущность, одаренная умом, постоянно движущаяся, свободная, бестелесная, *служащая Богу*». Еще в ветхозаветных текстах они различались между собой по степени совершенства и по роду своего служения. Наряду с посланничеством («ангел» в переводе с греческого «вестник»), они присутствовали и при совершении ветхозаветного жертвоприношения (два «херувима с распростертыми вверх крыльями» (Исх. 37: 9) были изображены на крышке Ковчега Завета). В христианском богословии представление о том, что ангельские чины участвуют во время Евхаристии, складывается примерно в одно время с формированием текста Литургии. Самым знаменитым на Руси сочинением, «ставшим одним из главных источников для иконографии литургии»⁹, было «Слово откровение о святей службе истолковано», приписываемое св. Григорию Богослову. С. Муретов отмечал, что в этом произведении особенно наглядно выражена мысль о присутствии бесплотных сил при совершении литургии. Композиции, изображающие Великий Вход, появились в купольной части, а чаще в конхе абсиды русских каменных храмов в XVI в. Изображение ангелов на «небе» деревянных храмов Русского Севера связано с желанием воспроизвести систему купольных росписей каменных церквей. Но, как нам кажется, на северный вариант композиции «Великий Вход» большее влияние оказало почти дословное понимание херувимской песни, евхаристических молитв и действий клира, чем тексты толкований Литургии.

В самом начале исполнения херувимской песни дьяконы кадят храм, изображающие диаконов ангелы на кондopoжском «небе» с кадилами как бы подготавливают путь для процессии. Каждение в народном сознании воспринималось не только как символ вознесения молитвы к Богу, но и как изгнание нечистых духов. В «Слове» Григория Богослова перед началом Литургии Верных ангел изгонял из храма злобного демона, «стоящего у дверей церковных, держа в зубах стрелу острую и скрежеща зубами»¹⁰. Следующий ангел-диакон стоит прямо над дверью, строго напротив

⁹ Саенкова Е. М. О некоторых особенностях иконографии Великого Входа в древнерусском монументальном искусстве // Искусство христианского мира. Вып. 8. М., 2004. С. 148.

¹⁰ Цит. по: Муретов С. О поименовании бесплотных сил на проскомидии. М., 1897. С. 166.

алтаря, над головой он держит ярко-красный покров с крестом и буквами «IC XC» под титлами. Вероятнее всего, так изображен покровенный дискос, что опять дословно иллюстрирует чинопоследование Великого Входа. Тогда подходящий к нему ангел-священник с непокрытой Чашей изображает иерея, несущего потир. За ним следуют еще шесть ангелов-священников. В руках у них крест, лжица, копие, сосуд с пятью хлебами, большая свеча, плат со Спасом Эммануилом. Три первых предмета богослужбной утвари вполне традиционны для Великого Входа на литургии, в которой участвуют несколько иереев. Атрибут следующего ангела, на первый взгляд, не соответствует иконографии Великого Входа: он несет в чаше, наподобие широкого потира, пять круглых просфор, употребляющихся на проскомидии. Просфоры эти, из которых вынимаются частицы, символизирующие всех членов Церкви, и земной, и Небесной, написаны еще целыми. Все предыдущие персонажи воспроизводили строгую последовательность Великого Входа во время соборного служения, а появление ангела с просфорами как будто нарушает чинопоследование. Но проскомисание во время Херувимской песни – один из отличительных моментов епископского служения. «Вторая» архиерейская проскомидия появляется лишь в XVII в.: «древние чины ничего не говорят об изъятии частиц из просфор... перед великим входом; это поздний греч. обычай»¹¹. Если в современной богослужбной практике нет единого сценария епископского проскомисания (от полноценной проскомидии до поминовения только живых и усопших и покрытия Даров на жертвеннике), то в XVIII в. должно было существовать еще больше вариантов изымания частиц предстоятелем. Поэтому, как нам кажется, ангел с пятью просфорами лишь символизирует архиерейскую проскомидию. Он мог быть изображен и в самом начале процессии, но мастер располагает его вслед за ангелом, несущим копие, которым и совершается заклятие Агнца и изымание частиц.

Следующий ангел-иерей со свечой представлен прямо над треугольной доской, выполняющей в деревянном храме роль паруса, на которой написан евангелист Лука. Во время Великого Входа служитель выносит свечу перед Дарами, что иногда трактуется как символическое изображение Иоанна Предтечи, предварившего своим служением деяния Христа. На «небе» Успенской церкви ангел со свечой показан в самой середине процессии, но подобное местоположение может быть оправдано именно тем, что он изображен прямо над апостолом Лукой, начавшим свое благовествование с истории зачатия и рождения пророка Иоанна Крестителя.

Смысл двух следующих изображений также раскрывается при их рассмотрении в храмовом пространстве, при сопоставлении с образами ико-

¹¹ Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. <http://www.pravenc.ru/text/76524.html>.

ностаса. Христос Эммануил, рождение которого было предсказано Исайей, написан прямо над иконой, изображающей этого пророка.

Над утраченным средником верхнего ряда стоит ангел, держащий Убрус. Фигура ангела с Нерукотворным образом обозначает некую паузу в движении шествия, он остановился прямо над центром иконостаса. Как неоднократно писали исследователи, треугольные иконы Евангелистов, соединяющие грани «неба» с углами здания, выполняют функцию парусов каменного храма. Традиция помещения Убруса в замке подпружной арки, возможно, восходит к преданию о том, что Мандилион и Керамион, перенесенные из Эдессы, были подвешены в особых золотых сосудах на арках в церкви Богоматери Фаросской¹². Наиболее древняя русская фреска на этот сюжет – «Спас Нерукотворный» во лбу арки Нередицкой церкви. С появлением в наших храмах высокого иконостаса, устанавливаемого чаще всего на уровне восточных столбов, Нерукотворный Образ оказывался написанным прямо над центром иконостаса. В северных храмах, где процесс формирования высокого иконостаса проходил несколько медленнее, в первой трети XVII в., «композиция иконостаса завершалась иконой Спаса нерукотворного»¹³. Большой Московский Собор 1666–1667 гг. предписал «ставить наверху иконостаса вместо икон Спаса Нерукотворного или Саваофа деревянный крест с изображением на нем распятого Христа»¹⁴. В XVIII в. Нерукотворный Образ в завершении иконостаса практически не встречается, но северная иконопись, отличающаяся своим особым отношением к традиции, могла донести отголосок прежней иконографической программы. В кондопожской церкви ангел с Убрусом, стоящий строго над центром иконостаса, скорее всего, нес ту же символическую нагрузку, что и изображение Спаса Нерукотворного над высокой алтарной преградой или в центре подпружной арки. Ангел-священник с платом не только участвует в Великом Входе, но и венчает иконостас церкви.

Замыкают шествия четыре ангела-дьякона с трикириями и рипидами. Ангелы с рипидами присутствуют во многих композициях Великого Входа, они, как правило, находятся рядом с Агнцем или его символическим изображением. Помещение их в конец процессии может указывать не столько на непонимание автором росписи связи веняня рипидами над

¹² Колпакова Г. С. Искусство Византии. Поздний период. 1204–1453 гг. СПб., 2004. С. 288.

¹³ Платонов В. Г. Иконостасы храмов Обонежья по Писцовой книге 1628–1629 гг. и некоторые вопросы развития иконостасных композиций в XVII–XVIII веках // Чтения по исследованию и реставрации памятников культуры Северной Руси памяти художника-реставратора Н. В. Перцева (1902–1981). Архангельск, 1992. С. 130.

¹⁴ Кольцова Т. М. «Небо» и его росписи в памятниках деревянной культовой архитектуры Русского Севера // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция. М., 1994. С. 63.

Дарами со словами серафимской песни, а скорее на соблюдение последовательности в иллюстрации Литургии. Дьяконы веют над чашей во время Пресуществления Даров, которое происходит после Великого Входа.

Общая композиция «неба», построенная по принципу сужающихся окружностей, является как бы проекцией шатра церкви в интерьер, плотность изображений увеличивается ближе к центру, создавая иллюзию ракурсного сокращения пространства. Христос Архиерей, окруженный двумя кольцами херувимов и серафимов, становится не только центральной, но и самой высокой точкой всей композиции (рис.).

Фрагмент иконописного убранства «неба» Покровской церкви в Кондопоге

Еще в ранневизантийском искусстве изображение Пантократора в куполе стало почти каноном. «Христос как Вседержитель мира изображался в окружении „небесных сил“»¹⁵. Образ Христа на «небе» Успенской церкви буквально окружен кольцом из восьми пылающих херувимов. Вокруг этого кольца выстраивается еще одно, состоящее из серафимов и херувимов, написанных на самой узкой части каждой из досок

¹⁵ Бобров Ю. Г. Основы иконографии древнерусской живописи. СПб., 1995. С. 38–39.

с ангелами, под ногами которых также изображены крылатые силы, образующие третье ярко-красное кольцо. По наблюдениям Л. А. Щенниковой, в иконописи «отличительные признаки серафимов и херувимов соединяются, становятся общими для обоих чинов»¹⁶. Источник подобных изображений она видит в первой евхаристической молитве литургии Иоанна Златоуста, «в которой эпитеты „многоочитый“ и „шестикрылатый“ поставлены в конце – после обоих имен»¹⁷. Автор «неба» Успенской церкви называет красные головки, окруженные шестью крыльями, и «серафимами» и «херувимами», независимо от того, как он пишет их лица: фронтально или в профиль. Одной из функций херувимов, основанной на тексте видения пророка Иезекииля (10: 1), было несение престола Божия; отголоском этого видения может служить изображение красных херувимов на центральном опорном кольце «неба», конструктивная роль которого заключается в креплении иконы «Христа Великого Архиерея за престолом».

Изображение Христа в образе Великого Архиерея, совершающего литургию, стоя за Св. трапезой, появляется в Греции в XIV в.¹⁸ Е. М. Саенкова пишет, что наиболее ранняя композиция этого типа представлена в алтаре церкви Богоматери Перивленты в Мистре. На русских алтарных фресках XVI–XVII вв., изображающих Великий Вход, за престолом чаще всего представлены три святителя – Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и Василий Великий. По мнению исследователя, «изображения Великого Входа, размещенные за высокими алтарными преградами, больше предназначались для священнослужителей»¹⁹. «Небо», венчающее наос деревянного храма, было открыто взорам всех присутствующих на литургии, прихожане видели над собой уже не святителей, подражать которым призваны пастыри, а самого Христа за Св. трапезой. Спаситель оказывался и центром, и началом, и концом всей композиции: и благословлял начало шествия, и встречал его у престола. На греческих фресках Христа часто изображали дважды и у жертвенника, и у престола (монастырь Варлаама в Метеорах, в церквах Св. Феодоры и Св. Василия в Арте). В нашем случае Господь Архиерей написан один раз, Он центр, самая суть богослужебного круга, вокруг Него и к Нему движется ангельская процессия.

Композиция центральной иконы не совсем традиционна: сквозь окруженные облаками или клубами дыма распахнутые двери Царских врат виден благословляющий двумя руками Спаситель. Перед Ним на престоле,

¹⁶ Щенникова Л. А. Силы Небесные: иконография и литургические тексты // Восточно-христианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 182.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Саенкова Е. М. О некоторых особенностях иконографии Великого Входа... С. 145.

¹⁹ Там же. С. 149.

покрытом пурпурной и белой одеждами, лежат крест, покровенный потир, Евангелие и покровенный дискос. Наиболее близкой к этой композиции с Христом-Архиереем, стоящим за престолом, можно назвать центральную часть иконы из Благовещенского собора Сольвычегодска «Иже херувимы тайно образующе» (1570–1580, ГТГ). Возможно, добавление к традиционной иконографии Спаса-Архиерея престола с Дарами связано, с одной стороны, с общей тенденцией усложнения иконографических типов в конце XVI – начале XVII в., с другой – с повышением иллюстративности, с желанием изобразить как можно подробней текст, лежащий в основе изображения. Мысль о Первосвященстве Христа, заложенная в нескольких главах Послания апостола Павла к Евреям, легла в основу традиционных изображений Спаса-Архиерея. Звучащая в Послании идея первосвященнической жертвы, в качестве которой Господь приносит Сам себя, наиболее ярко выражена в песнопении, заменяющем Херувимскую песнь, в Великую Субботу: «Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным...» В Варваринской яндомазерской церкви, «небо» которой, возможно, послужило образцом для кондопожского комплекса, на замковом кольце центральной иконы «Спас Архиерей» было написано именно это песнопение²⁰. Возможно и более упрощенное толкование этой композиции: Сам Христос благословляет дискос и чашу на престоле – происходит Пресуществление св. Даров, кульминация всей Литургии. До реставрации «неба» кондопожской церкви центральная икона была ориентирована в сторону алтаря. Хлеб и вино, возносимые над деревянным престолом, становились Телом и Кровью Бога-Сына, благословляемые Самим Первосвященником-Христом перед Престолом Небесным.

Живопись «неба» не просто иллюстрирует тексты Херувимской песни и евхаристических молитв, являет сослужение ангелов во время Великого Входа, но и показывает «идею мистического соединения в литургии Земной и Небесной Церкви»²¹. Сотериологическая тематика высокого иконостаса дополнялась и расширялась литургической идеей живописного «неба». В пространстве деревянного северного храма последовательно раскрывался Смысл Божественного Домостроения в исторических и богослужебных образах, т. е. участвующий в литургии человек понимал, что Спасение совершается не только в Библейской истории, но и в таинстве Евхаристии.

²⁰ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. Иконы из собрания музея-заповедника «Кижки». Петрозаводск, 2008. С. 39.

²¹ Калвицке Н. В. Фрески церкви Троицы в Вяземах. Программа и иконография в контексте идейных движений эпохи: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1999. С. 21.

И. В. Мельников

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ВОЖМАРИХА 1 В ЮЖНОМ ЗАОНЕЖЬЕ

Поселение Вожмариха 1 было открыто автором в 1995 г.¹ Оно входит в состав вожмарихинского комплекса памятников археологии эпохи камня – раннего металла (рис. 1). На поселении были проведены раскопки общей площадью 256 м², в результате чего было исследовано полуземляночное жилище, в котором собран комплекс инвентаря поздненеолитического времени: фрагменты керамических сосудов с гребенчато-ямочным орнаментом и изделия из камня. Настоящая статья посвящена публикации полученных в ходе раскопок материалов.

Стоянка Вожмариха 1 располагается в глубине лесного массива примерно в 1,8 км к западу от д. Жарниково и в 1,6 км к северо-западу от д. Телятниково Медвежьегорского р-на, примерно в 800 м к северу от побережья залива Вожмариха Онежского озера (рис. 2). Памятник занимает ровный участок древней береговой террасы. Современная высота над уровнем воды в Онежском озере – 7,6 м. В древности стоянка была приурочена к побережью залива, ныне представляющего собой болото, граница которого проходит примерно в 40 м к востоку от предполагаемой границы памятника. Видимо, в древности она залегала на небольшом мысу. В центральной и южной частях памятника по направлению северо-запад – юго-восток проходят две лесные просеки шириной около 3–4 м. На поверхности памятника визуально прослеживаются 7 впадин глубиной 0,4–0,5 м. Их форма и размеры:

- Впадина 1 вытянутая, размером около 20×7 м, глубиной около 0,5 м, ориентация северо-северо-восток – юго-юго-запад. Данная впадина включена в пределы раскопа.

¹ Мельников И. В. Новые археологические памятники южного Заонежья // Кижский вестник. Вып. 6. Петрозаводск, 2001. С. 197–220.

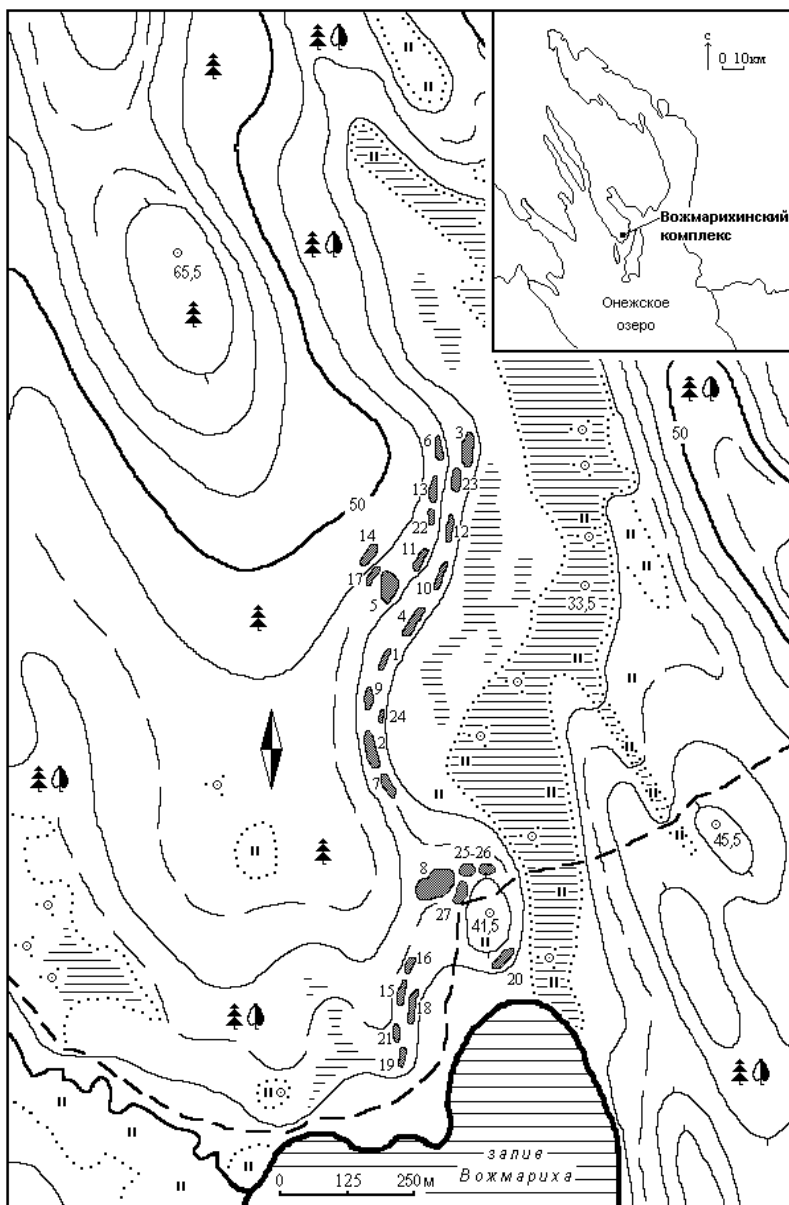

Рис. 1. Расположение Вожмарихинского археологического комплекса

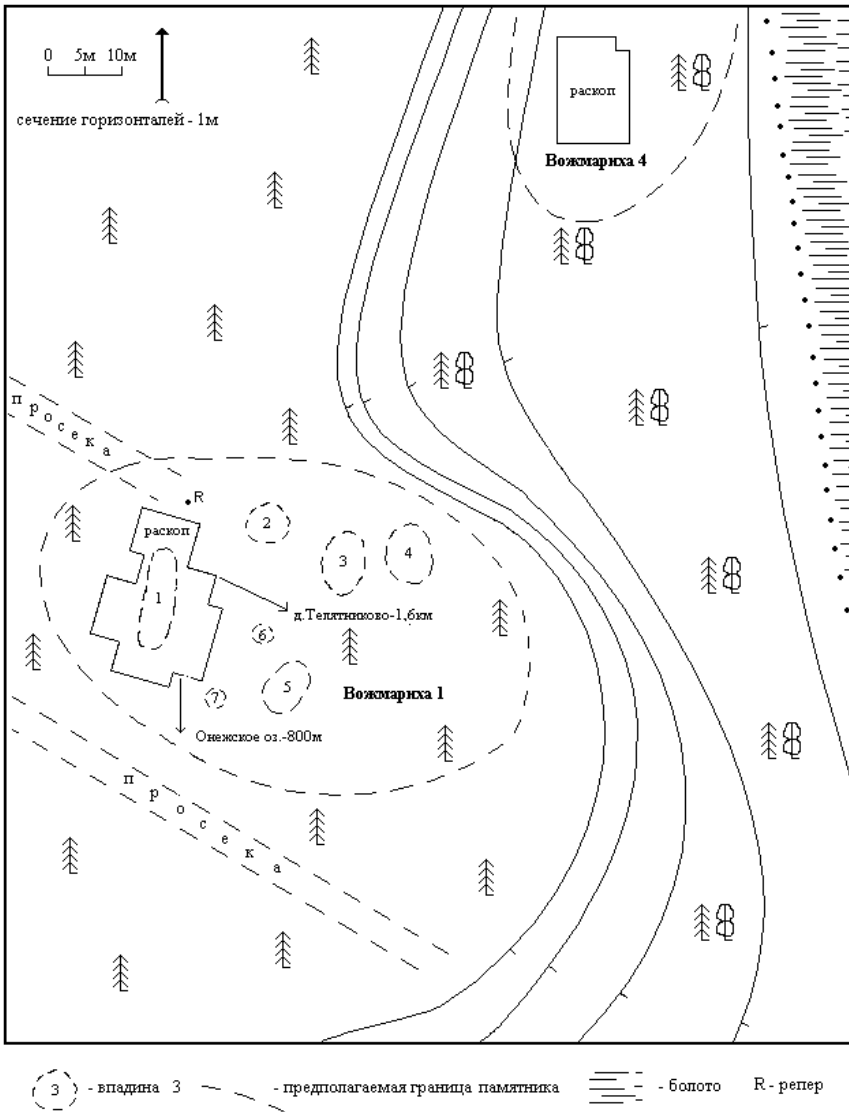

Рис. 2. План поселения Возжмариха 1

- Впадина 2 подокруглой формы, 6×5 м, глубиной около 1 м, располагается в 11 м к северо-востоку от впадины 1.
- Впадина 3 имеет вытянутую форму, размер 9×6 м, глубину около 0,5 м, ориентацию северо-северо-восток – юго-юго-запад, располагается в 20 м к востоку от впадины 1.
- Впадина 4 имеет вытянутую форму, размер 8×6 м, глубину около 0,5 м, ориентацию северо-северо-восток – юго-юго-запад, располагается в 2,5 м к востоку от впадины 3.
- Впадина 5 имеет вытянутую форму, ориентацию северо-восток – юго-запад, размер 8×5 м, глубину около 0,4 м, располагается в 15 м к юго-востоку от впадины 1.
- Впадины 6 и 7 схожи между собой – подокруглые, диаметром 2,8, глубиной около 0,5 м.

Представляется, что впадины 1–5 могут являться остатками полуземляночных сооружений (в отношении впадины 1 это было установлено в ходе раскопок). Впадины 6 и 7, видимо, позднего происхождения и не связаны с поселением.

Судя по расположению впадин, распространенности культурного слоя, а также учитывая рельеф местности, можно предположить, что памятник занимает участок древнего берега на протяжении около 70×40 м. Таким образом, площадь памятника составляет около 2500–3000 м².

Примерно в 40 м к северо-западу от стоянки Вожмариха 1 проходит граница еще одного поселения Вожмариха 4, которое датируется поздним неолитом. Оно занимает более низкую береговую террасу. Примерно в 100 м к юго-западу на той же высоте располагается поселение Вожмариха 9, которое по разведочным данным отнесено к мезолитическому времени.

Стратиграфия поселения Вожмариха 1 включает четыре слоя:

1. Дерн (заросли черничника) – 7–13 см.
2. Подзол – мощность 8–15 см (чаще около 10 см), в центральной части впадины – до 24 см. Минимальная толщина подзола отмечена на периферии раскопа.
3. Культурный слой. Находки встречались в песке с красноватым, красновато-коричневым или желтым оттенком, с включениями линз песка темно-серого цвета, а также зольно-углистых линз. Мощность культурного слоя в разных участках раскопа варьировала в пределах 30–48 см и была неравномерной по раскопу. В среднем мощность слоя вне пределов впадины составляла около 30–35 см. Во впадине мощность красновато-коричневого песка существенно превышала среднюю по раскопу и составляла около 45–48 см. В восточной части раскопа культурный слой перекрывался слоем намывного светло-желтого песка.
4. Материк – песок светло-желтого цвета.

В пределы раскопа была включена впадина № 1. В ее пределах было выявлено *жилище-полуземлянка*, т. е. жилище незначительно углубленное в землю. Его контур был прослежен на уровне материка, после снятия 4 и 5 горизонтов культурного слоя, когда культурный слой на всей поверхности раскопа был исчерпан и заполнение жилищной впадины, имевшее красновато-коричневый цвет, четко выделялось на фоне окружающего светло-желтого песка. В плане жилище имело неправильную подовальную форму, сильно вытянутую в направлении северо-северо-восток – юго-юго-запад вдоль древнего берега залива Вожмариха (рис. 3, 4). Его размер: длина – 20 м, ширина – около 4,5 м. В северо-восточной части жилища (кв. Г-4–Г-5) был прослежен коридорообразный выход, который был направлен в сторону берега, имел протяженность около 1,3 м и ширину около 1,25 м. Видимо, жилище имело еще один выход, который располагался в южной части сооружения (стык кв. Л-2–Л-3), однако проследить его контуры в полной мере планиграфически не удалось из-за крупного дерева, которое произрастало на этом месте.

Мощность культурного слоя, заполнявшего впадину (от древней поверхности), различалась в ее разных частях и была незначительна – в центральной части составляла около 0,26 м, на периферии уменьшалась до 0,14 м.

Стенки впадины прослежены в северной части жилища – наклонные (угол наклона между поверхностью пола и стенкой впадины составлял около 120–130°).

Пол жилища четко прослеживался в северной части жилища по маломощной (1–2 см) прослойке темного песка, который был зафиксирован на границе культурного слоя и материка.

В южной части жилища (кв. К-3) располагался очаг. Он был прослежен в виде кладки из 8 камней-валунов толщиной до 30 см, которая в плане имела подовальную в плане форму и размер 0,9×0,6 м (рис. 5). Видимо, еще один очаг находился в центральной части постройки (стык кв. Е-3–Ж-3). Он был прослежен в виде аморфного скопления из 10 небольших камней-валунов общим размером 1,37×0,74 м.

Поскольку фрагментов конструкции жилища не было зафиксировано, говорить о его конструктивных особенностях не представляется возможным. Так как планиграфически не было отмечено следов тлена от срубных конструкций, а также учитывая несколько скругленные очертания впадины, есть основания полагать, что постройка имела каркасную основу. По-видимому, каркас не был существенно углублен в материк и был составлен из нетолстых жердей – в противном случае планиграфически, на фоне материкового песка, удалось бы проследить пятна от их оснований.

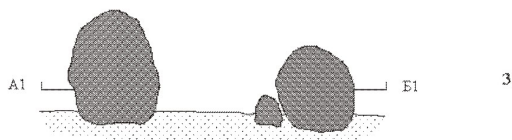
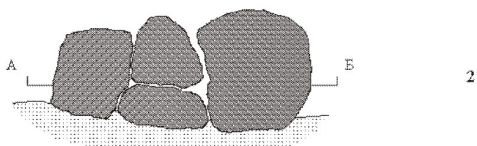
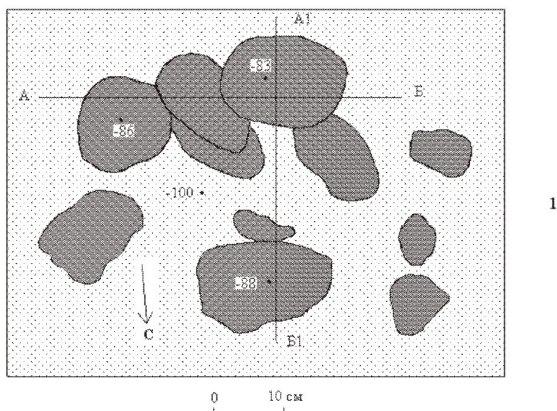

Рис. 5. Вид на очаг в кв. К-3

Следует отметить, что контур жилища достаточно четко прослеживался и по распространённости находок. В целом абсолютное большинство находок было собрано в нижних горизонтах культурного слоя и в заполнении впадины, причем начиная с третьего горизонта находки в основном концентрировались в пределах впадины. Это обстоятельство свидетельствует о том, что хозяйственная деятельность происходила внутри жилища. Это, очевидно, связано с его функционированием в холодное время года. Состав находок приводится в таблице:

Предметы	Сланец	Кварц	Кварцит	Кремень	Лидит	Всего
Топоры	3	–	–	–	–	3
Тесла	6	–	–	–	–	6
Долота	2	–	–	–	–	2
Стамески	9	–	–	–	–	9
Обломки рубящих орудий	6	–	–	–	–	6
Скрепки	–	13	–	2	1	16
Скобель	–	1	–	–	–	1
Долотовидные орудия	–	4	–	–	–	4
Резцы	–	15	–	–	–	15
Ножи	–	–	–	1	1	2
Комбинированные орудия	–	2	–	–	–	2
Абразив	1	–	–	–	–	1
Пилы, обломки пил	19	–	1	–	–	20
Шлифовальные плиты, обломки шлифовальных плит	7	–	1	–	–	8
Заготовки и обломки заготовок орудий	18	1	–	–	1	20
Осколки со следами пиления	14	–	–	–	–	14
Осколки камня со следами обработки или использования	2	48	–	3	1	54
Гальки со следами обработки	5	–	–	–	–	5
Подвески	3	–	–	–	–	3
Стержни со следами шлифовки	1	–	–	–	–	1
Нуклеусы	–	2	–	–	–	2
<i>Всего</i>	<i>90</i>	<i>88</i>	<i>4</i>	<i>4</i>	<i>3</i>	<i>194</i>
Осколки или отщепы камня	962	220	59	1	18	1260
Осколки керамических сосудов						408

Коллекция керамики из поселения Вожмариха 1, судя по находкам венчиковых частей, включает 18 сосудов, которые относятся к двум типам неолитической керамики – более ранней с ямочно-гребенчатым орнаментом (11 горшков) и относительно более поздней с гребенчато-ямочным орнаментом (7 горшков). Сохранность и особенность залегания в культурном слое той и другой посуды различаются. Ямочно-гребенчатые сосуды, в основном, представлены мелкими единичными фрагментами, которые были рассеяны по площади раскопа в его северной части и встречались во всех горизонтах культурного слоя, причем как в пределах,

так и вне жилищной впадины. Сосуды с гребенчато-ямочным орнаментом залежали компактно, в виде развалов крупных фрагментов и были выявлены внутри жилищной впадины, в ее северной части, в ходе выборки нижних горизонтов культурного слоя.

Такое залегание фрагментов сосудов свидетельствует о том, что носители гребенчато-ямочной керамики построили жилище-полуземлянку на месте, где ранее находилось поселение с ямочно-гребенчатой посудой. При строительстве, в ходе выборки грунта, часть ямочно-гребенчатых фрагментов была перемещена, чем объясняется ее нахождение в верхних горизонтах культурного слоя, вне пределов впадины.

Ямочно-гребенчатые сосуды в целом схожи между собой и явно изготовлены в рамках единой технологической традиции. Все сосуды имеют одинаковый цвет, схожее качество обжига, толщину стенок 0,5–0,6 см, в качестве примеси к глиняному тесту использовались песок и дресва. Примерный диаметр горла можно установить только в отношении двух сосудов. Один был небольшого размера с диаметром около 12 см, другой – побольше, с диаметром 15–20 см. Форма венчиков следующая: кососрезанные внутрь – 8 ед., с плоским срезом – 2 ед., округлая – 1 ед. Как правило, венчики утолщены, иногда имеют наплыв по внутреннему краю. В четырех случаях срез венчика был украшен наклонно поставленными оттисками торца палочки. Орнамент стенок довольно однообразен, везде доминируют горизонтальные ряды округлых ямок цилиндрической формы диаметром 0,4 см. В качестве дополнительных элементов орнамента в пяти случаях выступают горизонтальные ряды округлых неглубоких наколов, нанесенных торцом палочки, в двух случаях – горизонтальные «отступающие» линии (т. е. нанесенные с периодическим нажимом на орнаментир) и по одному случаю – горизонтальные прочерченные линии, зигзагообразные линии, нанесенные коротким гребенчатым штампом, а также горизонтальные линии, образуемые трезубым гребенчатым штампом (рис. 6, 7).

Гребенчато-ямочные сосуды также изготовлены в рамках единой технологической традиции, но при этом существенно отличаются от описанных ямочно-гребенчатых. Отличия касаются размеров, толщины стенок, качества обжига, состава примеси, оформления венчиков, орнаментации. Не вызывает сомнения их хронологическая и культурная неоднородность.

Гребенчато-ямочная посуда представлена развалами крупных фрагментов, что дает возможность судить об их размерах и форме. Сосуды имели яйцевидную форму, округлое дно, диаметр устья около 0,4 м. Толщина стенок составляла 0,7–1,0 см. В качестве примеси к глиняному тесту использовались песок, а также дресва, которая отличалась большей крупнозернистостью в сравнении с ямочно-гребенчатыми сосудами. Цвет всех сосудов светло-коричневый, качество обжига схожее, на неко-

торых горшках имелись следы нагара. Форма венчиков схожа: прямые, кососрезанные внутрь, в трех случаях орнаментированные по срезу наклонно поставленными оттисками гребенчатого штампа. В двух случаях аналогичные оттиски были нанесены вдоль среза на внутренней поверхности горшка. В орнаменте стенок преобладают композиции из чередующихся горизонтальных поясов ямок конической формы диаметром 0,8 см, которые сочетаются с горизонтальными поясами наклонно поставленных оттисков короткого гребенчатого штампа (рис. 8, 9). На одном горшке представлен орнамент в виде оттисков гребенчатого штампа, образующих треугольные геометрические формы, внутри которых располагаются розетки из 3 или 4 конических ямок диаметром 0,6 см (рис. 10).

Отдельно следует сказать о двух гребенчато-ямочных сосудах. Один из них отличается по особенностям орнаментации и форме венчика. Он имеет округлый, слегка утолщенный и отогнутый наружу венчик, несколько больший диаметр – около 45 см и орнаментирован по всей поверхности округлыми ямками цилиндрической формы диаметром 0,6 см (рис. 11).

Второй горшок представлен развалом из нескольких десятков фрагментов и поддается частичной реконструкции (рис. 12). Форма горшка – яйцевидная, диаметр устья – около 40 см. Толщина стенок составляет около 0,7 см. Цвет – светло-коричневый, в качестве примеси к глиняному тесту использовались песок и дресва. Венчик прямой, кососрезанный внутрь, орнаментирован по срезу наклонно поставленными оттисками гребенчатого штампа. Аналогичный орнамент нанесен по срезу горшка с внешней и внутренней стороны. Орнамент на внешней поверхности сосуда составляют пояса короткого гребенчатого штампа, которые чередуются с поясами округлых конических ямок диаметром около 0,7 см. Три пояса гребенчатого орнамента образованы ромбическими геометрическими формами, еще два пояса представляют собой ряды наклонно поставленных гребенчатых отпечатков.

Коллекция предметов из камня, полученных в ходе раскопок поселения Вожмариха 1, включает 1449 единиц, из которых 1260 единиц составляют отходы каменной индустрии – отщепы и осколки камня. Причем если в отходах каменной индустрии абсолютно преобладают осколки и отщепы сланца – 76 % (кварц – 17 %, прочее – 7 %), то среди готовых изделий, а также осколков камня со следами обработки или использования статистика иная: сланец – 48 %, кварц – 46 %, иные породы – 6 %.

В распространении каменного материала по площади раскопа прослежены явные закономерности. Большая часть материала локализовалась в пределах жилищной впадины. За пределами впадины встречены лишь отдельные находки. В основном находки локализовались по периметру жилища. Также отмечена повышенная концентрация находок, в частности пил, а также скребущих и режущих предметов из кварца, в центральной части жилища – в квадратах Ж-2–Ж-4, З-2–З-4.

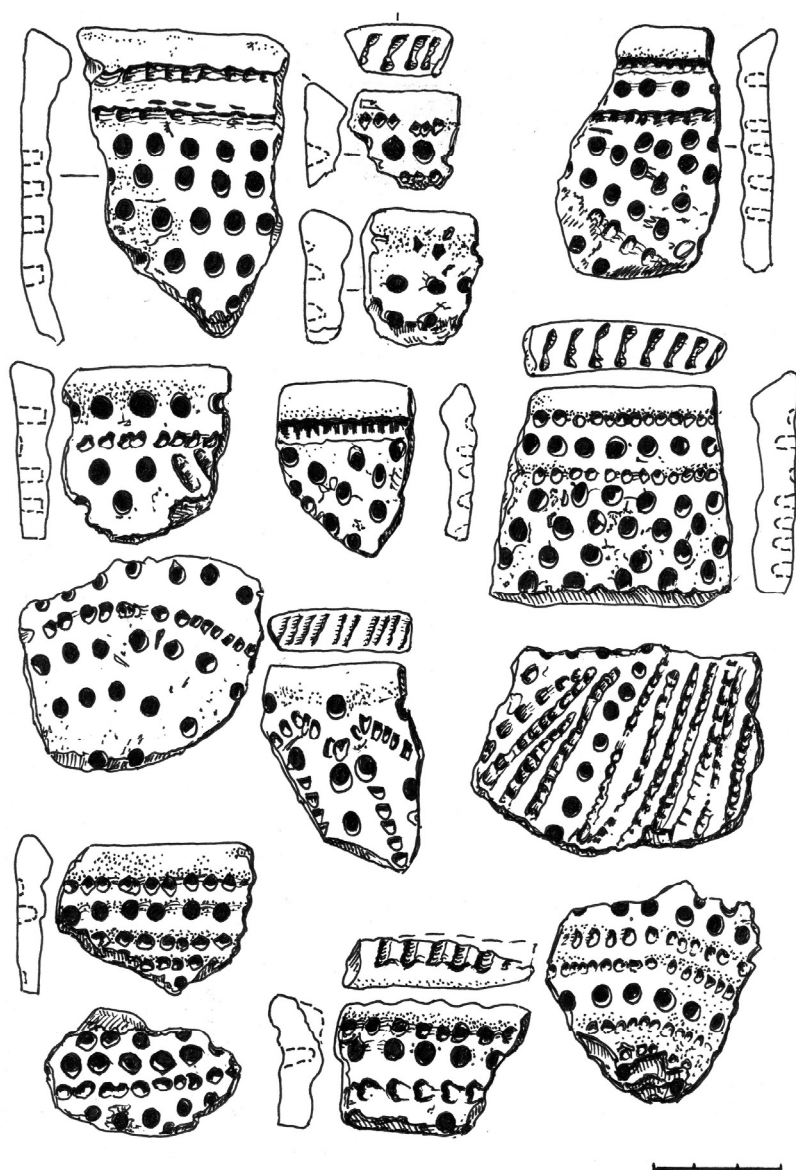

Рис. 6. Образцы керамики из поселения Вожмариха 1

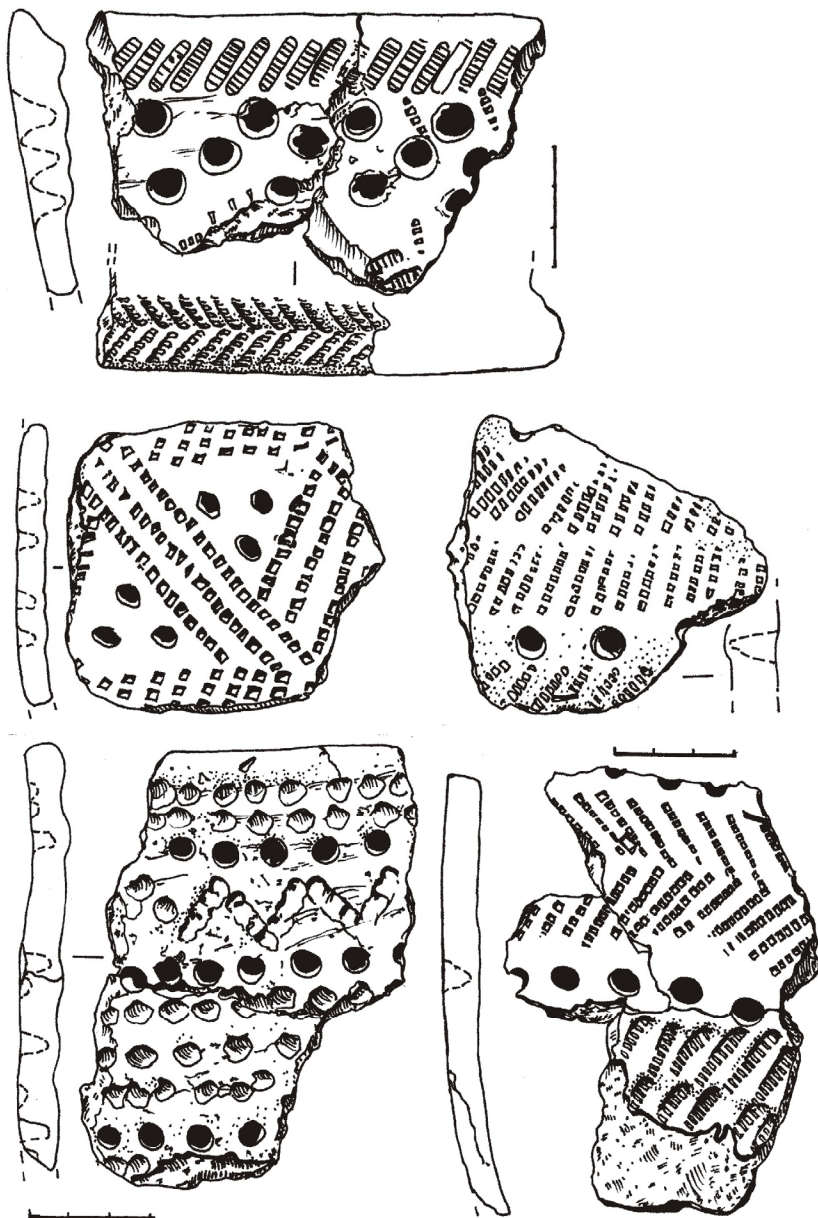

Рис. 7. Образцы керамики из поселения Вожмариха 1

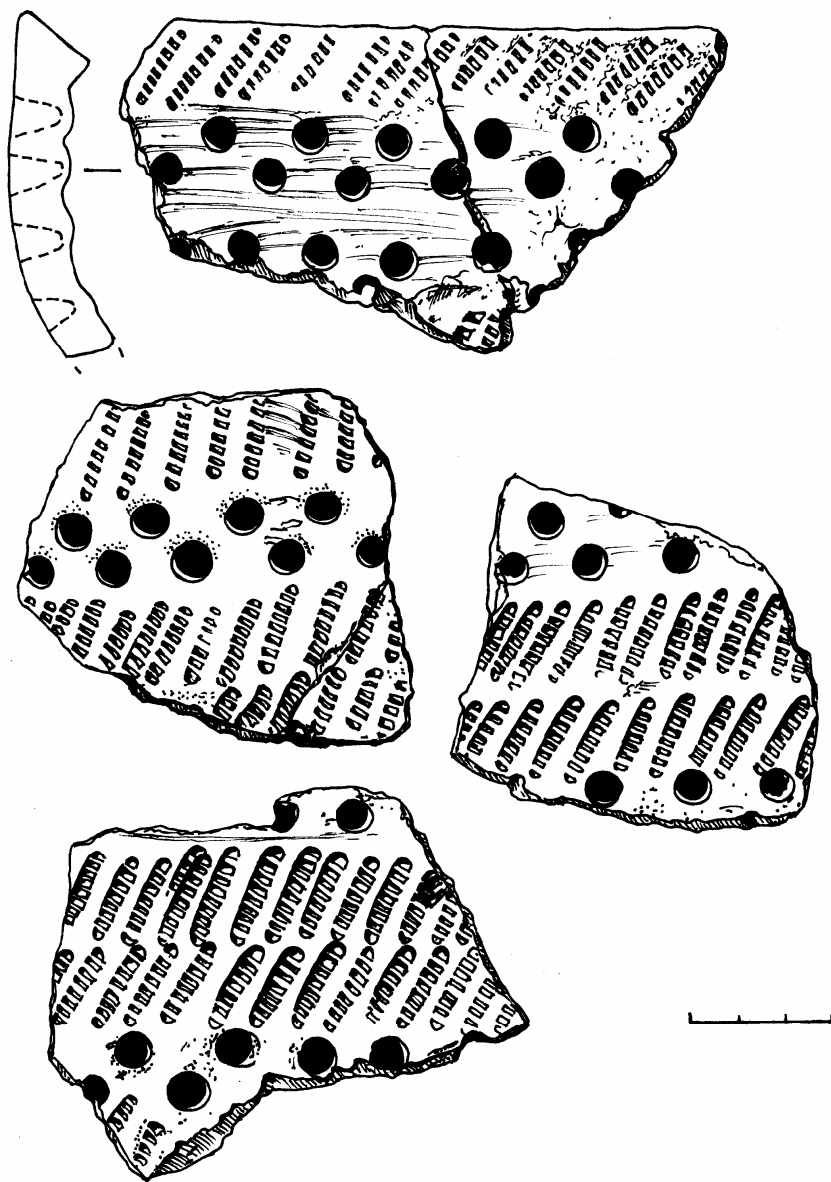

Рис. 8. Образцы керамики из поселения Вожмариха 1

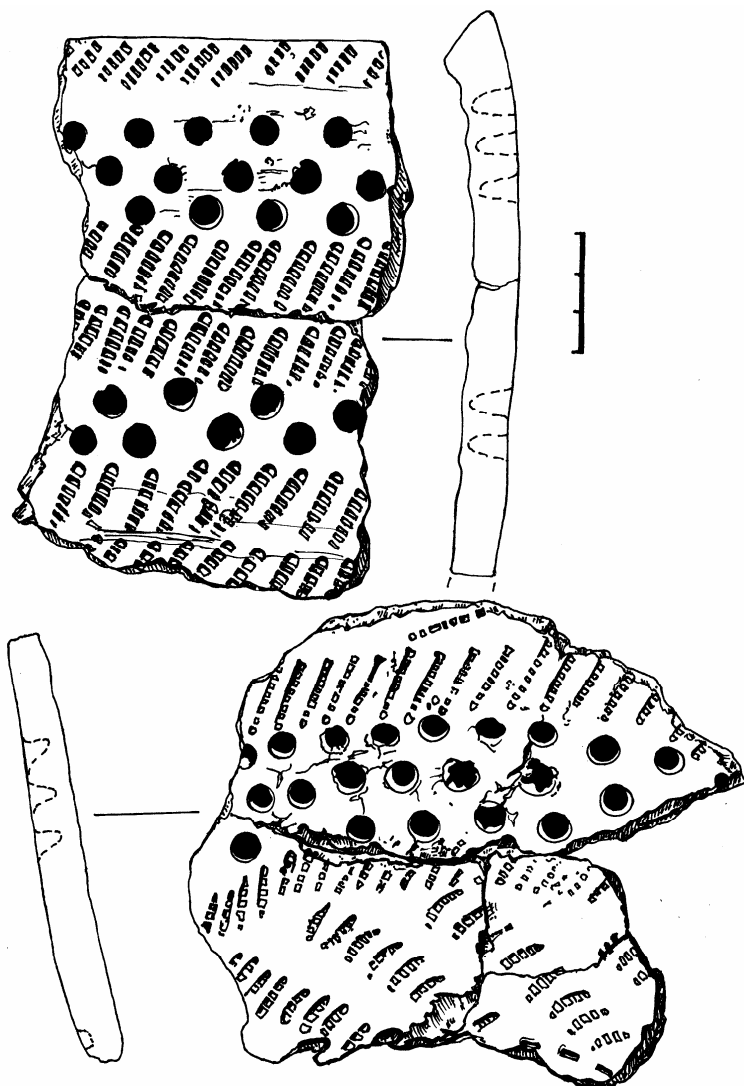

Рис. 9. Образцы керамики из поселения Вожмариха 1

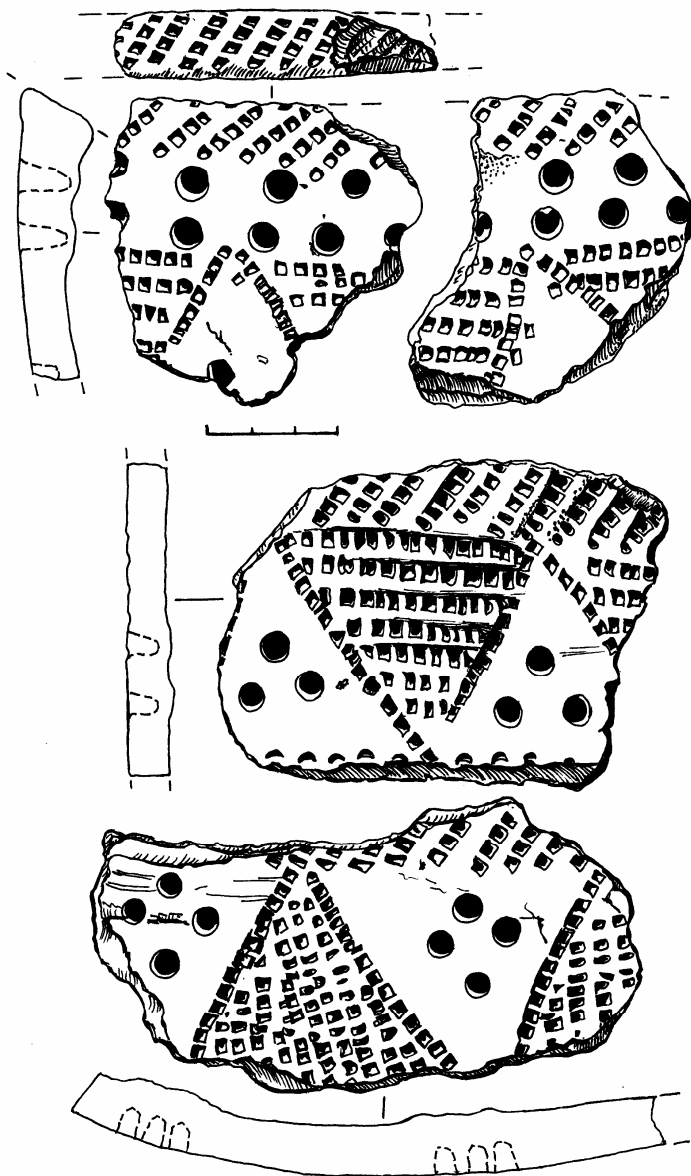

Рис. 10. Образцы керамики из поселения Вожмариха 1

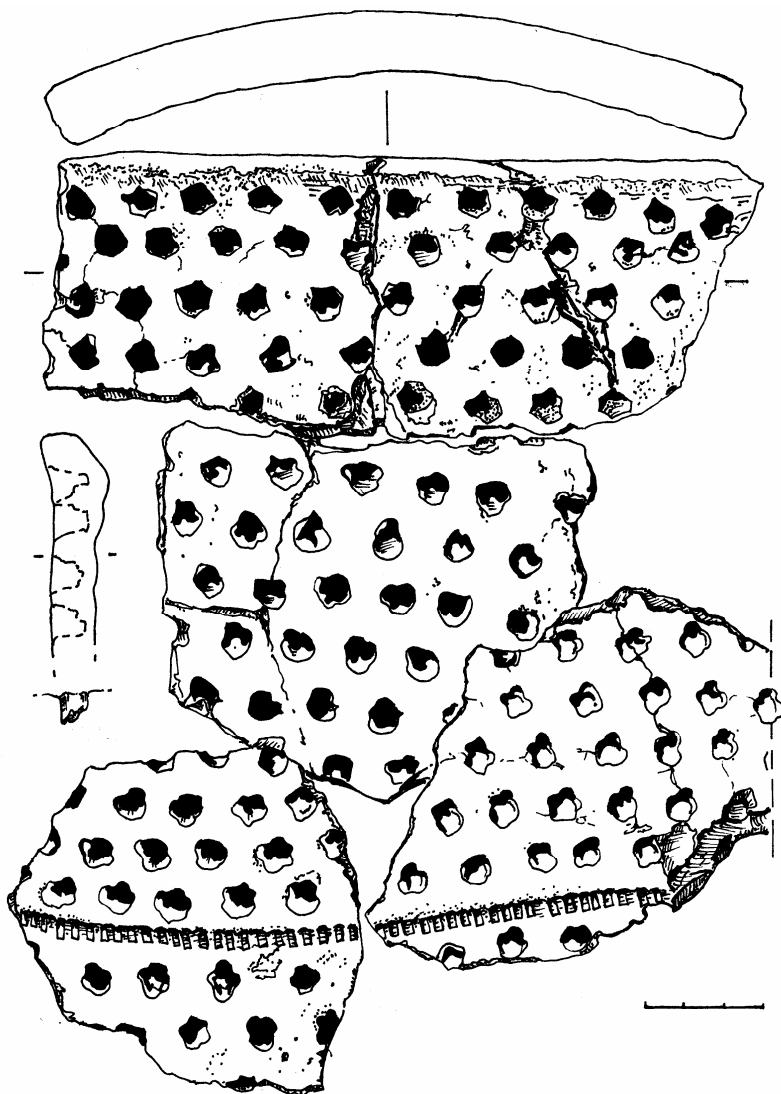

Рис. 11. Образцы керамики из поселения Вожмариха 1

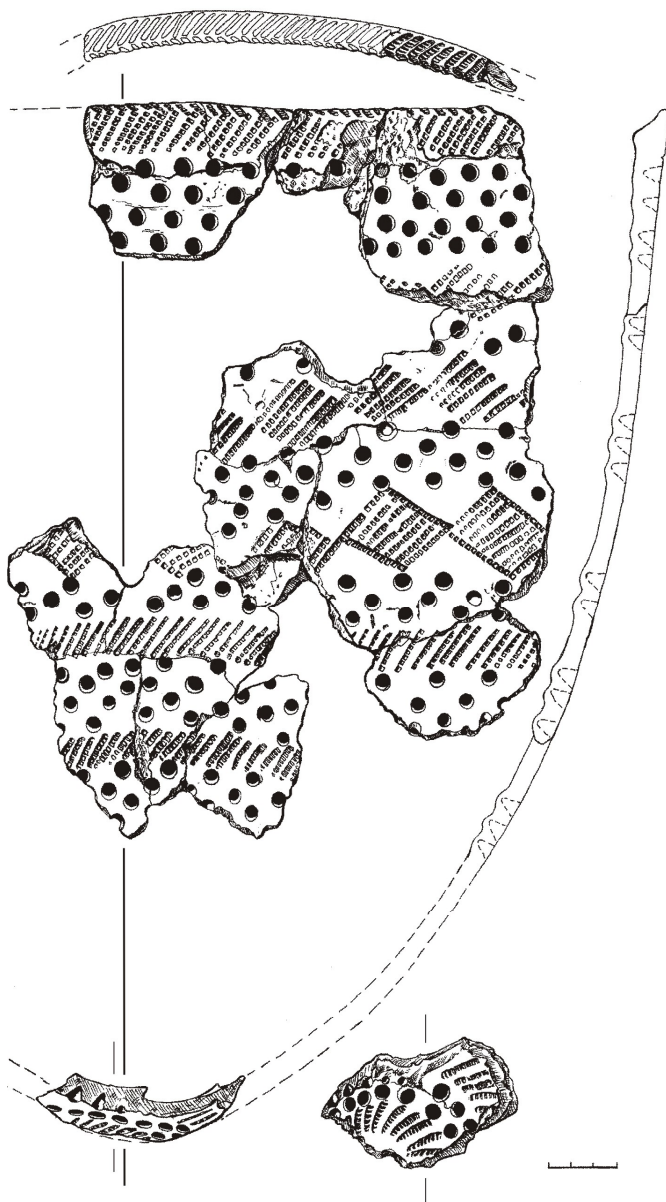

Рис. 12. Образцы керамики из поселения Вожмариха 1

Следует также заметить, что резко отличается ассортимент изделий, изготовленных из сланца и кварца. Из сланца в коллекции представлены деревообрабатывающие инструменты (27 %), абразивы – пилы и шлифовальные плиты (27 %), заготовки крупных, видимо, деревообрабатывающих орудий (20 %), а также обломки орудий и заготовок со следами пиления (15 %). Среди предметов из кварца 23 % составляют скребущие орудия, 15 % – режущие орудия, 52 % осколки и отщепы со следами работы или обработки, которые, видимо, имели аналогичное применение.

Сланцевые деревообрабатывающие инструменты представлены 24 изделиями. Большинство предметов обнаружено в пределах жилищной впадины. Отметим следующие орудия:

Три небольших шлифованных топора (размером $2 \times 4,5 \times 8,5$, $1,5 \times 3 \times 6$ и $2 \times 4 \times 7$ см), изготовленные из сланцевых галек. Один из них в плане имеет неправильную подтрапезиевидную форму, неправильного подчетырёхугольного поперечного сечения, обух зауженный, лезвие прямое, симметричное, имеет следы сработанности (рис. 13: 1). Имеет следы окатанности. Другой топор, найденный вне пределов впадины, в плане имеет неправильную подтрапезиевидную форму, неправильного подовального поперечного сечения, обух зауженный, лезвие прямое, симметричное, тщательно заточенное, хорошей сохранности (рис. 13: 2). Имеет следы вторичной обработки, очевидно связанные со стремлением изменить форму обушной части. Третий сланцевый топор в плане имеет вытянутую подтрапезиевидную форму, подчетырёхугольное поперечное сечение, обух расширенный, лезвие прямое, симметричное, частично утрачено (рис. 15: 1).

Из раскопок также происходят шесть тесел, из которых четыре представлены целыми экземплярами, два – обломками изделий.

Первое тесло имеет размер $2 \times 4 \times 13$ см, изготовлено из плитчатого сланца (рис. 14: 1). В плане вытянутой неправильной подпрямоугольной формы, неправильного подтрапезиевидного поперечного сечения, обух зауженный, лезвие прямое, асимметричное, имеет следы сработанности. Следы грубой шлифовки на лезвийной и в незначительной степени на обушной части. По одному краю имеются следы продольного пиления и последующего скола отпиленной части.

Второе тесло размером $1,2 \times 2 \times 10$ см изготовлено из крупного отщепа (рис. 14: 4). В плане имеет сильно изогнутую неправильную подтреугольную форму, подпрямоугольное в поперечном сечении, обух зауженный, лезвие прямое, симметричное, хорошей сохранности. Следы грубой шлифовки имеются только на рабочей части.

Третье тесло размером $1 \times 2,5 \times 8$ см изготовлено из крупного отщепа (рис. 13: 3). В плане имеет изогнутую неправильную подчетырёхугольную форму, подтреугольную в поперечном сечении, обух зауженный,

лезвие округлое, асимметричное, тщательно заточенное, хорошей сохранности. Следы шлифовки имеются только на лезвийной и в незначительной степени на обушной части.

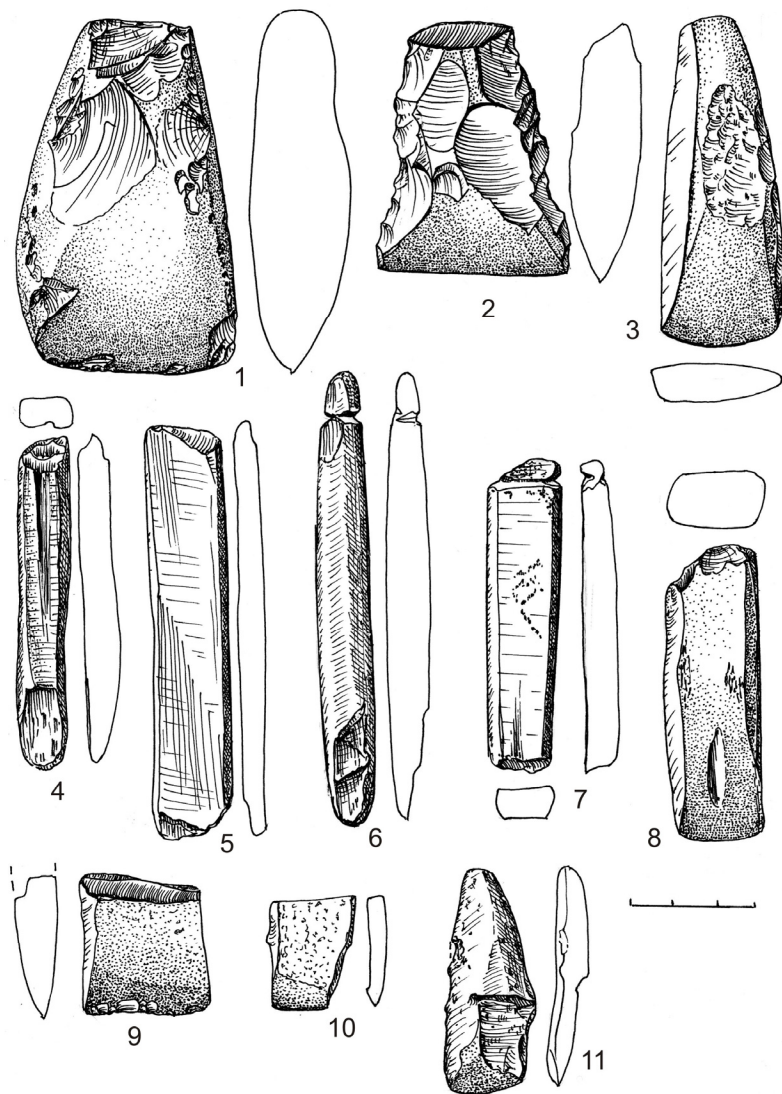

Рис. 13. Предметы из сланца

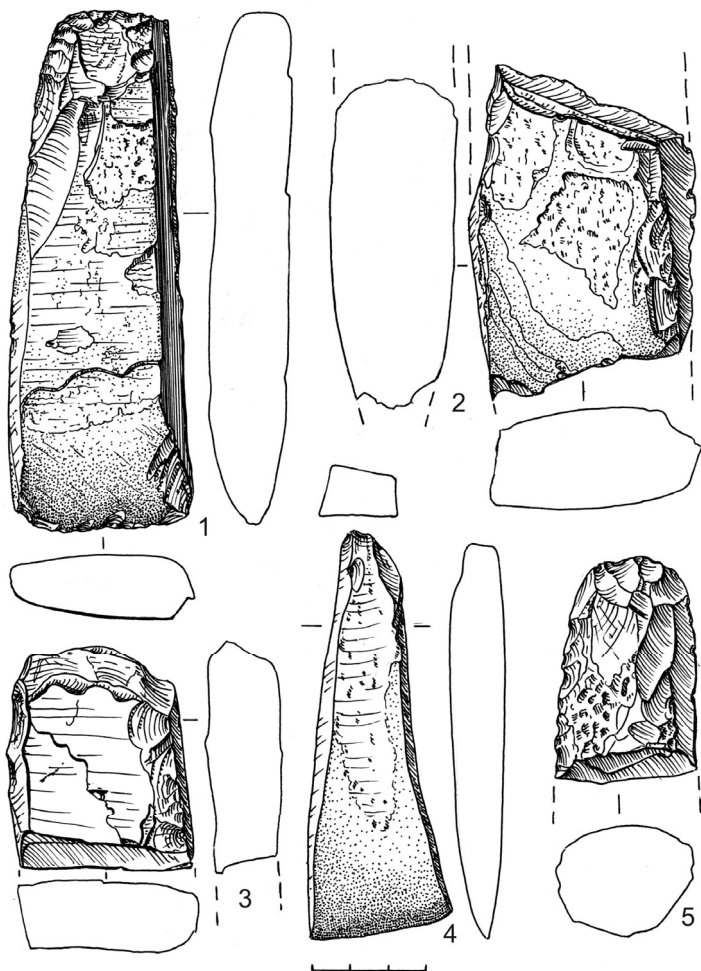

Рис. 14. Предметы из сланца

Четвертое тесло, найденное вне пределов впадины, размером 1,5×3,5×7 см изготовлено из плитчатого сланца (рис. 15: 3). В плане вытянутой неправильной подтрапециевидной формы, неправильного подтрапециевидного поперечного сечения, обух зауженный, лезвие дугообразное, асимметричное, имеет следы сработанности. Следы шлифовки только на лезвийной части. По боковым граням имеются следы продольного пиления и последующего скола отпиленной части.

Отметим также два обломка сланцевых шлифованных тесел. У одного обушная часть утрачена, лезвийная часть шириной 3,5 см полностью сохранилась (рис. 16: 6). Изготовлено из плитчатого сланца. Имеет неправильное подчетыреугольное поперечное сечение, лезвие слегка скругленное, симметричное, тщательно заточенное, имеет следы сработанности. Второе тесло плохой сохранности, также найдено вне пределов впадины, с многочисленными сколами на поверхности, изготовлено из плитки подчетыреугольной формы со следами пиления (рис. 15: 2).

В коллекции представлены 9 сланцевых стамесок (в том числе 3 фрагментированных).

Четыре стамески изготовлены из отщепов. Одна из них (найдена вне пределов впадины), размером 0,5×2,5×4,5 см, в плане имеет почти правильную треугольную форму, обух заужен, лезвие слегка скругленное, симметричное (рис. 16: 5). Следы шлифовки имеются на всей поверхности орудия. Еще две стамески размером 0,2×2×5 см и 0,6×2×6 см схожи между собой: имеют неправильную подтреугольную в плане форму, зауженный обух, поверхность не обработана, прямое симметричное лезвие заточено с двух сторон, одна имеет следы окатанности (рис. 13: 11; 16: 1). Четвертая стамеска фрагментирована, имеет расширенную по отношению к лезвийной обушную часть (рис. 13: 10).

Еще пять стамесок изготовлены из сланцевых плиток. У одной утрачена обушная часть, но лезвие полностью сохранилось (рис. 13: 9). Имеет неправильное подчетыреугольное поперечное сечение, лезвие шириной 3 см прямое, симметричное, имеет следы сработанности. Поверхность шлифована, за исключением боковых граней. По одному краю имеются следы продольного пиления и последующего скола отпиленной части. Три других стамески обработаны только по лезвийной части. Одна (найдена вне пределов впадины), несколько сужающаяся к обушной части, имеет прямое симметричное лезвие, заточенное с двух сторон (рис. 16: 3). Еще две имеют прямые лезвийные части, оформленные двусторонней заточкой (рис. 16: 2; 20: 18). Пятая стамеска отличается миниатюрностью. Ее размер 0,5×0,8×3 см, в плане имеет вытянутую подпрямоугольную форму, частично шлифована, прямое симметричное лезвие заточено с двух сторон (рис. 20: 19).

Среди деревообрабатывающих инструментов также представлены два схожих частично шлифованных долота размером 1,5×2,5×8 и 1×2×7 см (рис. 15: 5; 13: 8). Оба имеют вытянутую подчетыреугольную в плане форму, подчетыреугольное поперечное сечение. Обух прямой, лезвие прямое, асимметричное, тщательно заточенное. У одного по боковой грани имеется след продольного пиления и последующего скола отпиленной части.

Следует также отметить присутствие в коллекции двух обломков рубящих орудий: одно представлено мелким фрагментом лезвийной части

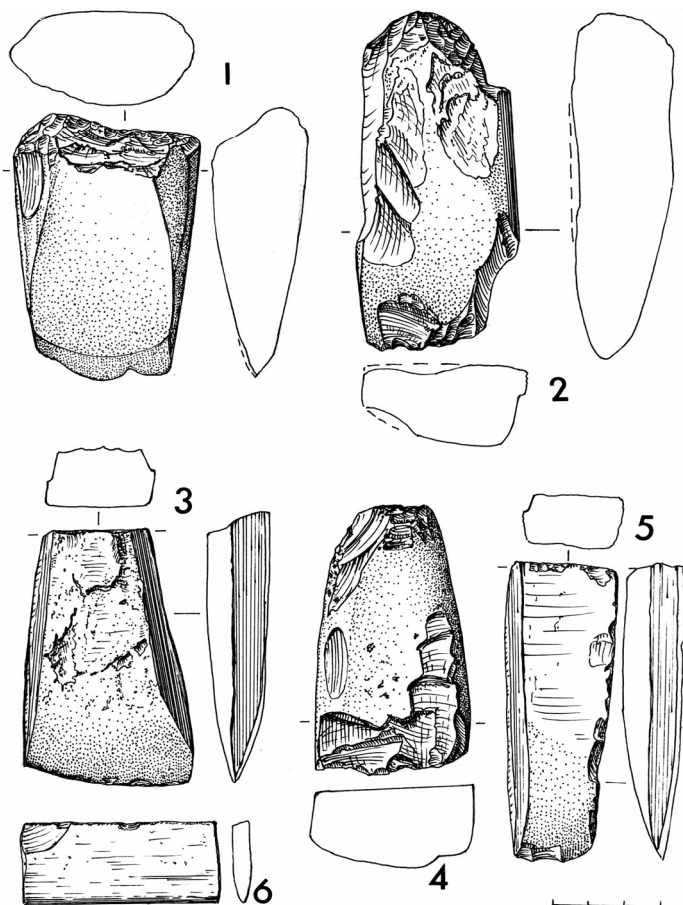

Рис. 15. Предметы из сланца

(рис. 16: 4), у другого лезвийная часть утрачена, орудие полностью шлифовано (рис. 15: 4), заужено к обушной части.

Коллекция сланцевых деревообрабатывающих орудий из поселения Вожмариха 1 отличается цельностью, в ней прослеживаются единые технологические традиции обработки сланца. Для изготовления всех орудий использовался широко встречающийся в округе галечный или плиточный сланец, часто не очень высокого качества. При изготовлении орудий часто применялось продольное пиление и раскалывание заготовки, с последующей шлифовкой и заточкой лезвия, при этом обушная часть или не

шлифовалась вообще, или обрабатывалась гораздо меньше, чем рабочий край орудия. Среди орудий встречаются примитивные стамески в виде отщепов или осколков сланца, единственной обработкой которых явилась заточка лезвия на одном из концов.

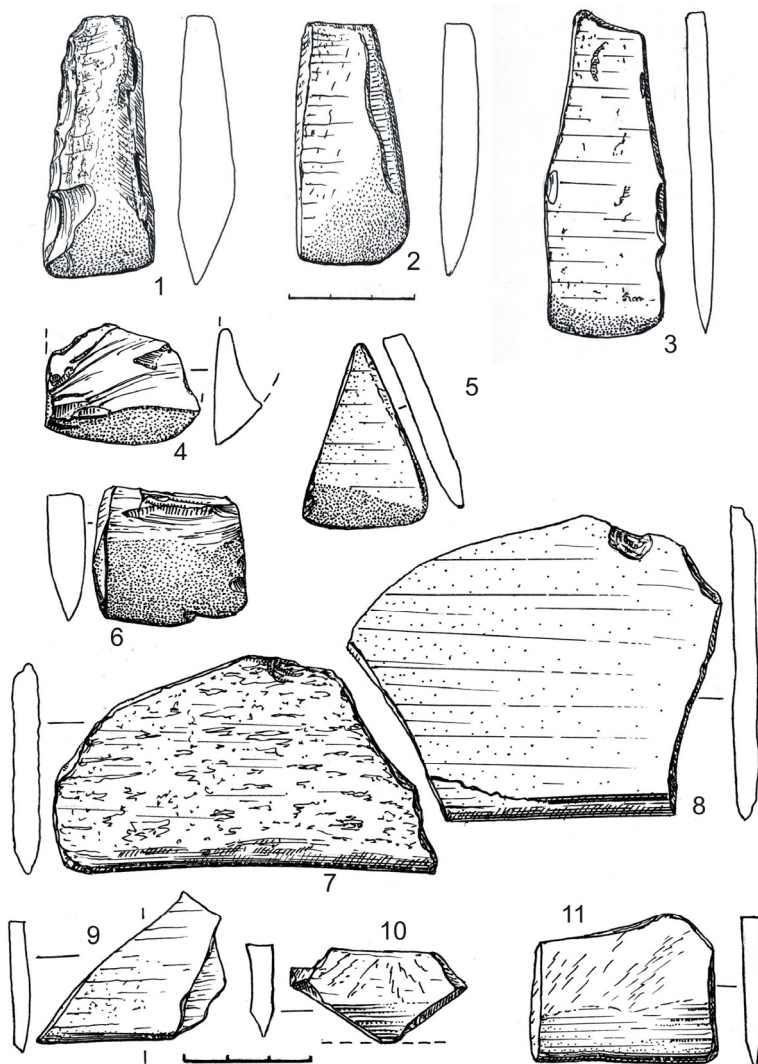

Рис. 16. Предметы из сланца

Следующую группу инвентаря, в котором достаточно широко представлены предметы из сланца, составляют *инструменты для изготовления изделий из камня и кости*.

В коллекции в виде обломков представлены 8 шлифовальных плит. Из них 7 плит из сланца (в том числе три с двусторонней обработкой), одна – из кварцита, также с двусторонней обработкой.

Пилы представлены в виде обломков достаточно представительной коллекцией, включающей 20 экземпляров (рис. 15: 6; 16: 7–11; 17; 20: 17). Из них только одна пила найдена вне пределов впадины, причем большая часть пил локализовалась в ее центральной части. 19 пил было выполнено на сланцевых пластинах толщиной 0,2–0,5 см, одна пила была кварцитовая. Четыре сланцевые пилы также использовались в качестве шлифовальных брусков.

Также среди находок имеются 5 сланцевых галек со следами сбитости.

О том, что пиление достаточно широко применялось на поселении Вожмариха 1, наряду с упомянутыми выше пилами и деревообрабатывающими орудиями со следами пиления, свидетельствуют находки 14 сланцевых осколков, на которых имеются следы пиления.

Среди изделий, происходящих из поселения Вожмариха 1, представлены изготовленные из удлиненных сланцевых галек одна целая и две фрагментированные *подвески*. Две из них найдены в центральной части жилища, две – в его южной части. Целая подвеска имеет размер 0,8×1×10,5 см, имеет сильно вытянутую эллипсообразную форму, подовальную в поперечном сечении (рис. 13: 6). Поверхность полностью шлифована. По одному из краев имеется грубо исполненный диаметральный пропи́л, образующий канавку для подвешивания предмета за шнурок. Первая из фрагментированных подвесок схожа с описанной, но у нее утрачен конец с пропи́лом для подвешивания (рис. 13: 4). Вторая фрагментированная подвеска имеет размер 0,7×1,5×7,5 см, имеет вытянутую подчетырёхугольную форму, подчетырёхугольную в поперечном сечении (рис. 13: 7). Поверхность полностью шлифована. По одному из краев имеются частично утраченные следы диаметрального пропи́ла, образующего канавку для подвешивания предмета за шнурок. Возможно, к данной категории находок относится сланцевый стержень размером 0,5×1,5×10 см (рис. 13: 5). Имеет сильно вытянутую подчетырёхугольную форму, подчетырёхугольную в поперечном сечении. Поверхность полностью и очень тщательно шлифована. Возможно, также имел пропи́л для подвешивания, который был утрачен. Можно предположить, что он использовался в качестве абразивного инструмента.

Кварцевый инвентарь из поселения Вожмариха 1 представлен скребущими и режущими орудиями. К их числу относятся 13 скребков, скобель,

15 резцов, 4 «долотовидных» орудия и 2 комбинированных орудия, которые, видимо, использовались как скребущие и как режущие. К данной категории предметов также примыкают осколки и отщепы кварца со следами обработки или использования в качестве скребущих или режущих орудий в количестве 48 единиц. Абсолютное большинство материала локализовалось в пределах жилищной впадины, особенно в центральной и южной частях, причем большая часть предметов найдена в нижних горизонтах культурного слоя.

Кварцевые скребки, в основном, изготовлены из плоских отщепов разной формы и размеров (рис. 18: 9, 11, 12, 16, 19, 32, 39; 19: 14–16; 20: 3). Наиболее крупный экземпляр имеет размер – 2×3×4 см, самый маленький – 0,5×1,5×1,5, скребок близкий к среднему для коллекции размеру – 0,5×2×2,5 см. Форма скребков неправильная, может быть определена как близкая к полуокруглой у 4 экземпляров, округлой – 3, сегментовидной – 3, неправильной подчетыреугольной, подтреугольной и подтрапечиевидной – по 1 экземпляру. Лезвийная часть у большинства скребков дугообразная, оформленная односторонней ретушью. В трех случаях лезвия прямые, еще в двух – округлые, оформленные на большей части периметра орудия. Иногда лезвийная часть имеет следы сработанности. В половине случаев, кроме оформления лезвия, орудия не несут следов какой-либо дополнительной обработки.

Среди скребков выделим два экземпляра, отличающихся наибольшими размерами.

Скребок концевой (1×3×4 см) изготовлен из отщепа неправильной подчетыреугольной формы (рис. 19: 2). Высокое прямое лезвие сформовано на одной из граней крутой ретушью со стороны спинки. Спинка выступающая образована двумя крупными сколами, брюшко – плоское. Длина орудия превышает его ширину.

Скребок концевой (2×3×4 см) изготовлен из осколка сегментовидной формы (рис. 16: 5). Имеет два лезвия, располагающиеся на противоположных концах орудия. Одно из них пологое дугообразное, с выступом посередине, сформовано мелкой ретушью со стороны спинки и брюшка. Другое – пологое прямое, сформовано мелкой ретушью со стороны спинки. Спинка – ретушированная, выступающая. Брюшко – без обработки. Длина орудия превышает его ширину.

К числу скребущих также относятся четыре кварцевых «долотовидных» орудия. Два из них размером 1×1,5×2,5 и 0,8×0,8×2,5 см, изготовлены из небольших граненых осколков и имеют клиновидные лезвия (рис. 18: 30; 20: 10). Третье орудие (1,5×2×3 см) изготовлено из отщепа пирамидальной формы, имеет желобчатое узкое лезвие, сформовано сколами с одной стороны, обушная часть прямая (рис. 19: 9). Четвертое долото-

видное орудие (1,2×2×2 см) имеет два рабочих края, сформованных на противоположащих сторонах: одно лезвие желобчатое, другое – клиновидное (рис. 18: 14).

К числу скребущих орудий из кварца также относится скобель (размер 2×2,5×3,5 см) из осколка подчетырёхугольной в плане и клиновидной в осевом продольном сечении формы (рис. 19: 6). Лезвие крутое, слегка скошенное, выполнено на зауженной грани мелкой ретушью со стороны спинки. Спинка и брюшко обработаны сколами. Ширина орудия превышает его длину.

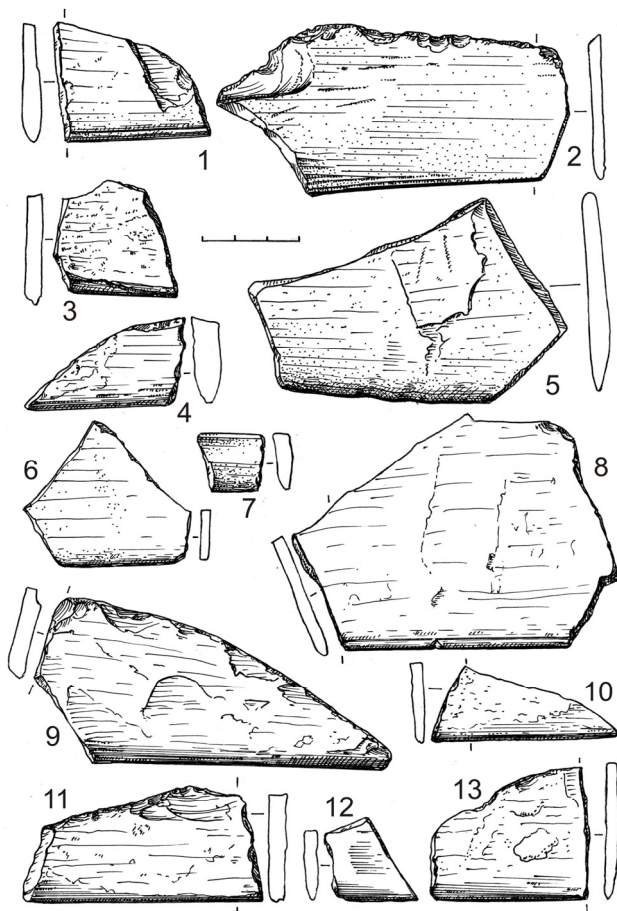

Рис. 17. Пилы

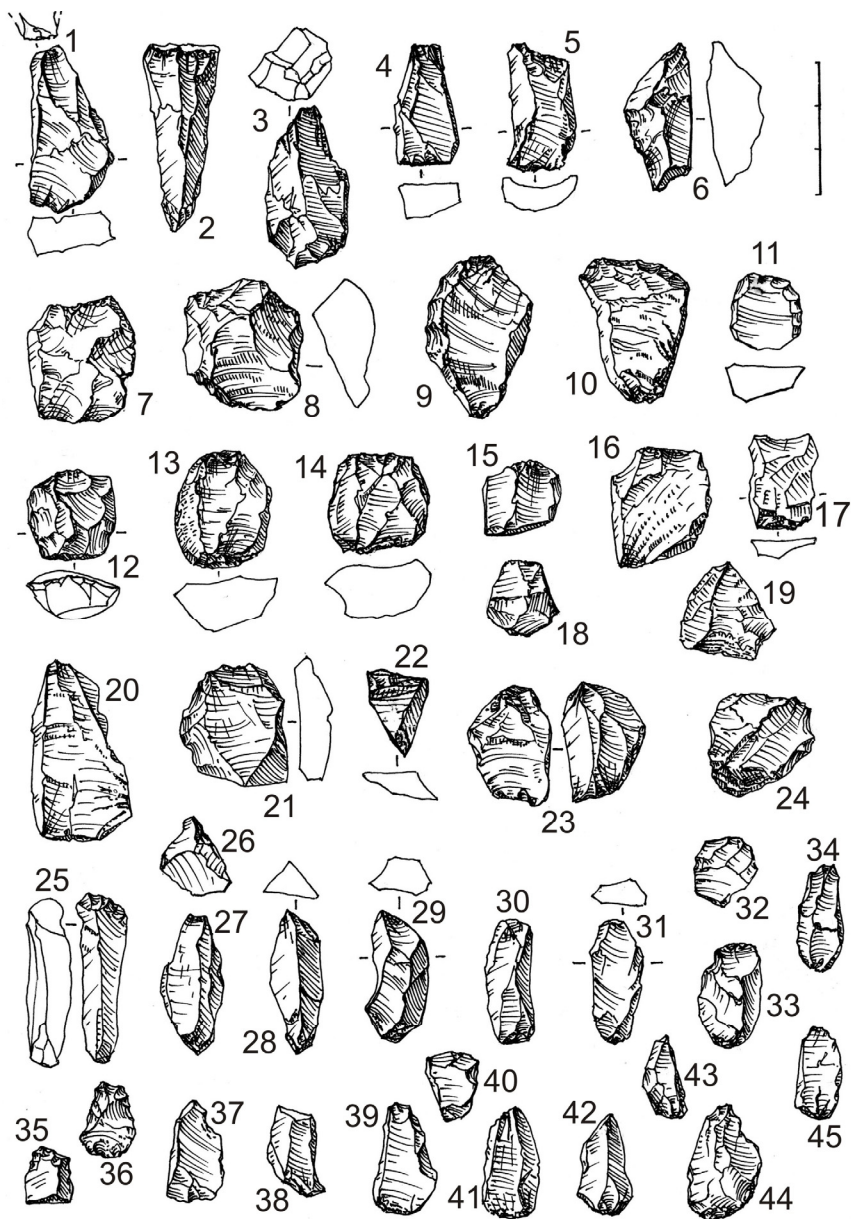

Рис. 18. Предметы из кварца

Следующую группу кварцевых орудий составляют резцы. В коллекции из поселения Вожмариха 1 их 15. Как правило, они изготовлены из отщепов неправильной подтреугольной вытянутой формы. Размер орудий варьирует от 0,5×0,8×1,8 см (наименьший) до 1×2,5×4 см (наибольший). Средний размер в коллекции составляет 0,5×1,5×2,5 см. По типу резцы могут быть отнесены к угловым (рис. 18: 10, 22–24; 19: 18; 20: 4, 6) и срединно-угловым (рис. 18: 20, 26, 34, 43; 20: 11, 14).

Среди кварцевых орудий из поселения Вожмариха 1 представлено два, которые можно определить как комбинированные. Первое из них, видимо, выполняло тройную функцию: скребок-скобель-резец (размер 1,5×2,5×3 см) (рис. 19: 12). Орудие изготовлено из осколка аморфного вида. Концевая рабочая грань имеет дугообразную форму. В ее центральной части ретушью оформлен выступ, разделяющий ее на две части: одна выполнена скребля, другая – прямая, со следами сработанности, как у скребка. Лезвия выполнены ретушью. Противоположная грань прямая, один из углов имеет следы использования в качестве резца. Спинка и брюшко выступающие. Спинка имеет следы ретуши, брюшко – без обработки.

Второе комбинированное орудие использовалось как скребок-скобель (размер 1×2×3,5 см) (рис. 19: 19). Изготовлено из плоского удлиненного отщепа неправильной подтреугольной формы. На боковых длинных гранях оформлены два лезвия. Лезвие скобеля высокое, дугообразно-вогнутое, обработано мелкой ретушью со стороны спинки. Лезвие скребка, видимо, частично утрачено, сохранившаяся часть – пологая – оформлена мелкой ретушью со стороны спинки. Спинка и брюшко – без следов обработки. Длина значительно превышает ширину орудия.

Отметим также, что в коллекции кварцевых предметов имеется 48 отщепов со следами использования или (реже) обработки, которые, видимо, также применялись в качестве скребущих или режущих орудий. Они имеют разные размеры и форму: максимальный размер составляет 1×2,5×4 см, минимальный – 0,3×1×1 см, средний размер орудий составляет около 0,8×1×2,5 см. Форма неправильная, чаще подтреугольная, подокруглая или подчетырёхугольная (рис. 18: 1; 19: 3, 4, 7, 8, 10, 11, 13; 20: 5, 7–9, 13, 15, 16).

Предметы из кремня, происходящие из поселения Вожмариха 1, представлены двумя скребками, ножом и тремя отщепами со следами обработки. Первый скребок (1×3×4 см) изготовлен из крупного отщепа, имеет подокруглую форму (рис. 21: 4). Спинка обработана сколами, брюшко без обработки. Рабочий край округлый, обработан ретушью, он составляет около ½ периметра орудия и имеет следы сработанности.

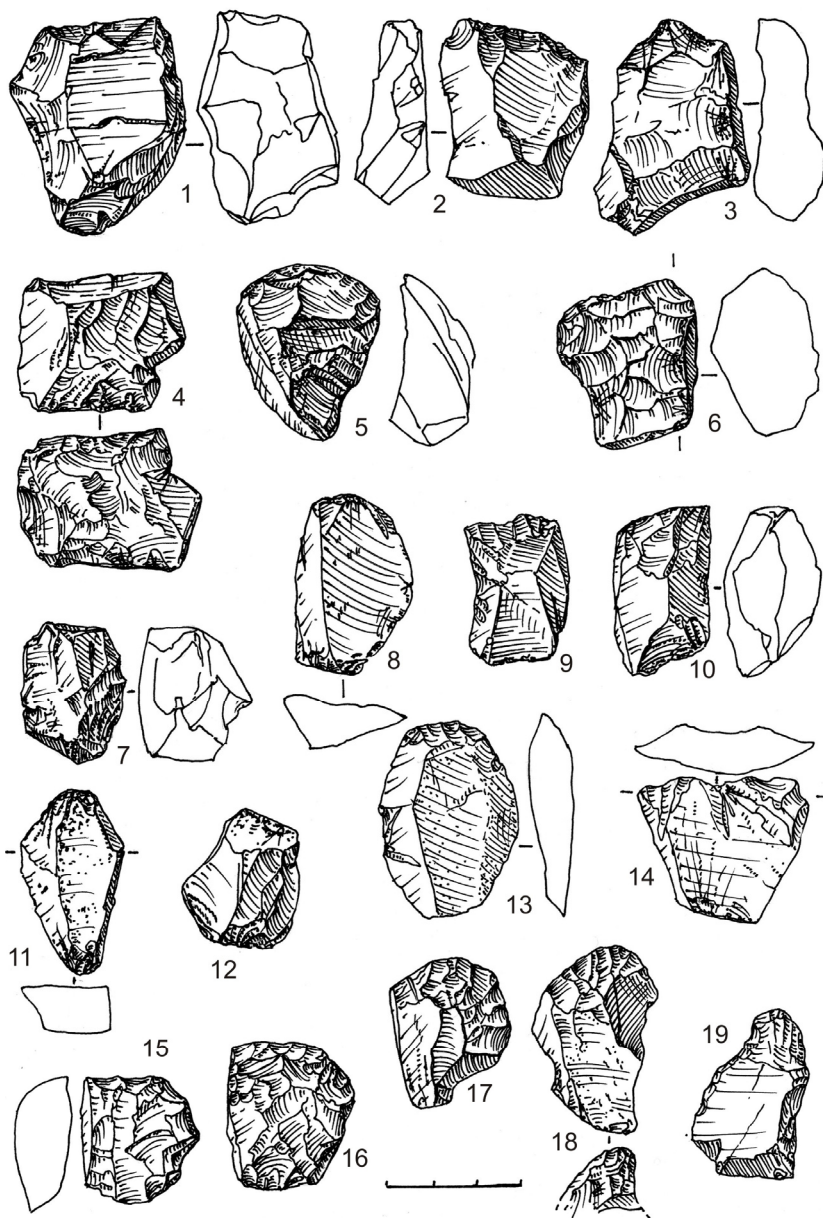

Рис. 19. Предметы из кварца

Второй скребок (0,5×2,5×2,5 см) изготовлен из отщепя подтреугольной формы, с дугообразным рабочим краем, обработан односторонней ретушью по двум ребрам (рис. 20: 2). Спинка и брюшко без обработки. Нож вытянутой подромбической формы размером 0,7×1,5×6,5 см (рис. 20: 1). Имеет слегка выгнутый приостренный рабочий край, который обработан двусторонней ретушью. Нож и один из скребков изготовлены из кремня светло-серого цвета, который не встречается в округе, второй скребок из местного кремня светло-коричневого цвета.

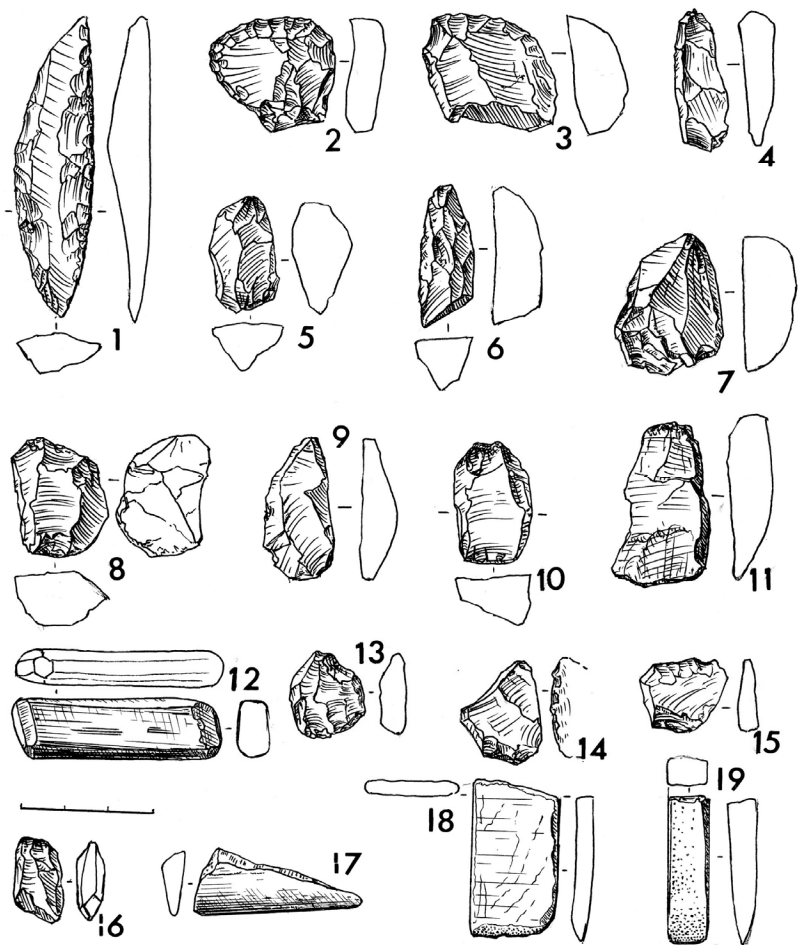

Рис. 20. Предметы из кремня (1, 2), кварца (3–16) и сланца (17–19)

Предметы из лидита представлены скребком, обломком ножевидной пластины, нуклеидным осколком со следами использования, а также 18 отщепами. Концевой скребок (1×2,5×3 см) подокруглой формы, изготовлен из отщепы (рис. 21: 5). Рабочий край дугообразный, имеет следы использования. Спинка и брюшко обработаны сколами. Следы обработки имеются на основании орудия. Обломок ножевидной пластины (найден вне пределов впадины) (0,2×1×3 см), с мелкой односторонней ретушью по краям, имеет подтреугольную в поперечном сечении форму (рис. 21: 3). Нуклеидный осколок (1,5×2×4 см) неправильной подовальной формы, подтреугольной в поперечном сечении имеет обработанную сколами поверхность (рис. 21: 1). На гранях имеются следы использования, видимо, в качестве скребущего орудия.

Хронология поселения Вожмариха 1. В ходе раскопок были взяты образцы угля, которые позволили получить два радиоуглеродных определения. Одно происходит из очага в жилище – 4900 ± 130 (ЛЕ-6798), другое из культурного слоя – 6410 ± 50 (ЛЕ-7231). Первая дата отражает время бытования поселения с жилищем. К данному этапу бытования поселения может быть отнесено большинство находок, в частности, предметы, происходящие из заполнения впадины. Вторая дата, видимо, связана с располагающимся поблизости мезолитическим памятником Вожмариха 9. Воз-

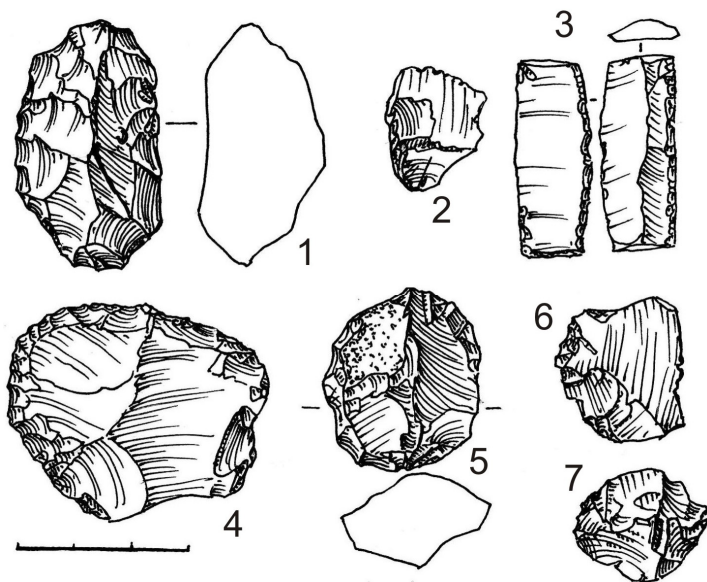

Рис. 21. Предметы из кремня (2, 4) и лидита (1, 3, 5)

можно, культурные слои поселений Вожмариха 1 и Вожмариха 9 частично перекрываются. С мезолитическим комплексом, в частности, может быть связана находка обломка ножевидной пластины из лидита, которая найдена за пределами впадины. Следует также заметить, что на поселении присутствует неолитический комплекс с ямочно-гребенчатой керамикой.

Таким образом, отдельные предметы, происходящие из вне пределов впадины, могут быть датированы в широком хронологическом диапазоне, включающем периоды мезолита, а также развитого и позднего неолита. Что касается находок из заполнения впадины, они могут быть уверенно отнесены к поздненеолитическому времени и связаны с комплексом гребенчато-ямочной керамики.

Имеющиеся данные геолого-геоморфологических исследований¹ не противоречат указанной датировке. В районе залива Вожмариха на протяжении всего атлантического периода существовал защищенный от ветра и волн залив, на западном берегу которого сформировалась удобная для проживания древнего населения терраса.

Следует затронуть вопрос об относительной хронологии поселения Вожмариха 1 в сравнении с другими памятниками позднего неолита вожмарихинского археологического комплекса. В настоящее время здесь раскопами исследовано три стоянки этого времени: Вожмариха 1, 4 (раскоп 2), 21. Материалы исследования поселения Вожмариха 4 опубликованы². Наиболее поздним представляется поселение Вожмариха 21. В пользу этого свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, в керамическом комплексе поселения наряду с гребенчато-ямочной представлена раннеэнеолитическая ромбо-ямочная керамика, которой нет на двух других памятниках. Во-вторых, стоянка Вожмариха 21 находится в самой южной части вожмарихинского археологического комплекса (см. рис. 1), в непосредственной близости от современного берега Онежского озера, на относительно небольшой высоте (2,7 м) от современного уровня воды. Вблизи нее находятся два позднеэнеолитических поселения с асбестовой керамикой Вожмариха 18 и 19. Видимо, это поселение возникло, после того как древний залив Вожмариха в значительной части заболотился, и его берега стали непригодны для проживания. Таким образом, памятник Вожмариха 21 связан с наиболее поздним этапом развития культуры гребенчато-ямочной керамики в этом районе.

¹ Демидов И. Н., Лаврова Н. Б., Колканен А. М. и др. Палеоэкологические условия голоцена и освоение древним человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. № 6. Петрозаводск, 2001. С. 221–240.

² Мельников И. В. Неолитическое поселение Вожмариха 4 в южном Заонежье // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 216–248.

Сложнее решается вопрос о хронологическом соотношении поселений Вожмариха 1 и Вожмариха 4. Они располагаются всего в 40 м друг от друга, но топографически очень четко расчлняются: залегают на двух разных хорошо выраженных в рельефе террасах и имеют разную высоту над современным уровнем воды в озере – 7,6 м (Вожмариха 1) и 4,8 м (Вожмариха 4). Керамический материал памятников схож, но на поселении Вожмариха 4 ряд сосудов имеют гофрированные венчики, что может свидетельствовать об относительно более позднем времени формирования комплекса. В каменном инвентаре поселений имеется существенное отличие: на поселении Вожмариха 4 найдено большое количество качественных кремневых орудий, чего нет на первой стоянке. Это свидетельствует об определенных культурных отличиях населения, оставивших эти памятники. Культурный слой поселения Вожмариха 4 даже сейчас подтапливается грунтовыми водами. Очевидно, данная площадка могла быть освоена древним населением в момент существенного понижения уровня Онежского озера, что в течение атлантического периода случалось неоднократно и достигло максимума на рубеже атлантического и суббореального периодов³.

Таким образом, относительная хронология памятников с гребенчато-ямочной керамикой в районе залива Вожмариха видится следующим образом. Наиболее древний из них – поселение Вожмариха 1, занимающее террасу на высоте 7,6 м над современным уровнем воды в Онежском озере и датированное радиоуглеродным методом началом 3 тысячелетия до н. э. Дальнейшее понижение уровня водоема позволило древнему населению, возможно, через 100–200 лет освоить более низкую (4,8 м) террасу и сформировать культурный слой поселения Вожмариха 4 (раскоп 2). Дальнейшее изменение ландшафтной ситуации в районе, связанное с постепенным заболачиванием залива, привело к перемещению поселения в южную часть комплекса, ближе к современному берегу озера и формированию культурного слоя поселения Вожмариха 21, где наряду с гребенчато-ямочной представлена ромбо-ямочная керамика.

³ Девятова Э. И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986. С. 82–88.

А. Ю. Тарасов

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ОЛЕНЕОСТРОВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ОСТРОВА КИЖИ: ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Оленеостровская мезолитическая стоянка, расположенная в непосредственной близости от Оленеостровского могильника, считается одним из эталонных памятников для позднего мезолита бассейна Онежского озера. Необходимость решения вопроса о связи стоянки с могильником, важность ее для решения вопроса о финале мезолитической эпохи в данном регионе неоднократно привлекали к ней внимание исследователей².

Самые недавние работы были проведены уже в 2000-е гг. В 2005–2007 гг. на Южном Оленьем острове работал Северо-Европейский Палеоантропологический отряд МАЭ РАН под руководством В. И. Хартановича и В. Я. Шумкина. Экспедиция возобновила археологические раскопки имеющегося на острове комплекса археологических памятников. Были проведены небольшие раскопки на стоянке Южный Олений Остров 2, открытой в ходе самых недавних исследований, и раскопки еще одного участка с культурным слоем, который, вероятнее всего, мог являться частью Оленеостровской стоянки, исследовавшейся в 1938–1972 гг. Впервые данные поселенческие комплексы были раскопаны по современной методике, сводящей к минимуму вероятность получения сортированных коллекций – коллекций, в которых в недостаточной степени представлены отдельные категории инвентаря. Материалы из раскопок 2006 г. опубликованы³.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 08-01-00410а «Комплекс археологических памятников на Южном Оленьем острове Онежского озера»).

² *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. С. 423–429; *Филатова В. Ф.* Комплекс орудий Оленеостровской стоянки на Онежском озере // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 126. М., 1971. С. 132–139; *Филатова В. Ф.* Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004; *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 1: Мезолит. С. 102–104.

³ *Тарасов А. Ю., Мурашкин А. И., Герман К. Э.* Новые исследования на Южном Оленьем острове Онежского озера // Кольский сборник. СПб., 2007. С. 41–81.

В связи с проведением новых полевых работ на самой Оленеостровской стоянке возникла необходимость публикации полученных материалов. Поскольку ее нельзя рассматривать в отрыве от всего остального комплекса памятника, данная работа потребовала проведения анализа и описания по единым принципам также материалов, происходящих из более ранних раскопок. При подготовке данной работы были проанализированы коллекции из раскопок Г. А. Панкрушева 1955–1957 гг., В. Ф. Филатовой 1972 г. и материалы из раскопа 2007 г. (рис. 1–9). Материалы из более ранних раскопок Н. Н. Гуриной и Н. Н. Черныгина, хранящиеся в настоящее время в МАЭ РАН (Кунсткамере), оказались недоступны в связи с начавшимся ремонтом в здании музея.

Статистические сводки, которые приводятся в настоящей статье, показывают реальное количество предметов, находящихся на хранении и доступных для изучения в настоящий момент. Всего учтено 11 833 предмета, в том числе 1136 орудий и заготовок, 101 нуклеус и нуклеидный кусок, 215 пластин (в том числе пластин с ретушью и ретушью утилизации), 10 381 отщеп (табл. 1). Большинство статистических данных представлены в виде таблиц. При описании различных категорий инвентаря по отдельности рассмотрены комплексы из более ранних раскопок на памятнике и из раскопа 2007 г. Это единственный раскоп на стоянке, который в настоящее время имеет надежную топографическую привязку и исследован по современной методике и коллекция которого является сортированной в наименьшей степени. В связи с этим было бы неверно просто «растворить» его материалы среди всех остальных коллекций.

Характеристика сырьевой базы

Абсолютное большинство предметов изготовлено из сланца – 55,1 %, на втором месте изделия из кварца (20,4 %), на третьем – изделия из кремня (14,3 %). Предметы из других пород составляют менее 10 %, среди них преобладают сделанные из лидита (5,6 %), представлены изготовленные из окремненного сланца (2,1 %), халцедона (0,7 %), кварцита (0,3 %) и песчаника (1,5 %).

Сланец, кварц, лидит, халцедон являются местными материалами и могут быть найдены в окрестностях стоянки. Валуны, гальки и плитки сланца разных размеров в большом количестве присутствуют в почве и вдоль береговой линии острова. Там же могут быть найдены гальки из лидита, кварца и халцедона. Очень редкое использование халцедона, вероятнее всего, связано с низким качеством местного халцедонового сырья. Как можно было наблюдать, халцедоновые отдельности испещрены внутренними трещинами. Плитки из песчаника и кварцита, вероятно, также были найдены на острове.

Таблица 1. Каменный инвентарь Оленеостровской стоянки

Инвентарь		Кре- мень	Ли- дит	Кварц	Халце- дон	Окремн. сланец	Сла- нец	Песча- ник	Квар- цит	Все- го
Раскоп 1955 г.										
сколы	отщепы	84	2	9	2		8			105
	пластины (включая фрагменты)	6	1							7
	всего	90	3	9	2	0	8	0	0	112
нуклеусы	призматические для отщепов	2	1							3
	призматические для пластин, микропластин									0
	пренуклеусы		1							1
	биполярные	1	1	1						3
	черепаховидные									0
	чопперовидные									0
	многоплощадочные									0
	пробные									0
нуклевидные куски									0	
всего	3	3	1	0	0	0	0	0	7	
орудия на отщепях	скребки	5	1	1	1					8
	наконечники стрел на пластинах	1					1			2
	проколки		1		1					2
	свёрла	1								1
	скобели	1	2							3
	резцы, резчики	2								2
	скрёбла						1			1
	комбинированные		2							2
	клинья						1			1
	отщепы с ретушью	1		1						2
	отщепы с ретушью утилизации	28	5	2		2	1			38
	пластины с ретушью (включая фрагменты)	3								3
	пластины с ретушью утилизации (включая фрагменты)	2				1				3
	обра- зцы	шлифовальная плита							25	2
шлифовальный брусок								2		2
макроорудия	пила						2	4		6
	тесло						2			2
	желобчатое тесло						1			1
	топор						3			3
	стамески									0
	киркообразное орудие									0
	клинья									0
	макросверло									0
	обломок						9			9

Продолжение табл. 1

Инвентарь		Кре- мень	Лидит	Кварц	Халце- дон	Окрем. сланец	Слан- ец	Песча- ник	Квар- цит	Все- го
	заготовки						30			30
	сколы со шлиф. орудий						9			9
	заготовка бифаса									0
	изделия из тонких сланцевых плиток									0
	перфорированное изделие						4	3		7
	плитка с перехватом						1			1
	всего орудий и заготовок	44	11	4	2	3	65	34	2	165
	всего находок	137	17	14	4	3	73	34	2	284
Раскоп 1956 г.										
сколы	отщепы	7	26	10		4	39			86
	пластины (включая фрагменты)	4	1							5
	всего	11	27	10	0	4	39	0	0	91
нуклеусы	призматические для отщепов		1							1
	призматические для пластин, микропластин									0
	пренуклеусы	1	1							2
	биполярные	2	1							3
	черепаховидные									0
	чопперовидные									0
	многоплощадочные									0
	пробные									0
	нуклеидные куски		1							1
всего	3	4	0	0	0	0	0	0	7	
орудия на отщепях	скребки	14	1	2						17
	наконечники стрел на пластинах	3								3
	проколки	1	3							4
	скобели	2	2							4
	резцы, резчики	1								1
	скрёбла						1			1
	комбинированные	1	1							2
	клинья									0
	отщепы с ретушью	1	1	2						4
	отщепы с ретушью утилизации	13	16		1	2				32
	пластины с ретушью (включая фрагменты)	3	2							5
	пластины с ретушью утилизации (включая фрагменты)	6	3							9
абразивы	шлифовальная плита						2	26	2	30
	шлифовальный брусок						1	1		2
	пила						2	16		18

Продолжение табл. 1

Инвентарь		Кре- мень	Лидит	Кварц	Халце- дон	Окремн. сланец	Слан- ец	Песча- ник	Квар- цит	Все- го
макроорудия	тесло						7			7
	желобчатое тесло						2			2
	топор						3			3
	стамески									0
	киркообразное орудие						3			3
	клинья						1			1
	макросверло						1			1
	обломок						13			13
	заготовки						79			79
сколы со шлиф. орудий						10			10	
заготовка бифаса										0
бифасиальный наконечник стрелы		1								1
изделия из тонких сланцевых плиток										0
шлифованный наконечник							1			1
перфорированное изделие							2			2
плитка с перехватом							1			1
всего орудий и заготовок		46	29	4	1	2	129	43	2	256
всего находок		60	60	14	1	6	168	43	2	354
Раскоп 1957 г.										
сколы	отщепы	51	10	210	7	3	96			377
	пластины (включая фрагменты)	1								1
	всего	52	10	210	7	3	96	0	0	378
нуклеусы	призматические для отщепов	1	1							2
	призматические для пластин, микропластин									0
	пренуклеусы	1								1
	биполярные	2	2	8						12
	плоскостные	1								1
	чопперовидные									0
	многоплощадочные									0
	пробные									0
нуклевидные куски									0	
всего	5	3	8	0	0	0	0	0	16	
орудия на отщепях	скребки	6		2		1				9
	наконечники стрел на пластинах									0
	проколки									0
	свёрла	1	1							2
	скобели	2								2
	резцы, резчики									0
скрёбла		2							2	

Продолжение табл. 1

Инвентарь		Кре- мень	Ли- дит	Кварц	Халце- дон	Окремн. сланец	Сла- нец	Песча- ник	Квар- цит	Все- го
орудия на отщепях	комбинированные						1			1
	клинья									0
	отщепы с ретушью									0
	отщепы с ретушью утилизации	17	2				1			20
	пластины с ретушью (включая фрагменты)	1								1
	пластины с ретушью утилизации (включая фрагменты)	1								1
обра- зцы	шлифовальная плита						5	35		40
	пила						9	30	4	43
макроорудия	тесло						1			1
	желобчатое тесло						2			2
	топор						5			5
	стамески						2			2
	киркообразное орудие									0
	клинья									0
	макросверло									0
	обломок						6			6
	заготовки						60			60
	сколы со шлиф. орудий						7			7
	заготовка бифаса									0
изделия из тонких сланцевых плиток									0	
перфорированное изделие						2			2	
всего орудий и заготовок	28	5	2	0	1	101	65	4	4	206
всего находок	85	18	220	7	4	197	65	4	4	600
Раскоп 1972 г.										
сколы	отщепы	40	84	49	5	10	310			498
	пластины (включая фрагменты)	1								1
	всего	41	84	49	5	10	310	0	0	499
нуклеусы	призматические для отщепов	1	4							5
	призматические для пластин, микропластин		2			1				3
	пренуклеусы		1							1
	биполярные			2						2
	черепавидные									0
	чопперовидные									0
	многоплощадочные									0
	пробные		1							1
	нуклевидные куски	2	1							3
	всего	3	9	2	0	1	0	0	0	15

Продолжение табл. 1

Инвентарь		Кре- мень	Ли- дит	Кварц	Халце- дон	Окремн. сланец	Слан- ец	Песча- ник	Квар- цит	Всего
орудия на опщетах	скребки	4	1	2						7
	наконечники стрел на пластинах									0
	проколки									0
	скобели	2	2							4
	резцы, резчики									0
	скрёбла		3							3
	комбинированные	1	1							2
	клинья									0
	ретушёры						1			1
	отщепы с ретушью	3	1	1						5
	отщепы с ретушью утилизации	9	11	1		1	5			27
	пластины с ретушью (включая фрагменты)	2								2
	пластины с ретушью утилизации (включая фрагменты)	1								1
абра- зивы	шлифовальная плита							16	1	17
	пила					1	1			2
макроорудия	тесло						1			1
	желобчатое тесло									0
	топор									0
	стамески									0
	киркообразное орудие									0
	клинья									0
	макросверло									0
	обломок						4			4
	заготовки						28			28
	сколы со шлиф. орудий						3			3
заготовка бифаса										0
изделия из тонких сланцевых плиток							1			1
перфорированное изделие										0
всего орудий и заготовок		22	19	4	0	1	44	17	1	108
всего находок		66	112	55	5	12	354	17	1	622
Раскоп 2007 г.										
сколы	отщепы	1008	349	2051	63	174	5513	6	23	9187
	пластины (включая фрагменты)	54	3	6		10				73
	всего	1062	352	2057	63	184	5513	6	23	9260
нуклеусы	призматические для отщепов	3	1	1		1				6
	призматические для пластин, микропластин	3	4			2				9
	пренуклеусы	1	2							3

Окончание табл. 1

Инвентарь		Крем- ень	Ли- дит	Кварц	Халце- дон	Окремн. сланец	Слан- ец	Песча- ник	Квар- цит	Всего
нуклеусы	биполярные	2	1	19						22
	черепаховидные	2	2	1	1					6
	чопперовидные			1						1
	многоплощадочные	1								1
	пробные		2							2
	нуклевидные куски		2	1	2	1				6
	всего	12	14	23	3	4	0	0	0	56
орудия на отщепях	скребки	40	5	10		3	2			60
	наконечники стрел на пластинах	9	1			1				11
	проколки	3	4							7
	скобели	4	7	6		2				19
	резцы, резчики	5	1				1			7
	скрёбла		1				3			4
	комбинированные	5				1				6
	клинья		2	1			1			4
	отщепы с ретушью	24	13	3	2	3	3			48
	отщепы с ретушью утилизации	78	51	5	2	15	7			158
	пластины с ретушью (включая фрагменты)	21	3							24
	пластины с ретушью утилизации (включая фрагменты)	66	8			5				79
	абра- зивы	шлифовальная плита	7					1	6	
пила		8					1	6	1	16
макроорудия	тесло						2			2
	желобчатое тесло						2			2
	топор						2			2
	обломок						2			2
	заготовки						89			89
	сколы со шлиф. орудий						99			99
заготовка бифаса	1								1	
изделия из тонких сланцевых плиток						2			2	
перфорированное изделие							1		1	
всего орудий и заготовок	271	96	25	4	30	217	13	1	657	
всего находок	1345	462	2105	70	218	5730	19	24	9973	

Процентное соотношение изделий из разных материалов показывает, что жители стоянки использовали преимущественно местное сырье. Причем в отличие от стоянки Южный Олений Остров 2, изделия из местных материалов преобладают не только в группе макроорудий (сланец), но и в группе орудий на отщепах. Тем не менее среди готовых орудий из отще-

пов и пластин больше сделанных из импортной породы – кремня, что, несомненно, свидетельствует о большей ценности этого более качественного материала, расходовавшегося более экономно. Кремень неоднородный, встречаются изделия из желтого, красного, коричневого, розового и серого пятнистого цветов. Пути его поступления пока не установлены. Также не исключено, что многие изделия, материал которых определен как кремень, в действительности изготовлены из окремненных пород местного происхождения. Такие породы (включая лидит и окремненный сланец) можно встретить в южной половине Карелии⁴. В целом можно утверждать, что на стоянке использовалось разнообразное сырье, и ее жители имели как налаженные каналы получения импортного кремня, так и были хорошо осведомлены о местных материалах, пригодных для расщепления и изготовления орудий.

Большинство продуктов расщепления Оленеостровской стоянки можно отнести к трем основным контекстам – контексту производства сланцевых макроформ, контексту производства пластин и микропластин из окремненных пород, а также контексту получения отщепов из окремненных пород и кварца. Поскольку отходы производства (отщепы, не использованные в качестве сколов-заготовок) последних двух контекстов практически невозможно разделить, они будут проанализированы совместно. Технологический анализ основывается на методике, предложенной в работах Е. Ю. Гири⁵ и П. Е. Нехорошева⁶.

Индустрия макроорудий

ТЕХНОЛОГИЯ

Подробное рассмотрение технологии изготовления крупных, преимущественно рубящих, орудий из сланца проводится в отдельной работе, в связи с чем здесь можно ограничиться только указанием самых основных особенностей. Всего к контексту макроорудий отнесены 6646 предметов (табл. 1) (рис. 1–3).

Поскольку свойства сланцев очень сильно различаются, было проведено специальное изучение качественных характеристик материала готовых орудий и заготовок из проанализированных коллекций. В итоге было установлено, что большинство изделий, как заготовок, так и готовых орудий, сделаны из очень мягкого материала (менее 4 по шкале Мооса), хотя предметы из твердой породы также встречаются. По всей видимости,

⁴ Геология Карелии. Л., 1987. С. 207.

⁵ Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб., 1997.

⁶ Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.

намеренный отбор сырья по его качественным признакам не производился. Еще одной хорошо выраженной особенностью сланцевого сырья со стоянки является сланцеватость – способность расслаиваться на плитки⁷.

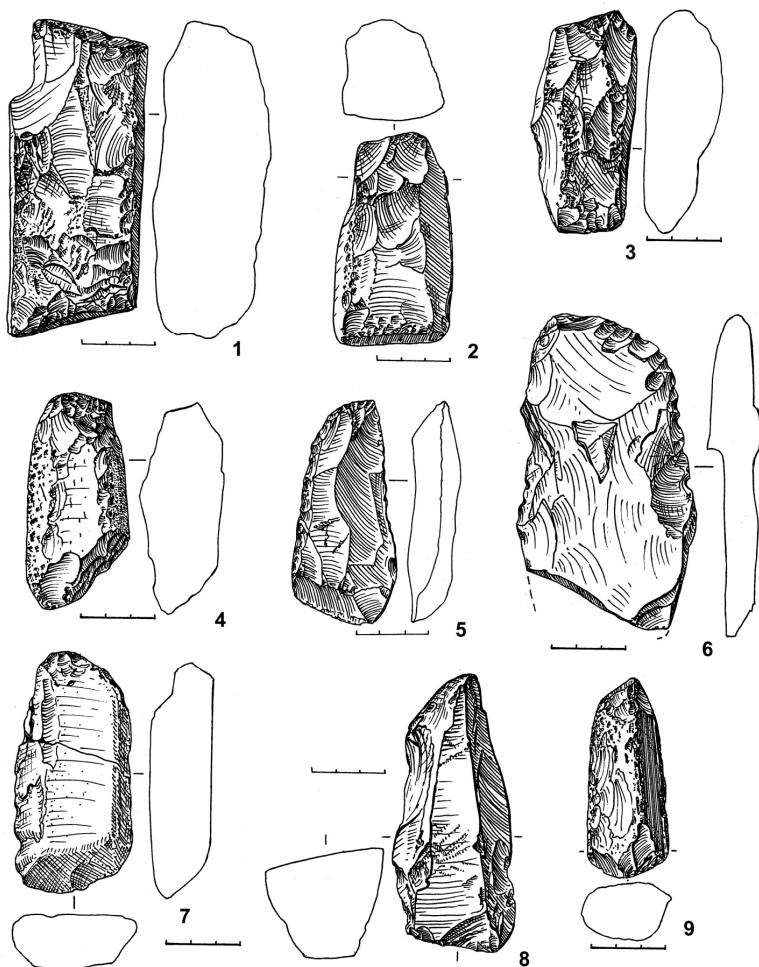

Рис. 1. Заготовки макроорудий из Оленеостровской стоянки (раскоп 2007 г.), сланец. Место хранения – Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь»

⁷ Геологический словарь. М., 1978. Изд. 2-е, исправл. Т. 2. С. 338.

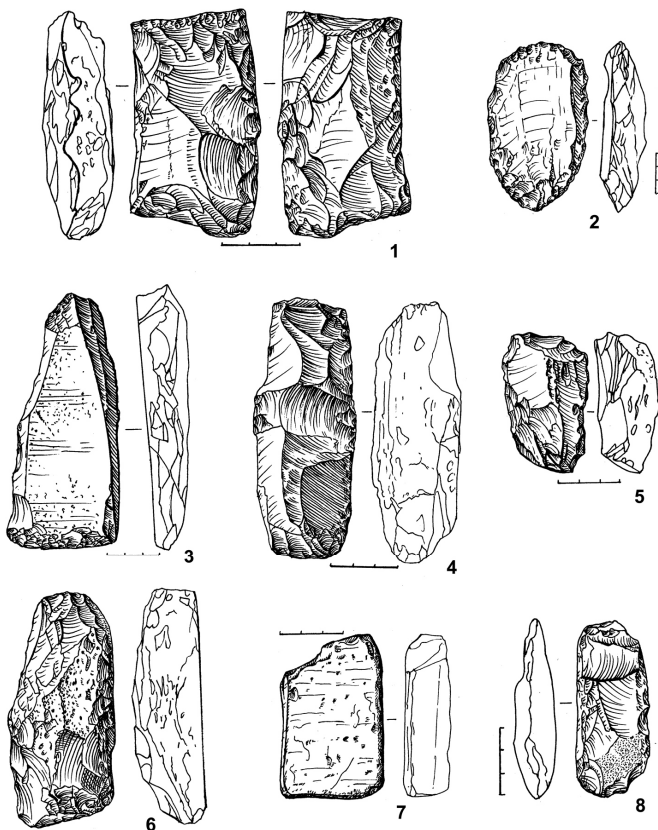

Рис. 2. Макроорудия из Оленеостровской стоянки, сланец (1–7 – заготовки, 8 – тесло). Место хранения – Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН 1, 4, 6–7 – раскоп 1956 г.; 2–3 – раскоп 1957 г.; 5 – раскоп 1955 г.; 8 – раскоп 1972 г.

Технология изготовления сланцевых макроорудий включает в себя два основных этапа: этап создания общей формы предмета (формообразования) и этап завершающей абразивной обработки. На этапе формообразования использовался ряд несложных приемов, большинство из которых связаны с техниками расщепления (разные варианты краевой оббивки), а также абразивное пиление, шлифование без предварительного расщепления и техника пикетажа⁸.

⁸ Тарасов А. Ю., Мурашкин А. И., Герман К. Э. Новые исследования на Южном Оленьем острове... С. 41–81.

Наиболее частыми среди них являются приемы, предполагающие удаление только наиболее выступающих участков заготовки и, соответственно, означающие минимальную степень изменения ее исходной формы (пиление, «двусторонний унифас»). В то же время грубая бифасиальная обработка, которая является наиболее сложным вариантом расщепления в данной индустрии, отмечена на единичных изделиях. При расщеплении использовалась преимущественно техника удара жестким отбойником, в единичных случаях фиксируется удар мягким отбойником (всего 7 % сколов имеют признаки удара мягким ударным инструментом). В тех случаях, когда применялось абразивное пиление, фиксируется только прием одностороннего пиления, при котором распил делался на одной широкой грани, достигал глубины от 1/3 до 3/4 толщины заготовки, после чего подлежащий удалению кусок отсекался в ударной технике. Встречное двустороннее пиление не отмечено ни разу.

Завершающая абразивная обработка, которая в рамках индустрии макроорудий имеет своей целью сглаживание микрорельефа поверхности и окончательную заточку лезвия, на Оленеостровской стоянке является также довольно грубой. Шлифовка преимущественно поверхностная, покрывающая небольшую площадь изделий. Всего 21 орудие из 66, для которых было возможно сделать определение, зашлифовано более чем на 1/2 их площади. Несомненных признаков намеренного использования полирования не наблюдается. Полировка на лезвийной части заметна у 17 предметов, однако она могла возникнуть в ходе работы от трения по деревянным поверхностям.

ХАРАКТЕРИСТИКА ГОТОВЫХ ОРУДИЙ

Всего среди материалов проанализированных коллекций из Оленеостровской стоянки имеется 75 готовых макроорудий, целых и обломков. В зависимости от способа оформления их лезвия и общих пропорций, которые влияют на возможности выполнения ими тех или иных функций, можно выделить ряд видов таких инструментов. Вид в данном случае признается функционально-обусловленным таксоном, хотя следует отметить, что зависимость формы от функции в данном случае выступает только как тенденция и не означает, что особенности работы тем или иным конкретным орудием были именно такими, какие следуют из названия. Например, асимметричное в профиле лезвие действительно лучше подходит для тёски, чем симметричное, однако это не означает, что таким лезвием невозможно вести поперечную рубку дерева или использовать его для продольного расклинивания ствола.

В коллекциях из раскопок 1955–1957 и 1972 гг. встречены следующие виды макроорудий:

Топоры – макроорудия с симметричным в профиле лезвием и отношением ширины к толщине (особенно в лезвийной части) больше 1. Представлены наибольшим количеством предметов – 11 экз. (рис. 3: 1, 4, 7, 9). Два из них частично фрагментированы – у них отсутствуют обушные части.

Тёсла – орудия с асимметричным в профиле лезвием (смещенным к одной из широких граней изделия). Имеются 11 экз. (рис. 3: 6, 8), 6 из которых фрагментированы. Среди фрагментированных орудий представлены обломки лезвийной части или предметы, у которых отсутствует обушный конец; в одном случае предмет разломан и вдоль, и поперек.

Желобчатые тёсла – орудия с продольным желобом на лезвии. Представлены 5 предметами (рис. 3: 5). Два из них фрагментированы: у одного сохранился небольшой участок желобчатого лезвия; второе расслоилось по плоскости сланцеватости, представлено верхней половиной, у которой также отломаны концы обуха и лезвия. Два предмета целые. Имеется также один кусок лезвия желобчатого тесла (затупленного и сбитого в ходе использования), отделенного от орудия поперечным распилом.

Долото – удлиненное орудие, ширина которого лишь ненамного превосходит толщину. Имеется один экземпляр.

Стамески – небольшие изделия из узких плиток, отличающиеся минимумом обработки (обычно сводящейся только к шлифовке лезвийного конца). В коллекции имеются два предмета, у одного отломана обушная часть.

Клин. Выделен один предмет, который представляет собой сломанную узкую плитку, у которой одним сколом сделано острое неровное лезвие, другая обработка отсутствует. На лезвии заметны небольшие сколы, кромка сточена, при небольшом увеличении заметны царапины, параллельные продольной оси. Определение предварительное.

Киркообразные орудия. В плане имеют асимметрично-треугольные очертания, сужаясь к лезвию. Одна боковая грань относительно прямая, по центру второй проходит нечеткое ребро. Такая форма делает их сходными с крупными кирками, иногда встречающимися на мезолитических памятниках и особенно характерными для неолитической культуры сперрингс, однако, в отличие от кирок, они имеют очень небольшие размеры (в данном случае 5,6×2,8×1,6 см). Кроме этого, лезвие киркообразных орудий может лежать в плоскости широких граней, как у тесла или топора. Например, как у предмета со стоянки Южный Олений Остров 2⁹. В коллекции из предыдущих раскопок определены 3 таких изделия, все фрагментированные (рис. 3: 11). Ориентация у всех как у кирок. Форма двух изделий асимметрично-прямоугольная, третье выглядит как фрагмент кольца с одним острым концом (лезвием).

⁹ Тарасов А. Ю., Мурашкин А. И., Герман К. Э. Новые исследования на Южном Оленьем острове... С. 54. Рис. 4: 3.

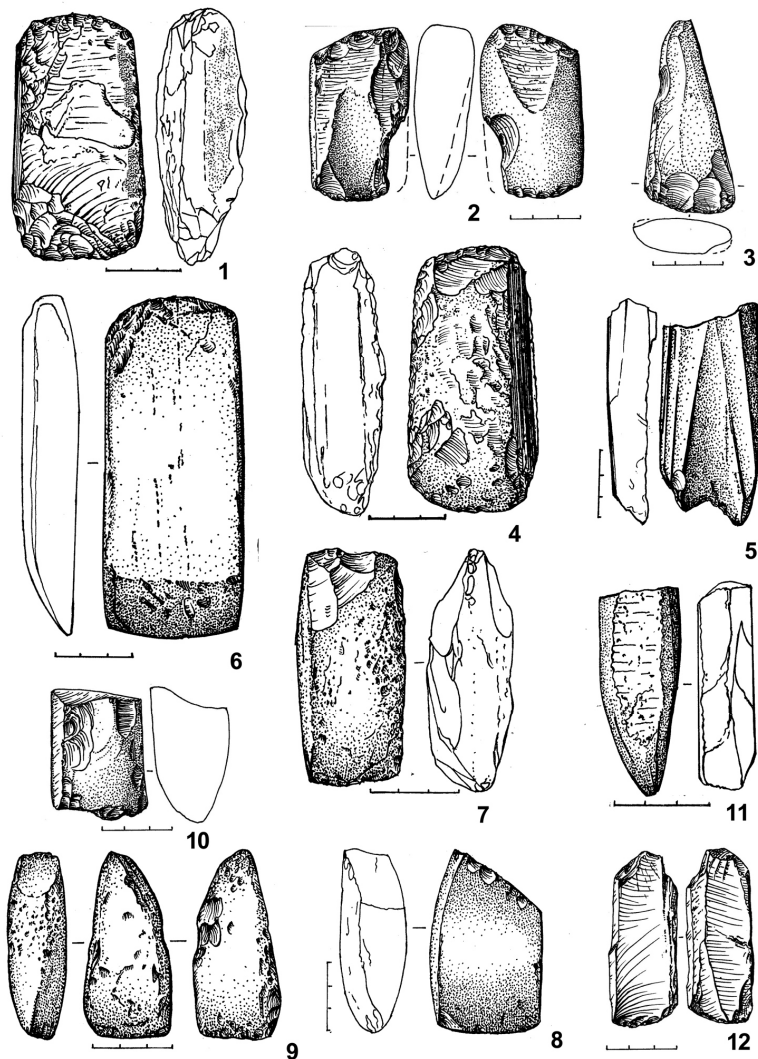

Рис. 3. Готовые макроорудия из Оленеостровской стоянки, сланец. Место хранения: 1, 4, 7–9, 11 – Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН; 2–3, 10 – Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж»; 5–6 – Карельский государственный краеведческий музей
1, 4, 7, 9–10 – топоры; 2, 5 – желобчатые тѣсла; 3, 6, 8 – тѣсла; 11 – киркообразное орудие. 1, 4–6 – раскоп 1955 г.; 2–3, 10 – раскоп 2007 г.; 7, 11 – раскоп 1957 г.; 8–9 – раскоп 1956 г.

Макросверло – довольно крупное изделие, обработанное по технологии, характерной для макроформ, у которого имеется острие сверла с концентрическими царапинами, образовавшимися в ходе сверления. Выделено одно такое изделие. Оно представляет собой сломанную заготовку макроорудия из толстой плитки, один узкий конец которой был приспособлен для сверления без дополнительной подработки.

Кроме орудий, у которых возможно определение вида, в коллекции имеется значительное количество обломков шлифованных орудий разного размера, у которых отсутствует лезвийная часть – 32 экз.

Обломки орудий с равной вероятностью могли быть топорами, тёслами или желобчатыми тёслами.

В *коллекции 2007 г.* насчитывается 8 завершённых орудий, включая одно целое *тесло* (рис. 3: 3), два *желобчатых тесла* (рис. 3: 2), один обломок лезвийной (?) части *тесла*, два обломка лезвийной части *топоров* (?) (рис. 3: 10) и два обломка лезвийной части макроорудий, вид которых невозможно определить более точно.

Очертания орудий в плане и поперечном сечении не имеют такой строгой функциональной обусловленности, как форма лезвия, и в большей мере могут отражать специфические культурные особенности того или иного комплекса. В рассматриваемой индустрии особенности этих морфологических характеристик изделий были тесно связаны с особенностями свойственной ей технологической традиции.

Для индустрии макроорудий на Оленеостровской стоянке было характерно использование материала невысокого качества, подбор отдельностей сырья, требовавших минимума обработки для превращения в готовое орудие, простая технология, также требовавшая, как правило, минимальных затрат труда и времени как на этапе создания формы орудия, так и на этапе завершающей абразивной обработки. При очевидных плюсах такого подхода (минимальные затраты) он сильно ограничивал возможности для формообразования и достижения высокого качества изделий.

Поскольку готовые орудия, в большинстве, сделаны из мягкого материала, они не могли иметь действительно острое лезвие. Кроме этого, описанный подход к их изготовлению отразился и на морфологических особенностях. Форма готового изделия в рамках данной индустрии определялась формой заготовки и выбранными приемами обработки, слегка модифицировавшими ее. Завершающая абразивная обработка, в большинстве случаев очень слабая, видоизменяла форму предмета в минимальной степени. При таком подходе для готовых орудий характерна значительная вариабельность морфологических признаков и, как правило, отсутствие четких геометрических форм. При описании их морфологии в

такой ситуации наиболее целесообразно представление изделий (топоров, тесел, желобчатых тесел и долот, а также крупных обломков, у которых отсутствует лезвийная часть и потому вид неопределим) в виде сочетания формы поперечного сечения и формы в плане.

Встреченные комбинации представлены в табл. 2. Обращает внимание очень слабая степень морфологической стандартизации – наиболее часто встретившееся сочетание (асимметрично-прямоугольное сечение и асимметрично-прямоугольная форма в плане) отмечено всего 6 раз (среди 39 предметов, у которых было возможно установление обеих характеристик). Наиболее частый вариант сечения (асимметричное 6–8-угольное) встречен всего у 21 предмета из 58, для которых удалось установить форму сечения; наиболее распространенная форма в плане (асимметрично-прямоугольная) отмечена у 10 из 39 предметов.

То, что предметы с 6–8-угольным и прямоугольным (в основном, асимметричным прямоугольным) сечением встречаются чаще других вариантов (табл. 2), определено преобладанием среди первичных заготовок плиток, частым использованием техники пиления и приема «двусторонний унифас» в ходе обработки. В результате такой оббивки «срезались» ребра заготовки и она приобретала 6–8-угольное сечение.

Таблица 2. Варианты сочетания формы в сечении и в плане готовых макроорудий с Оленеостровской стоянки

		Форма в сечении										Всего
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Форма в плане	1	1										1
	2	2				2						4
	3	4				6						10
	4	1				4				1	1	7
	5	3		2		1						6
	6	3	1			1				1		6
	7	1										1
	8			1								1
	9			1								1
	10	1	1									2
	Не установлена	5	7		1		2	1	1	1	1	19
Всего		21	9	4	1	14	2	1	1	3	2	58

Примечание. Форма сечения: 1 – асимметричное 6–8-угольное; 2 – 6–8-угольное; 3 – асимметрично-линзовидное; 4 – асимметрично-овальное; 5 – асимметрично-прямоугольное; 6 – прямоугольное; 7 – полукруглое; 8 – усеченное линзовидное; 9 – прямоугольное с округлыми боковыми краями; 10 – прямоугольное с выпуклой спинкой. Форма в плане: 1 – асимметрично-остроугольная; 2 – остроугольная; 3 – асимметрично-прямоугольная; 4 – прямоугольная; 5 – асимметрично-трапециевидная; 6 – трапециевидная; 7 – зауженная к обуху; 8 – зауженная к лезвию; 9 – асимметричная зауженная к обуху и лезвию; 10 – зауженная к обуху и лезвию.

У 16 орудий присутствуют следы от работы на лезвии в виде небольших сколов с лезвия, различимых невооруженным глазом царапин, сточенности кромки (кромка лезвия затупилась). В общей сложности 46 орудий представлены в виде фрагментов, и фрагментация, вероятнее всего, также произошла во время работы этими инструментами. Износ в ходе работы приводил к необходимости подправки и ремонта, чаще всего лезвийной части. Признаки ремонта, в основном оббивки сверху по шлифовке с целью заново оформить поврежденное лезвие или подправить сломанный инструмент, зафиксированы у 18 предметов. При этом ошибки расщепления, допущенные уже в ходе ремонта, предположительно стали причиной выбраковки двух инструментов (топоров).

Целые завершённые макроорудия (21 экз.) имеют очень небольшие размеры. Целые завершённые орудия имеют очень небольшую длину – средний показатель 86 мм, минимальное зафиксированное значение – 42 мм, максимальное – 125 мм. Среднее отношение ширины к толщине равняется 2,2, т. е. изделия довольно плоские. Среднее отношение длины к ширине – 2,1, длина только в 2 раза больше ширины.

По мнению В. Ф. Филатовой, большинство основных макроорудий (топоров, тёсел) Оленеостровской стоянки относятся к двум типам согласно предложенной ею типологии: типу I (изделия, сужающиеся к обушной части) и типу III – широкие, плоские изделия, подпрямоугольные в плане и поперечном сечении. Тип I, представленный несколькими вариантами, существовал в течение всего мезолитического периода. Тип III возникает на втором этапе развития мезолитической культуры по периодизации В. Ф. Филатовой (6500–5100 лет до н. э.), но наиболее распространенным становится на поздних стоянках, относящихся к третьему этапу (конец VI – первая треть V тыс. до н. э.), особенно на Оленеостровской стоянке¹⁰.

Индустрии орудий на отщепах и пластинах

В данный технологический контекст включены нуклеусы для производства пластин и отщепов и нуклевидные куски, пластины и отщепы. В связи с тем что невозможно полностью разделить отщепы-отходы производства технологий, направленных на получение пластин, и отщепы-продукты технологий специализированного изготовления отщепов, отщепы будут рассматриваться суммарно. Комплекс пластин охарактеризован отдельно. Подробный анализ морфологических и метрических признаков отщепов из кремня, лидита, кварца сделан только для коллекции из раскопа 2007 г., поскольку только эта коллекция не является сортированной, и все отходы производства в ней были сохранены.

¹⁰ Филатова В. Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. С. 84–86, 115–119, табл. II.

НУКЛЕУСЫ

Коллекции из раскопок 1955–1957 и 1972 гг.

К нуклеусам и нуклевидным кускам отнесены 45 предметов, что заметно меньше, чем в раскопе 2007 г. (56 экз.), несмотря на то что материалы происходят с многократно большей площади (табл. 1). Возможно, многие сработанные ядрища, особенно биполярные, не были распознаны в ходе раскопок и не поступили на постоянное хранение. Большинство ядрищ изготовлено из лидита (18 экз.) (рис. 4: 3, 5–8), чуть меньше кремневых (14 экз.) (рис. 4: 2, 4, 9) и кварцевых (12 экз.) (рис. 4: 1). Всего один предмет сделан из окремненного сланца. Представлены ядрища из основных пород камня, использовавшихся обитателями стоянки, но отсутствуют нуклеусы из мягкого сланца, халцедона и абразивных материалов. Выделяются нуклеусы, предназначенные для получения пластин и отщепов, однако нельзя полностью исключать, что некоторые ядрища, отнесенные к нуклеусам для отщепов, являлись на самом деле пренуклеусами для получения пластин. Кроме этого, сильно сработанные нуклеусы для пластин могли позже использоваться для получения отщепов с помощью более простой технологии. Выделены следующие типы нуклеусов.

1) *Призматические нуклеусы.*

В рамках данного общего типа объединены ядрища, расщеплявшиеся в соответствии с призматическим принципом расщепления¹¹. В коллекции есть призматические нуклеусы как с негативами только от снятия отщепов, так и с негативами пластинчатых снятий.

Призматические нуклеусы, предназначенные для получения отщепов (параллельного скалывания, обычно однонаправленного). Всего выделены 11 экз. (рис. 4: 5, 8), среди них 7 из лидита и 4 из кремня. Один нуклеус был изготовлен из отщепа, два других – из призматических осколков породы, в остальных случаях характер первичной заготовки не устанавливается.

7 экз. односторонних, имеющих одну поверхность расщепления для снятия сколов-заготовок (рис. 4: 8), и 2 экз. двусторонних – имеющих две такие поверхности (рис. 4: 5). Один из двусторонних нуклеусов торцевой, поверхности для снятия сколов-заготовок располагаются на противоположных торцах, площадка общая. По своим пропорциям он подходит для снятия пластин, но на нем имеются только негативы от получения отщепов. Также в коллекции присутствуют два двуплощадочных нуклеуса для отщепов – со встречным скалыванием на одной и той же поверхности расщепления, ведущимся с двух противоположно расположенных площадок.

¹¹ *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита... С. 12.

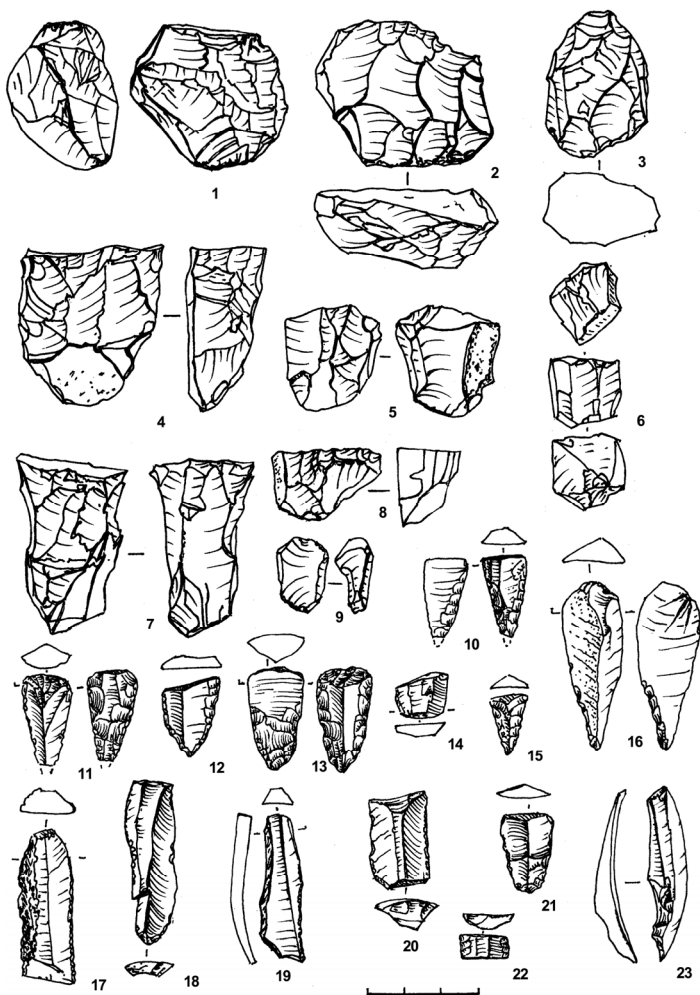

Рис. 4. Каменный инвентарь Оленеостровской стоянки. Место хранения – Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

1, 3, 9 – биполярные нуклеусы; 2 – нуклеус плоскостного скалывания для отщепов; 4 – пре-нуклеус для пластин; 5, 8 – призматические нуклеусы для отщепов; 6 – призматический нуклеус для микропластин; 7 – призматический нуклеус для пластин; 10, 12, 15 – наконечники стрел (фрагменты); 11, 13 – скребки на фрагментах насадов наконечников; 14, 19–20 – пластины с ретушью утилизации; 16 – заготовка наконечника стрелы (?); 17–18, 21–22 – пластины с ретушью; 23 – пластина. 1 – кварц; 2, 4, 9–15, 17–18, 21–23 – кремний; 3, 5–8, 19 – лидит; 16 – сланец; 20 – окремненный сланец. 1–3, 11, 21 – раскоп 1957 г.; 4–5, 9, 13–15, 19, 22–23 – раскоп 1956 г.; 6, 17–18 – раскоп 1972 г.; 8, 16, 20 – раскоп 1955 г.

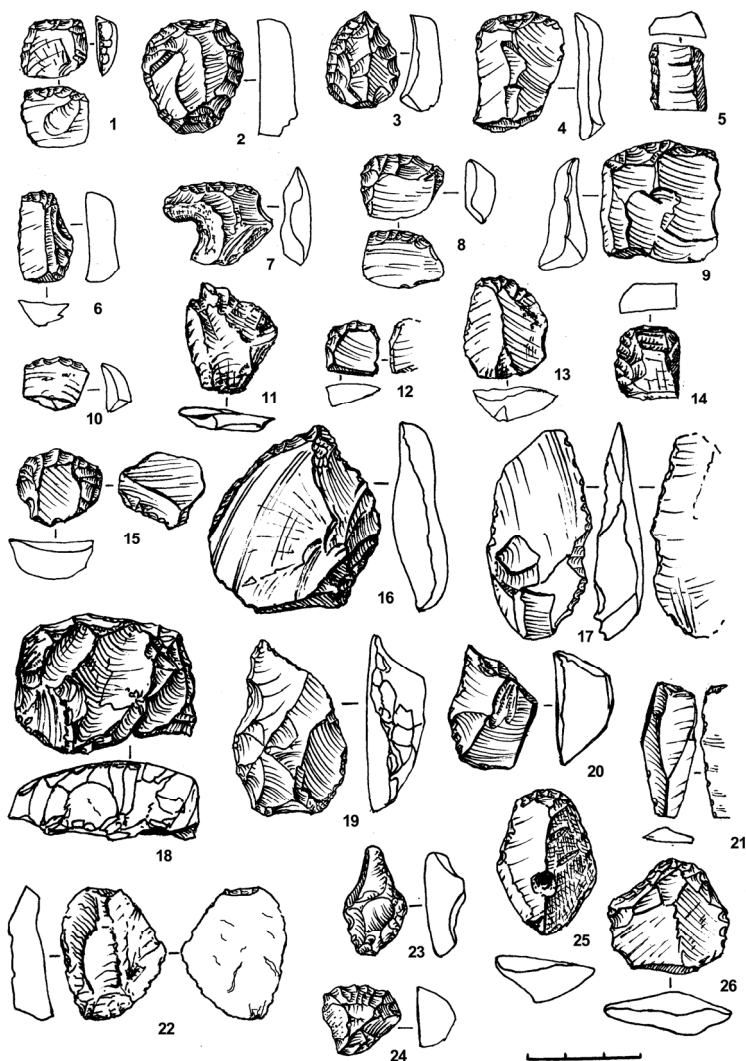

Рис. 5. Каменный инвентарь Оленеостровской стоянки. Место хранения – Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

1–10, 12–15, 24 – скребки; 11 – отщеп со следами использования; 16, 18 – скребла; 17 – скобель; 19 – скребок-проколка; 20 – проколка; 21 – резец-нож (?); 22 – отщеп с ретушью; 23 – сверло; 25–26 – скребок-скобель. 1–9, 12, 15, 21, 23–24 – кремний; 10 – халцедон; 11, 13–14, 22 – кварц; 16 – сланец; 17–20, 25–26 – лидит. 1, 3–4, 6, 8–9, 12, 19–20, 22 – раскоп 1956 г.; 2, 5, 14, 18, 23 – раскоп 1957 г.; 7, 10–11, 13, 15–17, 26 – раскоп 1955 г.; 21, 24–25 – раскоп 1972 г.

Среди односторонних нуклеусов 4 экз., возможно, все-таки связаны с контекстом изготовления пластин, хотя негативов снятия пластинчатых сколов они не имеют. В одном случае это мог быть пренуклеус для микропластин, в остальных, предположительно, скалывание простых отщепов началось тогда, когда отделение пластинчатых сколов с этих ядрищ стало невозможным. На одном из этих нуклеусов отчетливо видно, что произошла его переориентация – поверхность расщепления была перенесена на тыльную поверхность ядрища, при этом площадкой стала одна из боковых граней. Первоначальная поверхность расщепления подходит для снятия пластинок, хотя собственно пластинчатых негативов на ней не видно.

Только у одного одностороннего нуклеуса, изготовленного из крупного отщепа, фронт расщепления протягивается по всему периметру, площадкой при этом является вентральная поверхность отщепа. У остальных фронт расщепления достигает не более $\frac{1}{2}$ периметра. Площадки у большинства ядрищ естественные, не требовавшие подправки. Такая подправка зафиксирована у двух предметов, в том числе у нуклеуса, на котором произошел перенос поверхности расщепления – перенос был сделан тогда, когда подправка первоначальной площадки стала невозможной.

На шести призматических нуклеусах для отщепов зафиксировано использование редуцирования как приема подготовки зоны расщепления (четырех односторонних, одном двустороннем и одном двуплощадочном). Один из нуклеусов в ходе расщепления устанавливался на жесткую наковальню, о чем свидетельствуют забитость и трещины на дистальном конце. Также у одного сильно сработанного мелкого ядрища отмечена сильная сточенность всех ребер, что, вероятнее всего, свидетельствует о его вторичном использовании в качестве рабочего инструмента.

Призматические нуклеусы, предназначенные для получения пластин и микропластин.

К контексту производства пластин отнесены 8 ядрищ, 3 из которых интерпретированы как нуклеусы (два для пластин и один для микропластин) и 5 как пренуклеусы (три для пластин и два для микропластин). 5 ядрищ из данной группы изготовлены из лидита, 2 – из кремня и 1 – из окремненного сланца. 2 экз. изготовлены из призматических осколков породы, 2 – из отщепов и 2 – из галек.

Оба нуклеуса для пластин являются торцевыми. На одном снятие пластинчатых сколов производилось с обоих торцов (рис. 4: 7), при этом есть также негатив микропластинчатого снятия на дистальной поверхности, параллельно основной площадке. В ходе срабатывания нуклеуса производилось выравнивание боковых поверхностей с помощью сколов, снимавшихся при ударе по основной площадке. У второго пластины снимались только с одного торца. Видно, что имело место понижение рельефа

расщепления в дистальной части и сужение тыльной поверхности нуклеуса. Основная площадка данного ядрища составлена из трех плоских граней, соединяющихся под тупыми углами, в результате чего площадки у снимавшихся с этого нуклеуса пластин должны были быть скошенными относительно продольной оси.

Нуклеус для микропластин двуплощадочный со встречным скалыванием, изготовленный из очень мелкого осколка (рис. 4: 6). Фронт расщепления для снятия заготовок очень короткий, однако остальные поверхности также очень узкие, поэтому его нельзя также отнести к торцевым ядрищам. Обе площадки в процессе срабатывания подправлялись мелкими сколами.

На всех трех нуклеусах для пластин фиксируется использование редуцирования.

Пренуклеусы. Почти все пренуклеусы, вероятно, могли стать торцевыми нуклеусами для пластин и микропластин. Только у одного ядрища (для пластин) создана подконическая форма. На нем имеется негатив пластинчатого снятия. Причиной выбраковки послужила неудача в создании плоской площадки – после серии сколов, направленных от краев ядрища к центру площадки, она стала наоборот очень выпуклая. У второго ядрища для пластин (торцевого), изготовленного из плоской гальки, сначала поперечными сколами были подготовлены две площадки напротив друг друга, после чего ударами по данной площадке было начато выравнивание общего рельефа и подготовка ровной поверхности расщепления. Предмет был оставлен после образования нескольких заломов. У третьего (тоже торцевого) пренуклеуса для пластин, также сделанного из гальки, площадка покрыта коркой, т. е. не требовала специальной подготовки. Имеются остатки корки и на дистальном конце. Ядрище было уплощено с помощью ударов по площадке, после чего на одном из торцов сделана попытка снятия пластинчатых сколов, завершившихся заломами (рис. 4: 4).

Один из пренуклеусов для микропластин изготовлен из толстого скола, на торцах которого оформлены две поверхности расщепления для снятия заготовок. Одна площадка не требовала подготовки, вторая была образована серией мелких поперечных сколов. Площадки расположены напротив друг друга, однако встречного скалывания не было – микропластины с них попытались снять на разных торцах. Попытки завершились заломами. Второй также сделан из толстого отщепы, но не требовавшего дополнительной обработки. Поверхность расщепления оформлена на одном боковом крае, площадка – на дистальном конце скола. На противоположном конце отмечено несколько фасеток плоской ретуши, возможно, от вторичного использования в качестве орудия.

2) *Биполярные нуклеусы.* Это ядрища, которые расщеплялись с использованием биполярной техники скола и предназначались для снятия

отщепов (рис. 4: 1, 3, 9). В коллекции присутствуют 20 нуклеусов этого типа, среди которых 12 изготовлены из кварца, 5 из кремня и 3 из лидита. Характер первичной заготовки не устанавливается ни в одном случае.

В двух случаях видно, что первоначально ядрище было другого типа, и биполярное раскалывание явилось завершающим этапом его утилизации. Один экземпляр первоначально был призматическим. Второй экземпляр был черепаховидным – у него осталась плоская поверхность расщепления с негативами от конвергентного скалывания, которая после перероентации стала боковой поверхностью биполярного нуклеуса, и наряду с этим уже имеются противоположно расположенные ребра с биполярной забитостью. Оба нуклеуса изготовлены из кремня. На двух биполярных ядрищах (из кремня и лидита) скалывание велось в перпендикулярных направлениях, т. е. у них имеется по две пары противоположно расположенных ребер с такой забитостью (рис. 4: 1).

3) *Нуклеус плоскостного скалывания.* В коллекциях из раскопок 2007 г. и со стоянки Южный Олений Остров 2 встречались экземпляры черепаховидных нуклеусов, на которых комбинировалось призматическое параллельное и плоскостное конвергентное расщепление. В коллекции из прежних раскопок на Оленеостровской стоянке (а именно из раскопа Г. А. Панкрушева 1957 г.) выделен один нуклеус плоскостного принципа расщепления, заготовки с которого снимались с использованием параллельного способа скалывания (рис. 4: 2). Скалывание встречное, с двух противоположно расположенных площадок. Нуклеус был изготовлен из гальки, тыльная сторона нуклеуса покрыта коркой. Использовалась редуцирование.

4) *Пробные нуклеусы.* Выделены всего два экземпляра из лидита. Один представляет собой гальку, с которой было снято несколько сколов. Второй – гальку, расколотую пополам.

5) *Нуклевидные куски.* К данному типу отнесены куски и осколки породы, которые потенциально могли служить источником сколов-заготовок, но морфология которых не позволяет определить какую-либо регулярную схему расщепления. Имеются 3 экз., 2 из кремня и 1 из лидита.

Нуклеусы из данной коллекции имеют очень небольшие размеры (рис. 10, А). Средний максимальный размер (высота или ширина) равен 34 мм (минимальное зафиксированное значение в выборке 17 мм и максимальное – 64 мм). Таким образом, степень сработанности ядрищ весьма высокая. При исключении из выборки нуклеусов и пренуклеусов для микропластин, для которых изначально не требуются большие размеры, средний размер не меняется, при исключении также нуклевидных кусков становится равным 33 мм. Средний размер кремневых нуклеусов равняется 33 мм, лидитовых – 38 мм, кварцевых – 28 мм.

Коллекция раскопок 2007 г.

К нуклеусам и нуклеидным кускам отнесены 56 предметов (0,6 % всех изделий из камня) (табл. 1). Большинство (23 экз.) изготовлены из кварца. Из лидита 14 экз., кремня – 11, окремненного сланца – 5 и халцедона – 3. Встречены следующие типы:

1) Призматические нуклеусы.

Призматические нуклеусы, предназначенные для получения отщепов (однонаправленного параллельного скалывания). Выделены 6 экз. (рис. 6: 8–9, 12), 3 – из кремня, 1 – из кварца, 1 – из лидита и 1 – из окремненного сланца. 4 односторонние, имеющие одну поверхность расщепления для получения сколов-заготовок, и 2 двусторонние, с двумя перпендикулярными по отношению друг к другу такими поверхностями. Два ядрища изготовлены из галек, для остальных характер исходной отдельности сырья неопределим. Один из кремневых нуклеусов является торцевым, т. е. скалывание велось с узкого фронта расщепления, форма еще одного кремневого ядрища подконическая (рис. 6: 9). Для этого ядрища отмечено использование приема понижения рельефа поверхности расщепления в дистальной части с помощью сколов, наносившихся с боковой и тыльной поверхностей. У этого же ядрища, а также у двустороннего нуклеуса из лидита (рис. 6: 12) отмечена неоднократная подправка площадки с помощью широких сколов. Второй двусторонний нуклеус, изготовленный из кремня, отличается тем, что скалывание с одной из его двух поверхностей велось с двух противоположно расположенных площадок, т. е. было встречным. В двух случаях можно уверенно говорить об использовании при расщеплении удара жестким отбойником (на торцевом кремневом и на кварцевом ядрищах, в последнем случае раскалывание велось жестким отбойником при опоре на твердую основу – наковальню). В остальных, вероятно, использовался удар мягким отбойником, что сопровождалось и подготовкой зоны расщепления (подправка площадки, редуцирование).

Призматические нуклеусы, предназначенные для получения пластин и микропластин.

Имеется 7 ядрищ с негативами пластинчатых снятий (рис. 6: 5, 7, 13). 5 из них являются нуклеусами для получения микропластин (1 – из кремня, 3 – из лидита и 1 – из окремненного сланца). 2 предназначались для получения обычных пластин (1 – из кремня, 1 – из лидита).

Нуклеусы для обычных пластин являются торцевыми (рис. 6: 7). У нуклеусов, использовавшихся для получения пластин, фиксируется использование приема понижения рельефа расщепления в дистальной части, заметны следы подготовки зоны расщепления – редуцирования; у одного из них также неоднократно подправлялась площадка.

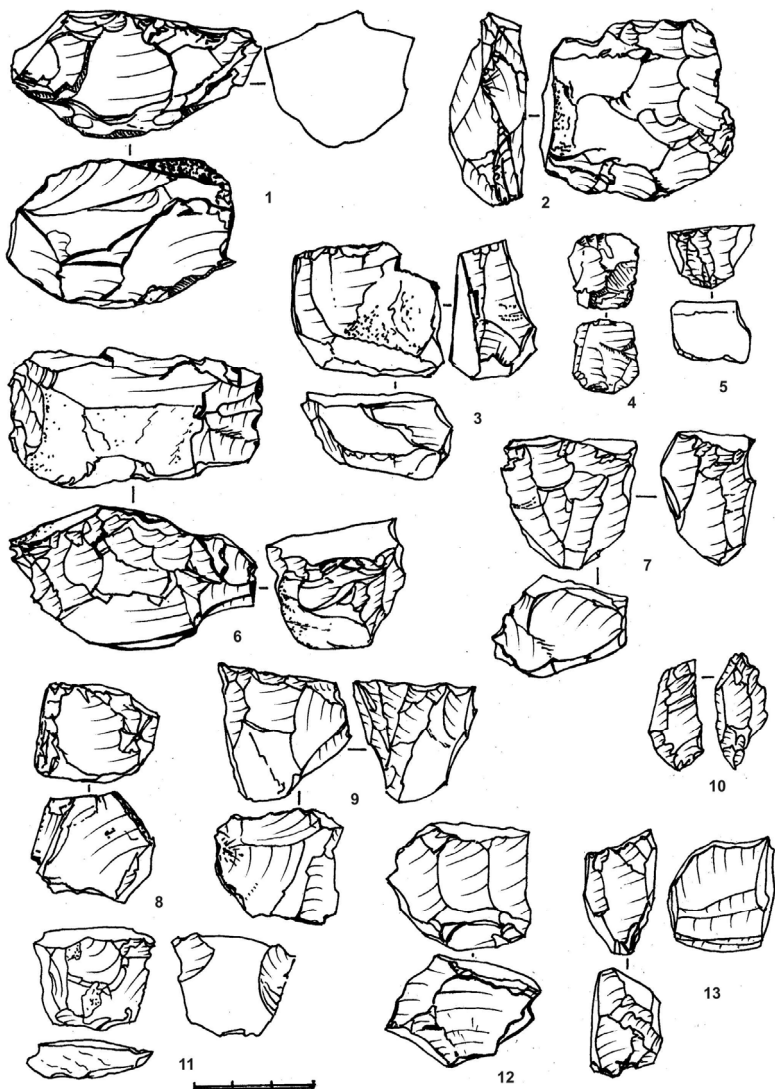

Рис. 6. Каменный инвентарь Оленеостровской стоянки (раскоп 2007 г.). Место хранения – Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи». Нуклеусы:

1 – черепаховидный; 2–3, 6, 11 – пренуклеусы; 4, 10 – биполярные; 5, 7, 13 – призматические для пластин и микропластин; 8–9, 12 – призматические для отщепов. 1–3, 5, 12–13 – лидит; 4, 7, 9–11 – кремнь; 6 – окремненный сланец

Среди нуклеусов для микропластин один также является торцевым (рис. 6: 13). Видно, что нуклеус был переориентирован – площадка предыдущего, тоже торцевого, нуклеуса была превращена в поверхность расщепления, а новой площадкой стала бывшая тыльная поверхность. Два экземпляра со встречным скалыванием. Один из них имеет цилиндрическую форму, скалывание с обеих противоположно расположенных площадок велось по периметру. Имеет множественные заломы на поверхности расщепления, которые должны были послужить причиной выбраковки. У второго, очень небольшого экземпляра фронт расщепления протягивается только на 1/4 периметра (рис. 6: 5); у этого экземпляра заметны следы редуцирования. Еще один экземпляр нуклеуса для микропластин был оставлен в самом начале, имеется только один негатив микропластинчатого снятия. Нуклеус был оформлен на толстом отщепе, при использовании вентральной поверхности в качестве площадки. Дистальный конец заострён с помощью двусторонней оббивки.

Один нуклеус (из кремня) фрагментирован. Представлен осколком с негативами микропластинчатых снятий, подвергшимся термическому воздействию.

Помимо ядрищ с негативами пластинчатых и микропластинчатых снятий имеются также 4 предмета, определенных в качестве *пренуклеусов*. 3 экз. для микропластин (один из кремня и два из лидита, все изготовлены из толстых отщепов) и 1 экз. для пластин (из гальки окремненного сланца). В случае окончания их подготовки они, скорее всего, могли стать торцевыми нуклеусами. У двух пренуклеусов для микропластин изначально имелась поверхность расщепления, подходящая для микропластинчатых снятий, с которой были сняты один-два небольших скола (рис. 6: 3, 11). На третьем были оформлены два бифасиальных ребра; предположительно одно из них могло стать поверхностью расщепления для получения пластин, а второе – дистальным концом торцевого нуклеуса (рис. 6: 2). Пренуклеус для пластин был оставлен в самом начале, после того как первые попытки снятия пластинчатых заготовок завершились заломами (рис. 6: 6).

2) *Биполярные нуклеусы* (рис. 6: 4, 10; 7: 1–3). В коллекции имеется 22 нуклеуса этого типа (19 кварцевых, 2 кремневых и 1 лидитовый). 5 экз., все кварцевые, изготовлены из галек, причем в двух случаях – это очень мелкие гальки, оставленные в самом начале расщепления. У остальных нуклеусов характер исходной отдельности сырья неопределим. Биполярное расщепление лидитового ядрища велось в двух направлениях, перпендикулярных по отношению друг к другу.

3) *Черепяховидные нуклеусы*. Среди нуклеусов для получения отщепов были выделены 6 экз., отнесенных к типу черепяховидных. Данный тип сочетает призматическое параллельное однонаправленное расщепление с выпуклой поверхности скалывания и плоскостное конвергентное, которое име-

ет место на более плоской «площадке» для снятия сколов с выпуклой поверхности расщепления (рис. 6: 1). В отличие от призматических нуклеусов, у которых неоднократно подправлялась площадка с помощью широких плоских сколов, «площадка» у этих ядрищ выглядит как самостоятельная поверхность расщепления, с которой могли получать сколы-заготовки. Она не является совершенно плоской и повышается в центральной части.

2 ядрища этого типа изготовлены из кремня, 2 – из лидита, 1 – из кварца и 1 – из халцедона. Оба кремневых, один лидитовый и халцедоновый нуклеусы изготовлены из галек, у остальных исходная отдельность сырья неопределима. О самостоятельности этой формы в данном технологическом контексте нельзя говорить окончательно. Не исключено, что она является либо результатом неудачного оформления площадки для призматического нуклеуса, либо просто переходной формой. Например, на дистальном конце одного лидитового ядрища, отличающегося очень мелкими размерами (1,7×2,7×2,2 см), имеются негативы от микропластинчатых (?) снятий, завершившихся заломами. Обработка экземпляра из халцедона оставлена в самой начальной стадии, две соприкасающиеся поверхности расщепления были оформлены только на одном крае гальки подпризматической формы; при продолжении расщепления мог быть оформлен призматический нуклеус.

Только у одного нуклеуса из лидита есть признаки использования редуцирования.

4) *Чопперовидный нуклеус* в коллекции всего один, изготовлен из кварца. Нуклеус конвергентного расщепления, с двусторонней обработкой, получение заготовок велось с двух смежных поверхностей расщепления.

5) *Многоплощадочный нуклеус* также один, изготовлен из кремневой гальки. На нуклеусе имеется участок с сильной забитостью (множественными глубокими выщерблинами), свидетельствующий, что его использовали и в качестве отбойника (рис. 7: 4).

6) *Пробный нуклеус* – 1 экз., представляет собой лидитовую гальку, с которой были сняты три мелких скола.

7) *Нуклевидные куски*. Имеется 5 экз., 2 – из халцедона, 1 – из лидита, 1 – из кварца и 1 – из окремненного сланца. Почти все они, кроме кварцевого, имеют небольшие участки с галечной коркой.

Средний наибольший размер (высота или ширина, в зависимости от того, какая из них больше) нуклеусов из коллекции равняется 33 мм (наименьшее значение 15 мм и наибольшее – 99 мм). Таким образом, нуклеусы в среднем очень сильно сработаны (рис. 10, Б). При исключении из выборки микропластин, ядрища для которых в принципе не должны были иметь крупные размеры, показатель почти не меняется – 34 мм. При исключении нуклевидных кусков показатель чуть уменьшается – 32 мм. При исключении одновременно нуклеусов для микропластин и нуклевидных кусков он также равен 32 мм.

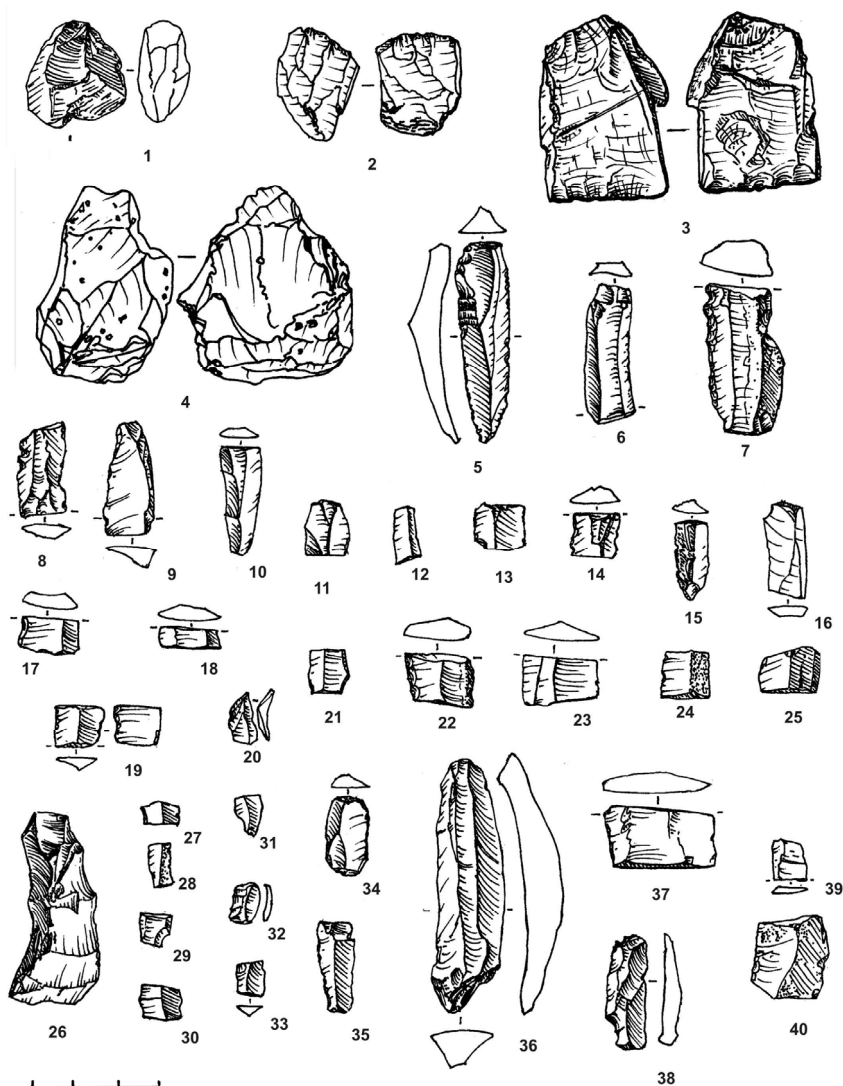

Рис. 7. Каменный инвентарь Оленеостровской стоянки (раскоп 2007 г.). Место хранения – Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»

1–3 – биполярные нуклеусы; 4 – многоплощадочный нуклеус-отбойник; 5–25, 27–40 – пластины; 26 – реберчатый скол. 1–3, 39 – кварц; 5, 19, 21 – лидит; 7–14, 16–18, 20, 22, 24, 26–28, 30–38, 40 – кремний; 6, 15, 23, 25, 29 – окремненный сланец

Заметно различается степень сработанности нуклеусов из разных материалов. Средний показатель для ядрищ из халцедона равняется 41 мм, из окремненного сланца – 51 мм, из кремня – 29 мм, из лидита – 41 мм, из кварца – 26 мм. Вполне ожидаемо, что один из самых низких показателей характерен для импортного сырья – кремня, расходовавшегося очень экономно. Однако еще более низкий показатель, зафиксированный для ядрищ из легкодоступного местного кварца, является неожиданным. Отчасти, вероятно, это объясняется преобладанием среди них биполярных нуклеусов.

По всем основным показателям коллекции нуклеусов из раскопов 2007 г., с одной стороны, и 1955–1957 и 1972 гг., с другой стороны, являются очень сходными. Это касается как представленных типов (отмеченные различия незначительны), особенностей их обработки, так и метрических показателей.

ОТЩЕПЫ ИЗ ОКРЕМНЕННЫХ ПОРОД И КВАРЦА

Как указывалось, подробный анализ сколов-отходов делался только для коллекции 2007 г. Всего в ней насчитывается 3501 отщеп из кремня, кварца, лидита, халцедона, а также кварцита и песчаника (30,1 % всех изделий из камня) (табл. 1). Сколы из кварцита и песчаника, несомненно, связаны с производством абразивных инструментов; поскольку их изготовление подразумевало минимум расщепления, сколов из этих материалов очень немного (29 экз.). В связи с этим можно отказаться от их подробного описания. Также очень невелико количество отщепов из халцедона (63 экз.). В данном разделе будет представлена технологическая характеристика сколов из кремня, лидита и кварца. В связи с очень существенным различием свойств кварца и окремненных пород кварцевые сколы выделены в отдельную выборку (2051 экз.); кремневые и лидитовые анализировались совместно (1357 экз., 1008 из кремня и 349 из лидита). Подробное описание морфологических и метрических признаков проводилось только для сколов размером свыше 1 см, т. е. из анализа исключен микродебитаж. Итоговые выборки насчитывают: 1) 627 сколов из кремня и лидита (393 и 234 экз. соответственно); 2) 791 скол из кварца.

Большинство сколов из первой выборки пришлось отнести к неопределимым, не имеющим выраженных технологических признаков – 47,2 %. Сколов с площадкой – 46,3 %, биполярных – 6,5 %. Среди неопределимых абсолютное большинство составляют фрагментированные сколы, не имеющие проксимальной части – 182 экз. (61,5 %), оставшиеся 114 являются бесформенными осколками. В выборке для кварцевых сколов также преобладают неопределимые – 43,6 %. На втором месте

биполярные (31,5 %), на третьем – сколы с площадкой (24,9 %). В составе неопределимых заметно меньше фрагментированных сколов (113 экз., 32,8 %) по сравнению с бесформенными осколками и сколами, у которых невозможно различить проксимальный и дистальный концы, дорсальную и вентральную плоскости (вместе 232 экз.). Следующий далее анализ будет делаться только для сколов с площадками из обеих выборок, поскольку биполярное расщепление предполагает гораздо меньшее разнообразие технологий, и в данном случае достаточно констатации наличия биполярных сколов в коллекции.

Среднее отношение ширины к толщине у кремневых и лидитовых сколов с площадками равняется 3,3. Такой показатель не позволяет уверенно говорить о преобладающем расщеплении как мягким, так и жестким отбойником. Площадки при этом тонкие, более характерные для расщепления мягким инструментом: среднее значение по выборке – 0,4 см, минимальное – 0,1 и максимальное – 1,6 см. Различимые невооруженным глазом трещины в месте приложения удара (вероятнее всего, результат использования жесткого отбойника) отмечены у 19,7 % сколов из данной выборки. У 22,8 % зафиксирована «губа», и отношение ширины к толщине у этих сколов несколько больше, чем в среднем по выборке, – 3,6. Все эти данные свидетельствуют о том, что при получении сколов с площадкой на памятнике использовалась техника удара как жестким отбойником, так и мягким отбойником.

Для кварцевых сколов с площадками значения этих показателей выглядят следующим образом: среднее отношение ширины к толщине – 2,9, ширина площадки – 0,5 см (диапазон от 0,1 до 1,7). Трещины в точке приложения удара наблюдаются у 49,5 %; при этом следует заметить, что в наших экспериментах такие трещины на кварцевых сколах возникали при работе как жестким, так и мягким отбойником. «Губа» зафиксирована у 7 экз. (3,6 %) кварцевых сколов; их отношение ширины к толщине равняется 3,6, средняя ширина площадки – 0,4 см. Таким образом, наиболее вероятно, что преобладающей техникой скола при обработке кварца была техника удара жестким отбойником, при этом эпизодически использовался удар мягким отбойником.

Использование приемов подготовки зоны расщепления зафиксировано у очень заметного числа (24,8 %) отщепов из кремня и лидита. В большинстве случаев это редуцирование (22,1 %), встречается также горизонтальная подтепка площадки мелким сколами (1 %), у 1,7 % отмечены оба приема. Среди кварцевых сколов признаки подготовки зоны расщепления (редуцирования) найдены только у 5,1 % выборки, что позволяет говорить об использовании таких приемов при расщеплении кварца на стоянке только в порядке исключения.

Средний угол скалывания в обеих выборках почти не отличается: $71,1^\circ$ (диапазон от 25 до 113°) у кремневых и лидитовых (рис. 10, В) и $73,7^\circ$ у кварцевых сколов (диапазон от 42 до 102°). Такой угол соответствует расщеплению призматических нуклеусов. Среди площадок из первой выборки преобладают гладкие, сформированные одним сколом ($71,2\%$ сколов с сохранившейся проксимальной частью). Фасетированных площадок – $15,4\%$, покрытых коркой – $9,4\%$, разбитых – $4,2\%$. В выборке для кварцевых сколов с сохранившейся проксимальной частью также преобладают гладкие площадки ($83,7\%$), фасетированных заметно меньше – $6,3\%$, коркой покрыты 10% . Площадок, скошенных относительно продольной оси отщепы, в обеих выборках очень немного, соответственно, 3% и $2,4\%$.

Большинство кремневых и лидитовых сколов расширяются к дистальному концу ($53,2\%$); сколов с параллельными краями – $23,6\%$, конвергентных – $22,5\%$, округлой формы – $0,7\%$. Среди кварцевых сколов соотношение примерно такое же, но разница между отдельными группами меньше: $38,1\%$, $30,9\%$, $29,9\%$, 1% . Окончания скалывающих у сколов из окремненных пород чаще перообразные ($73,7\%$), при этом у 19% дистальный конец содержит часть дистальной поверхности нуклеуса; ступенчатых окончаний $15,7\%$, петлеобразных $7,3\%$, ныряющих $3,3\%$. Перообразные окончания имеют $81,4\%$ кварцевых сколов (часть дистальной поверхности нуклеуса содержат 16%), ступенчатые и петлеобразные – $18,1\%$, ныряющие – $0,5\%$. Количество сколов – результатов ошибок расщепления (ступенчатых и петлеобразных), таким образом, примерно такое же, как и в выборке для сланцевых отщепов; несколько неожиданно, учитывая хрупкость кварца, их число оказалось наименьшим среди кварцевых сколов.

Негативы сколов, снятых в направлении продольной оси отщепы, составляют огранку дорсальной поверхности у $70,6\%$ сколов из первой выборки. Остальные варианты огранки единичны. Среди них особенно заметна огранка, составленная параллельными встречными сколами ($6,2\%$), сочетанием параллельных продольной оси негативов и перпендикулярных ей, направленных как от краев к центру ($4,5\%$), так и от центра к краям ($3,4\%$). Заметно также количество сколов с негативами только поперечных снятий, направленных к центру ($3,9\%$). Сколы с поперечными негативами, скорее всего, связаны с подготовкой и подправкой ядрищ; наличие встречных негативов согласуется с присутствием ядрищ со встречным скалыванием, а также с использованием приема понижения рельефа расщепления в дистальной части с помощью сколов, направленных «снизу вверх». Распределение в выборке для кварцевых сколов более простое: огранка $92,2\%$ составлена параллельными сколами. Возможно, на такой результат повлиял крайне небольшой размер выборки отщепов,

у которых возможно «прочитать» направление негативов на дорсальном фазе – всего 103 экз. Заметно количество сколов с «обушком», снимавшихся с угловых участков нуклеусов; этот признак зафиксирован у 18,6 % сколов из окремненных пород и у 11,2 % кварцевых отщепов.

22 экз. (3,4 % всей выборки по кремневым и лидитовым сколам больше 1 см) отнесены к пластинчатым сколам. В данном контексте наиболее вероятно, что большая их часть производилась либо в ходе подготовки к снятию нормальных пластин, либо в ходе неудачных попыток снять пластину. Все пластинчатые отщепы с сохранившейся проксимальной частью из этой выборки получены при площадочном расщеплении, 17 экз. имеют признаки подготовки зоны расщепления. Среди кварцевых сколов пластинчатых 24 экз. (3 %). Их роль в контексте расщепления кварца на стоянке, вероятнее всего, была иной. Большая их часть, на наш взгляд, производилась случайно. 9 экз. получены при биполярном расщеплении; только на одном кварцевом пластинчатом отщепе с площадкой зафиксирована подготовка зоны расщепления (редуцирование).

61 скол из кремня и лидита определен как технический (9,7 % всей выборки кремневых и лидитовых отщепов больше 1 см). Под техническими сколами понимаются такие, особенности морфологии которых позволяют сделать вывод о конкретной цели снятия данного скола в ходе подготовки, подправки и переориентации нуклеусов. В то же время необходимо учитывать, что в действительности с этими операциями было связано намного большее количество сколов, поскольку при использовании технологий изготовления пластин любой обыкновенный отщеп не является сколом-заготовкой, т. е. целью расщепления, и снимается именно в ходе подготовки ядрищ.

В основном снимали сильно выступающие участки поверхности расщепления на углах (20 экз.) или торцах ядрищ (5 экз.). Выделено 8 реберчатых (пластинчатых) сколов (рис. 6: 26; 7: 34), 2 скола подправки площадок-таблеток, снимающих площадку почти целиком (были сняты с нуклеусов для микропластин), а также 5 сколов, снимающих только небольшую часть площадки (3 из них также сняты с нуклеусов для микропластин). 4 технических скола получены в ходе исправления ошибки расщепления – снятия залома на нуклеусах для получения узких пластин и микропластин с помощью массивного скола, ориентированного в том же направлении. 7 отщепов определены как сколы с дистальной части нуклеусов, которые снимались, вероятно, с целью понижения рельефа на этом участке ядрищ. 6 узких пластинчатых или просто удлинённых мелких сколов могли быть получены в ходе изолирования – подготовки к снятию пластин и микропластин. В действительности таких сколов в коллекции может быть значительно больше, но они не были распознаны. Наконец, оставшиеся 4 экз. технических сколов из этой выборки, вероятнее всего,

откалывались с целью выравнивания или понижения поверхности нуклеуса. Это сколы с обушком, у которых направления негативов на обушке и основной дорсальной поверхности не совпадают.

Среди кварцевых сколов только 14 экз. определены в качестве технических (1,8 %). Имеются отщепы, снимающие сильно выступающие участки поверхности расщепления на угловых зонах ядрищ (9 экз.), 1 реберчатый скол и 4 скола с дистальной части.

Во всех случаях, когда на дорсальной поверхности технических сколов имелись негативы пластинчатых снятий, это были негативы узких пластин или микропластин. Негативы пластинчатых снятий на кварцевых пластинчатых сколах не встречены.

Сколы, не связанные с контекстом производства рубящих орудий из кварца, имеют очень небольшие размеры – средний показатель равен 2,1 см (в выборку не включен микродебитаж и фрагментированные отщепы). Среднее значение для кварцевых сколов равняется 2 см, кремневых – 2,3 см, лидитовых – 2,5 см, халцедоновых – 2,1 см. Показатели для разных пород сырья примерно одинаковые. По данному параметру, таким образом, невозможно установить разницу в степени утилизации разного сырья.

К микродебитажу отнесены 2011 сколов, т. е. 57 % всех несланцевых отщепов. Большую часть из этого числа составляет кварцевый микродебитаж (62,7 %), что неудивительно, учитывая хрупкость этой породы и предрасположенность к раскалыванию на множество мелких осколков. Кремневый микродебитаж составляет 30,6 %, лидитовый – 5,7 %, халцедоновый – 0,8 % и кварцитовый – 0,3 %. Среди них имеются отжимные чешуйки – продукты вторичной обработки, хотя уверенно в качестве таковых распознаны только 38 экз. (28 из кремня, 9 – из кварца и 1 – из лидита). 864 экз. (43 %) фрагментированы.

Всего в выборке для сколов, не связанных с изготовлением сланцевых орудий (включая микродебитаж), имеется 1242 (35,5 %) в той или иной степени фрагментированных сколов. Среди халцедоновых отщепов фрагментированы 14,3 %, кремневых – 44,6 %, лидитовых – 23,2 %, кварцевых – 34,1 % (рис. 11, А). Довольно высокий показатель для кварца вполне ожидаем, учитывая хрупкость этой породы, и соответствует показателям, зафиксированным в коллекциях продуктов расщепления кварца с других памятников¹². Сходный показатель зафиксирован и

¹² Rankama T. Analyses of Quartz Assemblages of Houses 34 and 35 at Kauvonkangas in Tervola // Huts and Houses: Stone Age and Early Metal Age Buildings in Finland. Helsinki, 2002. P. 79–108; Тарасов А. Ю., Шахнович М. М. Стоянка Кереть XIX в Северо-Западном Прибеломорье (результаты работ в 2005 году) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: Проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 264–282; Тарасов А. Ю., Шахнович М. М., Мартынов А. Я. Стоянка Немецкий кузов III в Белом море – мастерская по первичной обработке кварцевого сырья // Там же. С. 248–263.

при экспериментальном расщеплении кварца¹³. Еще более высокий показатель, зафиксированный для кремня в данной выборке, должен быть объяснен другими причинами, поскольку это гораздо менее хрупкий материал. Вероятнее всего, это результат намеренной фрагментации кремневых сколов с целью более экономного использования данного импортного сырья.

Всего 8,8 % несланцевых сколов имеют остатки галечной корки, при этом только у 5,3 % корка покрывает всю или $\frac{1}{2}$ дорсальной поверхности скола. Корка отмечена у 25,4 % сколов из халцедона, 9,4 % сколов из кремня, 20,3 % сколов из лидита, 5,4 % сколов из кварца. Таким образом, если ядрища из халцедона и лидита могли от начала до конца обрабатываться на раскопанном участке стоянки, ядрища из кремня и кварца, вероятно, приносились на этот участок уже в частично обработанном виде.

Завершая обзор сколов, можно отметить, что 94 экз., 84 из которых кремневые, имеют признаки термического воздействия.

В коллекции из раскопок 1955–1957 и 1972 гг. насчитывается всего 596 отщепов из кварца, кремня, лидита, кварца и халцедона, что намного меньше, чем в раскопе 2007 г., несмотря на несоизмеримо большую площадь раскопов, из которых эта коллекция происходит (табл. 1). Этот факт, несомненно, свидетельствует о сортированности данной коллекций, особенно той ее части, которая происходит из раскопок 1955–1957 гг. В связи с этим при их анализе учитывалось минимальное количество признаков. Данные о распределении этих признаков представлены в табл. 3, в которую также включены данные о сколах-отходах из раскопок 2007 г. По большинству позиций обнаруживается практически полное сходство показателей (разница менее 10 %). Совпадают тенденции, определенные как для сколов из окремненных пород, так и для сколов из кварца. Однако очень сильно различается количество микродебитажа, который в коллекциях более ранних исследований практически отсутствует. По этой причине в этих коллекциях имеется и меньший процент фрагментированных сколов (микродебитаж очень часто представляет собой мелкие фрагменты отщепов) (рис. 11, Б). Заметное различие в относительном количестве технических сколов сложнее объяснить, но, вероятнее всего, его также следует связывать с сортированностью коллекций из ранних раскопок, в которых таких предметов чрезвычайно мало.

¹³ *Тарасов А. Ю.* Метрические критерии техники скола при анализе продуктов расщепления кварца: Опыт экспериментального изучения // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб., 2008. Т. 1: Археология: Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. С. 146–153.

Таблица 3. Количество сколов с различными технологическими характеристиками

Сколы из кремня и лидита		Годы раскопок			
		1955–1957, 1972		2007	
		Кол-во	%	Кол-во	%
технологический класс	с площадкой	158	51,6	290	46,3
	биполярные	24	7,8	41	6,5
	неопределимые	124	40,5	296	47,2
сколы с «губой»		31	19,6	66	22,8
сколы с подготовкой зоны расщепления		29	18,4	72	24,8
технические сколы		13	8,2	61	21,0
сколы с галечной коркой		41	12,9	166	12,2
фрагментированные сколы		78	24,5	531	39,1
всего в коллекции (без микродебитажа)		306	96,2	627	46,2
микродебитаж		12	3,8	730	53,8
Сколы из кварца		Годы раскопок			
		1955–1957, 1972		2007	
		Кол-во	%	Кол-во	%
технологический класс	с площадкой	42	15,9	197	24,9
	биполярные	106	40,2	249	31,5
	неопределимые	116	43,9	345	43,6
сколы с «губой»			0,0	7	3,6
сколы с подготовкой зоны расщепления			0,0	10	5,1
технические сколы			0,0	14	7,1
сколы с галечной коркой		24	8,6	110	5,4
фрагментированные сколы		66	23,7	700	34,1
всего в коллекции (без микродебитажа)		264	95,0	791	38,6
микродебитаж		14	5,0	1260	61,4

ПЛАСТИНЫ

Коллекции 1955–1957, 1972 гг.

В коллекции на настоящий момент насчитывается всего 39 пластин, что в несколько раз меньше, чем обнаружено в раскопе 2007 г., несмотря на значительно меньшую его площадь (табл. 1). Очевидно, такая разница возникла по причине различия методик раскопок и общей сортированности коллекций из раскопок 1950–1970-х гг.

Из кремня изготовлены 31 экз. пластин (рис. 4: 14–18, 21–23), из лидита – 7 экз. (рис. 4: 19) и из кремневого сланца – 1 экз. (рис. 4: 20). 11 пластин имеют ретушь вдоль одного или обоих боковых краев (рис. 4: 17–18, 21–22), еще 14 экз. имеют ретушь утилизации (рис. 4: 14, 19–20). Всего 6 пластин не являются фрагментированными (рис. 4: 17–18, 23), у одной из них при этом петлеобразное окончание скалывающей (рис. 4: 17). Большинство пластин представлены медиальными фрагментами (14 экз.) (рис. 4: 14, 20, 22), 5 экз. представлены только проксимальными

концами и еще 5 экз. – дистальными концами (рис. 4: 21), у 3 пластин отсутствуют проксимальные части (рис. 4: 19), у 7 отсутствуют дистальные, один медиальный фрагмент разломан также еще и вдоль.

Средняя ширина пластин 13 мм (рис. 10, Г), средняя толщина – 4 мм. Целые пластины имеют длину от 14 до 47 мм, среднее значение – 34 мм. Среднее отношение длины к толщине равняется 6,6. Ни для одной пластины не зафиксировано соотношение длины и ширины больше чем 1 : 30, максимально возможное при получении пластин в ударной технике¹⁴.

Средний угол скалывания у 12 пластин с сохранившейся проксимальной частью 77°, как и в коллекции 2007 г., что скорее соответствует ударной технике скола¹⁵. Средняя ширина площадок 3 мм, средняя длина – 7 мм, точечные площадки не характерны. У 8 пластин площадки фасетированные, у 5 – гладкие, при этом в трех случаях (у двух фасетированных и одной гладкой) площадки вогнутые, что может свидетельствовать об использовании техники удара через посредник для их отделения. У пяти пластин площадки скошены относительно продольной оси. Признаки подготовки зоны расщепления выявлены у всех пластин с сохранившейся проксимальной частью (15 экз.). В основном, заметно использование редуцирования (12 экз., в том числе 3 экз. в сочетании с горизонтальной подправкой площадки и 1 экз. в сочетании с изолированием), у 7 экз. видна горизонтальная подправка площадки (в том числе у 1 экз. в сочетании с изолированием, у 3 экз. в сочетании с редуцированием и у 1 экз. в сочетании с редуцированием и изолированием). «Губа» отмечена всего у 6 пластин. У 8 пластин заметен изъязец на ударном бугорке.

Коллекция 2007 г.

В коллекции имеется 176 пластин (табл. 1). 141 изготовлена из кремня, 15 – из окремненного сланца, 14 – из лидита и 6 – из кварца (4 представлены медиальными фрагментами). 24 из них имеют ретушь вдоль одного или обоих боковых краев (рис. 7: 7–9, 14, 18–19, 22, 30, 34, 37), у 79 присутствует ретушь утилизации, также вдоль одного или обоих боковых краев (рис. 7: 5, 10, 12–13, 21, 33, 36, 38, 40). Только 38 пластин не являются фрагментированными (рис. 7: 5, 32, 36, 38), при этом у 26 экз. из этого числа ступенчатые или петлеобразные окончания скалывающих (рис. 7: 6–8, 16). Большинство представлено медиальными фрагментами (75 экз., 5 из них дополнительно разломаны еще и вдоль продольной оси) (рис. 7: 12–14, 17–19, 21–24, 27–29, 37, 39); 29 экз. представлены только проксимальными концами (рис. 7: 11, 20); 18 экз. – дистальными концами

¹⁴ Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий... С. 69.

¹⁵ Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007. С. 251–252.

(рис. 7: 15, 10, 31); у 12 пластин отсутствуют дистальные части, у 4 – отсутствуют проксимальные части (рис. 7: 35).

Средняя ширина пластин в выборке равняется 1 см. Наименьшее зафиксированное значение – 0,4 см, наибольшее – 2,5 см. Наибольшее количество находится в диапазоне примерно от 0,5 до 1,5 см (рис. 10, Д). Очень немногие пластины превышают ширину в 1,5 см, являющуюся максимально возможной при использовании ручного отжима для их получения¹⁶. При использовании условного критерия отделения пластин от микропластин в 1 см к микропластинам можно будет отнести 110 экз., к узким пластинам (до 1,5 см) – 56 экз. и к широким пластинам свыше 1,5 см – 11 экз. График (рис. 10, Д) показывает только один пик в районе 1 см и отсутствие резкого перехода от микропластин к узким пластинам. Возможно, это свидетельствует об отсутствии принципиальной разницы в технологии их получения.

Средняя толщина равняется 0,3 см. Средняя длина целых пластин без учета экземпляров со ступенчатыми и петлеобразными окончаниями скалывающих – 2,3 см (наименьшая в выборке 0,9 см и наибольшая – 5,9 см). Среднее отношение длины к толщине равняется 7 (минимум в выборке 3 и максимум 12). Такой показатель больше характерен для пластин, снимавшихся с помощью ударной, а не отжимной техники скола, поскольку не превосходит соотношение 1 : 30. Тем не менее необходимо учитывать, что сами размеры отдельностей сырья на стоянке, как правило, не позволяли производить длинные пластины, и в то же время производство пластин еще меньшей толщины вряд ли было целесообразно даже с помощью отжимной техники.

Пластин с сохранившимися площадками 65 экз. Средний угол скалывания 77° (минимальное значение в выборке 54°, максимальное – 90°). Это несколько больше среднего угла, зафиксированного для отщепов из кремневых пород, но в целом соответствует показателям, характерным для ударной техники скола¹⁷. Средняя ширина площадок 0,3 см (диапазон от 0,1 до 0,6 см). Средняя длина – 0,6 см (минимум 0,1 см и максимум – 1 см). При разделении всей выборки на интервалы с шагом 0,2 см распределение выглядит следующим образом: в интервале до 0,2 см – 2 экз., до 0,4 см – 12 экз., до 0,6 – 22 экз., до 0,8 см – 20 экз., до 1 см – 9 экз. Таким образом, точечные площадки для этой выборки не характерны, и это также свидетельствует в пользу преобладающего использования удара при снятии пластин. По форме площадки чаще линейные или треугольные.

¹⁶ Волков П. В., Гирия Е. Ю. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск, 1990. С. 44.

¹⁷ Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий... С. 251–252.

Большинство площадок фасетированные (32 экз.), что связано с частым использованием приема подготовки зоны расщепления с помощью горизонтальной подтески площадок. Следует отметить, что одна из фасетированных площадок сильно вогнутая, что является характерным признаком при использовании удара через посредник. Гладких площадок 27 экз., только в одном случае площадка покрыта коркой, 3 площадки разбитые. Заметно количество пластин с площадками, скошенными относительно продольной оси, – 16 экз. Вероятнее всего, они снимались с угловых участков торцевых нуклеусов.

Признаки подготовки зоны расщепления выявлены у 59 экз., т. е. почти у всех пластин с сохранившейся проксимальной частью. У 23 экз. есть признаки редуцирования, у 16 экз. – горизонтальной подтески площадки, у 3 экз. – изолирования. Для 15 экз. характерно сочетание редуцирования и горизонтальной подтески, для 2 экз. – редуцирования, горизонтальной подтески и изолирования. У 34 пластин, т. е. у половины выборки, зафиксирована «губа». Таким образом, несомненно, обработка велась с использованием мягкого инструмента, о чем, впрочем, позволяют говорить и небольшая толщина и регулярная правильная форма изделий. Измерение метрических признаков ударных бугорков не производилось. Визуально были различимы как хорошо выраженные, выпуклые, но небольшие по площади бугорки, которые можно ожидать у пластин, полученных с помощью отжима или удара через посредник, так и слабо выраженные, плоские, больше характерные для сколов, снятых с помощью мягкого отбойника.

Из 88 пластин, у которых возможно установление формы в плане, большинство имеют параллельные края, сужающиеся только на дистальном конце (64 экз.); конвергентных в плане пластин 17 экз. и дивергентных – 7 экз. Окончания скальвающих определимы у 74 экз. Больше всего ступенчатых окончаний – 40 экз. Периообразные встречены у 28 экз. (3 из них содержат на дистальном конце часть дистальной поверхности нуклеуса), петлеобразные – у 4 экз., ныряющие – у 2 экз.

Огранка дорсальной поверхности определена для 169 пластин. У большей части (81 экз.) она составлена негативами только двух параллельных сколов, т. е. пластины являются треугольным в сечении. Пластин с тремя параллельными негативами (трапециевидных в сечении) 62 экз. Имеются единичные экземпляры с большим количеством таких негативов (7 экз. с четырьмя и 1 экз. с пятью). У одной пластины отмечен также негатив встречного скола (рис. 7: 38). Огранка 8 пластин составлена сочетанием параллельного негатива и галечной корки (рис. 7: 24) и 4 пластин – сочетанием двух параллельных негативов с коркой. 5 пластин являются реберчатыми. Огранка одной из них представляет собой бифаси-

альное ребро, скалывание с которого велось в обе стороны. Еще у двух она составлена сочетанием параллельных негативов с перпендикулярными, направленными к продольной оси изделий; у двух оставшихся – сочетанием параллельных и перпендикулярных, направленных от центральной оси к одному из боковых краев (рис. 7: 9, 36).

Как и в случае со сколами, значительно меньшее количество пластин в коллекциях раскопок 1955–1957 и 1972 гг. следует связывать с методикой раскопок, приводившей к сортированности материала. По основным параметрам выборки пластин из более ранних раскопок на памятнике и из раскопа 2007 г. соответствуют друг другу, однако не совсем совпадают метрические признаки. Различие в значении средней ширины (соответственно, 13 и 10 мм) и средней толщины (4 и 3 мм) следует связывать с меньшим количеством микропластин, которое, в свою очередь, вызвано сортированностью коллекций. В выборке из более ранних раскопок всего 10 пластин имеют ширину менее 10 мм, в то время как в раскопе 2007 г. таких пластин большинство (62,2 %). Средняя длина пластин также несколько больше в выборке из более ранних коллекций, однако поскольку длину возможно было установить всего для 6 пластин, доверять этому показателю нельзя. Среднее отношение длины к толщине равняется 6,6, что практически идентично показателю из выборки 2007 г. (7). Также в обеих выборках не зафиксировано соотношение длины и ширины больше чем 1 : 30 ни для одной пластины.

По итогам рассмотрения комплекса нуклеусов, отщепов и пластин из всех коллекций можно предложить следующую, весьма неполную, реконструкцию технологии получения пластин на памятнике. Скалывание производилось с призматических нуклеусов; выраженного стремления к созданию строго определенной формы нуклеуса не наблюдается, но можно отметить, что самым предпочтительным способом оформить поверхность расщепления для снятия пластин было расположение ее на узком, торцевом конце ядрища. При необходимости с целью оформления призматического рельефа поверхности расщепления в центре будущего фронта расщепления создавалось выступающее бифасиальное ребро, после чего скалывание пластинчатых сколов и собственно пластин велось от центра к краям. Если снятие первых пластинчатых сколов было возможно без выравнивания поверхности расщепления с помощью двусторонней обработки, снимались просто более или менее массивные краевые сколы. Дистальный край нуклеуса делался узким, и понижение рельефа в дистальной части могло производиться также в ходе подправки ядрища при снятии пластин. Боковые стороны заранее уплощались, площадка выбиралась либо готовилась серией сколов. Имеются свидетельства встречного скалывания, но чаще снятие пластин велось только в одном направлении.

В ходе расщепления периодически возникала необходимость в подправке площадки, а также в исправлении ошибок расщепления – снятия заломов.

Анализ морфологических деталей пластин и метрических признаков позволяет утверждать, что для получения пластин на памятнике использовалась очень аккуратная техника скола, предполагающая активное использование приемов подготовки зоны расщепления в виде редуцирования, подправки площадки и изолирования, а также работу мягкими инструментами. Окончательное заключение о применяемой технике скола сделать пока невозможно. Большинство рассмотренных признаков свидетельствует в пользу преобладающего использования ударной техники скола, при этом нет достаточных данных для заключения о преимущественном использовании удара мягким отбойником или через роговой посредник. Возможно, имели место оба варианта, не исключено также эпизодическое применение отжима. В частности, именно отжимная техника с большей вероятностью использовалась при расщеплении одного миниатюрного нуклеуса для микропластин (рис. 6: 5).

На раскопанном участке могли производиться только микропластины и узкие пластины, при этом нуклеусы для их получения доставлялись на стоянку уже в частично подготовленном виде. Более крупные экземпляры пластин, вероятно, доставлялись в готовом виде.

Для изготовления вкладышей пластины фрагментировались. Средняя длина сечений из коллекции составляет 1,2 см, среднее отношение ширины к толщине 1,1, т. е. длина и ширина у большинства сечений вкладышей почти равны.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОРУДИЙ НА ОТПЕПАХ И ПЛАСТИНАХ

В данном разделе представлено типологическое описание предметов, изготовленных от отщепов и пластин и определенных как орудия. Несмотря на то что при выделении типов орудий учитывались макроследы износа, следует подчеркнуть, что предложенные здесь определения являются типологическими. Реальная функция данных предметов, как показывают результаты трассологического анализа, проведенного Г. Н. Поплевко (в печати), часто оказывается совсем не соответствующей тому или иному (типологическому) их названию.

Коллекции из раскопок 1955–1957 и 1972 гг.

В составе коллекций имеется 177 таких орудий (рис. 4: 10–13, 16; 5), 128 из которых отщепы с ретушью и ретушью утилизации. Вместе с пластинами с ретушью и ретушью утилизации, описанными выше, их количество составляет 240 экз. (табл. 1).

Скребки. Представлены 40 экз. (рис. 5: 1–10, 12–15, 24). 28 изготовлены из кремня, 7 – из кварца, 4 – из лидита и по одному – из окремненного

сланца и халцедона. Всего 1 скребок изготовлен из пластины (рис. 5: 6). Большинство (22 экз.) сделаны из сколов с площадкой (рис. 5: 2–4, 8–11, 13), при этом 1 экз. из этого числа сделан из скола с площадки нуклеуса. 5 экз. изготовлены из биполярных отщепов (2 кремневых и 3 кварцевых) (рис. 5: 7, 14), 5 экз. – из неопределимых сколов (рис. 5: 1, 15, 24), 2 экз. – из фрагментированных сколов (рис. 5: 5, 12), 1 экз. – из остаточного биполярного нуклеуса. 4 скребка представлены во фрагментированном виде, причем у двух из них заметна ретушь утилизации и сточенность кромок на участках, сформированных в результате разлома, т. е. после разлома их использование было продолжено.

13 скребков являются концевыми (рис. 5: 4–10, 13), у одного из них ретушь сделана на вентральной поверхности скола-заготовки (рис. 5: 10). Боковых скребков 13 экз. (рис. 5: 5, 14), при этом у трех из них имеется два боковых лезвия и у еще у одного – три таких лезвия, два из которых оформлены на одном боковом крае под углом друг к другу. Концевых-боковых 9 экз. (рис. 5: 2–3, 8, 12, 24), при этом у 6 экз. имеется два боковых лезвия (рис. 5: 2–3, 8, 24) и у 1 экз. с двумя боковыми лезвиями концевое лезвие оформлено на проксимальном, а не дистальном конце скола-заготовки и ретушь сделана на его вентральной поверхности. Также у одного концевого-бокового скребка отмечен негатив плоского (уплощающего?) скола на вентральной поверхности. Один скребок имеет четыре ретушированных прямых лезвия и неправильно-прямоугольные очертания в плане (рис. 5: 1). Четкая геометрическая форма имеется также у двух концевых-боковых скребков с выпуклыми лезвиями, боковые лезвия которых сходятся с образованием листовидно-стрельчатых очертаний изделия в плане (рис. 5: 3). Лезвия скребков из данной выборки чаще дугообразные или слабо дугообразные, обработанные крутой и полукрутой ретушью с фасетками разной ширины (лезвия с мелко-, средне- и крупнофасеточной ретушью представлены примерно одинаковым количеством). Только 1 изделие (рис. 5: 12) можно отнести к микроскребкам (до 1,5 см) и 3 – к крупным скребкам (свыше 4 см), остальные имеют средние размеры. Большинство скребков имеют примерно равную длину и ширину (26 экз.). У 11 экз. (включая единственный скребок из пластины) длина превосходит ширину, причем в одном случае более чем в два раза. Укороченными пропорциями отличаются 4 изделия.

У большинства скребков заметна ретушь утилизации и сточенность кромок не только на ретушированных лезвиях, но также и на необработанных краях.

Необходимо отметить еще 2 предмета, которые определены как скребки, изготовленные из обломков наконечников стрел на пластинах (они не включены в выборку, рассмотренную выше). В обоих случаях это

обломки насадов. Скребоквая ретушь нанесена на край, сформированный разломом (рис. 4: 11, 13).

Наконечники. Среди материалов предыдущих раскопок на Оленеостровской стоянке, доступных для анализа в настоящий момент, выделены 3 фрагментированных наконечника стрел на пластинах (рис. 4: 10, 12, 15), или 5 наконечников вместе с описанными выше скребками, изготовленными из обломков таких наконечников (которые далее будут описываться как наконечники), 1 заготовка наконечника (?) из пластинчатого отщепа (рис. 4: 16) и 1 двусторонне обработанный наконечник стрелы (рис. 9: 2), который будет описан в отдельном разделе, посвященном бифасиальным изделиям. У заготовки (рис. 4: 16) оформлен насад, противоположный конец оставлен без обработки. Он довольно острый, но слишком массивный, в связи с чем предмет не следует считать завершенным изделием. Заготовка сделана из твердого сланца, остальные предметы кремневые. Насколько можно судить, ни у одного из них не было выделенного черешка. У четырех изделий, включая заготовку, насад был оформлен на дистальном конце пластины, у остальных определение сделать невозможно. В данной серии не выявляется единый стандарт обработки. Заготовка обработана полукрутой ретушью на спинке вдоль одного бокового края и на брюшке – вдоль второго бокового края. Два наконечника обработаны крутой ретушью на спинке вдоль обоих боковых краев (рис. 4: 12, 15), один – крутой ретушью на спинке вдоль обоих боковых краев и плоской встречной ретушью на брюшке (рис. 4: 13), еще у одного помимо крутой ретуши на спинке вдоль боковых краев имеется также плоская на брюшке вдоль одного края (рис. 4: 10). В одном случае насад оформлен с помощью пологой встречной ретуши на брюшке (рис. 4: 11). Заготовка имеет небольшие размеры (длина 4,7 см), все обломки длиной до 3 см.

Проколки. Выделены 6 экземпляров (рис. 5: 20), 4 – из лидита, 1 – из кремня и 1 – из халцедона. 1 экз. изготовлен из реберчатой пластины (кремневый), 3 – из сколов с площадками (рис. 5: 20), 1 – из биполярного отщепа и 1 – из неопределимого скола (экземпляр из халцедона). Острие проколки из реберчатой пластины оформлено на дистальном конце, плечики не выделены. По одному боковому краю изделие обработано крутой ретушью на дорсальном фазе по всей длине, а также встречной (с дорсального ребра) ретушью в районе острия. По второму боковому краю имеется встречная ретушь только в районе острия. Самый кончик острия подправлен краевой плоской ретушью на вентральном фазе, участок с такой ретушью присутствует и на проксимальном конце изделия.

У четырех изделий из отщепов острие оформлено на остром дистальном крае скола-заготовки, слегка подправленным крутой ретушью, у од-

ного – на остром углу заготовки (в месте схождения проксимального конца и бокового края) (рис. 5: 20). Плечики выделены только у одной проколки из лидитового отщепа. Помимо ретуши, заметна также ретушь утилизации и сточенность кромок в рабочей части.

Свёрла. Выделены 3 экземпляра (рис. 5: 23), 2 – из кремня и 1 – из лидита. Заготовками для двух изделий послужили сколы с площадками и для одного – неопределимый скол (рис. 5: 23). Острие у одного сверла из массивного скола с нуклеуса расположено на угловом участке скола. Оно без дополнительной обработки, но на нем заметна сильная ретушь утилизации и сточенность кромок. У второго сверла острие находится на узком конце заготовки, подправлено крутой ретушью. У третьего имеются два острия на проксимальном и дистальном концах, одно из которых сформировано крутой ретушью, второе использовано без дополнительной обработки (рис. 5: 23). Плечики у всех изделий отсутствуют. На остриях заметна сильная сточенность кромки и ретушь утилизации.

Резцы. Выделен всего один резец, изготовлен из кремневого скола с площадкой, оформлен с помощью двух резцовых сколов, снятых в одном направлении.

Резчики. Представлены 2 экз. из кремневых сколов с площадками. Лезвие одного оформлено на углу скола, прилегающие участки боковых краев ретушированы. У второго лезвие располагается на узком и массивном дистальном конце, подправлено крутой ретушью.

Скобели. Отличаются наличием одного или нескольких вогнутых лезвий, оформленных скребковой (крутой или полукрутой) ретушью. Имеются 13 экз. (рис. 5: 17), 7 – из кремня и 6 – из лидита. Из отщепов с площадкой изготовлены 7 предметов (рис. 5: 17), 2 сделаны из фрагментированного скола и 3 – из истощенных нуклеусов. У большинства имеется только одно лезвие (в одном случае ретушь нанесена на вентральной поверхности), у 1 экз. их два и еще у 1 экз. – три.

Скрёбла. Изделия из крупных отщепов, края которых обработаны грубой ударной ретушью. Выделены 7 экз. таких изделий (рис. 5: 16, 18), 5 – из лидита и 2 – из сланца. 5 предметов сделаны из сколов с площадками (рис. 5: 16), причем в одном случае это был массивный скол с площадки нуклеуса для изготовления пластин, снятый явно на начальном этапе его срабатывания (рис. 5: 18). Одно скребло изготовлено из биполярного отщепа и еще одно – из крупного фрагментированного скола. На дорсальной поверхности одного скребла из сланца есть след пилиения. Большинство (5 экз.) скребел концевые, у 2 экз. лезвия расположены на боковых краях. Лезвия дугообразные или слабо дугообразные, только в одном случае ретушированный край прямой. У одного изделия ретушь прерывистая, вероятно, оно не было завершено.

Клинья. Имеют признаки биполярного расщепления, т. е. биполярную забитость на противоположных концах. Очень маловероятно, чтобы их использовали в качестве нуклеусов, поскольку с них было возможно получение только мягких сланцевых сколов небольшого размера, которые в представленной на памятнике индустрии использовались для изготовления орудий на отщепах только в порядке исключения. Также маловероятно, чтобы они являлись заготовками макроорудий (стамесок или маленьких тесел). Подобные следы могли появиться при использовании их в качестве клиньев для раскалывания относительно твердых материалов. Такими материалами могли быть кость или сланец – при использовании каменных клиньев сланцевые блоки с сильно выраженной сланцеватостью можно раскалывать на тонкие плитки. В коллекции имеются 2 экземпляра таких изделий, оба изготовлены из сланца. Одно из них выглядит как биполярный нуклеус, однако поскольку он изготовлен из мягкого сланца, маловероятно, что целью расщепления было получение сколов-заготовок. Второй представляет собой отщеп, который уже после отделения от куска породы подвергся биполярному расщеплению.

Ретушёр. Выделен 1 экз., который представляет собой плоскую мелкую сланцевую гальку, на концах которой имеются участки с выщербленностью, предположительно от использования в качестве ретушёра.

Комбинированными являются 7 изделий. В основном, это *скребки-скобели* – 4 экз., 3 – из лидита (рис. 5: 25–26) и 1 – из кремня. 2 предмета изготовлены из сколов с площадками (рис. 5: 26), 2 – из биполярного отщепа (рис. 5: 25) и 1 – из сработанного нуклеуса. *Скребок-проколка* представлен 1 экз., изготовленным из лидитового фрагментированного скола, острие оформлено на угловой части с помощью крутой ретуши, скребковое лезвие расположено на противоположном крае (рис. 5: 19). *Резец-нож* (?) изготовлен из кремневой пластины, у которой отсутствует проксимальный конец (рис. 5: 21). Резец боковой, резовый скол нанесен с проксимального конца. Противоположный боковой край подправлен крутой ретушью (нож?). Один предмет определен как *скребок-скобель-сверло* из твердого сланца. Заготовкой послужил опилок. На одном конце шлифовкой оформлено острие сверла (?): несколько шлифованных граней сходятся и формируют «купол», но при этом нет концентрических царапин, которые возникают на сланцевых сверлах в процессе использования. На противоположном конце крутой ретушью сделано выпуклое скребковое лезвие и на прилегающем к нему участке бокового края – вогнутое лезвие скобеля.

Отщепы с ретушью. К данному типу отнесены сколы, имеющие участки с намеренно нанесенной ретушью, но не соответствующие ни одному из морфологически выраженных типов орудий. Имеется 11 экз.

(рис. 5: 22), 5 – из кремня, 4 – из кварца и 2 – из лидита. 3 изготовлены из отщепов с площадкой, 3 – из фрагментированных сколов, 3 – из биполярных (рис. 5: 22) и 2 – из неопределимых.

Отщепы с ретушью утилизации – сколы без вторичной обработки, имеющие участки с мелкой или нерегулярной ретушью и заломами, а также заметной невооруженным глазом сточенностью кромок, т. е. следами, вероятнее всего возникшими в ходе утилизации. Выделено 116 экз. (рис. 5: 11), 67 – из кремня, 34 – из лидита, 6 – из сланца, 5 – из окремненного сланца, 3 – из кварца, 1 – из халцедона. Большинство представляют собой отщепы с площадками – 77 экз. (рис. 5: 11), в том числе 7 экз. из технических сколов, среди которых присутствуют реберчатые сколы, сколы с площадок нуклеусов, сколы с торцевых участков и скол с дистальной части нуклеуса.

Всего 10 орудий (4,6 % орудий из группы орудий на отщепах), включая скребки, сделанные из обломков наконечников на пластинах, и не учитывая пластины с ретушью и ретушью утилизации, изготовлены из пластин. Вместе с пластинами с ретушью и следами использования количество орудий на пластинах равняется 35 (14,5 %).

Средний размер орудий на отщепах и пластинах всего 34 мм. Показатели, зафиксированные для орудий из разных материалов, заметно различаются. Наибольшие размеры характерны для орудий из сланца – 46 мм, лидита – 41 мм, окремненного сланца – 31 мм; наименьшие – для халцедона (25 мм), кремня (26 мм) и кварца (26). Показателям для халцедона и сланца доверять сложно, поскольку эти выборки представлены единичными экземплярами. Можно утверждать, что импортный кремль утилизировался в большей степени по сравнению с местными лидитом и окремненным сланцем. Одинаковый с кремнем показатель для местного кварца в этой связи сложно объяснить, однако он соответствует тому значению, которое зафиксировано для кварцевых нуклеусов из данной коллекции.

Коллекция 2007 г.

В коллекции насчитывается 324 таких орудия, 206 из которых являются отщепами с ретушью и ретушью утилизации. Вместе с пластинами с ретушью и ретушью утилизации их количество составляет 427 экз. (табл. 1).

Скребок 60 экз. 40 экз. изготовлены из кремня, 10 – из кварца, 5 – из лидита, 3 – из окремненного сланца и 2 – из сланца. Всего 3 экз. изготовлены из пластин, точнее, фрагментированных пластин (рис. 8: 23–24). 1 скребок оформлен на сработанном биполярном нуклеусе, остальные сделаны из отщепов. Заготовками для большинства скребков послужили отщепы с площадкой (21 экз.) (рис. 8: 7–8, 10, 14, 16), один из которых был снят с нуклеуса для получения пластин и имеет негативы пластинчатых снятий на спинке (рис. 8: 9). Из фрагментированных отщепов сделаны 9 скребков

(рис. 8: 18, 22), из биполярных – 6 экз. (рис. 8: 11, 19), целых неопределимых – 2 экз. 15 скребков представлены во фрагментированном виде, как правило, в виде фрагментов только лезвийной части (рис. 8: 6, 13, 16). Один экземпляр представляет собой скол со скребка, площадкой для снятия которого послужило ретушированное лезвие. Концевых скребков 17 экз. (рис. 8: 17, 29). При этом у одного лезвие расположено на проксимальном, а не на дистальном конце (рис. 7: 17); у этого экземпляра, а также еще у одного, ретушь сделана на брюшке. Боковых скребков 12 экз. (рис. 8: 18), у двух из них имеется два боковых лезвия, одно из которых оформлено на брюшке (рис. 8: 11). Концевых-боковых 10 экз. (рис. 8: 14, 23–24), при этом у 3 из них два боковых лезвия, и в одном случае одно из боковых лезвий оформлено на брюшке (рис. 8: 7). У одного скребка имеется два лезвия, расположенных на проксимальном и дистальном концах. Два экземпляра имеют 4 лезвия, т. е. ретушированы по периметру. Один из них имеет четкую прямоугольную форму (рис. 8: 10), второй – трапециевидную (рис. 8: 8). Трапециевидную форму также имеет один из концевых-боковых скребков с двумя боковыми лезвиями. Лезвия скребков дугообразные или прямые, реже слабо дугообразные, обработаны крутой или полукрутой ретушью с узкими или средней ширины фасетками, иногда с широкими фасетками. Из целых скребков только один может быть отнесен к микроскребкам (12×9×3 см), все остальные средние по величине (до 4 см). 36 скребков имеют примерно равную длину и ширину, 2 скребка отличаются укороченными пропорциями, 5 имеют вытянутые пропорции, при этом у двух из них длина превышает ширину более чем в два раза. У большинства скребков наблюдается ретушь утилизации на неретушированных краях, вероятно, в результате их использования для функций как скобления, так и резания. Ретушь утилизации отмечена и на некоторых фрагментированных скребках вдоль кромок, образованных фрагментацией.

Наконечники представлены 11 экз. (рис. 8: 1–4). Среди них три целых, у одного из них утрачен кончик острия (рис. 8: 3), у второго – часть насада (рис. 8: 2); 4 обломка насада (рис. 8: 4); 1 обломок острия; два обломка либо острия, либо насада (один из них обломан с обоих концов) и один предмет, определенный как заготовка наконечника из пластины (рис. 8: 1). Один целый наконечник изготовлен из лидита (рис. 8: 3), один обломок острия из кремневого сланца, остальные из кремня. Заготовками для всех наконечников послужили пластины, причем в одном случае это реберчатая пластина (рис. 8: 4). Целые наконечники могут быть сопоставлены с типами наконечников с обоюдоострыми концами (2 экз., в том числе экземпляр из лидита) и наконечников с черешком (1 экз.) из Оленеостровского могильника¹⁸. Два

¹⁸ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. С. 96.

обломки также представляют собой выделенные черешки. Строгий стандарт обработки не выявляется. Целые экземпляры обработаны крутой и полукрутой ретушью на спинке по всему периметру, только у экземпляра из лидита отмечена одна фасетка плоской ретуши на брюшке у острия. Среди обломков большинство (5 экз.) также обработаны крутой и полукрутой ретушью на спинке вдоль обоих боковых краев, которая иногда сходится с образованием треугольного сечения (насада). Один обломок острия, помимо крутой ретуши на спинке, подправлен фасеткой плоской ретуши на брюшке. Один обломок острия оформлен плоской встречной ретушью на брюшке и крутой ретушью на спинке вдоль обоих боковых краев. Один из обломков-черешков имеет крутую ретушь на брюшке вдоль обоих боковых краев и крутую на спинке вдоль одного бокового края в месте перехода в перо, второй – плоскую ретушь на брюшке, протягивающуюся от одного края до другого, и крутую ретушь на спинке вдоль обоих боковых краев. Заготовка наконечника обработана крутой ретушью на брюшке вдоль обоих боковых краев на насаде, черешок не выделен, острие не сформировано. На заготовке видно, что острие должно было располагаться на проксимальном конце; в остальных случаях ориентировка неизвестна. Обработка всех предметов довольно небрежная. Размеры целых наконечников очень небольшие, длина равняется 2,1, 3,3 и 2,2 см, длина заготовки 3,7 см. Один из обломков-черешков имеет хорошо заметные следы вторичного использования в качестве перфоратора (проколки?), острие которого располагается на остром углу, образованном в результате разлома без дополнительной обработки.

Проколки. К проколкам отнесены 7 предметов. 5 изготовлены из отщепов с площадками (в том числе 2 из пластинчатых отщепов, один из которых реберчатый) и по одному – из биполярного отщепа, фрагментированного и неопределимого отщепов. 3 экз. кремневых и 4 экз. из лидита. У трех проколов острие располагается на естественно остром, подправленном мелкой крутой ретушью дистальном конце скола (рис. 8: 21, 33) и еще у двух – на естественно остром и также подправленном мелкой крутой или пологой ретушью углу между боковым и дистальным краями скола-заготовки. Плечики у таких проколов не выделены. Они имеются у двух проколов со специально оформленным острием. В одном случае острие оформлено с помощью полукрутой ретуши с широкими фасетками на дистальном конце биполярного скола, ретушь на спинке вдоль одного бокового края и на брюшке – вдоль второго (рис. 8: 27). Во втором случае острие первоначально сформировано крупной ударной ретушью на боковом крае крупного скола (длина 4 см) и затем подправлено мелкой ретушью на спинке (рис. 8: 26).

Резцы. К данному типу отнесены изделия с резцовым сколом. Выделены 5 экз.; имеется также еще одно комбинированное орудие с резцовым

сколом. Все сделаны из отщепов; 3 экз. изготовлены из кремня, 1 – из лидита и 1 – из твердого (но неокремненного) сланца. Все могут быть отнесены к типу угловых резцов (рис. 8: 35, 37–38). В двух случаях резцовые сколы завершились заламами в самом начале. Только у одного резца есть хорошо различимые следы работы на кромке, сформированной резцовым сколом (рис. 8: 35).

Резчики. Выделены 2 экз., оба изготовлены из кремневых отщепов. Один из скола с площадки нуклеуса для пластин, дистальный конец которого имеет форму резцовой кромки. Вдоль одного края он был подправлен крутой ретушью. На всех ребрах заметна ретушь утилизации и сточенность кромки. У второго экземпляра на вытянутом дистальном углу отщепа крутой ретушью сформировано узкое округлое острие с клювовидным выступом (рис. 8: 34).

Скобели – изделия с вогнутым лезвием, оформленным скребковой (крутой или полукрутой) ретушью (рис. 8: 28, 30). Имеется 19 экз. (7 – из лидита, 6 – из кварца, 4 – из кремня и 2 – из окремненного сланца). Все изготовлены из отщепов, включая 10 отщепов с площадкой (1 пластинчатый и один технический, снявший залом на нуклеусе для пластин), 3 биполярных отщепов (все кварцевые), 3 неопределимых и 3 фрагментированных. Большинство имеют одно вогнутое лезвие, у 3 экз. два таких лезвия и у 1 экз. – одно лезвие.

Скрёбла. Изделия из крупных отщепов, края которых обработаны грубой ударной ретушью (рис. 8: 12). Выделены 4 экз., 3 – из сланца и 1 – из лидита. У 2 экз. таким способом оформлены два ретушированных лезвия, у 1 экз. – два лезвия и еще у 1 экз. – одно лезвие.

Клинья. Имеют признаки биполярного расщепления, т. е. биполярную забитость на противоположных концах. Очень маловероятно, чтобы они являлись нуклеусами, поскольку сами они представляют собой небольшие отщепы, получившие биполярную забитость уже после отделения от ядрища. Подобные следы могли появиться при использовании их в качестве клиньев для раскалывания относительно твердых материалов. Такими материалами могли быть кость или сланец – при использовании каменных клиньев сланцевые блоки с сильно выраженной сланцеватостью можно раскалывать на тонкие плитки. В коллекции имеется 4 экз., 2 – из лидита, 1 – из кварца и 1 – из сланца. Сланцевый экземпляр отличается тем, что забитость, похожая на биполярную, но без внутренних трещин, имеется только на одном конце изделия. Конец довольно острый, имеет неглубокий продольный желоб, на поверхности которого у кромки лезвия заметна сточенность. Не исключено использование этого изделия для работы по дереву (в качестве стамески).

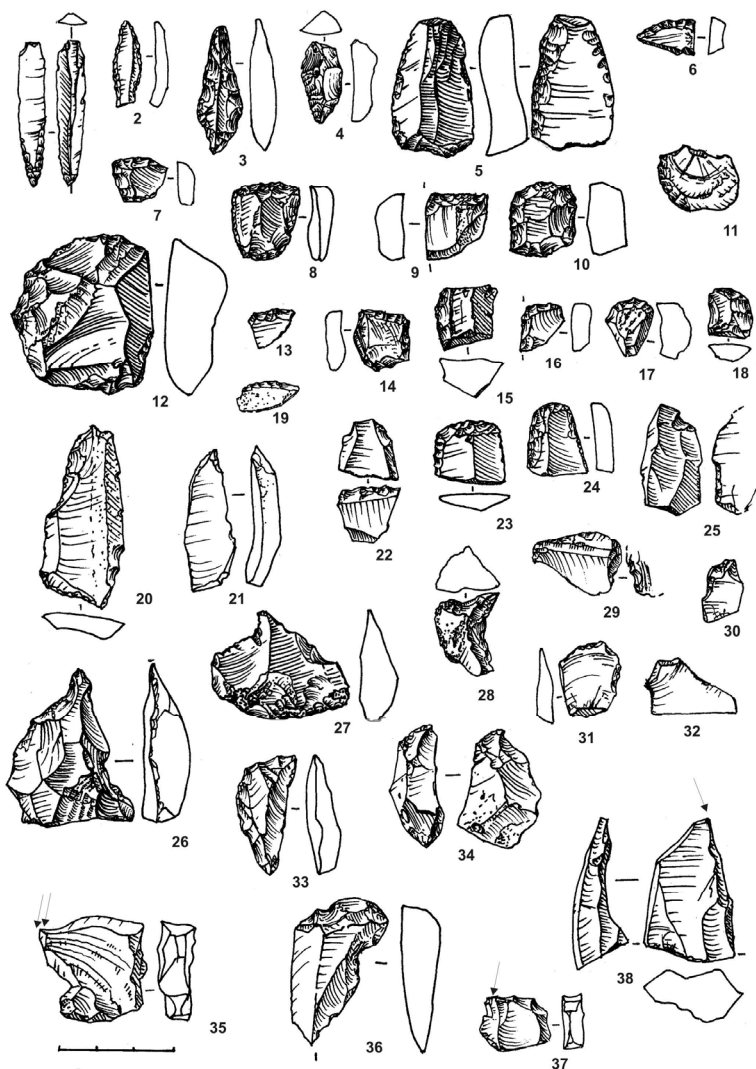

Рис. 8. Каменный инвентарь Оленеостровской стоянки (раскоп 2007 г.).
 Место хранения – Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы»
 1–4 – наконечники стрел; 5 – скребок-нож; 6–14, 16–19, 22–24, 29 – скребки; 12 – скребло;
 15, 25, 31–32, 36 – отщепы с ретушью; 20 – нож-проколка; 21, 26–27, 33 – проколки; 28, 30 –
 скобели; 34 – резчик; 35, 37–38 – резцы. 1, 32, 38 – кремненый сланец; 2, 4–10, 13–14, 16–
 20, 22–25, 27–29, 31–35, 37 – кремнь; 3, 11, 15, 21, 26 – лидит; 12, 36 – сланец; 30 – кварц

Шесть орудий являются комбинированными. Среди них два *скребка-скобеля* из кремня, один сделан из отщеп с площадкой, второй представляет собой модифицированный фрагментированный скребок. *Скребок-проколка* – 1 экз., из кремневого отщеп, острие проколки оформлено на дистальном углу бокового скребка, расположено противоположно скребковому лезвию, без плечиков. *Скребок-нож* – 1 экз., изготовлен из толстой широкой кремневой пластины (рис. 8: 5). Лезвие скребка оформлено на дистальном конце с помощью крутой крупнофасеточной ретуши. Лезвия ножей оформлены на обоих боковых краях с помощью плоской ретуши на брюшке, на них заметна также ретушь утилизации. *Нож-проколка* – 1 экз., также сделан из кремневой пластины. Лезвие ножа оформлено на одном боковом крае с помощью широких плоских сколов на спинке, острие проколки – на дистальном углу, с помощью крутой ретуши на спинке вдоль дистального конца и прилегающей части бокового края, имеет выделенные плечики (рис. 8: 20). *Скобель-резец* – 1 экз., изготовлен из фрагментированного отщепа окремненного сланца. Кромка, сформированная резцовым (?) сколом, и лезвие скобеля находятся на противоположных краях скола-заготовки.

Отщепы с ретушью. К данному типу отнесены сколы, имеющие участки с намеренно нанесенной ретушью, но не соответствующие ни одному из морфологически выраженных типов орудий (рис. 8: 15, 25, 31–32). Имеется 48 экз., 24 – из кремня, 13 – из лидита, 3 – из кварца, 3 – из сланца, 3 – из окремненного сланца и 2 – из халцедона. Все изготовлены из отщепов, в том числе 19 – из отщепов с площадкой (среди них 2 экз. из пластинчатых отщепов), 18 – из фрагментированных отщепов (один из них с площадкой), 10 – из неопределимых и 1 – из биполярного скола.

Кроме отщепов с намеренно нанесенной ретушью, имеются также многочисленные *отщепы с ретушью утилизации* – сколы без вторичной обработки, имеющие участки с мелкой или нерегулярной ретушью и заломы, а также заметной невооруженным глазом сточенностью кромок, т. е. следами, вероятнее всего возникшими в ходе утилизации. Таких предметов в коллекции 158 экз., в том числе 78 – из кремня, 51 – из лидита, 15 – из окремненного сланца, 7 – из сланца, 5 – из кварца и 2 – из халцедона. 83 экз. представляют собой отщепы с площадкой с признаками утилизации (включая 3 технических скола и 7 пластинчатых отщепов), 52 – фрагментированные отщепы (11 из которых с сохранившейся площадкой), 12 – неопределимые и 10 – биполярные.

Среди морфологически выраженных орудий только 16 экз. изготовлены из пластин, остальные 85 – из отщепов (за исключением одного экземпляра из сработанного биполярного нуклеуса и одного экземпляра из фрагментированного скребка); в это количество не вклю-

чены фрагменты скребков. Вместе с отщепами с ретушью и ретушью утилизации из отщепов изготовлено 291 орудие (против 119 орудий из пластин, пластин с ретушью и ретушью утилизации). В коллекциях раскопок 1955–1957 и 1972 гг. зафиксировано примерно такое же соотношение.

Таким образом, основной заготовкой для орудий служил отщеп, а пластины, вероятно, в основном использовались для производства вкладышевых инструментов. Следует отметить, что в качестве сколов-заготовок иногда использовались отходы пластинчатой индустрии (особенно технические сколы с нуклеусов для получения пластин), но значительное их количество получалось намеренно, в том числе с использованием биполярного расщепления. Кроме этого, заметное количество орудий из фрагментированных сколов подтверждает предположение о намеренной фрагментации отщепов из кремня с целью увеличения количества рабочих лезвий, получаемых с одного скола-заготовки.

Средний размер орудий на отщепах коллекции очень небольшой – 23 мм. Среднее значение для орудий из халцедона равняется 26 мм, из окремненного сланца – 27 мм, кремня – 20 мм, лидита – 27 мм, кварца – 20 мм, сланца – 39 мм. По данным метрическим показателям обнаруживается заметное отличие от выборки из раскопок 1955–1957 и 1972 гг. Орудия из раскопа 2007 г. меньше, и это следует связывать с тем, что коллекция не была сортирована – при применявшейся в 2007 г. методике раскопок вероятность обнаружения предметов очень небольших размеров была выше. Наряду с данным отличием, для орудий раскопа 2007 г. также прослеживается тенденция к большей степени утилизации импортного кремня по сравнению с местными породами, но за исключением кварца.

По основным признакам орудий и по соотношению различных их типов выборки из раскопов 1955–1957, 1972 гг. и 2007 г. в целом соответствуют друг другу. Однако помимо уже отмеченной разницы в метрических признаках, следует подчеркнуть, что количество предметов в выборке из раскопа 2007 г. даже больше, чем в выборках из более ранних раскопок, хотя раскопанная в 2007 г. площадь многократно меньше. Несомненно, такая разница связана с методикой, применявшейся в ходе раскопочных работ до 2007 г.

Продукты бифасиального расщепления

Среди материалов из Оленеостровской стоянки имеются два кремневых предмета, изготовленных с помощью двусторонней, или бифасиальной, обработки (табл. 1). Один из них может быть определен как *заготовка бифаса*. Предмет небольшого размера (51×22×6 см), расколот

вдоль по широкой грани, скорее всего, от термического воздействия (рис. 9: 1). Исходной заготовкой послужил отщеп, который начали обрабатывать с помощью бифасиальной технологии. Вдоль одного бокового края сформировано бифасиальное ребро. Второй край обработан крутой ретушью, предположительно с целью создания подходящего угла расщепления для начала двусторонней обработки. Несомненно, использовалась техника отжима; возможно, она сочеталась с ударом мягким отбойником. Как было установлено Г. Н. Поплевко, на изделии имеются следы использования.

Имеется также один двусторонне обработанный наконечник стрелы, происходящий из раскопок Г. А. Панкрушева и упомянутый в подготовленной им краткой публикации материалов Оленеостровской стоянки¹⁹. В настоящее время он хранится в Карельском государственном краеведческом музее (рис. 9: 2). Данный предмет очень сильно отличается от серии других наконечников из Оленеостровской стоянки, а также от всех каменных наконечников из мезолитических памятников Карелии. Отличие заключается в том, что он не является наконечником на пластине, у которого ретушью подправлен только насад и острие, что характерно для эпохи мезолита. Его можно отнести к числу бифасиальных наконечников, обработанных с помощью двусторонней отжимной ретуши. Такие изделия типичны для эпохи неолита и раннего металла. Форма предмета удлиненно-ромбическая, больше характерная для неолитического времени, острие отломано, база прямая.

Сечение наконечника представляет собой асимметричную линзу, смещенную к одной из сторон. При этом на более высокой стороне изделия присутствует продольное ребро, в то время как на второй такого ребра нет. Подобное сечение очень сходно с сечением пластины, и нельзя исключать, что исходной заготовкой послужила именно пластина, а не отщеп, как у бифасиальных наконечников стрел эпохи неолита и раннего металла. Кроме этого, поверхность базы наконечника напоминает площадку пластины. Тем не менее утверждать, что наконечник сделан из пластины, нельзя, поскольку вся его поверхность, кроме основания базы, покрыта негативами от двустороннего ретуширования, и характер исходной поверхности установить невозможно.

Сколы-продукты бифасиального расщепления – «сколы утончения бифасов» не выделялись при описании коллекции в отдельную группу. Тем не менее было отмечено, что имеются отщепы с диагностическими признаками таких сколов, включая угол скалывания, фасетированную узкую площадку, подготовку зоны расщепления (редуцирование),

¹⁹ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 1: Мезолит. С. 104.

расширение в плане к дистальному концу, плоский ударный бугорок и наличие «губы» над ударным бугорком, небольшая (относительно ширины) толщина. Сколов с углами скалывания менее 70°, фасетированной площадкой, «губой», расширяющихся к дистальному концу, в коллекции из раскопок 2007 г. насчитывается 5 экз. (3 – из кремня и 2 – из лидита). При добавлении сколов, имеющих перечисленные признаки, но сужающихся к дистальному концу или с параллельными краями, их число увеличивается до 8 (5 – из кремня, 2 – из лидита и 1 – из кварца). Среднее отношение ширины к толщине у этой серии равняется 5,1, что намного больше, чем в среднем в коллекции. У 5 экз. (4 из кремня и 1 из лидита) есть признаки подготовки зоны расщепления.

Данной серии недостаточно для окончательного вывода о наличии отходов бифасиального расщепления в коллекции сколов из раскопа 2007 г., поскольку нельзя исключать, что они были получены в ходе подготовки и срабатывания нуклеусов с помощью удара мягким отбойником. Тем не менее, с учетом наличия заготовки бифаса, предположение о том, что они связаны именно с бифасиальной технологией, также не может быть исключено.

Небольшие изделия из сланцевых плиток

В коллекции раскопок 1955–1957 и 1972 гг. имеются два предмета, изготовленные из тонких плиток мягкого сланца, которые определенно не могли быть связаны с контекстом индустрии макроорудий (табл. 1). Первый представляет собой небольшое (5,7×1,6×0,4 см) изделие иволистной формы (один конец отломан), линзовидное в сечении, шлифованное по всей поверхности. По основным признакам оно соответствует сланцевым шлифованным наконечникам стрел, которые в Карелии использовались только в течение энеолита на памятниках с асбестовой и пористой керамикой. Аналоги данному предмету на мезолитических стоянках Карелии неизвестны²⁰. Вероятнее всего, данный предмет оказался в культурном слое поселения случайно.

Второе обозначено как «изделие с выемкой». Изготовлено из небольшого обломка плитки (5,4×4,1×1,7 см) подпрямоугольной формы. Изделие подверглось механическому воздействию наподобие биполярного расщепления, при котором один конец его, вероятно, был установлен на выпуклую твердую поверхность. В результате на этом конце образовалась глубокая выемка, в то время как противоположный конец остался почти прямым (рис. 9: 3). Цель обработки в данном случае непонятна.

²⁰ Устное сообщение В. Ф. Филатовой.

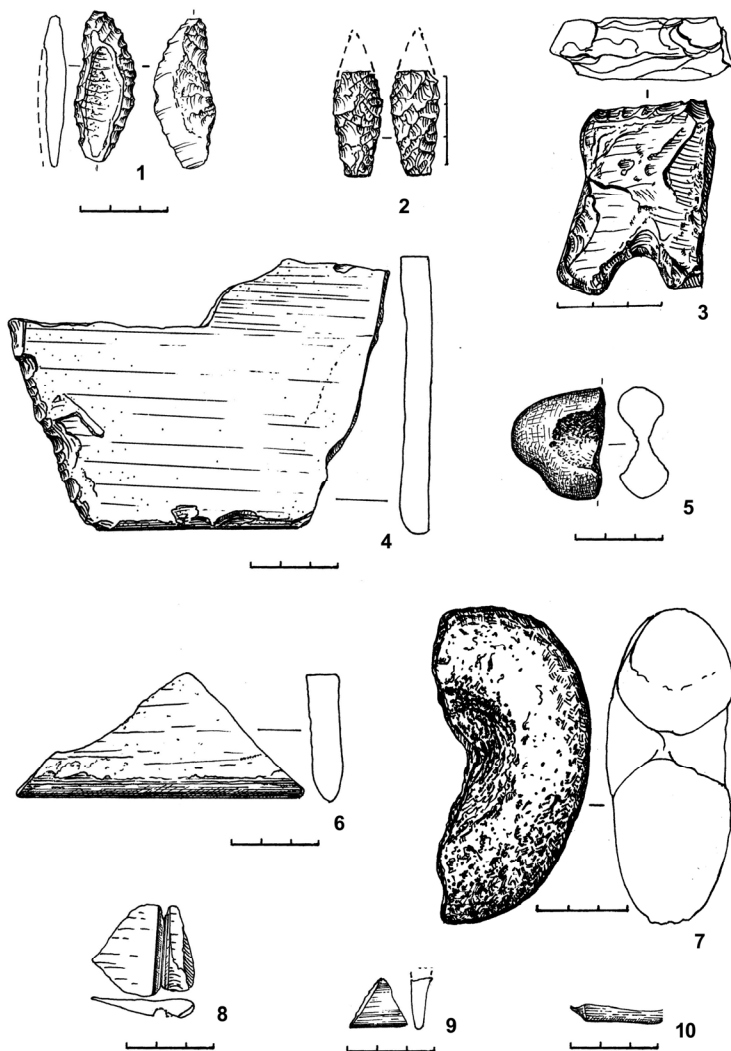

Рис. 9. Каменный инвентарь Оленеостровской стоянки. Место хранения: 1, 4–6, 8–10 – Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж»; 2, 7 – Карельский государственный краеведческий музей; 3 – Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

1 – заготовка бифаса; 2 – двусторонне обработанный наконечник стрелы; 3 – изделие с выемкой; 4, 6, 9–10 – пилы; 5, 7 – перфорированные диски; 8 – плитка со следами пиления. 1–2 – кремль; 3, 8 – сланец; 4–7, 9–10 – кварцит, песчаник

В коллекции 2007 г. также присутствуют два небольших предмета, которые могут быть связаны с индустрией изделий из тонких сланцевых плиток, не относящихся к контексту сланцевых макроорудий. Это обломок *заготовки*, с грубой оббивкой по самому краю. Готовое изделие, вероятно, могло быть ножом, подвеской или пилой. Второй предмет представляет собой *плитку с нарезками*. Предмет обломан с обоих концов. У него зашлифованы узкие боковые грани и одна из широких граней, форма подпрямоугольная, но слегка сужается к одному из концов. На более широком конце намечены две узкие нарезки на боковых гранях напротив друг друга. Назначение изделия непонятно.

Абразивы

В коллекции из раскопок 1955–1957 и 1972 гг. представлено очень большое количество абразивных инструментов – шлифовальных плит, брусков и пил (186 экз.), главным образом, в виде обломков (табл. 1).

Шлифовальные плиты. Имеется 117 предметов, все в виде обломков разного размера, в том числе два крупных скола со шлифовальных плит. 101 экземпляр изготовлен из песчаника, 9 – из кварцита и 7 – из сланца. На обломках, содержащих часть одной или двух боковых поверхностей плит, можно видеть, что плиты из абразивного материала могли использовать как без дополнительной обработки, так и с обработкой в виде краевой оббивки, чаще по принципу «двустороннего унифаса». Иногда боковые поверхности плит шлифовались. Для шлифования орудий могли использовать как одну (71 экз.), так и обе (44 экз.) широкие грани плит. Какой-либо зависимости данного показателя от толщины изделий не выявлено – средняя толщина плит из обеих групп (с одной или двумя шлифованными поверхностями) около 17 мм. Шлифование было более интенсивным в центральной части плит по сравнению с ее краями, что приводило к их истончению и последующему разлому. В одном случае на широкой грани плиты зафиксирован участок с множественными выбоинами, аналогичными тем, которые образуются при использовании пикетажа. Такие следы должны были остаться в результате использования ее также в качестве наковальни. Еще у одного обломка плиты оббивкой сделана неглубокая выемка на одной боковой грани. Цель такой обработки непонятна. Размеры обломков колеблются от 2 до 190 см, в среднем около 7 см. Минимальная толщина плит в выборке 2 мм, максимальная – 43 мм.

Шлифовальные бруски. Отличаются от плит в целом меньшими размерами и более четкой геометрической формой. Имеется четыре экземпляра (три из песчаника и один из сланца), три подпрямоугольных и один неправильно-трапециевидный в плане; у трех обломан один конец, один

целый, хотя его торцы изначально, насколько можно судить, были сформированы разломом. Бруски готовились с использованием оббивки и шлифования. У бруска трапециевидной формы оббивкой сделан захват – неглубокие выемки напротив друг друга на боковых гранях. На широкой грани сланцевого бруска вышлифован неглубокий продольный желоб, предположительно для обработки узких предметов, хотя не исключено также, что это след от пиления.

Пилы представлены 63 экз., 11 целых и 52 фрагмента, 49 изготовлены из песчаника и 14 – из сланца. Заготовками послужили мелкие плитки, не исключено также вторичное использование обломков шлифовальных плит. На некоторых заметны следы обработки лезвия, предшествовавшей их использованию в качестве абразивных пил, с помощью краевой двусторонней оббивки, формирующей заостренное ребро. У большинства целых пил и обломков имеется только одно лезвие с округлой или заостренной кромкой. У 10 экз. есть два лезвия, расположенных напротив, при этом у 5 из них лезвия сходятся под острым углом с образованием подтреугольной формы предмета. У двух пил есть 3 лезвия, одна из них имеет довольно четкую трапециевидную форму. Еще у одной пилы (?) трапециевидной формы из песчаника имеются четыре лезвия с острыми кромками по периметру. В целом по выборке средняя длина пил равняется 5,8 см, при этом средняя длина целых пил заметно больше – 9,4 см. Максимальное зафиксированное значение также принадлежит целой пиле – 15,5 см. Самая короткая целая пила имеет длину 3,8 см. Средняя толщина пил 7 мм, минимум 3 мм и максимум 24 мм.

Два предмета использовались как шлифовальные плиты и пилы, оба из песчаника. В одном случае, вероятно, обе функции использовались одновременно, в другом, скорее всего, для пилы был приспособлен обломок шлифовальной плиты.

В коллекции из раскопа 2007 г. комплекс изделий, предназначенных для абразивной обработки, насчитывает 15 экз. (табл. 1).

Шлифовальные плиты. Представлены 7 экз., 2 целыми, 3 обломками и 2 сколами со шлифовальных плит. Почти все изготовлены из песчаника, 1 экз. из сланца. Отличаются минимумом обработки, только на некоторых изделиях есть следы краевой оббивки. Шлифованные поверхности располагаются на одной либо обеих широких гранях изделий. На обломках заметно, что разлом произошел в результате истончения после интенсивного использования. Целая плита из песчаника не очень большая (15×13×2,7 см), не имеет дополнительной обработки, для шлифования использовалась только одна широкая грань. Сланцевая плита целая, тонкая, размеры 13×8,8×1,5 см, также без обработки, на одной

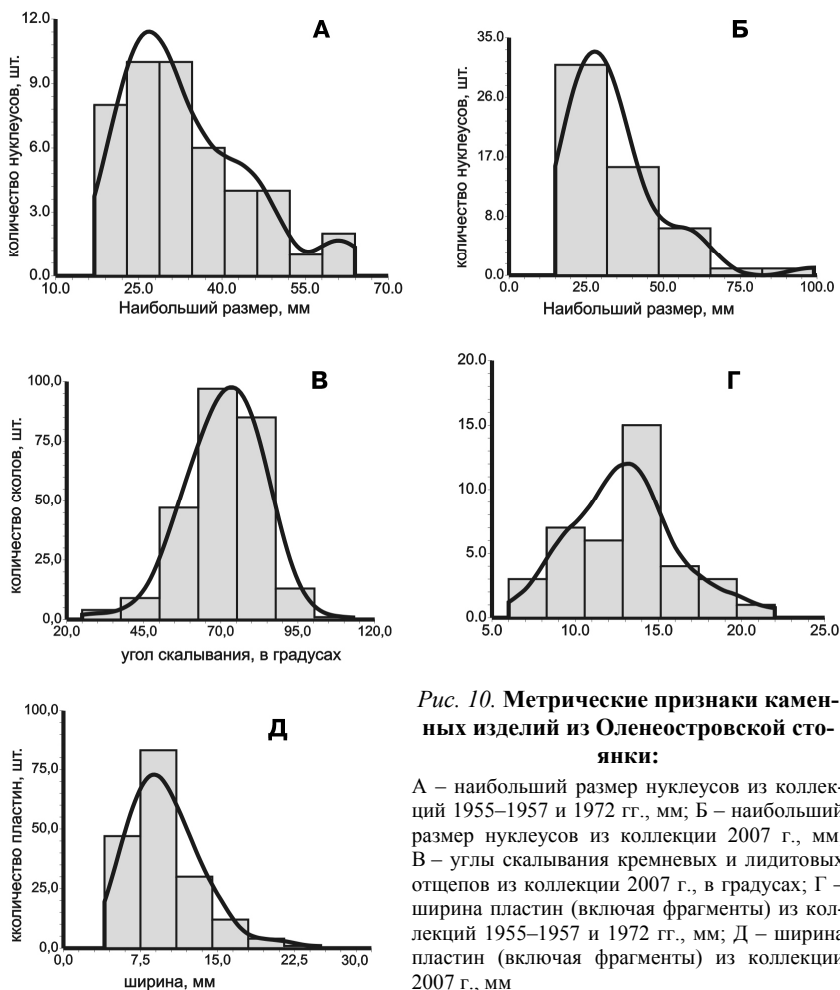

Рис. 10. Метрические признаки каменных изделий из Оленеостровской стоянки:

А – наибольший размер нуклеусов из коллекций 1955–1957 и 1972 гг., мм; Б – наибольший размер нуклеусов из коллекции 2007 г., мм; В – углы скалывания кремневых и лидитовых отщепов из коллекции 2007 г., в градусах; Г – ширина пластин (включая фрагменты) из коллекций 1955–1957 и 1972 гг., мм; Д – ширина пластин (включая фрагменты) из коллекции 2007 г., мм

широкой грани есть слабая шлифовка. Возможно, она предназначалась для полирования.

Пилы. Представлены 8 экз., 1 целым и 7 обломками, 6 экз. изготовлены из песчаника, 1 экз. из кварцита и 1 экз. из сланца (рис. 9: 4, 6, 9–10). Заготовками послужили мелкие плитки, не исключено также вторичное использование обломков шлифовальных плит. На некоторых заметны следы обработки лезвия, предшествовавшей их использованию в качестве абразивных пил, с помощью краевой двусторонней оббивки, формирующей заостренное ребро (рис. 9: 4). У трех экз. имеются два противо-

положно расположенных лезвия, линии которых направлены под острым углом друг к другу; у целого экземпляра лезвие одно, у остальных обломков их количество не может быть установлено. Кромка лезвия округлая или заостренная.

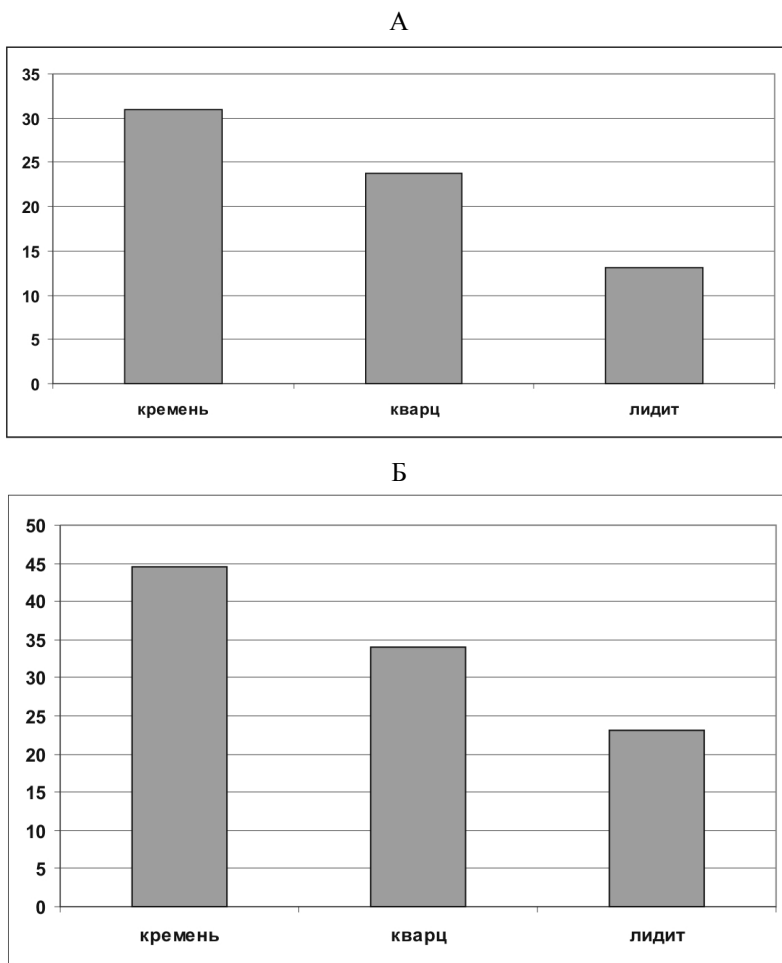

Рис. 11. Количество фрагментированных отщепов из кремня, кварца и лидита (в процентах от общего количества):

А – коллекция из раскопок 1955–1957 и 1972 гг.; Б – коллекция из раскопок 2007 г.

Перфорированные диски

В коллекции из раскопов 1955–1957 и 1972 гг. присутствуют 11 предметов неправильно-дисковидной или (реже) овальной формы с биконическим отверстием в центре (рис. 9: 7), 8 – из сланца и 3 – из песчаника (табл. 1). Они изготовлены из округлых галек или плиток, которым придана округлая форма с помощью краевой оббивки, пикетажа, иногда шлифования. 8 предметов представлены в виде фрагментов, один состоит из двух обломков, которые удалось соединить друг с другом. Два изделия, в том числе собранный из двух обломков экземпляр, были сломаны в процессе перфорации, остальные, насколько можно судить, уже после завершения обработки. Перфорация начиналась с помощью пикетажа и продолжалась с помощью сверления.

В коллекции раскопа 2007 г. присутствует один перфорированный диск. Предмет изготовлен из небольшой песчаниковой гальки, был разломан в процессе обработки (размеры сохранившейся части 3,2×3,8×2 см). Имеет следы биконического сверления, которое не было завершено в связи с разломом (рис. 9: 5).

Изделия такого рода обычны для памятников каменного века в южной половине Карелии.

Плитки с перехватом

Два таких изделия, изготовленных из сланца, имеются в коллекции раскопок 1955–1957 и 1972 гг. Они представляют собой довольно крупные (длиной около 10 см и толщиной около 2 см) плитки, на боковых сторонах которых оббивкой сделаны выемки напротив друг друга (перехват). Предположительно, такие предметы, иногда встречающиеся на памятниках каменного века Карелии, могли использоваться в качестве грузов (утяжелителей), перехват при этом нужен был для укрепления веревки.

Заключение

Одной из основных особенностей Оленеостровской стоянки является значительное количество предметов, относящихся к индустрии рубящих сланцевых орудий, суммарно превышающее все другие категории инвентаря. Эта особенность отмечается для всех участков памятника, в том числе для стоянки Южный Олений Остров 2, исследовавшейся в 2006 г.²¹ На этом основании Г. А. Панкрушевым было высказано предположение о том, что памятник является стоянкой-мастерской по изготовлению слан-

²¹ Тарасов А. Ю., Мурашкин А. И., Герман К. Э. Новые исследования на Южном Оленьем острове... С. 41–81.

цевых орудий²². Данное предположение позже было поставлено под сомнение В. Ф. Филатовой²³.

По итогам технико-типологического анализа каменного инвентаря с Оленеостровской стоянки действительно можно утверждать, что поиск сланцевого сырья и изготовление сланцевых рубящих орудий являлось одним из основных занятий ее древних обитателей. Вместе с тем наличие весьма заметной серии сколов со шлифованных орудий, сломанных орудий и орудий с признаками износа на лезвии и ремонта лезвийной части свидетельствует о том, что на территории стоянки имело место не только изготовление, но и использование такого рода инструментов.

Об узкой специализации памятника как стоянки-мастерской не позволяют говорить также и серии каменных изделий из других пород камня. Отходы производства из кремня, лидита, кварца и халцедона также очень многочисленны. Довольно представительна серия нуклеусов для пластин и отщепов. По результатам технологического анализа можно утверждать, что непосредственно на стоянке происходило срабатывание нуклеусов для получения микропластин и узких пластин, а также подготовка и срабатывание нуклеусов для получения отщепов. Согласно трассологическому анализу материалов из раскопа 2007 г., проведенному Г. Н. Поплевко (в печати), в коллекции присутствуют многочисленные орудия, предназначенные для обработки органических субстанций (дерево, кость и рог, мясо).

Таким образом, на стоянке происходила разнообразная хозяйственная деятельность, отнюдь не сводившаяся только к операциям по изготовлению рубящих орудий. Следовательно, мы имеем дело с поселенческим комплексом, а не с узкоспециализированным комплексом мастерской. Предположительно, стоянка могла посещаться в летнее время, поскольку в течение бесснежного периода возможна была добыча кусков сланцевого сырья из почвы.

Все проанализированные коллекции, связанные со Оленеостровской стоянкой, а также со стоянкой Южный Олений Остров 2, обладают очень большим сходством. Существенно, что после раскопок 2007 г. вывод о сходстве может быть сделан на основании сопоставимых выборок, т. е. выборки из двух несортированных коллекций. Как не раз было показано в ходе сравнительного описания материала, методика раскопок, применявшаяся на стоянке до 2007 г., заметно повлияла на состав коллекции.

На всех исследованных участках хорошо представлен технологический контекст изготовления сланцевых макроорудий. При обработке ис-

²² Панкрушев Г. А. Новые археологические данные по древнейшей истории Карелии // Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. X. Петрозаводск, 1958. С. 9–11.

²³ Филатова В. Ф. Комплекс орудий Оленеостровской стоянки... С. 132–139.

пользовались различные приемы краевой обивки, пиление, пикетаж, абразивная обработка, как правило не покрывающая поверхность изделия целиком. Разница в технологии не очень существенна, однако на Оленеостровской стоянке лучше представлена техника пиления. Доля таких изделий в контексте индустрии макроорудий на этой стоянке является максимальной среди всех других памятников каменного века Карелии, на которых использовалась такая техника. Следует отметить, что большинство изделий со следами пиления происходит из раскопов Г. А. Панкрушева 1956 и 1957 гг. Возможно, по какой-то причине здесь произошла концентрация пиленых изделий. В то же время это можно объяснить и тем, что именно в эти годы раскопками была вскрыта наибольшая площадь.

Одним из итогов раскопок 2007 г. явилось существенное увеличение серии пластин и микропластин с Оленеостровской стоянки. Так же, как и на стоянке Южный Олений Остров 2, большинство пластин представлены в виде коротких медиальных обломков (сечений). Большинство из них подвергалось вторичной обработке (ретуширование) или имеет ретушь утилизации. Также заметно была увеличена серия наконечников стрел на пластинах. Присутствуют наконечники с черешком и обоюдоострые, имеющиеся также среди материалов Оленеостровского могильника и стоянки Южный Олений Остров 2. Размеры наконечников небольшие, единого стандарта обработки нет, обработка даже по сравнению с наконечниками со стоянки Южный Олений Остров 2 небрежная.

Заметным отличием материалов из Оленеостровской стоянки от материалов стоянки Южный Олений Остров 2 является более многочисленная серия изделий из кварца. В связи с этим более многочисленным является и комплекс изделий, полученных при биполярном расщеплении, – большинство из них кварцевые, включающие биполярные нуклеусы, сколы и орудия из таких сколов.

Еще одной отличительной особенностью является присутствие предметов, связанных с бифасиальной обработкой, – фрагмент заготовки бифаса, двусторонне обработанный наконечник стрелы и кремневые сколы, имеющие характеристики сколов утончения бифасов. Можно предложить два объяснения присутствия таких изделий. Согласно первому, они указывают на наличие примеси неолитических материалов. В пользу такого предположения может свидетельствовать высотное расположение стоянки. Она располагается на такой высоте, на которой на данном участке побережья Онежского озера также возможно нахождение стоянок культуры сперрингс (около 6 м над уровнем озера). Однако, учитывая полное отсутствие керамики среди материалов с поселения, довольно вероятно также, что мы имеем дело с одним из первых свидетельств возникновения индустрии тонких бифасов на территории Карелии. Конечно,

нельзя исключать и случайное попадание таких предметов в слой памятника в более позднее время. Для завершенного наконечника стрелы вероятность такого случайного попадания действительно можно считать высокой. Тем не менее незавершенный бифас с признаками использования и термического повреждения с большей вероятностью все же был произведен на стоянке.

Подводя итог, можно утверждать, что Оленеостровская стоянка представляла ту же культурную традицию мезолитической культуры Обонья, что и два других мезолитических памятника, известных на острове. Наряду с этим, предположительно можно говорить о ее более позднем возрасте по сравнению не только с Оленеостровским могильником, но и со стоянкой Южный Олений Остров 2, исследовавшейся в 2006 г.

К. Э. Герман

НОВЫЕ ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ОЗЕРЕ ВОИЦКОМ В СЕГЕЖСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Данная статья продолжает публикацию материалов с поселений каменного века, расположенных по берегам Воицкого озера. В настоящее время насчитывается 15 поселений: Воицкое I–X, Грудино I–III и Воицкий Водопад I–II (рис. 1). В публикации рассматриваются три памятника: Грудино III и Воицкий Водопад I–II, которые были открыты автором статьи.

Поселение Грудино III располагается у восточного берега острова Грудино, 500 м восточнее п. Надвоицы, 270 м северо-восточнее поселения Грудино I, на небольшом песчаном мысовидном выступе, заканчивающемся небольшим скальным выходом. Высота над уровнем реки Выг до затопления составляла 0,5 м, размеры примерно 45×35 м (1575 м²). По всей поверхности памятника были собраны: сланцевое тесло, нож, три скребка, два обломка наконечников стрел и пластинчатый отщеп со следами обработки (рис. 3: 3) из кремня, 6 долотовидных орудий, 21 скребок из кварца, 40 отщепов кварца, 34 – кремня и 1 – литита. Также в одном месте на территории поселения было выявлено скопление волокон асбеста.

Заготовками долотовидных орудий служили небольшие отщепы размерами от 2,5×1,5×0,7 до 4×2,5×0,8 см (рис. 2: 1, 2, 5–7, 13). В плане пять из них имеют подпрямоугольные очертания и одно – подтреугольное (рис. 2: 5). Форма поперечного сечения неправильная подпрямоугольная. Лезвие оформлялось на одном из узких концов поперечным сколом с подправкой ретушью. Обушок толстый и прямой, только у одного орудия – суживается (рис. 2: 5). Боковые края параллельны, у двух изделий поперечным сколом подправлена спинка (рис. 2: 6, 7).

Кварцевые скребки в размерах варьируют, начиная от крупных размеров, от 3,5×2,5×1,2 до 1,7×1,3×0,6 см. Заготовками служили мелкие и средние отщепы и осколки. Преобладают подпрямоугольные (рис. 2: 4, 11, 12,

14, 20, 22, 23, 27) и полукруглые (рис. 2: 15–19, 25), но есть неправильной формы (рис. 2: 3, 10, 21), подтреугольные (рис. 2: 9, 26, 28) и подовальные (рис. 2: 8, 24). Есть один концевой (рис. 2: 12). Кроме одного двухсторонне обработанного изделия (рис. 2: 17), все скребки имеют одну обработанную сторону. Большая часть обработана крутой полукруглой крупнофасеточной ретушью, но есть и обработка пильчатой мелкофасеточной ретушью, которая часто нанесена небрежно и с пропусками.

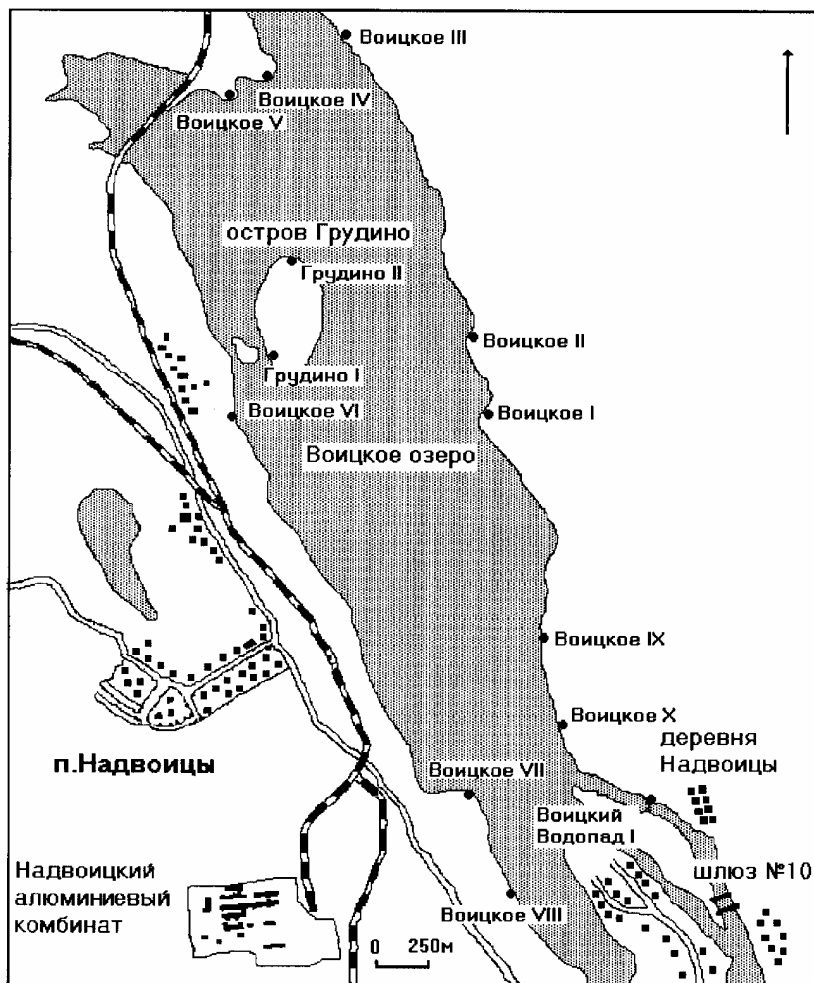

Рис. 1. Схема расположения памятников археологии на озере Воицком

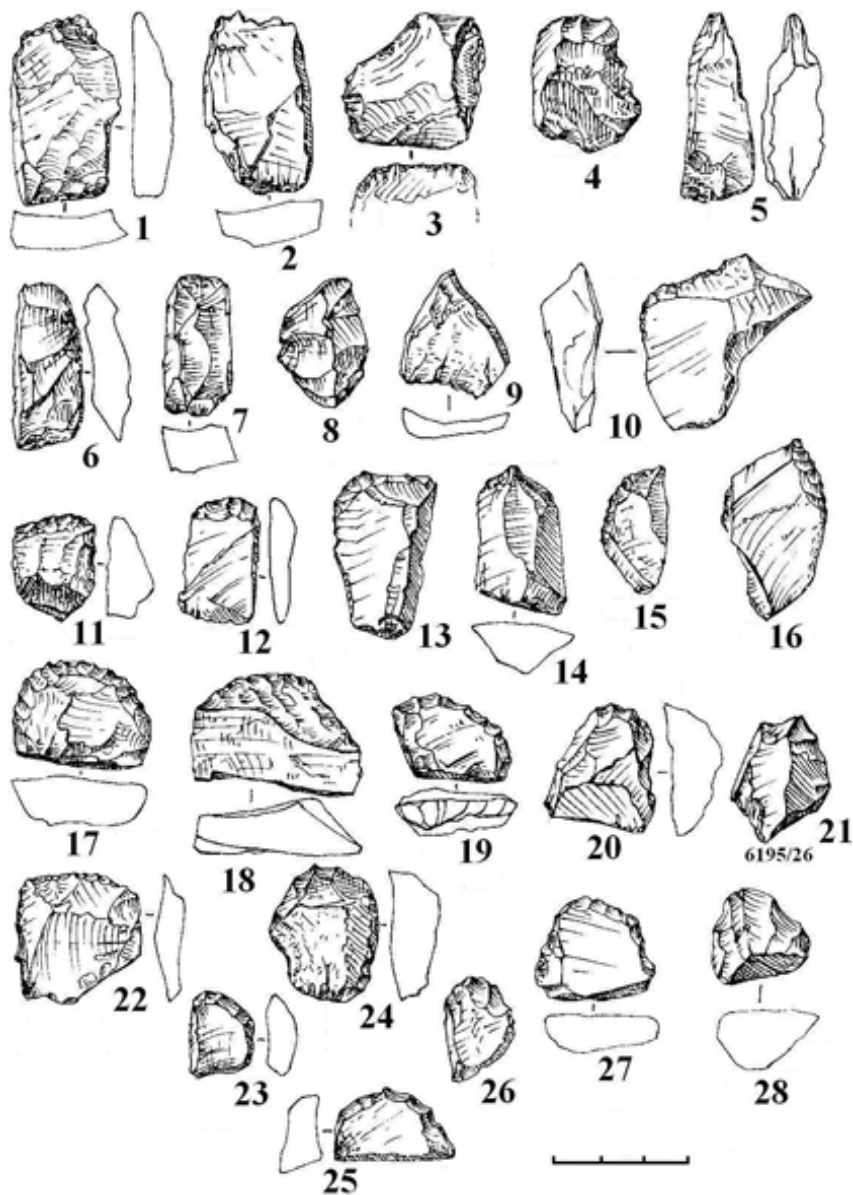

Рис. 2. Поселение Грудино III: изделия из камня

Изделия из сланца представляет только сланцевое тесло размерами 5,5×3,5×2 см прямообушное и овальное в поперечном сечении (рис. 3: 1).

Кремневых изделий всего семь. Это кремневый нож, размерами 5×2,5×0,2 см, обработанный мелкой пильчатой ретушью по двум противоположащим рабочим сторонам (рис. 3: 2). Скребки на отщепах разных размеров и форм, обработанные полуокруглой крупнофасеточной ретушью по одной (рис. 3: 4, 7) или двум сторонам (рис. 3: 5). Два обломка наконечников стрел, один из которых имеет подправку острия мелкой ретушью (рис. 3: 6), другой – полностью ретуширован по брюшку и спинке (рис. 3: 8).

Собранный на поселении Грудино III каменный материал образует единый энеолитический комплекс, относящийся к культуре асбестовой керамики, и датируется III–II тыс. до н. э. Характерными орудиями являются сланцевое тесло так называемого «русско-карельского типа» и кремневый нож, имеющие аналоги на памятниках Карелии. Отсутствие фрагментов глиняной посуды можно объяснить большой фрагментированностью и плохой сохранностью, что не позволило обнаружить ее при сборах 2005 г.

Поселение Воицкый Водопад I располагается в 100 м северо-западнее д. Надвоицы, в 100 м северо-восточнее Воицкого водопада, на высоком берегу, поросшем сосновым лесом (рис. 1). С юга территория памятника ограничена скальной поверхностью, с запада – берегом реки Выг. Высота над уровнем реки составляет 11,5 м, размеры 50×17 м (850 м²). Шурф 2×2 м был заложен в центральной части памятника и выявил следующую стратиграфию: 1) дерн, подзол – 7–8 см; 2) красно-желтый песок с галькой (культурный слой) – 15–17 см; 3) желтый материковый песок с галькой и валунами. Находки в шурфе: один крупный и один мелкий фрагмент ромбоямочной керамики, а также два крупных и один мелкий фрагмент гребенчато-ямочной посуды, два кварцевых скребка, один отщеп кремня (рис. 3: 12) и два отщепа кварца с обработкой (рис. 3: 13, 14), 57 отщепов кварца и кальцинированная косточка.

Фрагмент ромбоямочной керамики размерами 3,5×2,5×0,8 см орнаментирован ромбическими ямками размером 1×0,6×0,5 см, расставленными в шахматном порядке, и горизонтальными поясами отпечатков мелкозубого гребенчатого штампа (рис. 3: 9). Фрагменты гребенчато-ямочной посуды размерами 3,2×2×0,8 см и 3×2,7×0,6 см орнаментированы округлыми ямками размером 0,5×0,5×0,6 см, образующими горизонтальные пояса, чередующиеся с горизонтальными поясами наклонно поставленных вертикальных отпечатков трехзубого гребенчатого штампа (рис. 3: 10, 11). Кварцевые скребки размерами 2,5×3×1,2 см и 2,5×2,2×1,6 см подчетыреугольной формы обработаны крупнофасеточной ретушью по одному краю (рис. 3: 15, 16).

Рис. 3. Поселение Грудино III:

1–8 – изделия из камня; поселение Воицкий Водопад I: 9–11 – керамика; 12–16 – изделия из камня

По керамическому материалу время бытования поселения можно отнести к концу IV – III тыс. до н. э.

Поселение Воицкий Водопад II располагается напротив поселения Воицкий Водопад I, в 350 м северо-западнее д. Надвоицы, в 35 м северо-восточнее Воицкого водопада, на высоком скальном берегу, поросшем сосново-еловым лесом (рис. 1). С юга и севера территория памятника ограничена скальной поверхностью, с востока – берегом реки Выг. Высота над уровнем реки составляет 7,5 м, размеры 30×20 м (600 м²). Разведоч-

ный шурф 16 м² был заложен в центральной части памятника и выявил следующую стратиграфию: 1) красный охристый песок с мелкой галькой – 30–35 см; 2) черный углистый песок – 10–12 см; 3) желтая материковая супесь с галькой. Находки встречались в красном охристом и черном углистом песке. В ходе работ было снято два горизонта и выбрана яма размерами 2×1×0,2 м, подпрямоугольной формы, корытообразной в профиле, с плоским дном, заполненная черным углистым песком. Образец угля из ямы показал определение 8195 ± 55 (Ле-7232).

Керамический материал представлен 24 (32) фрагментами ромбоямочной керамики размерами от 2×2×0,6 до 4,5×3,5×0,8 см минимум от 3 сосудов с толщиной стенок от 0,5 до 0,9 см (рис. 4). Диаметр сосудов не восстанавливается из-за большой раздробленности фрагментов. Среди фрагментов выделено три венчика. Первый венчик прямой, плоскосрезанный, слегка скошенный внутрь, орнаментирован по срезу подовальными вдавлениями (рис. 4: 13). Второй – прямой, округлый, скошенный внутрь, орнаментирован наклонно поставленными оттисками мелкого четырехзубого штампа (рис. 4: 22). Третий – прямой, округлый, скошенный внутрь, с утолщением на внутренней части, орнаментирован овальными оттисками многозубого гребенчатого штампа (рис. 4: 24).

Подвенчиковая часть сосудов украшена горизонтальными поясами подромбических (рис. 4: 24) и подовальных ямок, которые сочетаются с горизонтальными и вертикальными поясами мелкозубого гребенчатого штампа (рис. 4: 13, 22). Большинство фрагментов тулова горшков орнаментировано горизонтальными поясами подромбических (рис. 4: 1–6, 9, 12, 20) и подовальных ямок (рис. 4: 14), расставленных в шахматном порядке, или горизонтальными поясами мелкозубого или крупнозубого гребенчатого штампа (рис. 4: 15–18, 21). На нескольких фрагментах прослежено сочетание горизонтальных поясов подромбических или подовальных ямок с горизонтальными поясами мелкозубого или крупнозубого гребенчатого штампа (рис. 4: 7, 8, 10, 11, 19, 23).

Изделий из сланца, кремня и кварцита насчитывается всего 11 из 334 (3,3 %). Остальные изделия представлены орудиями из кварца: скреблом, скребками, резцами и долотовидными орудиями (табл.).

Изделия из сланца: галька подпрямоугольной формы, подовальная в поперечном сечении, размерами 15×4,5×3 см, со следами шлифования по спинке, возможно, являющаяся заготовкой рубящего орудия, о чем говорят следы оббивки на широком конце (рис. 5: 1); плитка со шлифовкой по спинке размерами 5,5×2,7×1,1 см прямоугольной формы, подпрямоугольная в поперечном сечении (рис. 5: 2); небольшая пила размерами 5,5×2,2×0,6 см на отщепе подпрямоугольной формы с одним рабочим краем (рис. 5: 4). Сланец низкого качества, относящийся к типу глинистых.

Рис. 4. Поселение Воицкий Водопад II: керамика

Инвентарь поселения Воицкий Водопад II

Изделие	1 горизонт	2 горизонт	Яма	Всего
Фрагмент ромбоямочной керамики	9 (11)	14 (17)	1 (4)	24 (32)
Нож, кремьень	1	–	–	1
Обломок наконечника стрелы, кремьень	1	–	–	1
Скребок, кремьень	–	3	–	3
Пестик (?), кварцит	1	–	–	1
Пила, сланец	–	1	–	1
Пила, кварцит	–	–	1	1
Шлифовальная плитка, кварцит	1	–	–	1
Плитка со следами шлифования, сланец	1	–	–	1
Галька со следами шлифования, сланец	–	1	–	1
Скребло, кварц	–	1	–	1
Скребки, кварц	95	166	25	286
Долотовидные орудия, кварц	12	10	1	23
Резцы, кварц	9	3	–	12
Отщеп кремья	4	13	3	20
Отщеп кварца	1239	1521	369	3129
Отщеп сланца	–	2	1	3
Отщеп лидита	–	6	–	6
Кости кальцинированные	–	–	5	5
Итого	1373 (11)	1741 (17)	406 (4)	3519 (32)

Изделия из кремья: скребок размерами 3×2,5×0,5 см на плоском отщепе подпрямоугольной формы, обработанный ровной среднефасеточной ретушью по одному краю (рис. 5: 5); скребок размерами 2,7×2×0,9 см на отщепе подокруглой формы, обработанный неровной, идущей с перерывами, крупнофасеточной ретушью с двух противоположащих коротких краев (рис. 5: 6); скребок размерами 2,5×1,5×0,7 см на отщепе неправильной формы, обработанный неровной, мелкофасеточной ретушью с одного длинного края (рис. 5: 8); полностью ретушированный обломок наконечника стрелы (рис. 5: 7) и обломок ножа с двумя противоположащими рабочими сторонами, обработанными высокой среднефасеточной ретушью (рис. 5: 9).

Изделия из кварцита: пестик (?), представляющий собой овальной формы гальку размерами 4×3,5 см, имеющую следы забитости с двух противоположащих узких концов (рис. 5: 3); небольшая пила размерами 3×2×0,5 см на отщепе подпрямоугольной формы с одним рабочим краем (рис. 5: 10) и шлифовальная плита размерами 10×7,5×1,7 см на плитке подпрямоугольной формы со следами работы по лицевой стороне (рис. 5: 11).

Большую часть орудий из кварца составляют скребки (268), значительно меньше долотовидных орудий (22) и резцов (11) и лишь одно скребло.

Скребло размерами 7×4,5×1,5 см на массивном отщепе подовальной формы обработано с одной стороны сплошной крупнофасеточной ретушью (рис. 6: 1).

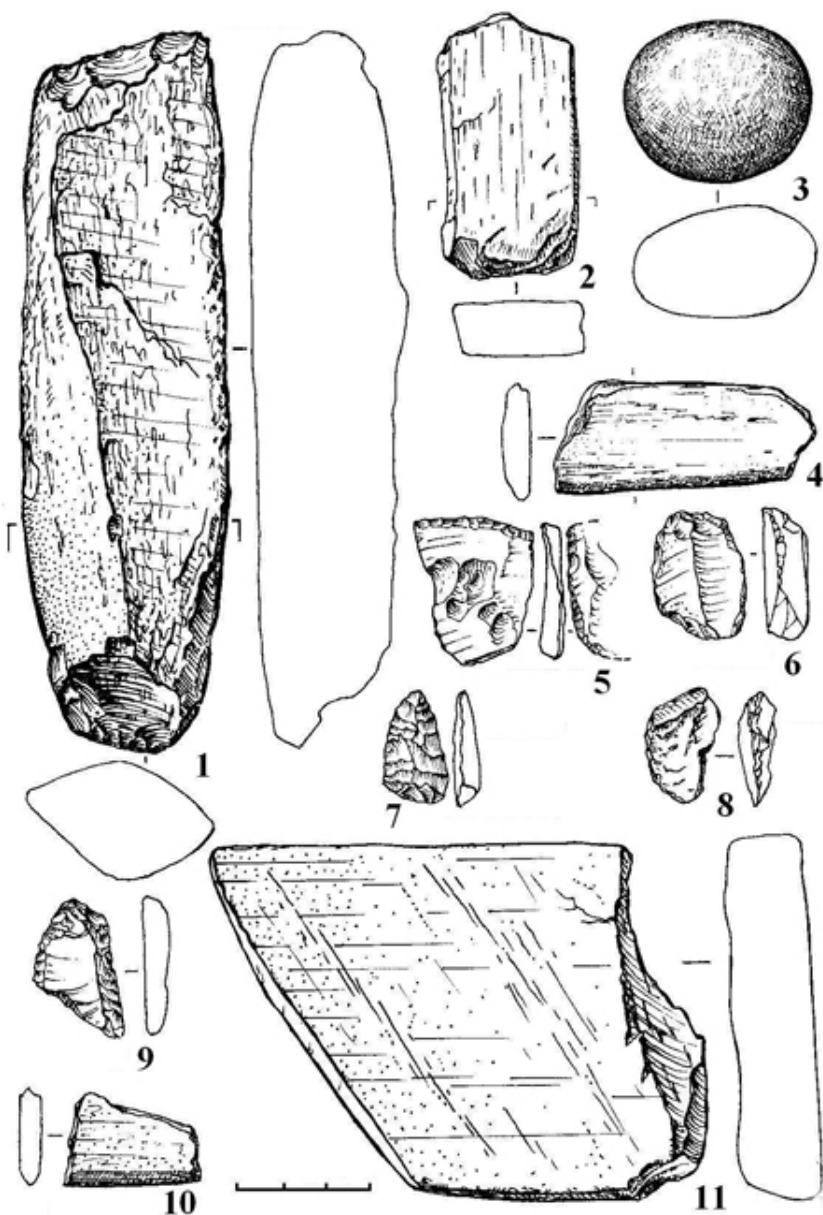

Рис. 5. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

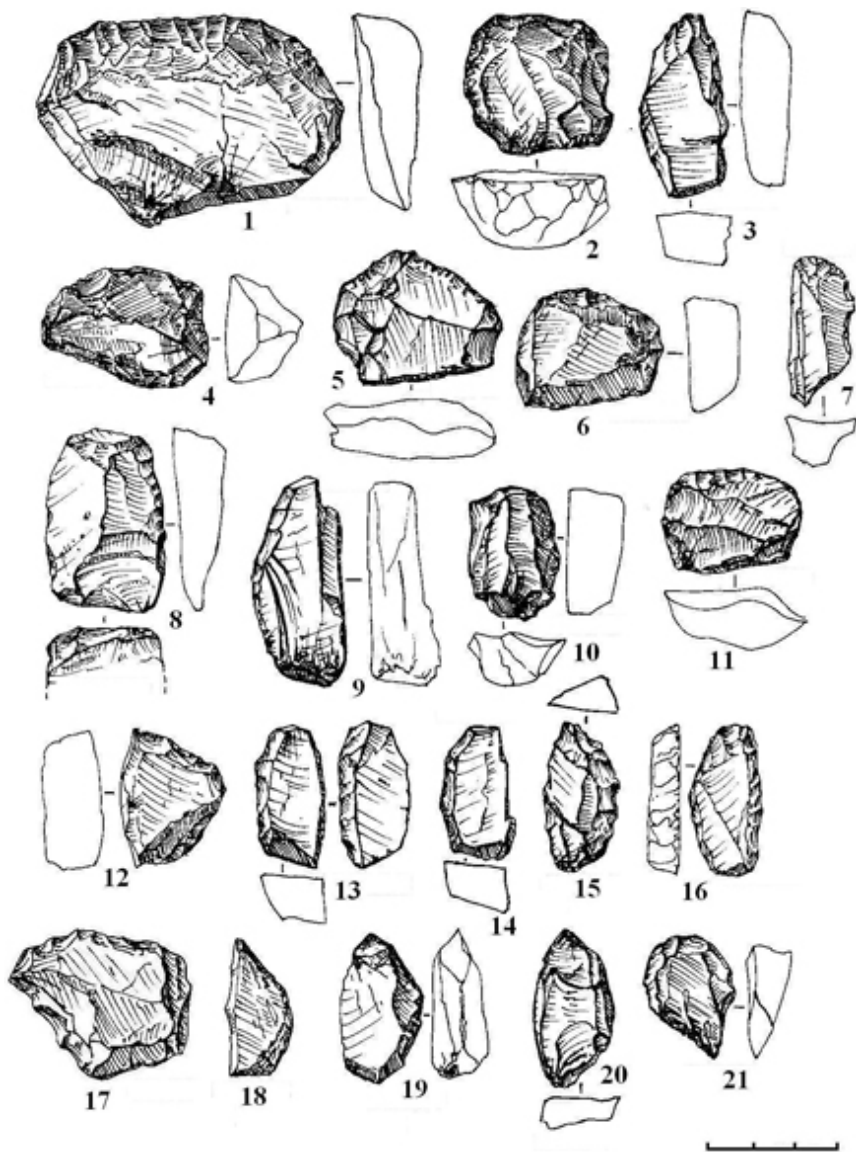

Рис. 6. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

Кварцевые скребки в размерах варьируют, начиная от крупных размеров, от $5,5 \times 4 \times 2,2$ до $1 \times 1 \times 0,6$ см. Заготовками служили мелкие и средние отщепы и осколки. Преобладают подпрямоугольные (рис. 6: 2, 8, 11, 13, 14, 16; 7: 1–3, 10, 15, 16; 8: 1, 4, 6, 12, 15; 9: 11, 18, 21; 10: 4, 24, 25; 11: 4, 7–9, 11, 13, 14, 16, 18, 24, 26, 36; 12: 2, 7, 8, 15, 19, 20, 22, 32, 35, 37, 45, 46; 13: 1, 3–5, 16, 17, 19, 22, 27, 28, 30, 32, 37–39; 14: 4, 10, 11, 12, 19) и подокруглые (рис. 6: 4–6, 8, 10, 11; 7: 4, 5, 12, 13, 14, 18, 20–22; 8: 5, 7, 20; 9: 19, 20, 22, 23; 10: 9; 11: 1, 5, 6, 12, 22, 23, 28, 30, 32, 34; 12: 1, 10, 12–14, 23, 24, 27–29, 31, 38–44, 47; 13: 6, 9, 24, 29, 33, 34; 14: 5, 9, 13, 15, 17), но есть неправильной формы (рис. 6: 3, 7, 9, 17; 7: 6, 7, 9, 17, 19; 8: 9–11, 14, 21; 9: 5, 14–17; 10: 3, 5–8, 11, 12, 16, 18, 21, 22, 27; 11: 21, 33, 35; 12: 4, 16, 21, 25; 13: 12, 21, 25, 36, 40, 42; 14: 1, 6, 14), подтреугольные (рис. 6: 12, 18, 21; 7: 23; 8: 8, 13, 16, 19, 22; 9: 1, 3, 4, 7, 10, 12; 10: 1, 2, 13–15, 20; 11: 2, 3, 31; 12: 3, 5, 30, 33; 13: 2, 7, 8, 10, 14, 15, 18, 23, 26, 43, 44; 14: 2, 3, 18) и подовальные (подромбические) (рис. 6: 15, 19, 20; 7: 24; 8: 17, 18, 23; 9: 2, 6, 8, 9, 13; 10: 10, 17, 19, 23, 26; 11: 10, 15, 17, 19, 20, 25, 27, 29; 12: 6, 9, 11, 17, 18, 26, 34, 36; 13: 11, 13, 20, 31, 35, 41, 45; 14: 7, 8, 16).

Кроме нескольких двухсторонне обработанных изделий (рис. 6: 16; 9: 6, 14; 12: 2, 10; 13: 13, 30), большинство скребков имеют одну обработанную сторону. В обработке изделий представлена как крутая полукруглая крупнофасеточная ретушь, так и пильчатая мелкофасеточная ретушь, которая часто нанесена небрежно и с пропусками.

Резцы изготовлены на отщепках (рис. 14: 20–30). Резцовые кромки образованы двумя или несколькими длинными или короткими сколами, сходящимися под острым углом на выступающем конце. Противоположащее основание толстое и прямое (рис. 14: 20–23, 26–30) или сходящееся на конус (рис. 14: 24, 25). В целом все изделия можно отнести к типу срединно-угловых и угловых.

Заготовками долотовидных орудий служили небольшие отщепы размерами от $2 \times 1 \times 1$ до $3,5 \times 2,5 \times 1,3$ см (рис. 15). В плане девять из них имеют подпрямоугольные (рис. 15: 1–4, 6, 8, 17, 19, 23), четыре – подквадратные (рис. 15: 10, 12, 15, 18), два – подокруглые (рис. 15: 7, 20) и семь – неправильные очертания (рис. 15: 5, 9, 11, 13, 14, 16, 21, 22). Форма поперечного сечения неправильная подпрямоугольная или подтреугольная. Лезвие оформлялось на одном из узких или широких концов поперечным сколом с подправкой ретушью. Обушок толстый и прямой, только у двух орудий слегка суживается (рис. 15: 4, 13). Боковые края параллельны, у трех изделий поперечными сколами подправлена спинка (рис. 15: 10, 13, 14).

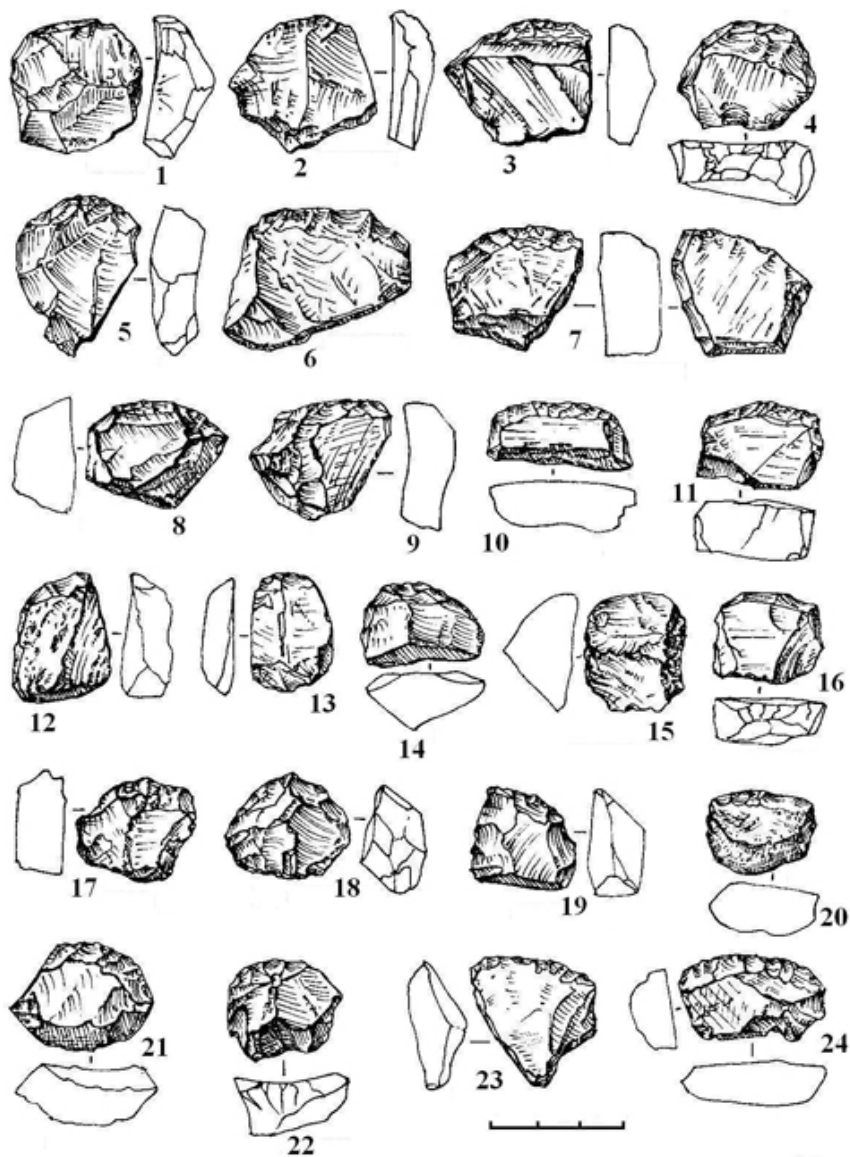

Рис. 7. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

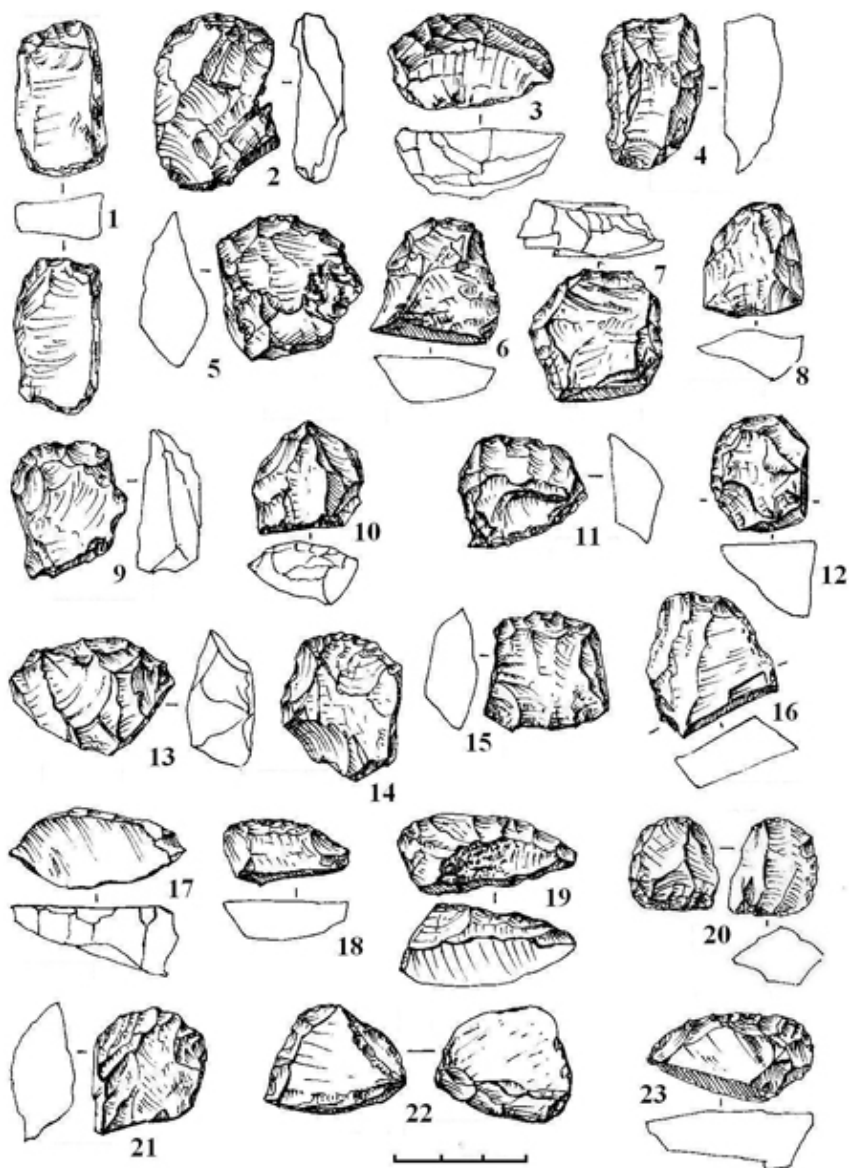

Рис. 8. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

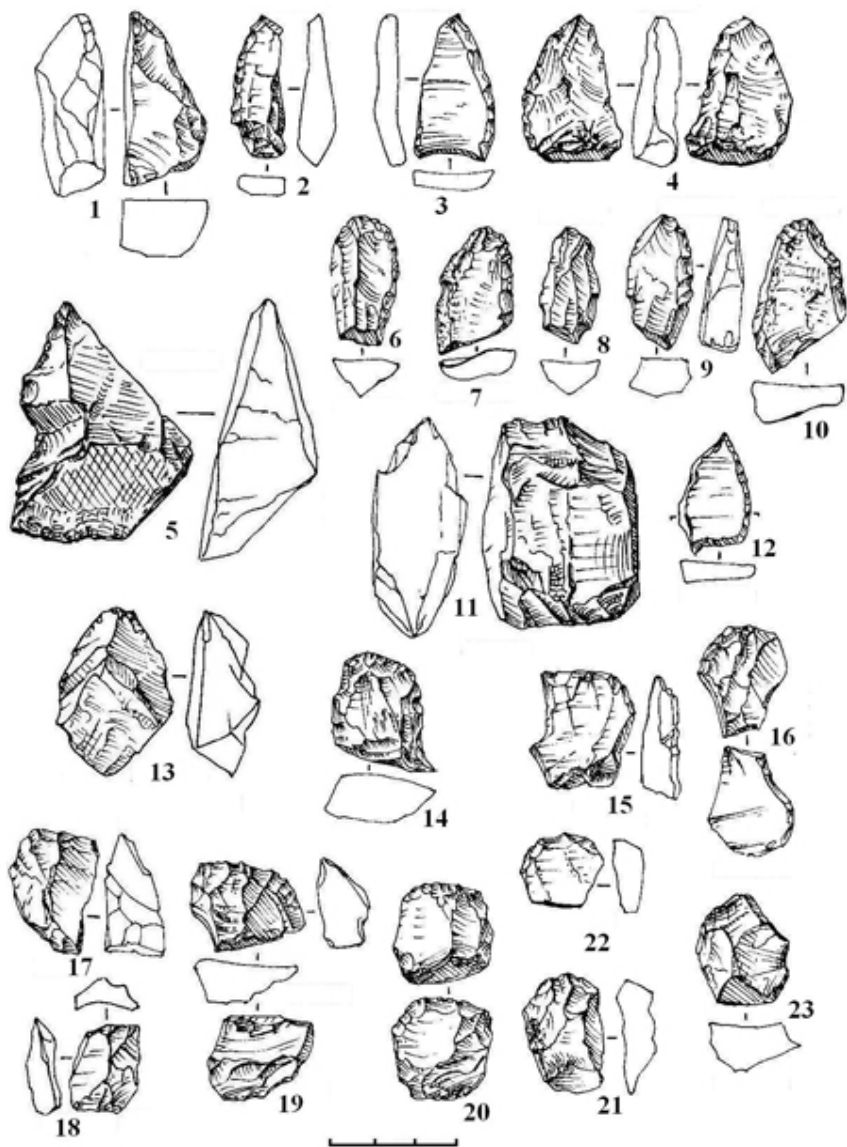

Рис. 9. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

Рис. 10. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

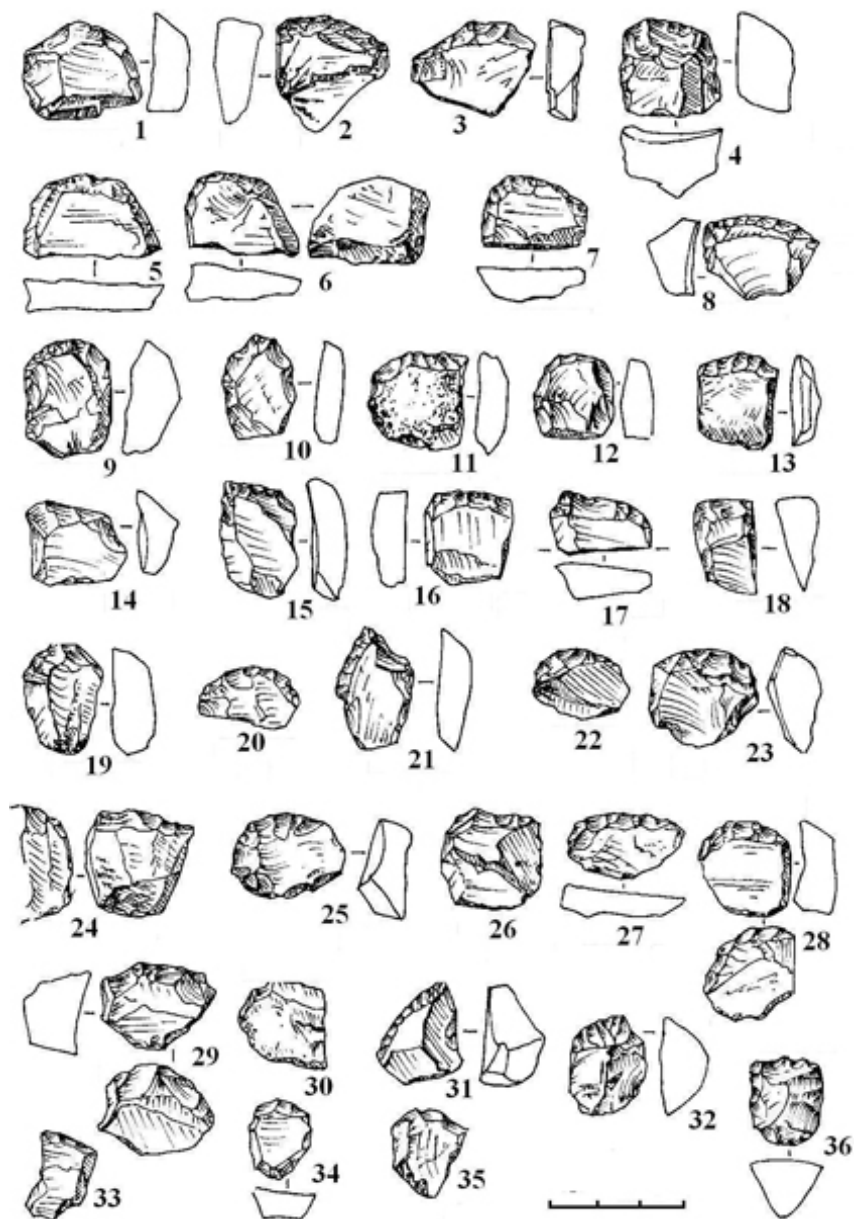

Рис. 11. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

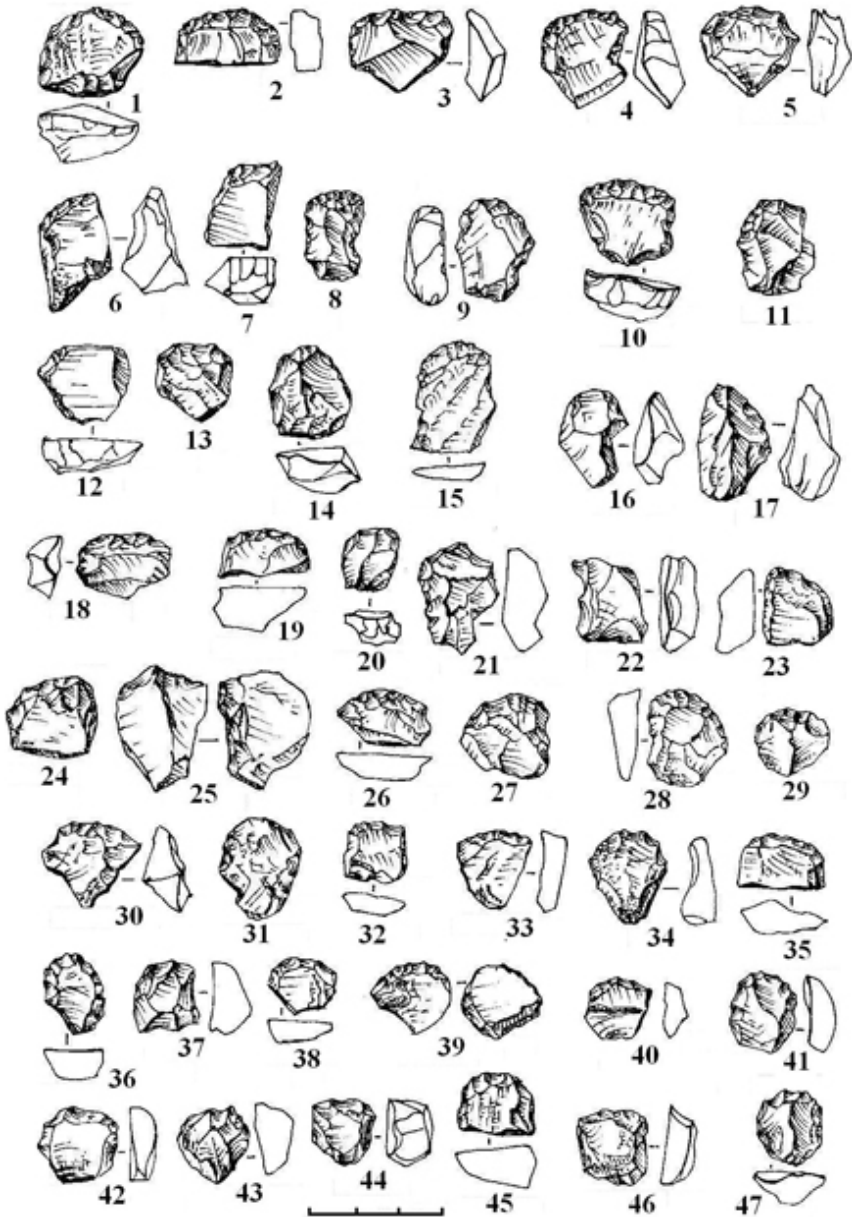

Рис. 12. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

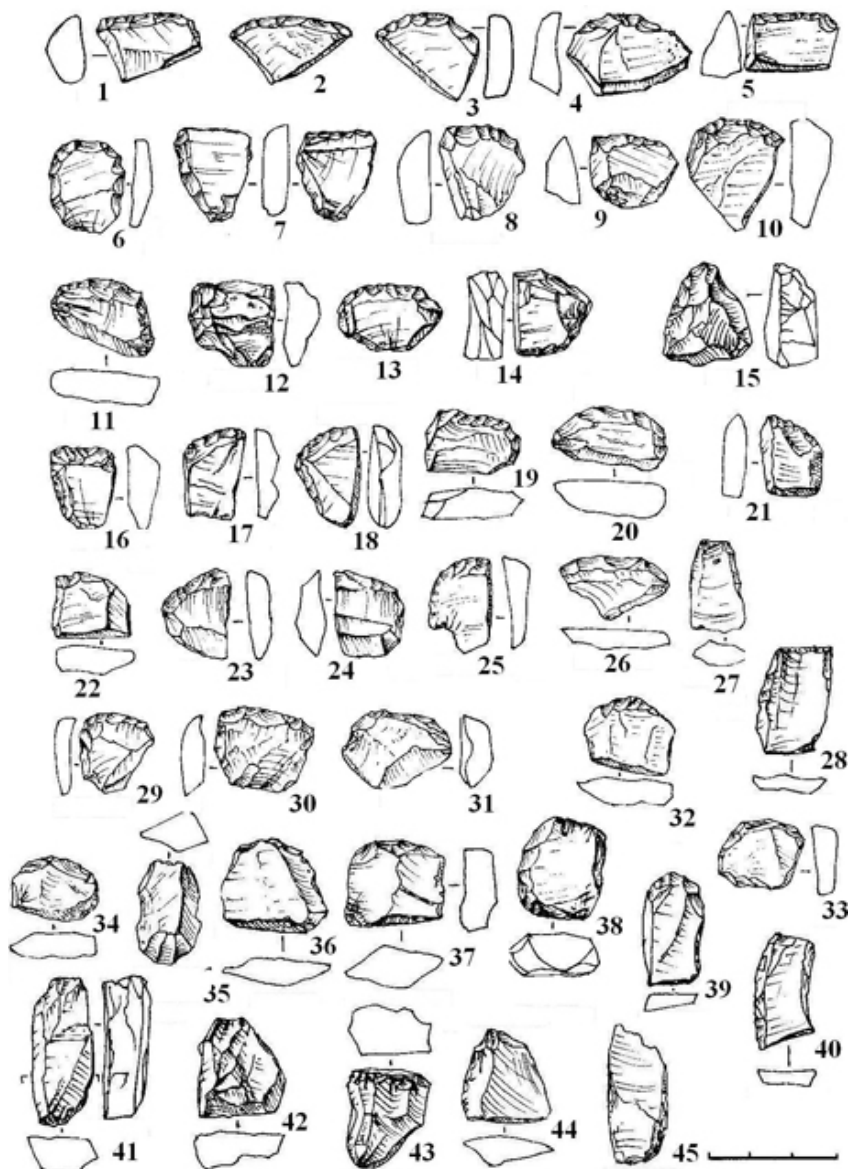

Рис. 13. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

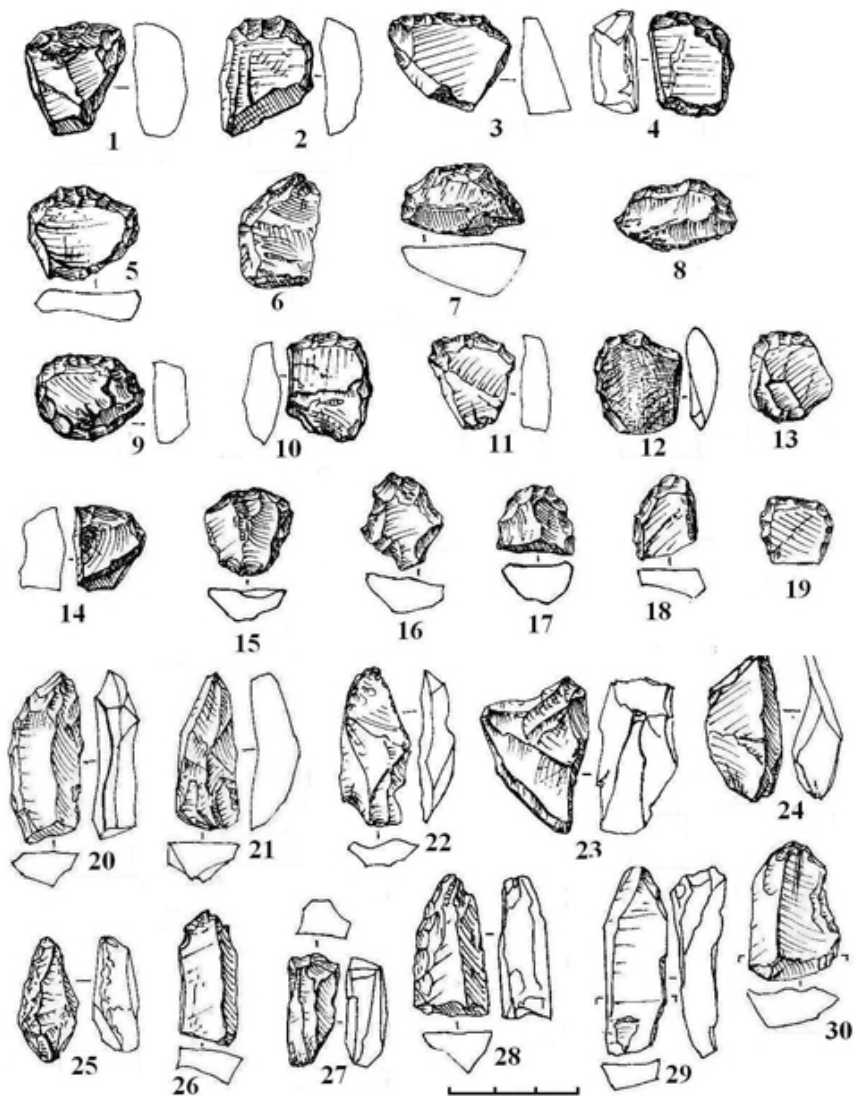

Рис. 14. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

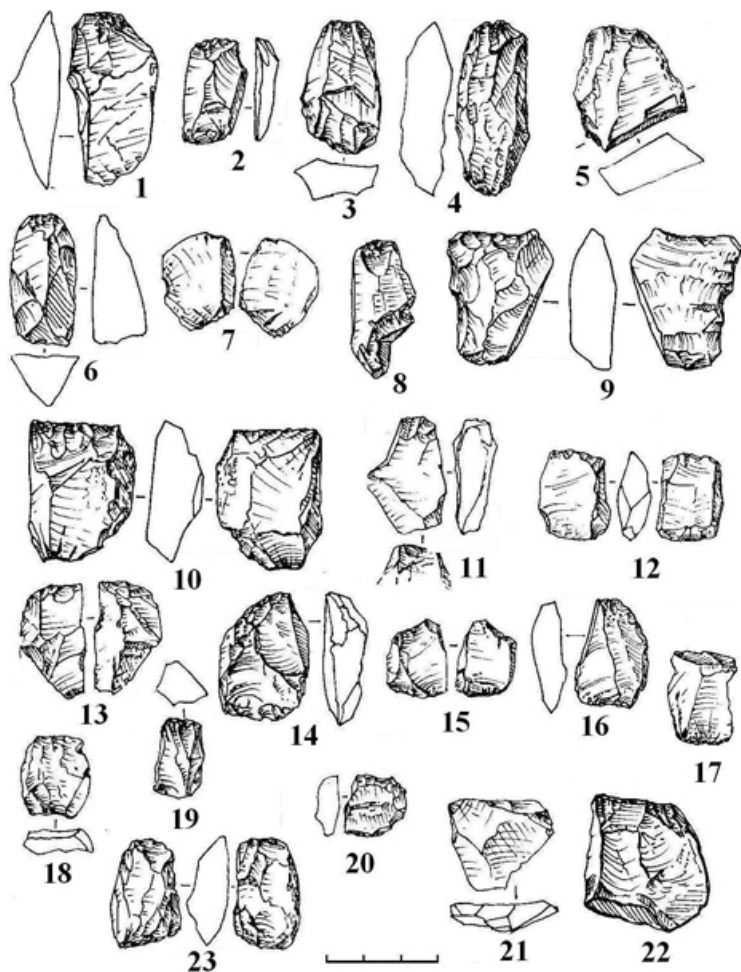

Рис. 15. Поселение Воицкий Водопад II: изделия из камня

Собранный в шурфе керамический и каменный материал образует единый энеолитический комплекс, относящийся к культуре ромбоямочной керамики, и датируется первой половиной III тыс. до н. э. Вместе с тем остается труднообъяснимым радиоуглеродное определение, полученное с культурного слоя памятника. Материалов, точно связанных с мезолитом, на поселении не выявлено, поэтому требуются дополнительные исследования для объяснения данного факта.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКНЦ – Архив Карельского научного центра РАН
Архив РГО – Архив Русского географического общества
Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН
ГААО – Государственный архив Архангельской области
ГАНО – Государственный архив Новгородской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
МИИРК – Музей изобразительных искусств Республики Карелия
КГМ – Карельский государственный музей
КГКМ – Карельский государственный краеведческий музей
НА МЗК – Научный архив музея-заповедника «Кижы»
НБ МЗК – Научная библиотека музея-заповедника «Кижы»
НАРК – Национальный архив Республики Карелия
НРФ – научно-рукописный фонд музея-заповедника «Кижы»
ОГВ – Олонецкие губернские ведомости
ПКОГ – Памятная книжка Олонецкой губернии
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры РАН
ФА УИЛФ КГПА – Фольклорный архив Учебно-исследовательской лаборатории фольклора Карельской государственной педагогической академии

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

А. Е. Мусин. О времени основания и освящения Спасо-Преображенской церкви Кижского погоста	3
В. А. Гущина. Ограда Кижского погоста	13
Б. А. Гущин. О петербургских купцах и промышленниках, выходцах из Заонежья	26
Ю. Н. Кожевникова. Палеостровский монастырь и «антимонашеская» политика государства в XVIII веке	43
Л. С. Харбова. Библиотека Кижского прихода в архивных материалах	52

ЭТНОГРАФИЯ

Ю. М. Наумов. Лодка-кижанка	66
Л. В. Трифонова. Одежда в обрядах, обычаях и мифологических представлениях русских Пудожья и Заонежья конца XIX – начала XX столетия	84

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

С. М. Лойтер. Фольклористика Карелии в «Истории русской фольклористики XX века»	95
Н. А. Криничная. «Карельские эпические песни»: собрание В. Я. Евсеева – важная веха в истории фольклористики	103
Ж. В. Гвоздева. Родословная пудожского сказителя И. Т. Фофанова в свете полевых материалов и архивных источников	109
А. М. Петров. Фольклорный текст в диахронии: архивные материалы как источник для исследования проблемы жанровой эволюции русского духовного стиха	121
Н. Г. Урванцева. Мифологические рассказы Пудожского района (по материалам студенческих фольклорных экспедиций Карельской государственной педагогической академии в национальный парк «Водлозерский» в 2008–2009 гг.)	129
В. П. Кузнецова. Электронный каталог фольклорного архива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН	137

Н. В. Чикина. Проблема составления библиографии ученого (В. Я. Евсеев, Э. Г. Карху)	143
ИЗУЧЕНИЕ ФОНДОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»	
Т. Г. Тарасова. Жители Заонежья на фотографиях второй половины XIX – первой трети XX века (из фондов музея-заповедника «Киж»)	146
ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
М. А. Тарасова. Особенности иконографической программы росписи церкви Успения Пресвятой Богородицы в Кондопоге	166
АРХЕОЛОГИЯ	
И. В. Мельников. Исследование поселения позднего неолита Вожмариха 1 в южном Заонежье	177
А. Ю. Тарасов. Каменная индустрия Оленеостровской мезолитической стоянки в окрестностях острова Киж: техничко-типологический анализ	211
К. Э. Герман. Новые древние поселения на озере Воицком в Сегежском районе Республики Карелия	273
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	293

Научное издание

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 13

Обложка выполнена по образцу сборника «Кижский вестник № 5»
(издательство ПетрГУ, 2000 г.; оформление *Л. Л. Лангинен*,
фото *В. М. Парркинена*)

Редактор *Л. В. Кабанова*
Оригинал-макет *Г. А. Тимонен*

Подписано в печать 24.10.2011 г. Формат 90×60¹/₁₆. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч.-изд. л.17,2. Усл. печ. л. 18,5.
Тираж 300 экз. Изд. № 230. Заказ № 1000

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50
